

БЕН ДЖОНСОН

ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ACADEMIA

БЕН ДЖОНСОН

СОКРОВИЩА МИРОВОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

БЕН ДЖОНСОН
ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

А С А Д Е М И А
МОСКВА ЛЕНИНГРАД

1 . 9 . 3 . 1

БЕН ДЖОНСОН

**ДРАМАТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

**РЕДАКЦИЯ,
ВСТУПИТЕЛЬНАЯ
СТАТЬЯ
И ПРИМЕЧАНИЯ
И. А. АКСЕНОВА**

**ПРЕДИСЛОВИЕ
И. И. АНИСИМОВА**

А С А Д Е М И А

МОСКВА-ЛЕНИНГРАД

1 • 9 • 3 • 1

Орнаментация книги
Е. Д. Белухи

Ленинградский Обласлит № 10336
Отпечатано в типографии «Пе-
чатный двор» Ленинград,
Гатчинская 26, Тираж
4070—233/4 листов
Заказ № 679

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Хотя первые зачатки капиталистического производства имели место в XIV и XV столетии в отдельных городах по Средиземному морю, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию» (К. Маркс. — «Капитал»).

«Начало капиталистической эры» в Англии было связано с бурным ростом суконных мануфактур, что привело к хозяйственному перевороту второй половины XVI столетия. Страна ранее многих других европейских стран вступала в область капиталистических отношений: росл торговый капитал, связанный с мануфактурной промышленностью, стремительно разветвляющаяся морская торговля, а вместе с ней и колониальная экспансия — все это делало Англию второй половины XVI столетия страной капиталистического становления. Вместе с тем как изменялся способ производства, феодальные отношения становились в противоречие с материальными производительными силами общества. На всем протяжении XVI столетия осуществляется распад феодальных отношений; происходит обуржуазивание феодалов-крепостников, приспособляющихся к капиталистическим отношениям, монархия Тюдоров свою феодальную сущность постепенно видоизменяет под воздействием новых общественных отношений. Елизавета, именем которой буржуазная историография имеет обыкновение обозначать вторую половину XVI столетия в Англии, была тесно связана со складывавшимися

буржуазными отношениями. Она дружила с бандитами-колонизаторами в роде Френсиса Драке, она была королевой английских купцов, которых один итальянец XVI столетия метко называет «великолепными мореплавателями и морскими разбойниками», ее министры нередко были биржевиками и промышленниками (Томас Грешем).

При всем этом монархия оставалась все же формой феодального господства и была узлом противоречий, в середине XVII столетия разрешенных буржуазной революцией. Конради очень метко говорит о Елизавете: «Королева, конечно, хотела бы извлечь пользу из капиталистического развития, но в ее груди, кроме капиталистической, жила еще феодально-абсолютистская душа, которая проявляла себя сильнее первой. Это следует иметь в виду, чтобы уяснить себе, что королева Елизавета и ее правительственная система очень плохо соответствовали потребностям современной хозяйственной жизни» (История революций). Абсолютизм до известной степени подчинялся воздействию буржуазных отношений, но он был все же феодальной формой. Противоречия между новым уровнем производительных сил и феодальным порядком с необходимостью должны были возрастать тем более стремительно, чем далее шло буржуазное развитие.

В описании Англии второй половины XVI столетия, данном Гаррисоном (1577), находим замечание: «джентльмены стали торговать овцами, рыцари превратились в шахтеров, сыновья свободных крестьян посещали университет, тогда как люди, пользовавшиеся большим уважением и обладавшие состоянием, сделались скотоводами, мясниками и кожевниками». Меткая характеристика показывает процесс обуржуазивания феодальной знати и распад феодальных отношений. Но это — процесс, связанный с возрастающим сопротивлением фео-

дальной реакции — противоречие между буржуазным и феодальным становится основным противоречием эпохи. Остаются еще широкие слои феодального дворянства, противопоставляющие себя капиталистическому наступлению, они рассматривают монархию, как мощное препятствие развитию буржуазных отношений, как орудие защиты феодального господства.

Вторая половина XVI столетия в Англии является эпохой бурного расцвета буржуазных отношений, расцвета торговли и мануфактурного производства, но всего менее можно понять эту эпоху, не уяснив того, что «золотой век» был периодом, непосредственно подводившим к решительному столкновению между феодализмом и капиталистическими отношениями, которое и разрешилось в XVII столетии в огне буржуазных революций. Революции 1640 и 1688 годов, несмотря на их консервативный характер, несмотря на то, что «бескровный» переворот 1788 года реставрировал короля, с которым буржуазия, казалось бы, расправилась, казнив в 1749 году Карла I, — все же эти буржуазные революции имели своей основой распад феодальных отношений и расчистили путь для победоносного шествия английского капитализма.

Первые четыре десятилетия XVII века являются прологом буржуазной революции. Стремительный рост капиталистических отношений, становящихся во все более резкое противоречие с феодальными отношениями, кризис феодальной монархии, в которой все более побеждает «феодално-абсолютистская» душа, идеологическая «экспансия» буржуазии, выдвигающей в этот период своих многочисленных философов, политиков, художников, все более явная пропасть между феодальными отношениями и новым способом производства, — все это делает первые десятилетия XVII века интереснейшей эпохой.

В области литературы, области очень мало изученной, мы видим, что, подготавливая свою революцию, буржуазия чрезвычайно интенсивно выступает в области искусства. Марксистской наукой еще не исследован этот важнейший период английской литературы. Сравнительно много говорилось о Шекспире, — «елизаветинце», связь которого с рассматриваемой нами эпохой очень тесна, но и здесь не был поставлен во весь рост вопрос об отношении Шекспира к складывающимся капиталистическим отношениям. Совсем не изучено марксистами творчество таких драматургов начала XVII столетия, как Бомонт, Флетчер, Хейвуд, Деккер, Вебстер, Тернер. То же нужно сказать и о Бен Джонсоне.

Творчество Мильтона, крупнейшего поэта английской революции, до сих пор еще не рассмотрено в надлежащей мере. Все это остается очередной и очень актуальной задачей нашей науки.

Бен Джонсон, один из крупнейших писателей начала XVII столетия, является одним из наиболее ортодоксальных в буржуазном смысле. В частности, сравнивая его с Шекспиром, мы убеждаемся прежде всего в том, что он противопоставит автору «Гамлета» как художник, последовательный и непримиримый в буржуазном смысле, как художник свободный от всякой феодальной традиции. Любой творческий акт Бен Джонсона убеждает нас в том, что буржуазная целостность свойственна этому художнику. Он выступает в десятилетия, когда буржуазия в своих непрекращающихся столкновениях с абсолютизмом готовит свою революцию против феодализма — ничего нельзя понять в Бен Джонсоне вне этого основного момента. Буржуазные идеологи выступают во многих областях и в разной форме — у Мильтона мы встретимся с очень последовательно проводимой задачей сделать искусство формой политической проповеди

Бен Джонсон не принадлежит к этим передовым идеологам буржуазии. Его политическая идеология далека от той ясности, которую мы находим у Мильтона, но это не мешает Бен Джонсону осуществлять ту же задачу.

Буржуазная ортодоксальность Джонсона выражается прежде всего в том, что творчество его насквозь *демократично*. Демократизм широкой волной вливается в английскую драматургию этой эпохи, мы встретим черты его, непосредственно связанные с установлением буржуазных отношений, в большинстве драм и комедий этого времени. Лавочник вступает на сцену, разрушая ее феодальную чопорность. У Бен Джонсона эта демократическая направленность выражена гораздо более последовательно и полно, чем у других. Выводя на сцену низы, очень решительно обуржуазивая свою драматургию, Бен Джонсон идет по линии *бытового натурализма*. Он делает попытку, отказываясь от напыщенности романтической феодальной драмы, обратиться к простым, жизненным картинам, воспроизводящим буржуазный мир, он стремится подчеркнуть осуществляемое им «снижение», давая в таких пьесах, как «Варфоломеевская ярмарка» (*The Bartholomew Feir — 1612*) нечто демократическое даже в смысле своей массовости, он выводит на сцену площадную базарную толпу, делаая ее живым и ярким героем пьесы. Вся драматургия Бен Джонсона устремлена в сторону бытовой конкретизации, художник рассматривает буржуазный мир, как нечто имеющее огромную содержательность, как нечто животрепещущее, яркое и сочное. Уже в этом напряженном внимании к буржуазному быту, в решительном отказе от аристократической напыщенности вскрывается буржуазность Бен Джонсона. В драмах Бен Джонсона полно отображена буржуазная действительность, которая для его эпохи была явлением нового мира; уже неразрывно

связывая себя с этой буржуазной действительностью, Бен Джонсон противопоставлял себя феодальному.

В его драмах положительно воспроизведены «деловые люди», у которых каждый шаг — шиллинг, и каждое слово — сделка, и дана углубленная, сочувственная, можно сказать патетическая характеристика буржуазного быта: как и все художники поднимающейся буржуазии Бен Джонсон делает свою драму *драмой буржуазии*.

Этому противостоит ядовитая, презрительная, беспощадная оценка феодальной аристократии. Драматургия Бен Джонсона постоянно возвращается к типу сэра Эпикура Мамона в «Алхимике» (*The alchemist* — 1610) или Варфоломея Кука и других дворян в «Ярмарке». Капитан Бобадиль в комедии «Каждый в своем праве» (*Every man in his humor* — 1598) представляет также характернейшую в этом смысле фигуру. От буржуазного утверждения Бен Джонсон непосредственно переходит к критике классового врага, осуществляя эту критику с такой же последовательностью, силой, как он поэтизировал буржуазные отношения.

Таким образом демократизм Бен Джонсона оказывается вовсе не созерцательным. Это не простое констатирование того, что появились новые люди, а нечто гораздо более резкое. Художник осознает решающее противоречие эпохи для того, чтобы осуществить активный вывод, его творчество буржуазно и антифеодално. Не поднимаясь до Мильтона в смысле политической определенности своих взглядов, Бен Джонсон, конечно, действует в том же направлении. Его демократическая драматургия непосредственно связана с освободительным движением буржуазного класса.

Провозглашая новое буржуазное содержание, Бен Джонсон с необходимостью оказывается новатором и в области формы. Характерно, что Бен Джонсон с огром-

лым упорством работает над вопросами теории искусства — в этом его буржуазная ортодоксальность выражается полно. Опираясь на античную культуру, считая ее необходимым основанием нового искусства, Бен Джонсон сформулировал взгляды на искусство, которые показывают в нем передового идеолога буржуазии. Бен Джонсон был образованнейшим из людей своего времени, этот пасынок каменщика усвоил огромное для человека его времени богатство знаний. Бен Джонсон был убежденнейшим «классиком», он не видел возможности культурного развития вне использования гигантского богатства античной культуры. Задачу художника он всегда связывал с «учебой у классиков». Но мы очень ошиблись бы, предположив, что Бен Джонсон стоит за простое копирование классиков. Он провозглашает рядом с требованием изучения классиков другое требование, глубоко его характеризующее: *художник должен быть верен природе*. Бен Джонсон упорно выдвигает *реалистическую* задачу искусства: «природа не может быть совершенной без искусства, но и искусство приобретает свое бытие только через природу». Таким образом Бен Джонсон чрезвычайно ясно определяет задачу искусства в духе буржуазного класса накануне революции. Бен Джонсон стоит за научность творческого метода, за тесную связь художественного творчества с наукой, теоретической мыслью, Бен Джонсон борется за искусство, ортодоксальное в буржуазном смысле, тесно связанное с той исторической задачей, которую имеет перед собой класс, готовящийся опрокинуть феодальные отношения.

Позже мы увидим, что *реализм и научность* творчества непосредственно связываются у Бен Джонсона с *публицистической* задачей искусства, — все это дает очень цельную систему творческого метода. Так же, как положительному, идеализирующему воспроизведению

буржуазного быта, противопоставляет у Бен Джонсона (резкая) критика феодального дворянства, — научно-реалистический метод творчества Бен Джонсон постоянно противопоставляет разоблачаемой аристократической романтике, вычурности, опустошенной красавости. Еще были актуальны в эпоху Бен Джонсона традиции приторнейшего «эвфуизма», получившего свое классическое раскрытие в романе Лилли, давшем имя всему этому направлению, возникли и новые явления феодально-аристократического искусства. В частности, у Деккера и Марстона эта романтическая слащавость, столь ненавидимая буржуа Джонсоном, проявлялась. Бен Джонсон ведет все время борьбу с этой слякотью, противопоставляя свой научно-реалистический буржуазный метод. В комедии «Бал Цинтии» (*Cynthia's Revels* — 1600) и в комедии «Рифмоплет» (*The Poetaster* — 1601) он развертывает теоретическую борьбу против старого стиля, борьбу запальчивую, страстную, убеждающую нас на каждом шагу, что спором о литературных формах, который лежит в основе этих комедий-памфлетов, целиком посвященных разногласиям в области поэтической теории, решаются существеннейшие вопросы классовой борьбы.

Бен Джонсон беспощадно издевается над приторностью, растленностью эвфуистского стиля и, конечно, последовательность критики Бен Джонсона коренится в том, что он выступает как идеолог буржуазии, борющийся с феодальными отношениями, как идеолог нового искусства, выдвигающий свою положительную программу. В комедии «Каждый в своем праве» Бен Джонсон дает пролог, излагающий его творческую программу. «У меня нет ни тронов, падающих с неба, ни выстрелов и баталий, ни потопления кораблей, но все говорят и поступают как в действительности, представляя верное отражение людей в жизни; я буду рисовать картину

своего времени и смеяться над человеческими глупостями. Герой должен быть не чудовищем страсти, а одним из тех людей, каких мы видим на улицах, с их недостатками и их характером... критика... с благосклонностью отнесется к моим живым людям». Это — буржуазная программа, в которой резко подчеркнута противоположность литературной практике феодальной эпохи.

Здесь нужно сказать, что Бен Джонсон сам был придворным драматургом, и его специальностью являлись «маски», разыгрываемые придворной знатью по разным торжественным поводам. Бен Джонсон был связан в своей литературной деятельности феодальными путями, как и вся буржуазия, еще не сбросившая феодального режима. В роли придворного драматурга и автора «масок» Бен Джонсон был не тем Бен Джонсоном, которого мы видим в его драматургии непридворного назначения.

Две стороны творчества Бен Джонсона разделены очень глубокой гранью. Противоречивость исторического момента нашла в этом свое выражение. Автор придворных спектаклей был автором насквозь буржуазной научно-реалистической теории творческого метода, автором буржуазных драм и комедий. То, что Бен Джонсон писал «маски» рядом со своими драмами, говорит нам о том, что его буржуазная сущность должна была проявляться в эпоху, когда капиталистические отношения побеждали, но еще не была опрокинута система феодального порядка.

Характернейшей чертой творчества Бен Джонсона, вытекающей из всего того, что мы о нем уже сказали, является *проповеднический, морализирующий* его характер. Бен Джонсон ставит перед собой задачу, которую можно было бы определить как *публицистическую*. Театр для Джонсона есть форма решения больших проблем, нечто глубоко содержательное (Бен Джонсон беспощадно

разоблачает всякое «пустозвонство» на сцене), спектакль осознается не как простое зрелище, а как проповедь, — сцена становится кафедрой. У Мильтона, поэта английской революции, эта особенность получит последовательное выражение и определит собою все. У Бен Джонсона, в связи с недостаточной его политической зрелостью, не имеет места явление политического театра, часто за отсутствием ведущей большой политической идеи художник ограничивается малым, — так в «Алхимике» он борется с псевдонаучным шарлатанством, широко распространенным в его время, это — важно, но явно недостаточно, узко — и все же совершенно ясно, что театр Джонсона лежит в том же буржуазном плане, как и творчество Мильтона.

Хорошим примером публицистичности, в которой выражается буржуазная ортодоксальность Бен Джонсона, а с другой стороны — отсутствие большой политической идеи — может служить драма «Сеян» (Sejanus — 1603). Решительно ставит здесь Бен Джонсон вопрос о глубокой содержательности, идейной насыщенности театрального зрелища. В характеристике абсолютизма (за «классическими» одеждами здесь легко различить актуальнейшую современную сущность) Бен Джонсон последовательно осуществляет буржуазную точку зрения, — деспотизм Тиверия изображен здесь так, как мог его изобразить художник буржуазии, готовящей революцию против феодального строя. Здесь Бен Джонсон достигает большой ясности, но рядом с этим он очень смутно формулирует свой вывод. Сеян, который мог бы стать противопоставлением абсолютистскому режиму Тиверия, также оказывается чем-то глубоко враждебным буржуазному мировоззрению автора. Его гибель прекрасно оттеняет гнусность тиверианского режима, но с другой стороны — она используется автором, как пред-

лог для пассивного примиренческого вывода. Бен Джонсон, разоблачая силу, противостоящую абсолютизму в лице Саяна, отказывается выдвинуть положительное начало. Драма утрачивает свою целеустремленность, становится расплывчатой. Можно сказать, что она оппортунистична.

Так обнажается отсутствие большой политической идеи, половинчатость Бен Джонсона. К этому вопросу мы еще обратимся, но надо отметить, что сущность драматургии Бен Джонсона такова, что морализм в духе буржуазной ортодоксальности является ее основой. Публицистичность театра Бена Джонсона — черта, показывающая основную направленность его творчества. Рассматривая драму Бен Джонсона со стороны ее структурных особенностей, мы видим, как публицистическая задача получает своеобразную конкретизацию. Отметим один момент — Бен Джонсон охотнее чем какой-либо из драматургов его времени обращается к прологу, уже это подчеркивает проповеднический смысл драматургии Бен Джонсона, самый текст прологов не оставляет никаких сомнений в их назначении. В прологе к комедии «Каждый вне себя (Every man out of his humor — 1599) автор ставит своей задачей: «Бичевать уверенной рукой пороки своего времени и показать всем этим обезьянам их портрет, отраженный в зеркале размером в сцену, на которой мы стоим». Театр был для Джонсона всегда средством моральной проповеди. Искусство он, идеолог поднимающейся буржуазии, всегда рассматривал, как средство общественной борьбы.

Являясь художником английской буржуазии в эпоху, когда класс подготовлял революцию против феодального порядка, Бен Джонсон однако не был художником передовых, наиболее радикальных слоев буржуазии. Он выступал как идеолог правого, примиренчески настроенного

крыла буржуазии. В чем выражалось своеобразие этой группы, связанной прежде всего с обуржуазившимся дворянством и с буржуазией старых цеховых городов (Маркс отмечает, что «новая мануфактура возникла в морских экспортных гаванях, или в таких пунктах деревенских частей страны, которые находились вне контроля городов с их цеховым строем. Отсюда ожесточенная борьба английских *corporable towns* (корпоративных городов) против этих новых питомников промышленности»). События, связанные с практикой «долгого парламента», явившегося орудием подготовки революционного переворота, весь ход английской революции, раскол пуританского движения сначала на правое «пресвитерианское» крыло и на радикальное крыло «индепендентов» и дальнейший раскол «индепендентов», который привел к борьбе умеренных буржуазных элементов с радикализмом «левеллеров», выражавших по преимуществу интересы среднего крестьянства и городской и деревенской бедноты, — вскрывает наличие консервативных, цеплявшихся за соглашение с абсолютизмом, элементов буржуазии. Бен Джонсона необходимо рассматривать в связи с теми постоянно колебавшимися элементами буржуазного класса, которые в дальнейшем получили свое выражение в «пресвитерианстве». В ряде моментов они помогали движению буржуазной революции, в ряде моментов тормозили это движение, стремясь к компромиссу. Для Бен Джонсона эта особенность проявляется в том, что его искусство не вооружено политической ортодоксальностью Мильтона, хотя и буржуазно в своей сущности.

В отношении к пуританскому движению половинчатость Бен Джонсона особенно ясна. Чем был пуританизм? Меньше всего можно понять это движение, оставаясь в рамках религиозной внешности. Энгельс

видит «весь секрет» аскетической морали пуританства в «буржуазной бережливости». «Трудолюбие, бережливость и скупость являются его главными добродетелями; много продавать, мало покупать — такова его политическая экономия», — говорит Маркс о пуританине. И в другом месте: «человек, накапливающий сокровища, поскольку его аскетизм соединен с активным трудолюбием, — по религии своей преимущественно протестант и еще более пуританин». Пуританизм был насквозь буржуазным в своей сущности движением, формой капиталистического наступления, в этом смысле вся практика пуританства была буржуазно-ортодоксальна.

Естественно, что пуритане составляют армию буржуазной революции. Недаром последовательнейший поэт пуританства — Мильтон — является и великим поэтом буржуазной революции. Ясно, что весь характер творчества Бен Джонсона — его морализм, его реалистическая строгость, его взгляд на искусство как на проповедь, беспощадная критика аристократического растленного искусства, все это сближает Бен Джонсона с движением пуританства. Сближает не по форме, ибо пуритане начисто отрицали театр как «дьявольщину», а Бен Джонсон, так же бешено ненавидя романтический театр аристократов, стремился к новому ортодоксально-буржуазному театру, — а по сущности.

Цели, которые ставил перед собой Бен Джонсон, были, конечно, целями буржуазии, а значит и целями пуританства. Но Бен Джонсон, являясь пуританским художником в своей сущности, не раз дает в своих драмах очень ядовитую антипуританскую критику. Взаблмошный и тупой Реби Бизп в «Варфоломеевской ярмарке» — отнюдь не единственная у Бен Джонсона карикатура на пуританина. Антипуританская направленность очень часто встречается у Джонсона, что стоит, повторяем,

в резком противоречии со всей сущностью его творчества. Как понять это противоречие? Оно коренится в том, что Бен Джонсон был выразителем консервативных, колеблющихся слоев буржуазии, которые рассматривали задачу буржуазного развития в компромиссе с абсолютизмом, а значит и с феодальными отношениями. Выступая как художник буржуазии, Бен Джонсон не поднимается однако до такого ясного и отчетливого представления об интересах класса, как то мы имеем у Мильтона, это сказывается прежде всего в расплывчатости политической физиономии Бен Джонсона, стоящего за буржуазную проповедь, но еще не делающего эту проповедь политической, как то мы имеем у Мильтона. Морализирование Бен Джонсона поэтому лишено политической четкости. Будучи выразителем буржуазного подъема, Бен Джонсон несет на себе черты и консерватизма, противопоставляющие его наиболее передовым художникам современной ему буржуазии. Так теснейшее единство Бен Джонсона и Мильтона должно быть понятно, но вместе с тем и глубочайшая противоречивость, в том смысле, что Милтон, выражающий передовые слои революционной буржуазии, поднимается на гораздо более высокую ступень буржуазной целостности, чем то мы имеем у Бен Джонсона.

Ив. Анисимов.

БЕН ДЖОНСОН

Жизнь и творчество

Вениами́н, а по английскому произношению Бендже-мэн Джонсон, которого и друзья и враги и сам он, в своих подписях, называли сокращенным именем Бен, даже на фоне Елизаветинской эпохи, столь богатой яркими человеческими индивидуальностями, вырисовывается как личность исключительно своеобразная. От своих собратьев драматургов того времени он отличается с самого начала своей карьеры: мы знаем где он родился — в Лондоне, в Вестминстерском участке, на Хартс-борн-лэне, возле Чэринг Кросса. Мы знаем, (а как редко мы знаем это про других драматургов его времени!) и день его рождения — 11 июня 1572 года.

Со слов самого Бена, мы знаем, что дед его (с отцовской стороны) был родом из Анандаля и, переселившись сперва в Карлэйль, оттуда переехал в Лондон на службу к королю Генриху VIII. Можно думать, что предприимчивый пограничник-шотландец нашел, чего искал при дворе окончательного ликвидатора английского феодализма; по судьбе его сына, отца нашего поэта, можно судить, что оставленное состояние стоило того, чтобы о его конфискации заботились. Во всяком случае анандальский предок должно быть носил фамилию Джонстон, так как в этом округе Джонсонов не водилось, а Джонстонов было много и герб, сохраненный Беном (три ромба т. е. три подушки) — герб именно Джонстонов.

Когда выпало «т» из этого имени — трудно установить. Возможно, что отец драматурга счел за благо временно изменить начертание своего имени, которое особенного удовольствия ему не сулило. Он был ревностным помощником короля Гарри в деле изничтожения католиков и при воцарении Марии Кровавой попал в

число протестантов, подлежащих такому же обращению. Был посажен в тюрьму, но избежал смерти и дело ограничилось отобранием имущества. Что было дальше — неизвестно, мы знаем только, что при возвращении протестанства в качестве господствующего вероучения, он стал священником, «строгим поборником Библии». Умер он в 1572 году за месяц до рождения сына.

Бен не знал отца и воспитывала его мать. О ней мы знаем только одну черту, сохраненную преданной памятью сына. Об этом будет сказано в свое время — история, связанная с этим биографическим эпизодом, рисует жену фанатика реформации в плане истинно римской добродетели и суровости.

Бен Джонсону было от кого унаследовать ту непримиримость во мнениях и ту непреклонность в жизненном поведении, которые отмечают всю его биографию. В отличие от большинства современников он имеет таковую и изучение ее поэтому представляет особый интерес. По ней мы можем составить себе некоторое представление о том, как возникла и формировалась личность писателя того времени и какова должна была быть жизнь менее заметного литератора, в условиях тогдашнего быта.

Детство, школьные годы и годы странствований.

Года через два после смерти «сурового поборника Библии», вдова его вышла замуж за соседа и продолжала жить все в том же Чэринг Кроссе, воспитывая сына. Вышла она за каменщика, человека не слишком преуспевавшего, но весьма преданного своему ремеслу и спокойно наблюдавшего за подрастанием пасынка, в котором он намечал себе дарового подмастерья. Надо сказать, что ремесло каменщика, по средневековым понятиям и законодательству считалось почетным и расценивалось как искусство: каменщики тогда были и архитекторами. Обслуживали они главным образом церковное строительство (дома строили деревянные), почему приписывались к клирикам, со всеми вытекающими из того преимуществами, как то свободой от телесного наказания, пытки и смертной казни по уголовным делам.

Отчим, в согласии с намеченным планом использования пасынка, не слишком заботился о его образовании и намерен был привлечь его к укладыванию кирпичей немедленно по окончании начальной школы. Школа эта была приходской, при церкви св. Мартина. Учение в ней продолжалось для маленького Бена недолго. Какой-то «друг», о личности которого писано было довольно много, но установить которую в конечном счете не удалось, принял участие в мальчике, очевидно выделявшемся из среды сверстников, и направил его в Вестминстерскую школу. Здесь он попал в обучение к знаменитому в ближайшем будущем археологу Кэмдену, ставшему его наставником на все время пребывания в ее стенах. Школа была дорогая, Бен не числился в списках «учеников королевы», т. е. придворных стипендиатов, семья его была бедна и оплачивать учебу не имела возможности, однако, по статуту школы два первых ученика освобождались от платы — Джонсону приходилось поневоле учиться усердно. Так рано началась его борьба за существование. В ней он нашел поддержку у Кэмдена, сразу оценившего талантливого ребенка и помогавшем ему настолько, что Бен Джонсон значительно опередил своих товарищей не только в пределах преподаваемых в его классе предметов. Бену надо было торопиться с учением, он торопился не только под давлением своего пламенного темперамента, не только подстрекаемый жаждой всеведения, столь общей всем гуманистам его эпохи, но и по той простой причине, что отчим решительно настаивал на прекращении школьных занятий пасынка: пора было приниматься за кирпичи.

Поэтому, несмотря на то, что автор «Седна» не провел в Вестминстере полного количества лет, положенных на обычное обучение, он, с помощью Кэмдена, успел превысить ее полный курс к тому времени, когда отеческая власть извлекла его оттуда и стала приспосабливать «иному искусству». Так рассказывает сам Бен Джонсон. Он не отзывается дурно об отчине и не устает возносить благодарность Кэмдену, своему «учителю и отцу».

Люди, знавшие поэта в период его славы, вспоминали, как он мальчиком работал над укладкой большой кирпичной стены Линкольн-Ин, на площади, где часовня,

неподалеку от старых ворот (стена жива до сих пор), в руке у него была лопатка, а из кармана неизменно торчала книжка какого-нибудь греческого или латинского автора, которых он продолжал изучать в перерыве работы. Отчиму это не нравилось, положение в семье стало невыносимым и Бен решил разорвать узел. Подобно многим молодым людям того времени он записался добровольцем в экспедиционную армию, направлявшуюся в Нидерланды на помощь тамошним протестантам, воевавшим за свою политическую и религиозную независимость от испанского короля.

Если юноша искал военной славы на голландских болотах, он разочаровался довольно быстро. Английская манера войны и в те годы мало отличалась от характера английских операций на недавнем французском театре войны. Обе армии стояли друг против друга, окопавшись, и ждали. Ожидание и терпение были не в характере Джонсона. Вероятно он утешался мыслью, что ахейцы осаждали Трои целых десять лет, почему и решил воспроизвести на свой страх одну из сцен Илиады. По примеру ее героев он вызвал на единоборство одного из испанских военачальников, победил его и, сняв с трупа врага оружие, торжественно вернулся в свой стан.

Эта героическая сцена наделала шума: недели две о ней, вероятно, только и говорили в обоих укрепленных лагерях и бывшие участники кампании охотно вспоминали о ней много лет спустя. Но самого Бена Джонсона этот подвиг не мог удовлетворить — повидимому, он не того ожидал от войны и скоро вышел из рядов добровольческого ополчения, чтобы вернуться в Лондон, как он говорит, «к оставленным занятиям».

Что это были за занятия? Вопрос остается без ответа. Вероятно следует под этим разумеать и занятия гуманитарными науками, и укладку кирпичей. Возвращение в родные палестины произошло в 1591 году. В 1592 году Джонсону было уже двадцать лет — совсем полное совершеннолетие: от власти отчима он еще не мог освободиться, но вполне мог помышлять о предстоящей счастливой минуте. Во всяком случае сезонная работа дала возможность будущему поэту-лауреату зачислиться в цех каменщиков, это давало ему некоторое легальное по-

ложение в обществе; за неимением лучшего и это годилось. Бен Джонсон оказался в положении несколько лучше, чем те товарищи, которые у него вскорости оказались.

Здесь как-раз фактическая сторона биографии становится крайне бедной. Сам Бен не любил вспоминать об этом времени своей жизни, а враги излагали свои попреки прошлым в форме сатирических реплик комедии — точности от такого способа изложения ожидать не приходится. Попрекали же Джонсона двумя вещами: одна нам известна — тем, что он был каменщиком, другая — то, что он был членом бродячей труппы актеров.

Как он попал в эту компанию, мы совершенно не знаем. Что эта была за труппа — тоже. Факт тот, что труппа ездила по ярмаркам в крытом фургоне и Бен Джонсон играл, где придется, маршала Иеронимо в «Мексиканской трагедии» Кида. Среди своих коллег по фургону, Бен был человек почти знатный: актеры постоянных трупп (тогда такие уже были, хотя и в ничтожном числе), не входя в цеховую организацию города, спасались от несправедливости, зачисляясь по штату дворни того или иного вельможи, но бродячие актеры продолжали числиться по штату «бесправных бродяг» и если фактически и существовали на свободе, то делалось это с попустушения местных властей и в обход закона, который при малейшем недоразумении готов был вступить в силу, со всеми вытекающими из него последствиями. Состоление в цехе каменщиков делало Бена Джонсона исключительно благополучным товарищем: он имел право не только входить в городские стены, но даже и ночевать в пределах городской ограды, он имел право требовать от местных начальников удовлетворения своих законных материальных претензий, выступать в судах и пр. Благодаря такому товарищу труппа приобретала юридическое бытие. Не трудно понять, что положение его в рядах «компаний» было выдающимся. Этим и объясняется, что дебютант с места получил главную роль в популярнейшей трагедии того времени.

Хорошо ли он ее исполнял? Вероятно, публика, собиравшаяся вокруг разборных подмостков, была им довольна. У него была еще юношеская стройность, утраченная им к периоду полемики, в которой Деккер

и Марстон будут поминать его странствия, голос его всегда был великолепен, в искусстве читать стихи он вообще не имел себе равных, а мимировать на ограниченной поверхности площадного помоста не слишком приходилось. К тому же, будучи неизмеримо образованнее своих компаньонов, Бен Джонсон, по всем видимостям, не удовлетворялся работой только над своей ролью, а проходил с товарищами их партии. Так началась та деятельность, о которой все знавшие Бена отзывались с величайшим восхищением, деятельность сценического инструктора, по тогдашнему, а по современному — режиссера.

В период между 1592 (вероятное время возвращения из Голландии) и 1595 годом, Бен Джонсон женился. О его жене мы имеем только его личный отзыв в законической записи Дрюмонда. Из него мы можем вывести заключение, что в наличии имелось полное сходство характеров. Желая себе Бен выбрал по собственному образу и подобию: «упрямую, сварливую, но честную женщину».

Брак был не бездетен. Девочка Мэри и сын Вениамин, родились в период странствий. Девочка прожила только полгода, сын подрастал и становился гордостью отца. Лишений было много: из своего положения в труппе Бен Джонсон не умел извлекать выгод. Он вообще не умел их извлекать, это основное свойство его жизненного поведения. Но известность его в провинции сделала свое дело. Великий антрепренер Генсло принял его в свою лондонскую труппу. Бен Джонсон, на правах каменщика, поселился в Вестминстере, где, например, Бербедж права жителя не имел. Так закончились годы странствий и началась новая карьера: карьера оседлого актера и начинающего драматиста.

ПЕРВЫЕ ДРАМЫ. ПЕРВАЯ ТЮРЬМА.

За время отсутствия Бен Джонсона его родной город сильно вырос. Более чем он приверженные к строительному искусству каменщики понастроили много домов и городок выглядел столицей. Падение Антверпена сделало город на Темзе центром товарного обмена западной Европы. Королева торжественно осватила своим присут-

ствием открытие Лондонской биржи, заступившей место Амстердамской, венецианские банкиры-евреи переносили из Ломбардии в Лондон свои конторы, свое золото. К нему прибавлялось золото, перехваченное отважными мореплавателями у испанцев, на волнах Атлантического океана, где легкие английские суда, построенные по проектам, выработанным еще во времена короля Гарри, удачно справлялись с тяжело нагруженными испанскими галлионами, влачившими в Палос и Кадикс сокровища Инков и адтекских властителей.

Жизнь была ключом. Выписывались из-за границы инженеры и научные эксперты для мелиорации сельского хозяйства и исследования естественных богатств страны, для восстановления заброшенных в давних времена железных рудников и золотых россыпей. Множились проектеры и изобретатели, плодились мошенники и шарлатаны, дворянские недоросли из провинции наполняли аркады среднего крыла Павлова Собора, стараясь перенять манеры у золотой молодежи придворных и студентов школ правоведения, щеголявших и цитатами на мертвых языках и стихами Петрарки или Ронсара.

Бен Джонсон не чувствовал себя отчужденным от этой среды. Он сам был уже большим знатоком древней поэзии и мог переспорить в вопросах античной литературы любого правоведа или студента каждого из двух университетов. Во всяком случае он увидел вокруг себя собеседников — скоро им предстояло превратиться в слушателей.

Генсло быстро разобрался в том, что Бен Джонсон в качестве знатока сценических текстов представляет из себя большую величину, чем актер и решил, не отвлекая его от сценической работы, перевести его, главным образом, на работу драмодела. Драмодел-актер был нужен каждой труппе: написанное членом коллектива по тогдашней судебной практике являлось бесспорной собственностью компании и ее театра. Слуги Лорда-Каммергера (труппа Бербеджа) имели удачу обладать таким актером — Вильямом Шекспиром, компания Генсло (Слуги Лорда-Адмирала) не догадалась до сих пор им обзавестись. Генсло приходилось раньше заказывать пьесы сплоченной группе писателей, известной под именем «академической» (Пиль, Грин, Марло и Кид), но люди это были

ненадежные. Все норовили обставить старика: Грин например и аванс получил и пьесу «Неистовый Роланд» написал и расчет с ним učinили, а потом оказалось, что он ее в другую компанию уже успел продать и ничего с ним поделывать нельзя было. На этот раз, Генсло, как будто не прогадал. Принятый им начально на сделную плату провинциал стал проявлять невиданную энергию. В заштатном театре, в Заречьи, где актеры играли два раза в неделю, а прочие четыре дня Генсло устраивал медвежьи травли (по воскресеньям играть грешно и этот день пропускался) в Парижском саду, Джонсон играл злодея Зулзimana в одноименной пьесе, с тех пор исчезнувшей бесследно. В «Куртине» он руководил обновленной постановкой «Испанской трагедии» и вводил премьеру в те изменения роли старого Иеронимо, какие сам присочинил для себя, в пору своих поездок по ярмаркам и сельским кузнечным площадям. Он чистил и обновлял старые тексты, сваленные в буафорской комнате, между тем «котлом для Вараввы» и «машиной для подвески Авессалома», расходы на которые Генсло с такой аккуратностью внес своевременно в счетную книгу, до нас дошедшую. В ней мы непрерывно встречаем имя «бенжими Джонсона» (орфография старого скупца всегда начинала прихрамывать, как только дело доходило до выплаты гонорара). То ему платят за «добавления», то за сочинение «интриги». Вначале записи последнего рода переобладают.

Они значат, что Бен Джонсону поручали составлять сценарии пьес, по которым текст писался более квалифицированными для Генсло драматургами. По одному такому сценарию почтеннейший Джорж Чапмэн сочинил два акта трагедии (не дошла до нас). Чапмэн был личностью родственной Бену: оба они были первоклассными гуманистами, оба любили филологическую работу, оба переводили древних и вина бога огня в том, что перевод Горация, предпринятый Джонсоном, возможно под влиянием переводов Чапмэна, погиб в дни своего завершения и не стоит на наших полках рядом с Илиадой, изложенной английским балладным стихом и Одиссеей в рифмованных Чапмэном двестишьях.

Дружба этих эрудитов, повидному, возникла в это время и тянулась долго, почти до самой смерти Чапмэна. Имя этого старого сварливого метафизика, блестящего

мастера монолога и беспомощного в интриге драматурга еще не раз нам встретится. Впрочем, Чапман презирал интригу в драме может быть потому, что не умел подчинить ей размах своего лирического философствования. Его чувства передались Бен Джонсону. Интригу он стал презирать, но не потому, что не владел ею, а потому, что она для него стала, благодаря широкой практике по разработке сценариев, вещью слишком легкой, дешевой и потому недостойной серьезного отношения.

Скоро он сам стал писать трагедии и написал их немало. Мы не знаем ни одной из них. Несомненно автор принял меры к их истреблению. Мы можем только пожалеть об этом: те клочки творчества раннего периода Джонсона, которые уделели в виде дополнений его к «Испанской трагедии», говорят о нем как о первоклассном мастере романтического жанра. Но жанр этот был уже разработан в достаточной мере, а любимым делом Джонсона было открывать неизвестное. Поэтому на свои трагедии он смотрел с величайшим презрением, равным которому было его презрение к творчеству своих сверстников. Во всю жизнь, за исключением одного Шекспира, Джонсон привязывался только либо к людям много старше, либо много моложе себя.

«Академическая группа» к тому времени уже вымерла, но ее работа завершалась сверстниками Джонсона, сам он, как автор трагедий, принял в этом участие. Вместе с Деккером он написал две не дошедшие до нас трагедии и сдал собственную «Ричард Горбун» Генсло, который ее не поставил. Сделал он это со зла, но потом, помирившись, как увидим, с Беном, уплатил за нее «беджами» 50%. В 1618 году Бен Джонсон говорил Дрюмонду, что в его фолио помещена только половина всех написанных им пьес. Фолио это включает в себе девять названий — девять, стало быть, в него не вошло. Из этих девяти мы знаем только две комедии «Сказку о бочке» и «Обстоятельства переменились», откуда можно считать, что трагедий Бен Джонсоном было написано не менее семи. Они были настолько хорошо оценены публикой, что Мерес, перечисляя в «Паладис Тамиа» имена английских драматургов, которыми надо гордиться, как эллины гордились Эсхилом, Софоклом и Еврипидом, рядом с Шекспиром и Марло ставит имя Бен Джонсона.

Но Бен, как мы видели, не удовлетворялся ролью одного из славнейших мастеров трагедии. В сатирах Лоджа, в некоторых бытовых сценах Деккера, в иных попытках Марстона и особенно в задорных писаниях Нэша просвечивали некоторые признаки новых возможностей драматического сочинения. Отвращение Чапмена к романтической интриге доказывало от противного правильность намерений Джонсона. Он готовил решительный бой старому елизаветинскому понятию о драматическом представлении и ждал только окончания своей новой работы, чтобы обнаружить себя со стороны, которой ни Мерес, ни поклонники его трагедий в нем еще не подозревали.

До этого времени ему пришлось отвлечься срочной работой. Томас Нэш прочитал компании Лорда-Адмирала сценарий и первый акт комедии «Собачий остров». Актерам понравилась намеченная комедия, она исходила из метода Рабле, но легко расшифровывалась как сатира на Англию, вернее на некоторые стороны провинциальной и столичной жизни на этом острове. Нэш получил аванс, попробовал писать, но по собственным словам «ужаснулся видом своего детища» и бежал на остатки аванса в глубину Норфолька. Театр остался без пьесы. Естественно было обратиться к Бену Джонсону. Ему предложили докончить комедию, т. е. написать недостающие четыре акта. Под пером неистового Веннамина детище Нэша приобрело столь свирепый вид, что после первого же его представления все главные исполнители, с Бену Джонсоном вместе, были отведены в тюрьму, роли и суфлерский экземпляр из театра изъяты, на квартире Нэша произведен обыск с выемкой всех оставшихся там рукописей. В тюрьме оказались актеры Шо и Габриэль Спенсер — премьер труппы. Бену предъявили отягощающее вину обстоятельство: «не только играл, но оказывается еще и сочинил почти всю эту грубую и мятежную пьесу». Дело началось грозно. Тайный совет королевы постановил привлечь к дознанию небезызвестного мистера Фортеस्कью, главного мастера пыточных дел, того блаженного дарствования. Но ему, видимо не пришлось применять своего искусства: актерская братия не проявила никаких склонностей к заперательству. Все же, как всегда бывает в делах политического характера, сидеть

пришлось порядочно. Приказ об аресте был отдан не задолго до 28 июня 1597 года, тайный совет обсуждал дальнейшее течение дела 15 августа и только 3 октября распорядился написать ордер об освобождении всех задержанных, причем на Бен Джонсона ордер выписан отдельный, видимо дело о нем было выделено. В заключении он пробыл таким образом около двух с половиной месяцев.

В этот период театры были закрыты, т. е. представления в них не происходили, что отнюдь не значит, однако, что они бездействовали: шла подготовка к началу сезона. Шо и Спенсер были выпущены к самому открытию театров и лорды тайного совета возможно и воображали, что, приноротив их освобождение именно к этому сроку, они оказывают большую услугу искусству (не забудем, что в тайном совете заседал по этому делу Лорд Адмирал, официальный покровитель труппы Генсло), на самом деле Спенсер, премьер труппы, был лишен репетиционной работы и выступать в новом репертуаре сезона не мог. Это было явным ущербом.

Не меньшим было отсутствие для театра Бен Джонсона; сезон начинался без его участия в режиссуре и литературной подготовке постановочного материала. Генсло было чему досадовать. У такого человека досада принимала формы конкретные — к обобщениям он не бывает способен. Виной всем бедам оказывался Бен Джонсон, который состряпал такую пьесу, что из-за нее испорчен сезон. Возможно, что и Спенсер поддал жару — ему вовсе не доставляло удовольствия сидеть в тюрьме и отставать от коллег в начале сезона, тем более, что это отражалось и на его гонораре. К тому же есть основание полагать, что именно Бену из всех заключенных тюрьма была самой легкой — он мирно заканчивал в ней свою пьесу, чему могли помешать театральные хлопоты, имей он удовольствие находиться в неволе у Генсло. Те, кто знают, что такое театр и атмосфера актерского фойе во время театральных неприятностей, могут себе представить, какие узоры расшивались на этой канве.

Прямых доказательств мы не имеем, но есть основание полагать, что Бен Джонсону пришлось расстаться с Генсло. Произошло это в момент довольно удобный. «Театр»

Бербеджа не работал (сначала из-за тяжбы с хозяином участка, не желавшим сохранять прежнюю арендную ставку при возобновлении договора, а потом из-за начала переноски здания в Заречье) и люди Лорда-Каммергера перешли в соседний театр «Куртину», где до сих пор играла компания Генсло. Театр сделался общим и перейти из одной организации в другую было просто. Генсло утешился тем, что не заплатил строптивому со-труднику за сдавшую рукопись «Ричарда Горбуна».

ПЕРВАЯ КОМЕДИЯ ПРАВОВ. ВТОРАЯ ТЮРЬМА.

Впрочем, Бен Джонсону не хотелось, повидному, связывать свою деятельность с определенным театральным предприятием; ему было выгоднее создать конкуренцию за приобретение своих писаний несколькими из соперничавших между собою компаний. Комедию «Обстоятельства переменились» он дал, например, детской труппе, игравшей в закрытом зале слободы Чернедов (Блекфрейерс). Этот огромный, громогласный и неистовый в выражениях человек питал трогательную привязанность к тринадцатилетним актерам. Об этом свидетельствуют и одна из его лучших эпиграмм и та заботливость, которой он окружил начало карьеры Натаннэля Фильда.

Последний до конца жизни не мог забыть, чем он обязан был урокам, полученным от Джонсона, помимо прямых режиссерских сведений усердно вводившего своего юного друга в лабиринт греческой и римской литературы. Будущий непрезойденный Отелло и драматург— автор изящнейшего «Парламента пчел» считал себя созданием Бена и в качестве актера и в качестве писателя.

«Обстоятельства переменились» была еще чисто романтическая комедия. Правда, характеры в ней достаточно ясно обрисованы, чего тогдашняя комедия собственно не преследовала, но они имеют второстепенный интерес. Главный заключен в авантюрной интриге пьесы, как и полагается романтической комедии. В ней Бен Джонсон показал, насколько он овладел уже мастерством композиции. Четыре интриги, не ослабевая ни на минуту, переплетаются во всех пяти действиях комедии и с чисто латинской последовательностью, изумлявшей Тэна, схо-

дятся и разрешаются одновременно в заключительной стретте. Комедия имела большой успех у публики, но автор ее был этим недоволен. Он видел, что продолжает традицию, которую давно собирался разрушить. В чем же она заключалась?

Она состояла в общем направлении трактовки драматического сюжета. Елизаветинская трагедия (и комедия, воспроизводившая ее в своем плане) отличается от моралитэ средневековья не сюжетом (существовало же моралитэ на тему мести Ореста), а тем, что задачей моралитэ было обслуживать вначале богословие и его нравственные наставления, а потом переводить нормы поведения феодального общества на язык сценических образов. Основной задачей моралитэ являлось отчетливое поучение, формулированное в эпилоге, но выводимое логически из всего последовательно разыгранного представления.

Моралитэ было живуче, как была живуча и феодальная мораль. Известно, что моральные представления изжитой эпохи продолжают свое существование значительно дольше политического существования строя их породившего. Мы сами чуть ли не каждый день встречаемся с этим явлением. Буржуазия, создавая свою идеологию, должна была испытывать нечто подобное же. Орудием борьбы с идеологией феодальной в значительной мере являлся театр. Новые писатели, выдвинутые развивающимся капитализмом, должны были сражаться со старыми пережитками, в том числе и с моралитэ.

Не то чтобы мораль этих представлений была несправедлива, — самая постановка вопроса казалась неправильной. Литература и мышление, в связи с принципом свободного исследования, выходили из необходимого исполнения обязанности быть «служанками богословия», они становились в принципе денностями самодовлеющими. Они отказывались поучать чему бы то ни было вообще.

Не то чтобы они вообще могли поучать чему-нибудь — старая мораль оттого и удерживалась еще, что новой не было, да и не могло быть создано: буржуазия еще не самоопределилась в класс, но именно поэтому она стремилась закрепить за искусством вообще и за драмой в частности право на свободу от поучения. В но-

вом понимании определений Аристотеля, задачей трагедии уже не являлось горадианское соединение «приятного с полезным», а организованное проведение аудитории через ряд впечатлений, главным образом через «ужас и сострадание». В результате, трагедия «не учила чему-то, а делала человека чем-то» (Гёте). В этом ее отличие от моралитэ и причина ее победы над ним, несмотря на то, что моралитэ по своим последним образцам стояло гораздо ближе к непосредственным бытовым элементам лицедейства, чем романтическая трагедия с ее сказочными сюжетами.

Однако разрабатывая задачи, связанные с понятием героической личности, трагедия не могла обойтись без необходимости определить свое представление о личности и оправдать тот первенствующий интерес, который она по своей природе придавала человеческой личности. Ей приходилось тогда привести на смену конкретных моральных выводов общие этические понятия или обратиться в беспредметное развлекательство. В худших своих образцах она и скатывалась к этому уровню, к нему приближались и те ее памятники, сдвигавший пафос которых покоился на чувствах и представлениях, волновавших аудиторию в момент их создания, но к описываемой нами эпохе уже утраченных или сделавшихся привычными до незаметности.

Продветание Англии, достигшее своего высшего проявления в середине царствования девственной королевы, медленно, но вполне ощутимо переходило в депрессию, предвестнику надвигающихся кризисов. Тускнели в памяти те победы, восторг перед которыми в свое время создал «народную гордость», и обеспечил успех драматических хроник. Эра внешнего великолепия и наступательной политики явно закончилась. Внутренние противоречия монархии Елизаветы Тюдор начинали выходить наружу. До окончательного их обострения оставалось много времени, но предвестия будущих боев уже настойчиво, хотя и смутно еще, ощущались передовым, верхушечным слоем нового класса. Его образованные представители, все эти классически-воспитанные питомцы школ правоведения и возрожденных университетов, с которыми культурно так был связан Бен Джонсон, явно видели в себе представителей нового общества,

обязанного определить свое место и свое руководящее положение в стране, закрепив то, что ими фактически уже было достигнуто. Нужно было оценить положение и оценить поведение. Вопрос ставился о необходимости создания новой морали. Ответить на него взялся Бен Джонсон.

В своей комедии «Всяк в своем нраве», он исходит от необходимости показывать на сцене не исключительные, а повседневные личности, не чрезвычайные, а обыденные происшествия, игру страстей, а не преступлений. Личность на сцене приобретает вид *характера*. Характер же человека, согласно учению Феофраста, усвоенному Джонсоном, получается в результате некоторого соотношения различных элементов, составляющих «душевное тело» человека. Активные элементы этого тела по природе своей — сухи, пассивные элементы, играющие роль некоторой соединительной ткани — влажны. Идеальным характером является тот, где все элементы смешаны в равной пропорции; такие характеры редки, в большинстве замечается преобладание одного или нескольких элементов, а следовательно нарушение равновесия элементов активного характера. За счет этой неуравновешенности усиливается значение пассивного, влажного элемента и его-то главным образом и замечают наблюдатели человеческого характера, определяющие человеческий тип по обнаруженному им содержанию влажности: «юмора». Точное название комедии Бен Джонсона и значит «Всякий в своем юморе».

Человек склонен принимать этот свой юмор за нечто весьма ценное, что отличает его от других и определяет как личность, но в этом он только поклоняется своему несовершенству и, развивая свою неуравновешенность, входит в естественные комические конфликты с окружающей средой.

Комедия и описывает во всех подробностях один из таких бытовых конфликтов. Она проникнута очень тонкой проницей, построена на живой и необрывающейся интриге, комизм ее непрерывно нарастает и весело разрешается в прстой и естественной развязке. Она до сих пор идет на английской сцене и столетия, прошедшие с первого ее представления, ничуть не притупили ее остроты. Диккенс любил играть в ней того мелан-

холического капитана Боабдия, которого он предпочитал Фальстафу и в котором безжалостный Бен нарисовал отдаленную и сильно преобразованную карикатуру на свои собственные моралистические склонности, на раннее увлечение театром и «Испанской трагедией», когда подобно своему герою он, отставной военный, голодал в шумной и веселой столице.

Но английские имена комедия приобрела только во второй своей редакции. На сцене она появилась в обычном итальянском одеянии и место действия было дипломатически перенесено если не в Пизу, то в Рим. Воспоминание о «Собачьем острове» было еще слишком живо: Бен Джонсон на этот раз поостерегся лезть в петлю. Он не знал еще, насколько она близится к его короткой и сильно потолстевшей с годами шее.

Комедия, поставленная в сентябре 1598 года компанией Бербеджа с Шекспиром в одной из главных ролей, имела оглушительный успех. Маскарад на сцене исчез. Дощечка с надписью «Рим» никого не обманывала и во всех этих Лоренцо, Просперо, Торелло и прочих «итальянцах» публика узнавала знакомые лица, знакомые характеры и знакомые страсти. Можно с уверенностью сказать, что из числа всех зрителей и слушателей этой комедии только один ею был неудовлетворен. Этим единственным был сам автор.

Зато в компании Генсло успех этой комедии вызвал, как и полагается, взрыв возмущения: ведь эта комедия в нормальных условиях должна была бы поправить дела предприятия, подорванного неприятностями прошлого сезона, неприятностями, в которых был повинен Бен Джонсон (у театра память короткая и актеры уже успели забыть, что «Собачий остров» был принят по постановлению общего собрания труппы и это же собрание поручило Бену дописывать брошенное Нашем произведение). Люди Лорда-Каммергера и люди Лорда-Адмирала пользовались «Куртиной» посменно, ясно, что физического соприкосновения одних с другими избежать было трудно. Какие слова произносились и какие жесты были проделаны, мы не знаем, но кончилось это так.

Премьер Генсло, уже знакомый нам Габриэль Спенсер, оказался нападающей стороной. Он же и вызвал Бена Джонсона на дуэль. Ходить далеко не пришлось. Противники

сошлись неподалеку от «Куртины», в Хогстоне, на лугу. Спенсер помнил боевые подвиги Джонсона и на всякий случай припас себе шпагу на фут длиннее шпаги своего, несклонного к шуткам с оружием, противника. Через несколько дней Генсло писал своему родственнику, компаньону и знаменитому трагику Аллейну:

«Я потерял одного из членов моей компании, что сильно меня огорчило; это габрель, потому что он убит на хогстонском поле рукой бенджимина Джонсона, камешника».

Эпитет — указание на давнюю профессию поэта носит характер, не только указывающий на желание унижить удачливого дуэлянта. Генсло чувал, что проклятый «бенджимин» не упустит случая использовать права клирика, связанные с профессией камешника и, может быть, избежит высежды, которую, по мнению своего старого хозяина, он в высокой мере заслуживал. Генсло не обманулся в Бен Джонсоне, тот действительно вывернулся, хотя сделать это было труднее, чем думал антрепренер.

Правда, дуэль рассматривалась, как простое убийство, в этом смысле и составлен обвинительный акт, варварская латынь которого ничего не упоминает о состоянии необходимой обороны и совершенно упускает из своего внимания то обстоятельство, что убитый Спенсер был вооружен в момент нанесения ему раны под правое ребро, глубиной в шесть пальцев и шириною в один. Преступление чисто уголовное — «человекоубийство», пусть «злонамеренное», но право клириков остается в действии.

Но, во-первых, дела о поединках было предписано наказывать нещадно и без всякого послабления, а во-вторых, Бен Джонсон давно уже не практиковал своей спасительной профессии и претензии его легко было бы отвести.

Но поэт был догадлив. Прежде всего ему надо было выиграть время. У него имелось немало друзей и в числе их он имел таких людей, как сэр Уольтер Роллей и герцог Суффолькский. Как установлено теперь, последний и явился главным ходатаем за Джонсона. Однако, сидя в тюрьме, Бен не имел возможности следить за ходом вмешательства сильных мира сего, ему важно было, чтобы его не сразу повесили. Поэтому он решился на отважную авантюру: он придумал совершить преступление куда более тяжкое чем убийство и отвлечь этим внимание судей. Пользуясь приходом в тюрьму

католического священника, Бен Джонсон внезапно отказался от своего протестанства и вошел в лоно римской церкви, о чем и поставил в известность тюремное начальство. Католики были предметом глубокой ненависти доброго населения Лондона и судей в том числе: они считались врагами государства и переход в это исповедание ставил неопита в положение преступника политического. Его надо было исследовать уже с этой стороны. Новое возможное преступление оттесняло из внимания следователей старое и действительное. Этого и надо было Джонсону.

Обаяние его личности было настолько сильно, что покорило тюремщика и он сообщил узнику, что в его камеру переводятся два шпиона, задачей которых будет заставить Бен Джонсона разговариваться на политические темы и извлечь из него материалы, нужные для обвинения его в преступлении против величества. Молчание было ненавистно Бену, никто больше его не любил громыхать и обличать предержавшие власти, более невоздержного на язык человека не выдали лондонские кабаки, но тут он проявил чудеса самообладания и шпионы не смогли у него ничего добиться кроме евангельского «да-да» и «нет-нет».

Тем временем друзья действовали, политический Бен доказал свою благонадежность, право клириков нашли возможным к нему применить: на «поле, где пасется кобыла о двух ногах», как вежливо говорилось в старинных моралитэ, он не пропутешествовал, но все его с великим трудом собранное имущество было конфисковано и на большом пальце его левой руки было выжжено клеймо «Т». Так буква, выброшенная из фамилии его дедом, возвратилась в семью. Надо сказать, что Бен Джонсон успел выбросить еще и букву «ич», очевидно не желая давать смешивать свою подпись с подписями бесчисленных лондонских однофамильцев.

Знак «Т» должен был читаться: «годен для Тибурнского дерева», иначе говоря «висельник». Он с честью носился своим обладателем и вскоре сделался до того привычным, что все перестали его замечать. Двор королевы Елизаветы состоял преимущественно из висельников по характеру и поведению, хотя и лишенных опознавательного знака. От тюрьмы и от сумы там никто не зарекался и «быль» укором не ставилась.

Дуэль и арест, с нею связанный, состоялись 22 сентября, а к середине октября автор только что прославленной комедии был уже на свободе. Город в лице друзей встретил его с большой радостью. Бен становился необходимейшей фигурой литературной и театральной жизни того времени. Он был деष्टром всех литературных споров, неиссякаемым источником справок по древней истории и литературам, веселым и шумным собеседником, потрясавшим своим громоподобным голосом стекла и самые своды таверн, где авторы и актеры пропивали свои единовременные получки.

Вино была пятая природная стихия, без которой Бен Джонсон не мыслил себе существования и он поглощал его в доброй компании и в неограниченном количестве. Любимым его местопребыванием в то время была таверна Митры, следом за ней шла таверна под вывеской «Трех журавлей», а местом сбора особенно высокого литературного общества являлась таверна «Сирены», где собирался клуб сэра Уольтера Роллея. Бесстрашный водитель английского флота, основатель первых английских поселений в Северной Америке (Виргиния — в честь девственной королевы), подрядчик на открытие Эльдorado и отчаянный пират, грабивший и отводивший в английские порты все груженные золотом суда, независимо от их флага, который он неизменно объявлял испанским, любил поэзию и между двумя абордажами, покачиваясь на волнах безбрежной Атлантики, записывал сложенные только что стихи, где этот блестящий и редворец и беспощадный корсар говорил о цветах у родного ручья, о дымчатом небе своего острова и о милом пении белокурых девушек, поглядывающих на ту же звезду, которая загорается сейчас над пенными волнами океана.

Если прибавить к этому неизменную дружбу знаменитого Кэмдена, глубокое уважение Сельдена, испытанную преданность поэтов Донна и Брука, постоянное внимание со стороны многочисленных потомков и свойственников Филиппа Сиднея, мы увидим, что нищий висельник мог чувствовать себя достаточно спокойно в своем родном городе и не имел основания унывать. Пребывание в тюрьме дало ему возможность еще раз проверить основания своей новой драматургии.

Выше говорилось, что Бен Джонсон был, вероятно, единственным зрителем, оставшимся недовольным первой комедией нравов. Она не удовлетворяла тем, что была принята слишком восторженно, т. е. не вызвала того естественного сопротивления, которое неизбежно выпадает на долю всякого радикального новшества. Бен Джонсон, разбираясь в причинах единогласного сочувствия, нашел, что они вероятно сводятся к тому, что интрига его комедии оказалась господствующей в композиции, чем заслонила новизну трактовки ролей. В той комедии, за которую он принялся, Бен решил занять еще более крайнюю позицию.

Будучи поклонником сиднеевской «Защиты поэзии», он осуждал практику этого поэта, равно как и поэзию Спенсера за отсутствие в них того, что он называл «декорумом», за то, что они писали «никаким языком», иначе говоря, что все действующие лица этих поэтов говорят одинаково. С тех пор на сцене произошли все-какие перемены, но они пришли самотеком и организованы не были. Обычно спецификация ролевого словаря сводилась к введению местных диалектов в прозаические эпизоды клоунады, героические же персонажи, изъяснявшиеся белым стихом, попрежнему продолжали говорить на нейтральном литературном наречии, общим и для королей и для слуг, для добродетельных девиц и для прожженных злодеев. Главной заслугой своей комедии нравов Бен Джонсон считал последовательное проведение словесной характеристики персонажей. Если интрига мешала разглядеть это новшество, интрига была вредна и во второй комедии нравов ее следовало убрать. Вокруг чего же группировать действие на сцене? Чем связывать отдельные характеры? На этот вопрос имелось два ответа. Один давала практика моралитэ, другой — комедия Аристофана. Надо ли говорить, что Бен Джонс избрал второй путь.

**ВТОРАЯ КОМЕДИЯ НРАВОВ. ВОЙНА ТЕАТРОВ.
ВМЕШАТЕЛЬСТВО ЗВЕЗДНОЙ ПАЛАТЫ.
ОТКАЗ ОТ КОМЕДИИ.**

Изложив в тридцати строках одной из реплик пролога историю греческой драмы, Джонсон вводит заключение о полной законности свободного обращения с

понятием комедии и своим праве на любую вольность. Комическое заключено в смене положений, в сочетании характеров, а не в повествовании, только отвлекающем впечатлении зрителей. Комизм — противоположность серьезности—он только усиливается от введения серьезно комментирующего действия хора. И Джонсон вводит хор, правда не поющий, но рассуждающий. Сюжет комедии «Всякий вне себя (своего юмора)» сводится к следующему общему положению: всякий желающий исправить односторонность своего характера и делающий это, исходя из своих личных желаний, подчиняется все той же своей порочной неуравновешенности и в результате не исправляет своего недостатка, но только усиливает именно то, что является этим недостатком, так как самое понятие индивидуальности основано на наличии преобладания одного из элементов характера, т. е. нравственном уродстве. Первая комедия, основанная на том же положении, не давала ответа на вопрос: как же исправить неуравновешенность строения характера, как преодолеть индивидуализм? Бен Джонсон предложил себе указать разрешение вопроса во второй своей комедии.

Ответ этот таков: отдельная человеческая личность неспособна совершенствоваться, пока она упорствует рассматривать себя, как самоцель, она способна устроить внутреннее равновесие только тогда, когда станет рассматривать себя как полезную часть некоторого общего целого и начнет перестраивать себя в работе на общее благо. Общее же благо или общее достоинство, общая вещь — республика — государство. Поэтому в развязке комедии должно было появиться на подмостках лицо, отнюдь не входившее в состав труппы — королева Елизавета. Затем фантастическая, явно неосуществимая и потребовавшая изменения редакции финала, еще более запутавшего и без того трудную для понимания нормального зрителя пьесу. Тем не менее она имела успех, меньший, чем первая комедия прав, но успех достаточно шумный, хотя и специфический.

Дело в том, что, не находя в комедии привычного цемента интриги, публика, захваченная разнообразием жизненных типов, проходящих перед ее вниманием, приступила к истолкованию комедии по своему. Ясно

что только достаточно, образованные и умеющие слушать ученики классических колледжей (им и посвящена пьеса) смогли отыскать следы авторских намерений. Нормальный зритель (а не слушатель, Бен Джонсон резко различал эти две породы театральных посетителей) видел только комических персонажей и жизненность их внушала ему мысль о портретности. Он стал искать оригиналы карикатуры и нашел их в большом количестве рядом с собой. Оставалось найти ключ, для того чтобы сделать правильный выбор из представшего многообразия. Так за комедией установилась репутация личной сатиры, а на автора ее стали смотреть как на насквильянта. Такая слава приобретает всегда очень легко, но отделаться от нее тем труднее. Бен Джонсон слишком презирал «псевдешественных газетелей», чтобы принять меры к рассеянию их неправильного мнения о пьесе. Может быть она поэтому и делала сборы — пусть смотрят: с паршивой овды хоть шерсти клок.

Выше говорилось уже, что в своей личной жизни, Джонсон меньше всего был склонен сдерживать резкость своего разговора и высокомерие своих суждений, тем более остроу своих шуток. Это доставляло большое наслаждение слушающим его друзьям и вероятно являлось не последним основанием того очарования, которое исходило от неукротимого собеседника. Но все имело свои границы: друзья радовались суждениям Бена Джонсона до тех пор, пока он не обращал своей оценки на них самих. Тогда картина резко менялась. Бен Джонсон знал это свойство своего характера, но с обычной непримиримостью заявлял, что «льстить неспособен, даже под угрозой смерти, и готов скорее потерять друга, чем возможность состричь на его счет».

Среди поклонников страшного Бена имелся поэт Джон Марстон. Всего на три года моложе автора комедий нравов, он придавал себе вид ученика и скромного поклонника. Он постоянно был за столом, где обедал Джонсон, писал в честь его хвалебные эпиграммы, прославлял его выше облаков в предисловиях своих драм, одним словом раболепствовал, как умеют раболепствовать поэты, сознающие неудачность своих работ и надеющиеся научиться у знаменитости. Втайне такие люди о себе высочайшего мнения и твердо уверены, что обхажива-

емая знаменитость может одним-другим словом пробудить дремлющую в них гениальность, но только не хочет этого. Отсюда недалеко до объяснения этого нежелания страхом перед талантливостью поклонника, который, если научится, легко затмит сегодняшнего мастера. Поклонники этого рода парод ненадежный, и осторожные мастера избегают окружать себя ими. Бен Джонсон осторожностью никогда не отличался и до поры до времени терпел присутствие Марстона.

А тот изнемогал от старания. За несколько месяцев до премьеры второй комедии нравов, Марстону поручили помолодить текст одной старой пьесы. Она была хорошо известна публике и персонажи ее стали типами нарицательными. Марстон решил переделать пьесу во славу учителя. В старой комедии имелся педант-схоласт, по имени Хризоганус, Марстон решил изменить характер и в лице Хризогануса изобразить истинного ученого, борца с невежеством — Бен Джонсона. К сожалению он не справился со своей задачей, да к тому же оставил старое имя Хризоганус. Публика, привыкшая считать Хризогануса набитым дураком, не оденила марстоновских новшества и продолжала издеваться над старым знакомым. А Марстон не поспешил на личные намеки: знающему Джонсона легко было узнать в новом Хризоганусе попытку изобразить Бена-эллиниста. Так завершились благие намерения Марстона. Вряд ли Бен скрыл от него свое неудовольствие по поводу таких похвал и такого их результата. Почитатель съезжился и приготовился к наказанию. Оно не приходило и он стал с подозрительностью прислушиваться к тексту премьеры. В речах одного из действующих лиц, бездарного писака, приводится целый каталог безграмотностей. Среди них шесть (ничтожный процент) оказались принадлежащими некоторым произведениям Марстона. Этого было достаточно — Марстон счел себя публично опозоренным и решил мстить.

К сожалению не он один был в обиде на автора. Вторая комедия нравов была, во славу первой, принята заранее труппой Шекспира и ею открыли сезон в новом, собственном театре в Заречьи — знаменитом «Глобусе». Однако, Шекспир отказался от участия в представлении: ознакомившись с текстом он не нашел

в нем роли, соответствующей его дворянскому достоинству (джентльнес). Мотив достаточно невразумительный и оставшийся до сих пор загадочным. Мне кажется я нашел ему объяснение. Дворянское достоинство, конечно, ничего общего не имеет с настоящей причиной Шекспирова неудовольствия, хотя в те времена автор «Ромео» был уже человеком солидным и почтенным.

Тем менее приятно было ему напоминание о бывших его дебютах и неприятностях, чинимых «академической группой». Тогда умирающий Грин призывал своих коллег к травле «вороны, нарядившейся в наши перья, полагающей себя единственным потрясателем сцены (Шекспир)». Травля, было, уже началась. Кид в «Ардене» вывел двух «убийц» — одного звали Черный Виль, другого Шекбег и в тексте их имена располагались так, чтобы получалось одно имя Черный Виль Шекбег. Чума закрыла театры и не дала тогда разгореться кампании. Все это было неприятным воспоминанием, отошедшей в прошлое, карьеры переодевальщика пьес. Бен Джонсон же, перечисляя театры, устами одного из действующих «вне себя» лиц предлагает итти хвастаться новым табаком в театре Бегшот. Острота неуместная, может быть, но слишком заметная. Возможно, что Шекспир ее и проглядел бы, но кто-то из добрых друзей остановил его внимание на этой строчке. Почему бы этим доброхотом не быть Марстону? В дальнейшей драке мы увидим Шекспира бок о бок с автором «Недовольного» и «Мести Антонио».

Вначале он пробовал оставаться в стороне и когда Марстон написал «Увеселение Ваньки-Дурака», сатирическую пародию на вторую комедию нравов с карикатурой Джонсона на главной роли, ставить ее пришлось средствами детской группы певчих собора Павла. Бен Джонсон не остался в долгу и ответил комедией «Бал Цинтии». Здесь уже действительно имеется порядочно жесткая карикатура на Марстона, да заодно слегка прихвачен и Деккер, с которым Марстон, как известно было автору, сговаривался писать новую пьесу. Шекспир, продолжая соблюдать нейтралитет, отказался принять к постановке комедию Джонсона и она пошла в другой детской труппе «Детей придворной капеллы».

Успех был своеобразный — успех скандала. Лондон впервые видел сражение двух драматургов, поражавших друг друга дельными комедиями. Дети стали зарабатывать больше взрослых и сами того не замечая, в увлечении своей собственной конкуренции, настолько оттянули к себе публику больших театров, что некоторым из этих «взрослых» предприятий пришлось спешно налаживать поездки за пределы британской столицы. Шекспир оставил об этом происшествии несколько строк в трагедии о Гамлете: непосильной конкуренцией с актерами-детьми вызвана поездка английской труппы в Данию и ее появление при дворе короля Клавдия. В этом тексте указывается довольно ясно, ссылкой на «статую на крыше театра», что дело идет о собственной труппе Шекспира из театра Глобус — очевидно и это новое здание не было охранено от ущерба злободневным состязанием драматургов. Стоять в стороне от драки уже не приходилось, надо было выступить на той или другой стороне. Мы видели, что у Шекспира имелись некоторые личные основания быть недовольным своим гениальным другом и неудивительно поэтому, что, попытавшись выдержать нейтральную позицию, он отступил с нее в лагерь врагов Джонсона.

В комедии «Бал Цинтии» сводятся счеты не только с Марстоном и Деккером, в ней имеются намеки на лид, нам неизвестных, но в свое время очевидно узнававших себя в этой общей сатире, на самовлюбленность и пусто-порожность придворных, на идиотскую глупость их развлечения и на необходимость для Цинтии (т. е. Елизаветы) научить их уму разуму, как она только что проучила Актеона. Актеон, надо сказать, еще не был растерзан собаками, и приключения его носили, пока, характер, вполне пригодный для комедии. В жизни он назывался лорд Эссекс и, поссорившись со своей старухой-возлюбленной, вломился мириться в ее будуар, застав ее за причесыванием своих седых волос. К той поре, по словам Бен Джонсона, королева уже велела вынести из дворца все зеркала, а в домах, где бывала, предлагала до своего приезда, завешивать имевшиеся там отражательные приспособления: она не хотела сама видеть даже накрашенного своего лица — насколько же было ей неприятно фигурировать перед Актеоном в утреннем

неглиже. Конечно, мира не последовало, напротив того предрезостный нарушитель святилища был изгнан из замка, отлучен от двора и даже, хотя и номинально, подвергнут домашнему аресту до распоряжения.

Эссекс был меценатом, актеры много были ему обязаны, в театральной среде сочувствие было явно на его стороне, на его же стороне было большинство двора. Против Эссекса никто не смел еще выступить — все полагали, что ссора влюбленных окончится в ближайшем времени. Джонсон оказался прозорливее большинства и смелее многих. В эпоху всеобщего молчаливого осуждения своей строгости, Елизавета получила поддержку и похвалу только от этого поэта. Вряд ли она ей обрадовалась, — во всем королевстве похвалил ее только бывший каменщик, католик (т. е. предатель) и клеймный висельник. Не поздоровится от услуги такого защитника. Но Бен Джонсон вряд ли рассчитывал на награду своего усердия — он действительно предвидел, а может быть знал больше, чем другие, о ближайших намерениях Эссекса, и, вторично обращаясь к авторитету своей королевы, только подчеркивал лишний раз свою точку зрения на общественно-государственное значение, которое он придавал своей поэтической деятельности. Ведь задачей поэта он считал наставление человечества, ведь в Марстоне он преследовал и обличал, защитника теории искусства, как развращения и забавы, оставляя своим противникам легкую сторону, личной карикатуры.

Объединенные сатирой Марстон и Деккер объединились и для ответа на нее. Бен Джонсону стало известно, что эти друзья готовят какую-то пьесу, где он выводится под именем Горадия. С быстротой для себя необычной Бен Джонсон стал набрасывать жестокие сцены комедии «Стихоплет», действие которой протекает в том же условном Риме, и где сам он обнаруживается под маской Овидия. Назваться Горадием ему мешала скромность — этим он давал урок своим противникам, кроме того в судьбе Овидия было нечто общее с судьбой автора сатиры. Как и Овидий, Бен отказался от карьеры, которую готовил для него отец, как и Овидий, он претерпел гонение от обожаемого монарха, как и Овидий, пытался доказать ему свою непреодолимую верность.

Но если Бен Джонсон работал быстро, Марстон умел строчить еще быстрее, оставив дописывать затеянный «Сатириномастикс» (бич сатирика) Деккеру, он успел опередить врага и («Стихоплет» писался пятнадцать недель) поставить нечто, чему он не смог придумать даже названия, ограничившись условным обозначением «Что вам угодно», где Джонсон выведен под именем сатирического поэта Лампато или «лампадика». Бен Джонсон просиживал за писанием ночи напролет — это и вменялось ему в вину.

Бесформенное детище Марстона не успело еще пройти и трех раз, как разразилась гроза «Стихоплета». В нем Джонсон беспощадно вскрывает поэтическую беспомощность Деккера и моральное ничтожество своего бывшего поклонника, но этим дело не ограничивается. Он признает их успех и занят объяснением его причин: он характеризует тех, кому могут нравиться произведения его врагов. Великолепный образ отставного военного, бездельничающего и бражничающего актерами: капитан Тука ничуть не повторяет капитана Боабдила — общего у них только пристрастие к «Испанской трагедии» Кида, но Тука начитан куда больше своего предшественника. Стоит появиться на сцене какой-нибудь пошлости, как Тука немодленно выучивает наизусть все наипошлейшие ее эпизоды, чуть его в этой области несравненно. Надо ли говорить, что Марстон доставляет большинство превозносимых капитаном цитат. И Марстон еще смеет считать себя поэтом! Но Тука не один — у него имеется немало слушателей из числа мировых судей окраинных участков города и подпольных адвокатов, они ходят в театр развлекаться и чем меньше им там приходится утруждать свои мозги или развивать свои эстетические способности, буде таковые у них вообще имеются — тем им больше нравится представление. Идиотам нужен идиотский театр и идиот драмодел. Но ведь это же общественная опасность! Тут католик Бен Джонсон с удивительною последовательностью в развитии противоположностей оказывается в одном хоре с пуританами, ненавидевшими театр за все больший отход его от системы назидательного зрелища маралитэ. Но пуритане уже махнули рукой на театр, за несколько лет до того репертуарный контроль был изъят из

ведения городского управления и передан придворному чиновнику — заведующему развлечениями, театр был для них делом чужое, вернее всего дьявольское вообще. Бен Джонсону нечего было ожидать поддержки с этой стороны. Да он и обиделся бы ей.

Но и с той стороны, откуда он ее хотел видеть, она не пришла, наоборот: военные люди обиделись на капитана Туку. Они усмотрели в нем пасквиль на свое сословие. Нужды не было, что Бен Джонсон сам состоял в рядах армии и проливал вражескую кровь, да кроме того еще сражался на дуэли не хуже любого рубаки. Автор был объявлен оскорбителем сословия и на него подана жалоба в Верховный королевский суд — Звездную Палату. К ней присоединилась другая — жалоба юристов. Они обиделись на отрицательное мнение Овидия о карьере юриста. Неважно, что предпочтение поэзии перед правоведением в пьесе было дано подлинными цитатами из Овидия, римский лирик давно умер, а современник тенденциозно подбирал цитаты из его наследия, почему и подлежал привлечению к ответу все в ту же грозную Звездную Палату. Недоставало только, чтобы обиделись актеры. Они и обиделись. Во-первых детские труппы зарабатывали много на перепалке драматургов, а во-вторых, Бен вывел Туку в обществе актеров, которые делили его восхищение «Испанской трагедией», трагедией Локрина и бессмертными словоизвержениями Марстона.

В современном памфлете «Возвращение с Парнаса» клоуну труппы Шекспира Кемпе приписаны такие слова: «О, этот Бен Джонсон зловредный парень. Он вывел на сцене, как Гораций заставляет поэтов глотать рвотное, да наш товарищ, Шекспир, прописал ему самому такое слабительное, что он потерял всякое доверие».

О том, чем было это *слабительное*, велись и, вероятно, будут еще вестись долгие споры: прямого нападения на Бен Джонсона у Шекспира нет, а если есть, то оно для нас куда менее понятно, чем для современников сценической полемики, где малейшие детали взаимного уязвления воспринимались налету. Вернее будет однако отдать предпочтение той гипотезе, которая видит в «Троиле и Крессиде» произведение, отчасти направлен-

ное против Бена. Время первого представления этой пьесы совпадает с описанными событиями, участие в ней Марстона — несомненно, сюжет этот до того уже обрабатывался и, в последний раз — Деккером. Торопясь привлечь публику в Глобус, Шекспир отложил начатую переработку троянской драмы и передал перо Марстону, для того чтобы тот сделал из нее комедию с выпадом против Джонсона, который изображен там под именем Аякса. На это можно возразить, что карикатура получилась не слишком злая, по сравнению со своими предшественницами.

Но второй пьесой того же периода является комедия «Как вам угодно», правда хранящая на себе следы спешной работы Шекспира, оставившего без ретуши много мелкого материала из архивного текста старой пьесы. Там единственным лицом, в котором можно искать Бен Джонсона, окажется моралист. Это уже совсем дружеский шарж, если видеть в этом персонаже портрет Бен Джонсона, к тому же по пьесе последнее слово остается за Жаком.

Наконец, появился давно жданный «Бич сатирика» или точнее «Бич на сатирика». Он сильно разочаровал надежды, на него возлагавшиеся. Предоставленный Деккеру, он очень разросся, осложнился побочными интригами и потерял всяческое подобие последовательного действия. Даже добровольное фантазирование Джонсона на тему о комедии-игре, лишенной интриги, давнее в «Бале Цицтии», кажется примером строгого сочинения, сравнительно с путаницей совершенно безличных персонажей «Сатириомастикса». Но публика еще не устала скандалом, который длился уже больше года и приобретал все большие размеры.

Некий аноним выпустил, укрывшись инициалами «В. И.» (В. Ингрэм?) памфлет «Порка сатирика», где упоминаются Марстону те времена, когда он, не хуже Джонсона, почитал себя исправителем нравов. Марстон ответил на это памфлетом же «Сатирик кается в одной рубашке», а Николай Бретон пробовал унять раздоры памфлетом «Не поритесь, не деритесь, а на один кобралик грузитесь». Это означало уже начало утомления полемикой.

Возможно, что мягкость шекспировских выступлений

надо отнести к той же стадии театральной войны, однако если кто и хотел идти на мировую, то уж не Бен Джонсон. Дела его были плохи. В своей борьбе он не встретил ни единой существенной поддержки со стороны тех, кого рассчитывал привлечь на свою сторону: против него оказались многие из тех правоведов, классически образованных молодых людей, которым он посвятил свою вторую комедию нравов. Его придворные друзья в общем не могли ему простить позиции в начавшейся немилости Эссекса, дело его в Звездной Палате принимало скверный оборот. Небезопасно было в третий раз испытывать терпение высокопоставленных судей.

Марстон счел момент наиболее благоприятным для мирных переговоров с учителем, которого он поставил в тяжелое положение и отправился в одну из таверн, где Бен Джонсон находился с немногими оставшимися верными ему друзьями. Там вероятно был и Гораций из «Стихоплета», в котором мы можем узнать Джорджа Чапмана и неизвестные нам Меценат и Август. Разговор был короток. Марстону досталось две-три оплеухи геркулесовской ладони грозного Бена и он не нашел ничего лучшего, как вытащить из кармана пистолет. Не помогло ему огнестрельное оружие — исправитель нравов вырвал из рук слабосильного эстета его последнюю надежду на сохранение видимости спора и могучим пинком поги в зад выбросил за пределы святилища. Этот эпизод доставил немалую радость присутствующим. Совсем юные тогда студенты, Бомонт и Флетчер, запомнили его на всю жизнь и сохранили его для потомства в третьей сцене пятого акта комедии «Царь и не царь».

Тем временем сэр Ричард Мартин, один из тех «просвещенных умов», на которых рассчитывал Джонсон, хотя и с опозданием, но достаточно энергично выступил на защиту поэта в Звездной Палате (в собрании своих сочинений Бен Джонсон посвятил инкриминруемую пьесу именно ему) и убедил судей в безобидности комедии. Бен Джонсон решил предупредить судей, он взялся оправдаться перед публикой. К «Стихоплету» он присочинил «Апологетический диалог», где должен был очиститься во взводимых на него обвинениях. Он признавал общее недовольство, с горечью указывал, что «некоторые порядочные люди среди них (актеров),

под давлением прочих следуют по этому поганому пути», сдержанное напоминание Шекспиру, а в дальнейшем приносил покаяние с той непримиримой надменностью, которая не оставила его и на смертном одре. «Если кто обижается на то, что я изобразил, или узнает себя в выведенных мной пороках — тот значит сам признается в своей порочности, а я в ней не виноват и не в чем мне пред ним извиняться». Эффект покаяния был неожиданный — его сняли со сцены после первого и единственного исполнения, по распоряжению властей.

Сейчас же после первого представления «Стихоплета» Генсло, учитывая ссору «бинжами» с Шекспиром и Глобусом, пришел мириться. Он предложил Джонсону привести в порядок разновременные сделанные им дополнения к той «Испанской трагедии», над которой он непрерывно издевался в течение последних трех лет, за что обещал уплатить и рассчитаться еще за неоплаченного Ричарда Горбуна. Всего он выдал десять фунтов и сорок шиллингов — сумму по тем временам непомерную в качестве литературного гонорара драматургу. Просматривая труды своего страннического периода, о котором ему так нелюбезно напоминали противники в «Сатириомастиксе», участвуя в новом издании произведения, которое он только что стремился похоронить под грудой насмешек, поэт, только что испытывавший тяжесть трехлетней борьбы за новые принципы комического построения действия, почувствовал пробуждающую тоску по старым трагическим мотивам уже отдаленных дней уходящей юности.

И если так комическая Муза
Со мною жестока, я посмотрю,
Не будет ли трагедия добрее...
Уйдите! — В мыслях я слышала нечто
Зовущее себя воспеть вдали
От волчьей пасти и копыт ослиных.

Двадцатидевятилетний поэт на несколько месяцев исчез из поля зрения своих ближайших друзей. Он бросает Лондон, покидает семью, книги и комнату, где провел столько бессонных ночей над работой по практическому разрешению задачи возрождения серьезной комедии.

Этот уход не был понят как бегство даже его противниками. Общее мнение было, что Бен Джонсон «презирает свет и отряхнул прах театра от своих ног». Недавний враг, Марстон, посвящает ему свое последнее произведение, вновь провозглашая его своим учителем, Шекспир принимает меры к тому, чтобы трагедия, над которой собирается работать Бен Джонсон, осталась за Глобусом. Борьба кончена.

Бен Джонсон живет сначала у своего друга Роберта Тоуншенда, потом меняет его кров на гостеприимный замок лорда д'Обины. Мы не знаем, как возникла дружба поэта и вельможи, выросшего во Франции, воспитанного на классицизме ронсаровской «Плеяды» и только недавно приехавшего в свои английские поместья. Она должна была возникнуть быстро — хронология не позволяет нам располагать достаточным временем для того, чтобы допустить возможность постепенного сближения; очарование личности Бен Джонсона и его власть над умами современников только лишней раз подтвердятся этим фактом. В непосредственной близости эти два человека провели с малыми перерывами целых пять лет, а это говорит за то, что нестерпимость характера Бен Джонсона коренилась не в личных его капризах, а в тех принципиальных расхождениях с товарищами по ремеслу, о которых он сам настойчиво говорит как в тексте, так и в предисловиях полемических своих произведений.

ПЯТИЛЕТНЕЕ УДАЛЕНИЕ ОТ СЦЕНЫ. ПАНЕГИРИК. ПЕРВАЯ МАСКА. «СЕЯН.» ОБВИНЕНИЕ В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЗМЕНЕ.

Удаление из общества писателей и актеров, воспринятое ими как добровольное изгнание гордого поэта, скоро дало себя чувствовать в Лондоне, где знавшие Бен Джонсона неизменно испытывали к его личности сильные чувства привязанности или ненависти, а порой совмещали одновременно и то и другое. Мы видим, как реагировал на это событие Марстон, что же говорить о других? Бен Джонсон не переставал занимать внимание того мирка, который был им оставлен. О трагедии его ходили смутные слухи, но никто в точности не

знал, какова она будет и даже о чем она будет написана. Это во всяком случае должен был быть шедевр и драмодель, выпуская свою очередную продукцию, с тревогой ожидали появления чудовища, которое должно было свести к ничтожеству их усилия и прославить себя в высоком роде сценического творчества.

С тем большим вниманием относились к появлению не сценических поэм беглеца, к его одам, элегиям, эпиграммам (в латинском смысле этого термина) и письмам к друзьям-поэтам, где мастер излагал свои спорные воззрения на поэтическую технику. С каждым годом Бен Джонсон приобретал все большую славу, как поэт вообще, а не только как драматист. В этой новой области он скоро перестал иметь соперников в симпатиях своих современников.

Время шло и мимо бывшего каменщика проносились события. Он остался в стороне от бури, вызванной восстанием Эссекса, ему не приходилось расхлебывать кашу из-за предоставления «Глобуса» под сбор заговорщиков и постановки в ободрение им старой пьесы о Ричарде II. Ему не пришлось даже определять своей позиции, по отношению исхода процесса неудачливых подражателей Болнброка, — «Бал Цивилии» определил ее заранее и даже те, кто могли бы ее осудить, были лишены возможности не признать в авторе комедий нравов способности предвидеть обстоятельства политической жизни. Царствование Девственной королевы явно близилось к концу, не только в понимании его как личного режима Елизаветы, — распадалось понемногу все ею созданное. Процветание уже явно сменялось депрессией, потускнели яркие цвета Веселой Англии, надвигался новый период — борьбы уже не за развитие достигнутых успехов, а хоть бы за сохранение их ближайших результатов. Как всегда бывает в такой обстановке, внимание всех, склонных гадать о судьбе государства и общества, было насторожено и все более сосредоточивалось в ожидании. Ожидание принимало тем более конкретные формы, что всем было ясно малое количество времени, остающееся жить королеве.

Мы не замечаем этого настроения в тогдашних произведениях Бен Джонсона; казалось, работа его протекает с механическим спокойствием и жизнь его, холостая

жизнь семейного человека, склонного к холостым шалостям, все более поглощается деятельностью ученого поэта и создателя ожидаемой трагедии, которой суждено произвести тот же переворот, какой в комической области произвели две первые комедии нравов.

Мы не знаем, увез ли с собой Бен Джонсон свою библиотеку или его жена успела «проесть его книги». В разговорах с Дрюмондом он приписывает этот проступок себе одному. Во всяком случае в справочном материале для своих работ Бен не мог испытывать особенного недостатка. Помимо библиотеки лорда Обиньи, он пользовался широким содействием своего старшего товарища по Вестминстерской школе, сэра Роберта Коттона, собравшего в своем Кеннингтонском доме большую коллекцию древних рукописей и книг по археологии. Повидимому нельзя было быть безнаказанно учеником Сельдена.

Старый мастер науки исторического исследования часто навещал своих учеников и в библиотеке сэра Роберта не редко можно было присутствовать при исторических спорах двух бывших учеников с учителем, нежность, уважение и преданность к которому их не покидали. Летом 1603 года во время чумы, Бен Джонсон был именно в этом обществе. Беседа затянулась и Бен пошел спать довольно поздно — на рассвете. В комнате, которая была отведена ему гостеприимным хозяином, уже были ясно видны все предметы. Среди них двигалась фигура стройного молодого человека лет двадцати трех. Бен Джонсон узнал в ней своего семилетнего первенца находившегося тогда у матери, в Лондоне. «Он был такого вида — рассказывал потом Бен — и такого возраста, каким должен бы явиться на Страшном Суде». Утром пришло известие, что сын Бена, «дитя его правой руки», «лучшая поэма им созданная», умер, как водится в таких рассказах, именно во время появления странного образа в освещенной зарею комнате неутомимого спорщика.

Если бы мы даже не знали этой подробности, доказывающей, что литературные интересы не прерывали ни на минуту беспокойства о любимом мальчике, вынужденном оставаться в зачумленном городе, о привязанности Бена к первому своему отпрыску мы могли бы судить по замечательно трогательной эпитафии-эпиграмме, ему

посвященной. Личное горе такого буйно чувствующего человека, каким мы знаем Джонсона, казалось бы должно разразиться воплями раненого Геракла и быстро перегореть в иступлении отчаяния. Этого, однако, не случилось, жалоба поэта выразилась в осторожно выбранных простых и тихих словах. Горе осталось незалеченным и нежности предстояло пробудиться через много лет при виде другого ребенка, увы, обреченного на такую же безвременную смерть.

Тем временем обстоятельства сложились так, что от поэта потребовалось выражение отнюдь не скорбных чувств. Наследник Елизаветы Яков Стюарт, сын неистовой Марии, собирался короноваться на царство. Его надо было приветствовать. Парламент нашел только одного поэта способным составить стихотворное приветствие от лица палаты: Бен Джонсона. Задача действительно была трудная. Яков был всем известный теоретик самодержавия, или как он формулировал «божественного происхождения власти», парламент же считал вопросом своего существования необходимость напомнить новому королю, что он, парламент, является единственной законодательной властью страны. То что «Панегирик» этого рода поручался Джонсону, доказывает, насколько успела укрепиться слава этого писателя. Не мудрено, что и город Лондон возложил на того же автора обязанность составить текст и сценарий приветственного представления (по современной терминологии «массового действия») в коронационный день, а двор такой же текст для предкоронационного праздника в Хаутворденском замке, где король остановился перед коронацией.

Одному человеку всего этого одолеть было явно не под силу и Бен Джонсон в части городского заказа выставил требование на помощника — им он указал... Томаса Деккера, недавнего своего врага, автора «Бича на сатирика». Остальные заказы были выполнены единолично. Все имели большой успех. Парламент остался доволен «Панегириком», но что всего удивительнее, им оказался вполне удовлетворен и Яков. Бен Джонсон, после первых же стихов передал речь богине правосудия. Его Фемида безоговорочно признает божественности происхождения королевской власти, «которой и надлежит

воздать божеские почести, что же касается до ее носителей, то являясь людьми, они могут рассчитывать на почтение к себе в меру общей оценки человека ни больше, ни меньше, с той разницей от своих подданных, что пороки и добродетели их у всех на виду, почему им следует быть особенно внимательным к своему поведению». Вряд ли найдется в ту эпоху король, которому пришлось выслушивать в день своей коронации такой «панегирик».

Но Яков был слишком рад очутиться в Лондоне и стать во главе двора, пышность и ученость которого не могла идти в сравнение со скромностью его шотландского окружения. Кроме того он почувствовал почтение перед прославленной ученостью Бена — Яков сам писал скверные стихи, сочинил руководство по стихосложению и считал себя специалистом не только в любимой своей науке («о распознавании демонов и ведьм»), но и в классической филологии. Королева же, любившая до смерти маскарадные представления, характером же своим внушавшая трепет своему пьянице-супругу, была в восторге от Хаутворденского праздника. Новые властители обещали Бен Джонсону благоприятствование куда большее, чем покойная Диана.

В этой обстановке ученая трагедия с ее классическим сюжетом имела все шансы на обеспеченность успехом. Она была еще не закончена и автора торопили. Да и сам он, вероятно, отведав отравы сценического успеха, затосковал по родным подмосткам. Для скорейшего завершения своего затянувшегося создания, он обратился к лучшему классику из современных ему драматургов — Джоржу Чапмену. Общими усилиями огромное сооружение было завершено.

Трагедия «Сеян. Его падение» посвящена описанию падения всемогущего фаворита (выбор сюжета очевидно навеян делом Эссекса), безграничной тирании стареющего деспота и гнусности режима всепроникающей сети шпионов. Хамство, раболепство и продажность придворных, сенаторов и служащих всяческих чинов и мастей нашли себе подробное и энергичное выражение в пределах пяти действий, изложенных белым стихом, лаконизм которого доведен до эпиграмматического идеала.

Что покойная королева возвела шпионство и перек-

рестное доносительство на степень основного способа устройства своего самодержавия ни для кого не было тайной, но и благополучно царствующий король ничуть не намеревался отступать от завещанного великой монархиней примера. Здесь пьеса становилась несколько неприличной. Правда, история наделения всесильного фаворита, пока еще никого обидеть не могла. Яков не истреблял Эссекса, а до теткинских подвигов ему дела не было, но могли обидеться другие. Правда и то, что автор благоразумно поместил свое действие в древний Рим. Можно думать, что его намерения по началу кружили вокруг другого фаворита и «Падение Сяяна» первоначально замышлялось, как «Падение Мортимера», три акта которого сохранились в виде плана и части стихов первого акта. В конце концов Рим оказался безобидней, а чтобы отгородить себя от обвинений в маскировке подлинных намерений, Бен Джонсон, учтя опыт «Стихоплета», где ему пришлось давать отчет в непочтительном отношении подлинных цитат из Овидия к высокому званию юриста, решил все речи своих действующих лиц строить на цитатах, оговоренных в примечаниях к тексту. Заведующий развлечениями мог проверить заранее неповинность автора в вольномыслии его римлян, равно как и в поступках злого императора или его гадкого любимца.

Поэтому пьеса приобрела внешность, еще не встречающуюся в летописях театрального текста: подстрочные примечания в ней разрослись настолько, что могли смело спорить с докторской диссертацией любого немецкого доцента. Это не могло не импонировать педанту Якову и тем, кто, подражая повелителю, считал долгом усвоить его педантизм.

Второй особенностью трагедии является способ трактовки проблемы хора. Согласно своему принципу: «учиться у древних, не подражая им, но исходя из достаточного опыта английской драмы, имеющей тоже немалые заслуги и обращенной к другим временам и иному зрителю», Бен Джонсон вывел хор из оркестры на помост, разбил его на отдельных исполнителей, дал им соответственные имена и предоставил комментировать действие в ходе его развития. Непосредственным результатом этого оказалось огромное количество участников спек-

такля: тридцать пять именных, при девяти отдельных группах фигурантов. Давать личную характеристику хоревтам Бен Джонсон не счит нужным — это чрезмерно разбивало бы внимание слушателей и нарушало бы идею коллективности хора, поэтому комментаторы разделены просто на «хороших людей» (строфа) и «прохвостов» (антистрофа).

Вместо личной характеристики он предоставил им сентенции.

Однако, построение пьесы носит слишком явные следы кабинетной работы и тонкость ее композиции раскрывается только внимательному читателю. Вряд ли возможно довести до зрителя то обстоятельство, что Тиверий, слушая восторженную декламацию Сеяна на тему о том, каким путем надлежит губить опасного врага, уже давно решил погубить самого Сеяна именно таким образом и, предоставив ему истреблять потомство Германика, готовит ему погибель в ту минуту, когда фаворит закончит возложенное на него поручение и станет ожидать обещанной награды. Вряд ли, тем более, способен зритель оценить указание Аррунция на Макро, как ближайшего заместителя Сеяна, которого он только что предал истреблению: для этого такой зритель должен помнить, что Макро действительно стал начальником преторианской гвардии и что именно он задушил Тиверия подушкой.

В этой трагедии, где добродетель является объектом воздействия негодяев, нет ни одного активно действующего лица, способного вызвать к себе сочувствие современного зрителя, Бен Джонсон на него и не рассчитывал. То волнение, которое он хотел вызвать, основывалось на аристотелевом правиле — ужасать и вызывать жалость. Ужасал он быстротой падения всемогущего, как будто, человека. Тронуть участью Сеяна было мудреней — лицо это успело сделаться зрителю достаточно ненавистным. Бен Джонсон нарочно затруднил себе задачу — с другим героем ему было бы легче. Он хотел доставить себе удовольствие переломить чувства зрителей и заставить их испытывать сострадание даже к Сеяну, дав в эпилоге Теренция изложение зверской расправы с малолетними детьми своего негодяя. Негодяя, но не изверга — Джонсон настаивал на этой разнице. Его

Сеян, как и Тиверий, лицо вполне реальное: его «нрав» обусловлен непомерным развитием честолюбия, дерзости и надменности — свойств хорошо знакомых самому автору, в своем герое он исправлял прежде всего свой собственный нрав. Другой протагонист — Тиверий удался не меньше, хотя скрытность, способность к глубокой и продуманной интриге, соединенные с тонким пониманием окружающих людей было именно то, чего в жизни Бен Джонсону недоставало для успешности бытового благополучия. Выписывая характер своего Тиверия, Джонсон утешался в отсутствии у себя свойств, которым может быть был склонен завидовать, встречая их у других.

Пьесу ждали долго и с нетерпением. Театр «Глобус» занял в ней все лучшие свои силы с Шекспиром во главе. Имя его значится в списке исполнителей, приложенном к первому изданию текста, но роль, по обыкновению не названа. Легко предположить, однако, что это была роль Аррундия — Шекспир брался играть только «благородные» роли, а среди них предпочитал роли подлиннее и, когда это было в его власти, удлиннял их, иногда без особой надобности для общего изложения (напр. роль Лоренцо-монаха в Ромео).

Ее сыграли в коронационный 1603 год, к открытию сезона. «Ученые» слушатели, составившие естественное меньшинство, не имели физической возможности перекричать подавляющее множество горластых «зрителей» партера. В посвящении уже знакомому нам лорду Обиньи, Джонсон говорит сам, что его пьеса потерпела от «здешнего народа не меньше, чем ее герой от ярости народа римского».

Зато реакция «просвещенной» публики была велика — более восьми длинных поэм были присланы автору в утешение за обиду, нанесенную партером, литературные и университетские круги наперебой свидетельствовали свое восхищение и пьесу было решено перенести из «Глобуса», открытого театра, в закрытый зал Блек-фрайерской слободы, которым наконец удалось овладеть, на зло городским властям, труппе Шекспира. Там эта трагедия стала пользоваться неизменным успехом. Так произведение, предназначенное для исправления нравов и приспособленное автором ко «вкусам и требованиям народного зрителя», оказалось пригодным только тем

встетически передовым кругам столицы, которые восприняли бы ее и без этих уступок.

Но как ни старался Бен уклониться от обвинения в умысленной обиде кого-либо, ему это не удалось. Слава памфлетиста, если не пасквилянта крепко к нему пристала и нашлись добрые придворные, которые успели усмотреть в тексте, по большей части составленном из цитат, непосредственные намеки на непосредственную действительность. Даже то обстоятельство, что «Сеян был возведен на высшие должности из самой темной джентри», было сопоставлено с манией короля Якова поставлять новых дворян.

В общем, герцог Нортхэмптон, католик, желавший доказывать свою сверх-протестантскую преданность королю, обвинил Бен Джонсона в «папизме и государственной измене». Бен Джонсон, правда, считал, что все дело началось с нескольких тумачков, которыми он наградил одного из членов свиты Нортхэмптона, на празднике святого Георгия, «где было тесно», но формулировка имела явную склонность связать судьбу драматурга с участью его старого друга и покровителя Уольтера Роллея, в данное время содержавшегося в Тоуэре, правда со всем почетом заслугам и званию его подобавшим, но по обвинению в «папизме, атеизме и государственной измене в пользу Испании» (последнее было еще нелепей сочетания первых двух обвинений, так как всем было ясно, что непобедимый пират посажен именно в угоду испанскому королю). Тайный совет занялся разбором дела. Бен Джонсон принял полную ответственность за весь текст и, повидимому, обязался изъять особенно резкие характеристики неограниченной власти, введенные туда неисправимым республиканцем Чапмэном. В печати он еще раз подтверждает свое единоличное авторство, указывая, что им изъятые все места, написанные «вторым пером, так как несправедливо было бы лишать столь великого гения права на обозначение им написанного». То, что выгораживал поэта именно Суффольк, испытанный покровитель Чапмэна, еще раз подтверждает факт соавторства именно этого знатока древних литератур, единственного, кого Джонсон мог бы допустить до сотрудничества в трагедии на античный сюжет.

«Эй к западу!». ТРЕТЬЯ ТЮРЬМА.

Трагическая муза оказалась поэту не столь приветливой, как он того бы хотел, перед Чапмэном возникла некоторая неловкость, а дружбой его Бен Джонсон дорожил не в меньшей мере, чем дружбой с Шекспиром, а то даже и больше: Шекспира он критиковал достаточно резко, но никогда не позволял себе этого в отношении старика, хотя материала для критики в произведениях автора «Цезаря и Катона» он мог бы найти предостаточно.

Вот почему он легко согласился на сотрудничество со старейшим в нерегистрованном цехе драматургов. Сейчас почти невозможно сказать, было ли оно вполне осуществлено и в какой мере. Вернее всего, что Бен на этот раз ограничился рамками профессии своих литературных дебютов, т. е. написал план комедии «Эй, к западу!» (крик обращаемый в соответствующих случаях к лодочнику, одному из тех бесчисленных перевозчиков, которые спавали по Темзе). Работа над текстом выпала на долю Чапмэна и... Марстона. Трогательное единение имен двух недавних врагов свидетельствуется титульным листом книжки, где их знаменательные начертания стоят рядом — порядок на ней установлен возрастным: Чапмэн открывает, а Марстон замыкает триаду.

Комедия получилась очень хорошая. Она легче всего, что вышло за подписью Чапмэна, лишена громоздкости, составляющей слабую сторону техники Джонсона и грубости, которой Марстон пытался маскировать свой изнеженный эпикуреизм. Повидимому именно последний все-таки не удержался от непристойности и, в ходе постановочной работы, добавил несколько сцен политических дерзких: он высмеивал шотландцев вообще и акцент самого короля Якова в частности.

Пьеса имела успех, но по обнаружении злокозненных эпизодов повела к запрещению спектакля и аресту двух фактических авторов: Чапмэна и Марстона, обвиненных в оскорблении величества. Джонсон отправился в Тайный совет хлопотать за арестованных, там он был поставлен в известность, что сэр Джэмс Марри донес королю и на него, ходатая. С обычной своей стремительностью в такого рода делах, Джонсон не стал ожидать

результатов этого доноса, который повидному не спешили рассматривать, а отправился в тюрьму, где объявил себя ответственным в равной мере с заключенными и потребовал применения к себе той же меры наказания, какая будет приложена к ним.

Оказавшись в одной камере, приятели (Чапмэн и Джонсон) наводнили Лондон и его окрестности протестующими письмами, в которых они просили своих друзей принять меры к прекращению бессмысленного дела. Писем было написано много: половина сохранившейся переписки Джонсона состоит из них. И Чапмэн не сидел сложа руки. Что касается Бена, то он прилагал все усилия приданию возможной огласке факта своего заточения, повидному справедливо полагая, что именно его-то и не хотели арестовывать. Дело было не шуточное — по закону за инкриминируемое драматистам деяние им полагалось отрезать носы и уши, самих же выставить к позорному столбу на несколько суток. Как относился Джонсон к своему положению, мы можем видеть из его тогдашних писем. Вот одно из них, обращенное к графине Бедфорд (хотя ранее предполагалось что оно относится к графине Ретланд):

«Превосходнейшая из дам!

И наиболее почитаемая грациями, Музами и мной, если не грешно будет бесчестить ваши свободные руки посланием, оскверненным тюрьмой, я хотел бы ходатайствовать о маленькой помощи с вашей стороны, в защиту моей невинности, которая так же чиста, как эта бумага (до того как я ее испачкал) от всего и в половину достойного моего жестокого обвинения.

Я под судом, а со мной мой почтенный друг, некто м-р Чапмэн, человек я не знаю известный ли вашей милости, но мне-то наверно известный, как ревностный ваш почитатель. А преступление наше — пьеса, до того ошибочно понятая, так извращенная, на столько перевернутая, что я диву даюсь, невежества ли, или наглости больше в наших противниках.

Но сейчас об этом спорить не приходится, так как мы с ними не на равной ноге и дело наше ведется до такой степени беззаконно, что мы без следствия, без заслушания и без всякого основания, кроме злонамерен-

ной сплетни, потащены в тюрьму и в цепи. Насколько мы понимаем, причина — негодование Короля, что нас сердечно огорчает, тем более, чем менее мы ее заслужили.

В чем заключается наша просьба, вам лучше сообщит достойный податель сего письма, такой же обожатель ваших добродетелей, как

Бен Джонсон».

Это и одновременные с ним послания дают нам довольно точное представление о характере обращения Бена со своими знатыми друзьями. Шутливость письма может заставить подумать, что дело идет о пустяке, на самом же деле, положение друзей было прескверное. Шотландцы были сильны при дворе, самолюбивы и крайне обидчивы. Шутки они не понимали и, зная, что лондонцы не устают над ними потешаться, только и ждали случая проучить насмешников.

Тем не менее отважный шаг Бен Джонсона увенчался успехом. Адресаты ли постарались, королю ли жаль стало расставаться со своим ученым поэтом, королева ли позаботилась сохранить автора понравившегося ей дивертисмента, но драматистов всех скоро выпустили. Освобождение было отпраздновано должным образом.

На пиру, заданном Бен Джонсоном, где был и сер Генри Коттон, и старый Кэмден, и сэр Ричард Мартин, присутствовала старуха мать автора «Сеяна» и соавтора злосчастной комедии. Когда дошла ее очередь говорить тост, она положила на стол бумагу с ядом, приготовленным в критический момент дела. В случае ожидаемого приговора, она была намерена на последнем свидании всыпать эту отраву в питье сына и, «в доказательство, что она не невежа» выпить половину смертельного кубка».

Пороховой заговор. Вызов в церковный суд.

Мир Джонсона с двором был восстановлен и он постепенно укреплялся при новом властителе, как признанный авторитет в науке о древностях как эллинист, латинист и поставщик текстов придворных представлений: «масок», как их тогда называли.

Форма этого представления слагалась веками. Историки упоминают о нем уже во времена Ричарда II. Оно возникло из общеевропейского обряда ряженья в дни зимнего солнцеворота. Ко двору приезжали ряженные, ряженные обитатели королевского замка, не исключая и короля с королевой, встречали их и все заканчивалось общим танцем, переходившим в пир.

Время и развивающаяся пышность двора расширили программу представления. К танцу прибавился хор и сольные номера певцов. Обрядная песня-колядка сменилась «текстами на случай». Самые представления, по прежнему обязательные в крещенский вечер, стали даваться и в течение всего года при всяком удобном к тому случае. Античные мотивы стали господствовать в ряженьи, незаметно принявшем злободневно-аллегорический характер. А где была античность, там появлялся Бен Джонсон. Появлялся по своему обыкновению, грузный, шумный, без удержу обличая чужие ошибки и высмеивая неудачи своих литературных соперников.

Правда, соперников-то всего был один — Даниэль, хороший отец семейства, по отзыву Бена — порядочный человек, да только не поэт. Во время просмотра одной из его масок, Бен со своим старым другом сэром Джон Ро реагировали настолько буйно, что не менее испытанный заступник — Суффольк, по обязанности лорда-камергера, вынужден был «попросить» их вон, не только из зала, но и от двора вообще.

Впрочем, изгнание было недолгое, тот же Суффольк вскоре, любезно извиняясь за происшедшее не по его вине, а по обязанности, пригласил Бена написать и поставить маску. Это приглашение послужило началом длинной серии работ этого рода, протянувшейся через все царствование Якова. Бен Джонсон оказался монополистом этого рода сочинений, тем более, что выступал он не только как поэт, но по примеру афинских драматургов принимал на себя еще и обязанности постановщика, а нужда в этом была особенно ощутительна.

В масках действовали знатнейшие придворные и красивейшие леди, исполнение их, разумеется, было любительским, поскольку дело касалось не только выхода на сцену и танца, но и необходимости произносить кое-какие речи, да и мимировать кое-какое дей-

стве. А оно все усложнялось, по мере развития зрелища. Каждая новая маска должна была казаться пышнее и любопытней предшественницы; Бен Джонсону было над чем работать.

Маски стоили дорого — обстановка для них делалась все роскошнее и эта придворная забава была тем расточительнее, что каждое такое представление давалось, как правило только один раз, много два. Двор вообще стал становиться все более дорогим удовольствием для страны. Парламент вспоминал добрую королеву, похваливая ее скромность и «бережливость», которую племянничек попросту именовал сквалыжничеством, громогласно заявляя, что не намерен следовать этому скверному примеру. Королева-супруга только могла поддерживать его в этих благородных мыслях. Придворная роскошь распускалась на фоне экономического застоя, развивающейся католической реакции на материки и отступления протестантского движения, которое оказалось способным, пока что, создать только одно чисто буржуазное государство — Голландию, да на этом и ограничившее свои успехи. Сама Голландия продолжала находиться под угрозой Филиппа Испанского и попрежнему обращала свои надежды в сторону Англии, но Яков вовсе не склонен был на продолжение политики Елизаветы. Ему предпочтительно было тратить деньги не на войну, а во свое удовольствие. Падение Роллея и Кобхэма должно было доказать «любезному братцу Филиппу», что Яков готов расправиться с его врагами в Англии, как угодно, лишь бы жить в мире. В сильно пьяной голове доброго Стюарта в течении всего царствования шевелилась нежная надежда занять лично для себя денег у Филиппа, под брак английского принца с инфантой. Англичанам, привыкшим добывать испанское золото путем вооруженного грабежа на суше и на море, эта шотландская политика казалась унижением. Вспоминая подвиги покойного Дрейка и заточенного в Тоузере Роллея, они никак не могли понять новой политики и объясняли ее папизмом нового короля. Дело становилось опасным — царствование только начиналось и Яков еще не успел достаточно облагнеть: парламента он еще побаивался.

Поэтому знаменитый «Пороховой заговор» 1605 года

пришелся так ко двору, что по успокоении умов, стал казаться подозрительным. Свое дело он сделал: в момент объявления о находке в парламентском подвале бочек, начиненных порохом и фитилей, которые должны были быть зажжены при появлении короля в палате, возмущение охватило легковерных горожан. Католики хотели убить короля и уничтожить парламент: две основы соединенного королевства Великобритании и Шотландии были объединены общим спасением от гибели, затеянной проклятыми папистами, очевидно, не делавшими различия между ухаживавшим за Филиппом Яковом и противившимся этому ухаживанию парламентом. Англичане и по сей день жгут фейерверк в память этого чудесного события.

Добрый король не преминул выдать своих католиков на поток и разграбление. Католиков просто сажали в тюрьму, предоставляя им в дальнейшем доказывать свою непричастность к неудавшемуся злодейству. Бен Джонсон, как известно, был католик. В тюрьму его не посадили, но неприятности не замедлили. Началось с деликатной проверки верноподданности. Сольсбери пригласил поэта и предложил ему исполнить важное поручение: войти в контакт с «неким католиком, имеющим точные сведения о заговоре. Бен Джонсон сам католик и поэтому его посещение не сможет навести подозрений на лояльного единоверца». От таких поручений отказываться не приходилось. «Язык» оказался священником венецианского посольства. Он сообщил Бен Джонсону, что заговорщиков видимо-невидимо: человек пятьсот, по крайней мере. Однако они сейчас все попрятались и никого из них найти нельзя, а имен он не знает. Эти важные сведения Джонсон с самым серьезным видом доложил по начальству, присовокупив изъяснение самых верноподданных чувств. Лет через десяток он писал в «Варфоломеевой ярмарке»:

— «Пороховой заговор!» вот была хлебная постановка! Пять раз кряду в один вечер давалась: доморощенные изобретения всегда лучше других: привычно и понятно. Через десять лет эта оценка не вызвала никаких обид, но не поздоровилось бы тому, кто вздумал бы шутить над «Пороховым заговором» в ближайшее время его обнаружения. Наряду с прочими подозрительными граж-

данами Лондона, Консistorия вызвала Бен Джонсона в свой суд. Там ему предстояло держать ответ по двум обвинениям.

Первое заключалось в том, что он не ходит в церковь и не причащается. Бен Джонсон ответил, что он с женой — бывают в церкви своего прихода, что до причастия, — он католик, впрочем, не очень настаивает на этом исповедании и готов его переменить, если его должным образом просветят насчет протестантской религии. Заявление было принято к сведению и увещатели назначены. Они аккуратно являлись для беседований со своим кротким учеником, беседы протекали довольно оживленно и затягивались за полночь, после чего увещатели уходили походкой, судя по которой, можно было выводить заключения о крайней тяжести понесенных ими трудов. Уловляемый же еретик, по своему обыкновению, укладывался в постель, накрывался несколькими одеялами, вызывал у себя этим способом испарицу, после чего, протрезвившись, усаживался писать стихи. Днем ему писать их бывало некогда — сухой режим, которого он придерживался при дневном освещении, был им приспособлен для научных занятий.

Увещание дало свои результаты только через несколько лет. Бен наконец смиловился и признал истину протестанства, в знак чего выпил до капли все вино, имевшееся в чаше, из которой его затеяли причащать: «чтобы крепче было».

Такой результат, видимо ожидался в более короткий срок консисторским судом, поэтому он не придал должной свирепости оценке второго обвинения, а оно, в случае своей доказанности грозило смертельным исходом для обвиняемого. Джонсона обвиняли в активной пропаганде папизма и совращении в него правоверных протестантов. Бен решительно отвел обвинения и потребовал перекрестного допроса. Его обещали вызвать вторично, и действительно вызвали, но послухи не явились, так, постепенно затухая, тянулось это дело, пока окончательно не выдохлось и не заглохло.

Тем временем был издан «Сеян». К предисловию его пришлось, очевидно по настоянию цензоров, добавить несколько строк, уверяющих читателя, что все сказанное в трагедии о дурных монархах, не имеет никакого

отношения к тем благодетелям рода человеческого, над которыми бдят сами ангелы. При первой же возможности переиздать текст, Джонсон поспешил отделаться от этих строчек.

КОМЕДИИ. МАСКИ. ТРАГЕДИЯ. ПУТЕШЕСТВИЕ
В ПАРИЖ.

Герой этих происшествий мало беспокоился возникшими осложнениями. Он видел и худшие, а в сложившихся обстоятельствах усматривал положительную сторону: возможность, наконец, объясниться на чистоту и раз навсегда покончить с положением, которое заставляло видеть в нем, если и не прямого изменника, то во всяком случае человека, с которым надо было держаться настороже, все время ожидая какого-нибудь неожиданного выпада. Колоссальная композиция «Вольпоны» (по итальянски это значит: «лицемер») для своего написания потребовала всего нескольких недель. Успех великолепной комедии был огромен. На этот раз, случай редкий в практике Джонсона, партер и галерея были единодушны в своих аплодисментах, автору же не приходилось сомневаться в том, что он правильно осуществил свои намерения.

Через год, летом 1606, когда театры были закрыты по случаю очередной эпидемии, Джонсон перенес спектакли последовательно в Оксфорд и Кембридж, обращаясь, таким образом, непосредственно к тому ученому сословию, к которому причислял себя и чьим идеологом намеревался быть. «Устав избивать филистимлян, Самсон пошел на суд своих единоплеменников», как определяет положение один из критиков Джонсона. Успех был настолько велик, что автор, издавая текст комедии, посвятил его «равнославным сестрам-университетам. (университет, по английски—женского рода). Предисловие это до сих пор вызывает восторги английских стилистов» Автору оно, видимо, не стоило больших усилий. Основную мысль его мы можем проследить с начала периода комедий нравов, а отдельные предложения целиком встречаются в одном из писем, которые писались во время последнего тюремного заключения.

Джонсон воспользовался случаем, чтобы еще раз об-

народовать свое поэтическое кредо: «Всякий, кто беспристрастно и непредубежденно рассмотрит действия и назначение поэтов, сам собою поймет невозможность кому бы то ни было стать хорошим поэтом, не будучи хорошим человеком.

«... восстановить не только античную форму, но античное отношение к театру—чистоту, невинность, и наконец, учение, являющееся основной целью поэзии, сообщающей людям достойные основания их бытия.

...«обязанностью комического поэта является подражать правосудию и учить жизни, равно, как и чистоте языка»...

Одновременно шла работа над масками, все более усложнявшимися. Уже скромные способности придворных любителей оказывались недостаточными и Джонсон впервые ввел в это пышное действо специально приглашенных для него актеров-профессионалов. Новшеством, быстро завоевавшим симпатии двора, явилось и введение в аллегорическую ткань маски комических эпизодов, так называемой антимаски. Это превращало мимолетное представление, назначенное вначале только обрамлять комплиментами пляску маскированных придворных, в своего рода комедию. Бен Джонсон позаботился рассеять возможность сомнения в тех намерениях, которые им руководили, когда он предпринимал свою реформу маски: «недостойно было бы то зрелище»,—писал он, полемизируя со своим побежденным конкурентом, Даниелем, — которое стремилось бы к простой забаве. За видимой злободневностью и легкостью изложения должно просвечивать важное и глубокое учение подобное учению мистерий». Другой вопрос, насколько эта сторона его композиций в действительности понималась и воспринималась легкомысленной публикой двора.

То, что Джонсон с большой легкостью был способен развивать малейший мотив, годный для разработки, свидетельствуется историей возникновения его второй знаменитой комедии «Эппсин или молчаливая женщина». Работая над первым актом «Вольпоны» и столкнувшись с наличием болтливой женщины, которую притворный большой никак не может унять, он прибег к цитате из Софокла: «молчание лучшее украшение женщины». Но

цитату эту он взял из контекста Ливания, эллинистического ратора. Она встречается в «примерной речи мужа, просящего о разводе, по случаю того, что женился за молчаливость девушки, оказавшейся, впоследствии приговоренной». На этом фарсовом мотиве разрослось пышное цветение бесконечно комической постройкой «Эписин». Сыгранная в 1609 году, комедия принесла своему автору большой успех, где затерялись единичные вопли о личной сатире, которой комедия, кажется, действительно не содержала.

Осенью следующего 1610 года «Алхимик» принес своему автору новый триумф. Сюжет этой комедии лишен романтической красочности венецианского окружения «Вольпоны», но композиция интриги проведена с такой последовательностью, что строгий критик, каким был Самуэль Кольридж, считал ее одним из двух только образцов этого рода достижений английской литературы: вторым он называл «Тома Джонса» Фильдинга.

В этих трех основных комедиях зрелого творчества Бена, мы видим попытку развернуть последовательное учение о нормах поведения современного автору человека. Сатирик становится в резкое противоречие со всей господствовавшей тогда в передовых кругах идеологией. Апофеозу личности, пафос которой составляет содержание всех построений современных ему драматургов, Джонсон отвечает упорной демонстрацией ничтожества личных усилий человека, бессмысленности обосновать жизнь на удовлетворении своих личных вожделений, иллюзорности всякого личного стремления к личному благополучию. Окружающее давало недостаточную пищу такого рода образу мыслей.

Экономический кризис, только начинавшийся в первые годы правления Якова, получил теперь полное свое развитие и разнуздан инстинкты самой отчаянной погони за наживой. Бен Джонсону, человеку воспитанному и сложившему свои убеждения в совершенно другой обстановке, видевшему в победном шествии капитализма только его показную сторону — расширение свободы исследования, рост образованности, карьеру открытую не происхождению, а таланту, естественные плоды свободной конкуренции казались особенно отвратительными. С иступленным восторгом обнаруживал он загнивание

строя, покоящегося на основании личного удовлетворения интересов и вожделений, торжествуя при виде, как предмет всяческого стяжания, основа всех стремлений его современников — золото, единственная, казалось бы, безусловная ценность, начинает падать в цене. Почва уходила все больше из под ног недалеовидных стяжателей и поэт напутствовал и хстрелами своего сарказма. Он брался обличать и учить. Здесь для него кончалась комедия и возникала личная трагедия, которую современники не замечали.

Основным внутренним противоречием его работ было то, что этот учитель не мог в точности формулировать своей конкретной морали. Для нас ясно, что в тогдашней обстановке это было вообще делом немислимым: возврата к морали феодализма быть не могло для Джонсона и ему подобных, мораль свободной конкуренции они считали безнравственностью, мораль личного скопидомства и всяческого самоурезывания, во имя личного же хозяйственного преуспения, им претила, а найти высшую ценность, которой бы они могли требовать подчинения от личности уже освобожденной из тесных, перегородок общества времен натурального хозяйства, они не могли. Такой ценностью могла стать религия, но Джонсон попробовал и католичества и протестанства в достаточной мере, чтобы навсегда потерять вкус к религии вообще. Религиозная санкция объединения человеческих интересов таким образом отпадала. На ее место можно бы поставить интересы государства. Джонсон будет пытаться сделать это, сам однако сознавая безнадежность подобной попытки; собственная его жизнь протекала в постоянных конфликтах с государственной властью и если он вышел из них целым, то только благодаря своему личному обаянию или личному вмешательству лиц, пользовавшихся личным влиянием.

Не находя конкретной формулы своему учению, Джонсон вынужден прибегать к эстетическому внушению: «как в мистериях древних», говорит он по поводу своих масок, но этот выход он использует и в своих комедиях. Внушая слушателю отвращение к пороку и заставляя его практически переживать отвращение к тому, что автор сам считает отвратительным, Джонсон вызывает в таком слушателе стремление к «лучшей жизни», не определяя

однако, в чем это лучшее состоит. Здесь он остается в пределах того общего построения елизаветинской драмы, которое он сам считал ошибочным и вредным. Эта безысходность и заставляет его метаться от одной формы изложения к другой, от комедии к маске и от маски к трагедии — безнадежное дело: от самого себя ему убежать не удастся. От своего алхимика он отличается только чистотой намерений, он никого не хочет обманывать, он не преследует корыстных целей, но философский камень, квинтэссенция нравственности, которую он стремится получить в научно-проверенном методе перегонки лично наблюдаемой действительности по извилинам сложнейшего драматургического змеевика, для него так же недоступна, как и для его порочных героев.

Он еще раз обращается к истории, надеясь найти в ней ответ на вопрос, ответ, который продолжает от него ускользать: история, этот коллективный опыт всего человечества, стоящий над личным и оденивающий личность мерилom веков, должна стать судьей между ним и действительностью. В такой нравственной обстановке писалась вторая римская трагедия Бен Джонсона: «Катилина (его заговор)».

Основной метод работы остался тот же, что в «Сейне», но работа над масками, где можно было дать себе достаточный простор по части хорических опытов, не прошла бесследно: автор вынес хор в антракты своего действия, поручив ему только вводные и заключительные комментарии, — традиция ранней елизаветинской драмы. Это позволило разрабатывать характеры сравнительно ограниченного количества действующих лиц с подробностью и точностью речевой обрисовки, принципиально требуемой Джонсоном.

В результате вторая трагедия оказалась значительно оживленнее «Сейна», которому она, однако, уступает в грандиозности исторического размаха. Самый сюжет, не раз трактованный уже на елизаветинской сцене, не являясь авторским открытием, а очарование личной характеристики соперничающих деятелей оказалось явлением скорее литературным, чем сценическим.

В части положительных идеалов Бен Джонсон остался верен своему реализму: его Цидерон, затеянный как тип

идеального государственного мужа, в процессе создания трагедии, приобрел живую плоть и кровь, стал одним из типичных елизаветинцев, человеком, вышедшим из ничтожества, благодаря собственным усилиям, неутомимым трудолюбием усвоившим себе высокую литературную и научную образованность (совсем как Джонсон) и достигший, исключительно благодаря личным заслугам перед республикой, высокого положения главы государства — консула. Оставалось только построить апофеоз этого характера.

Но здесь сказалась правдивость историка: разбираясь в отношениях Цицерона, ведущего смертельную борьбу с Катилиной и его сообщниками, Бен Джонсон останавливается на участии в заговоре Юлия Цезаря и Красса.

Он находит, что отношения Цицерона именно к первому из этих катилинарцев являются по меньшей мере странными. Снисходительность и предупредительность к Цезарю Цицерон проявляет изумительную. Бен Джонсон находит неожиданное объяснение: плебей Цицерон подпадает обаянию либерального аристократа, блестящего шеголя, соединяющего ученость Цицерона с легкостью обращения и изяществом чувства, которое Цицерон считает недостижимым для себя. Поняв положение, Цезарь использует его всемерно. Открыто выступает в Сенате с попыткой спасти жизнь осужденным заговорщикам, одною шуткой отклоняет уличающее его требование Катона и переходит даже к прямым угрозам по адресу торжествующего консула. Трагедия кончается не победой Цицерона, защитника республики, а победой ее будущего ликвидатора — индивидуалиста Кая Цезаря. Опыт создать трагическое торжество идеи под личиной государственности разбился о то чувство конкретности живой человеческой личности, которое было основным чувством всякого художника, воспитанного елизаветинской эпохой. Бен Джонсон мог бы утешаться, что уж оно-то по крайней мере сверхлично, к сожалению, он этого знать не мог.

Эта внутренняя неудача воспринята им была куда острее торжественного провала трагедии. Сохранилось предание о том, как он вел себя в минуты наибольшего неистовства аудитории. Стоя за кулисами, он громогласно вопил: «Хвала творцу! Наконец-то мне удалось написать

печто действительно порядочное — ослы разорались». За точность таких воспоминаний никогда ручаться нельзя, но предисловие автора к трагедии, навсегда оставшейся его любимым детищем, в сущности представляется только распространенным изложением этого возгласа, им же является и посвящение Пемброку.

С этим лордом Джонсона связывала давняя литературная дружба и Пемброк никогда не забывал на новый год послать поэту те двадцать фунтов, на которые Бен Джонсон должен был, по взаимному уговору, купить книг для своей уже не продаваемой теперь и все разрастающейся библиотеки, начинавшей соперничать с библиотекой сэра Генри Коттона. Вообще круг друзей неистового Бена окончательно сформировался и имел свои определенные центры.

Дружба его с его «Музой» — Люси Бедфорд, адресатом того тюремного письма, которое было приведено выше, оставалась безоблачной. Трогательные отношения длились с дочерью Филиппа Сиднея — графиней Ретланд. Бен бывал частым гостем в замке этой «вдовствующей» жены, литературные семейственные склонности которой привязывали ее к автору «Вольпоны» и его молодому другу Френсису Бомонту. В его неезды замковый этикет пропал и можно представить себе, какими гулками раскатами громopodobного голоса Бена оглашались древние своды Ретландов. Это не всегда нравилось изнеженному, выродившемуся и вылощенному последыщу древних рыцарей. Кажется, несчастный импотент, которого, лет двадцать тому, апломб одного бельгийского профессора пытался произвести в Шекспира, вздумал ревновать. Подсмотрев, однажды, как его жена угощает своего ненасытного гостя, он выговорил ей о «непристойности застольничать с поэтами» достаточно кисло для того, чтобы она сочла нужным написать об этом Джонсону. Тот не замедлил ответить и, вероятно, в соответственных выражениях. Ретланд перехватил письмо, но при встрече ничего о том Бен Джонсону не сказал. Инцидент развития не получил. И дружба поэта и поэтессы, по его мнению, «не уступавшей отцу», им не омрачилась. Как не омрачилась она его патетическим чтением поэмы Овербери «Женщина», начатого по просьбе леди, в присутствии автора стихов. Про-

слухав свое произведение до половины, Овербери запротестовал, заявив, что декламатор не читает, а объясняется в любви, а через несколько лет дама еще сохраняла в памяти отдельные стихи этой прерванной декламации.

Литературный салон леди Бедфорд и замок дочери Сиднея находили свое дополнение в загородном поместье лорда Рат, женатого на племяннице Сиднея — леди Мэри, писавшей прозу и в романе «Урания» продолжавшей традицию дяди Филиппа. Здесь на берегах Дюрансы, Джонсон гащивал подолгу и сюда же посылал свои стихи, полные тонких описаний красивого пейзажа этой местности, преклонения перед хозяйкой и товарищеских приветствий «своему Рату». Тон обращения к последнему исключительно прост и интимен, поэтому мы с недоумением обнаруживаем запись Дрюммонда: «Бен Джонсон говорил, что леди Мэри Рат недостойно выдана замуж за ревнивого супруга». Уж не прав ли Флей, полагавший, что объектом ревности оказался автор этого отзыва?

Лорд Пемброк, племянник Филиппа Сиднея, не имел склонности и оснований ревновать к жене своего поэтического друга, здесь ему скорей приходилось спорить с женским пристрастием. Леди Пемброк вспоминала, что ее муж несправедливо считал Бена лучшим оратором, чем себя и не упускал случая заставить его почитать вслух. Как-то дело дошло до легкой пикировки. Пемброк высказал мнение, что «женщины — тени мужчин», графиня обратилась за третьей судом к Джонсону, тот немедленно подтвердил мнение хозяина и дама предложила, в наказание, изложить это мнение стихами, что и было исполнено к общему удовольствию всех троих.

Если Джонсон являлся желанным гостем во дворцах и загородных замках тогдашних представителей аристократической образованности, при дворе ему пришлось, конечно, испытать не одно ушжение и разражаться не один раз теми резкими протестами, за которые, мы не знаем выводили ли его с бесчестьем, но во всяком случае всегда могли вывести. Двор Якова должен был представлять большую смесь: утопченные вельможи, получившие образование в Италии или усовершенствовавшие свою оксфордскую науку при французском дворе,

сидели рядом с грубыми и вечно готовыми на обиду шотландцами и неизменно пьяными датчанами. Во всей этой пестроте огромная фигура Бена, начинавшего уже полнеть, его огромное, изрытое складками лицо, освещенное ярко-блестевшими глазами и нежной улыбкой тонко очерченного рта, не могла затеряться. Современники узнавали его сразу. При дворе он был свой человек, хотя непосредственная надобность в нем являлась раза два в год, но сам он считал себя в праве являться в дом своего хозяина, когда ему вздумается, и широко пользовался этим правом.

Придворные старались не обижать поэта, эпиграмм которого они опасались, а дамы, подстрекаемые совершенным безразличием, которое проявлял поэт к тонкости их чар, обнаруживая полнейшую неспособность оценивать прелесть легкого шепета, заглядывались на это живое воплощение мужественности, поражавшее их чувства вернее всякой любезности.

Бен Джонсону приходилось беспощадно патаскивать этих размалеванных исполнительниц ролей, отведенных им в масках. Возни и интриг было не меньше, чем в театре, а то и больше. Конечно, маска была объемом много меньше, чем любая комедия, но действующих лиц было много, а функции их были сложнее, приходилось делить пень, сольные, дуэтные и массовые танцы. Из-за малейшего преимущества между высокопоставленными исполнителями могла возгореться вражда, грозившая если не государственным, то во всяком случае придворными осложнениями. Все это надо было уметь унять и примирить. Здесь военная дисциплина поэта припомнилась во время.

Впрочем, амур был слишком постоянным гостем маски, чтобы его стрелы не нашли слабого места в суровой броне, которой окружал свою грудь Бен, Геркулес, пожатый королевой Анной за плечо. Около 1608 года написаны им стихи «Харите», даме, исполнявшей роль Венеры в маске «Погона за амуром», имя которой до нас не дошло. Восемь лет спустя, Джонсон вставил в одну из своих комедий отрывок из этой песни, которую часто любил напевать еще одиннадцать лет спустя, а через пятнадцать лет после первой хвалы «Харите», продолжал в стихах прославлять «ту, которая возвращает юность старикам».

Но только редкие избранницы могли тронуть это львиное сердце и взгляд Джонсона останавливался на грубоватой росписи дамских лиц обычно с выражением, ничего общего с восторгом не имеющим. В своих стихах он похвывается, что обедал с придворными остроумцами и красавицами и отлично научился распознавать, у которых из них лица собственные, а у кого поделные. Да, редко у кого из поэтов, со времен Архилоха можно найти более зверскую характеристику женщины, чем та, которую на свою беду накликала на себя злосчастная Сесиль Бельстрод в сорок девятом стихотворении «Подлеска», озаглавленном «Придворная девственница».

Маски продолжали усложняться и Бен Джонсону одному было не управиться с материальным оформлением своей поэтической фантазии. Он показал себя уживчивым распорядителем: балетмейстер Томас Джильс и прекрасный музыкант Ферабоско стали его друзьями, дружбой начались и его отношения с архитектором-художником Инниго Джонсом.

Тот приехал из Италии, где поучался у Палладио. Подобно Джонсону, это был классически образованный человек. В своей области он был не меньшим ученым и подобно Джонсону задавался целью реформировать стиль двора, еще хранивший отпечаток пламенеющей готики. Первое время, этот любимец Христиана Датского и его сестры, она же и королева Англии, шел на поводу у автора поэтического текста представления, к которому он строил и расписывал декорации, да рисовал костюмы. Но по мере того, как, овладевая тайнами идущего к лицу наряда, он становился особой первостепенной важности для каждой из знатных исполнительниц, Инниго становился все более самостоятельным и его роль в представлении все больше начинала входить в круг ведения, очерченный директором Бен Джонсона для поэта-автора. Инниго делался режиссером зрелищной части маски и его режиссура сталкивалась с литературной режиссурой Джонсона. А когда происходило столкновение принципов—Джонсон становился неумолимым и быстро зверел.

Удивления достойна, скорее, необычная кротость, проявленная им в начале конфликта. Он ограничился только шутивным диалогом, предпосланным одной из масок. Автор и архитектор (художник-постановщик) обсуждают

план работы по реализации готового текста. «Для начала выпустим великанов: поставим фигурантов на ходули и пусть ходят по сцене» — говорит архитектор. «Но ведь ни о каких великанах в моем тексте не упоминается» — пробует протестовать автор. — «Велика важность» — не обинуясь возражает архитектор — «великанов еще никто на сцену не выводил.» — «Но чем же объяснить появление великанов? Какой в нем смысл?» — «Это не наша печаль, пусть додумывается публика. Она у нас умная, наверное что-нибудь придумает». Этот спор автора с постановщиком не утратил своей актуальности и в наши дни, равно как и точка зрения, развиваемая последним. Мейерхольд имел предшественника — слушком триста лет тому назад.

Тем не менее разрыв между двумя крупнейшими мастерами должен был стать неизбежен и внутренне, они уже вероятно ненавидели друг друга в десятых годах семнадцатого века. Если он отсрочился, виной этому был не Джонсон: ведь здесь дело шло о «тексте» и «зрелище», по нашему о «форме» и «содержании» — жизненном вопросе всей деятельности Бена. Сохранение мирной обстановки очевидно составляет заслугу Иниго Джонса, который еще не вполне был уверен в своей силе, да и не хотел слишком связываться с Англией. Он еще думал попутешествовать, поэтому вязываться в борьбу, которая могла кончиться только изгнанием одного из соперников от двора и обязать полной ответственностью за маски победителя, закрепляя его надолго в Уайтхолле ему не улыбалось. Но в отдельных стычках, вероятно, недостатка не было.

Пока что, как видим, они кончались в пользу Джонсона и триумф каждой новой маски засчитывался в актив автора текста. Бен привязывался к этой тонкой работе и с особенным удовольствием занимался ею в тех случаях, когда дело касалось принца Генри, молодого человека одного возраста с незабываемым первенцем, «лучшей поэмой Бена Джонсона». Ему он посвящал самые фантастические композиции, пробегая мысленно героинку и рыцарского романа («Маска Оберона») и привычную героинку троянского цикла. Стройный юноша, которого Джонсон не раз сравнивал с кипарисом, забывшая мрачное и слишком скоро сбывшееся предвещание

Скрытое в этом комплименте, был не только его личным любимцем, лондонцы утешались надеждой на лучшие дни под управлением подрастающего красавца; нарастающая распря, носившая пока характер авангардных боев, пробы и взаимного накопления сил, еще была далека от изживания монархических иллюзий. Буржуазия надеялась на компромисс и готова была примириться на парламентарном режиме, даже не слишком развитом. Идея благого правителя, восстанавливающего Хартию вольностей, находила живое воплощение в личности молодого принца, а он находил пламенного поклонника в лице недавнего тюремного сидельца, а ныне поэта-лауреата.

Так титуловали Джонсона его литературные друзья, завсегдагаи таверны «Сирены», где он диктовал на знаменитых «пирах остроумия», память о которых сохранила в посланиях Бомонта, Донна, письмах Драйтона и записках Феллера, где прислушивались в равной мере к его речам и к его возражениям и к его молчанию, которое умело звучать то похвалою, а то порицанием. Здесь происходили те «сражения остроумия» между ним и Шекспиром, о которых Феллер сохранил столь часто приводимую формулировку, сравнивая Бен Джонсона с тяжело груженным испанским галлионом, с трудом отбивающимся против легко оснащенного и слабее вооруженного, легкого и увертливого английского брига.

В низкой зале таверны было, должно быть, жарко и душно от табачного дыма и винных испарений, коптели и оплывали сальные свечи и близко сидели друг к другу двадцать пять «сирениаков», собиравшихся в этой таверне на Хлебной улице, в первую пятницу каждого месяца, как об этом вспоминал в своем к ним послании из... Агры, тот самый Корэйт, который научил англичан диковинной манере есть вилок и ножом, а не прямо руками с блюда, по системе Елизаветы-Цинтии.

Отсутствовал за русалочьим столом не один Корэйт. Один из наиболее внимательных собеседников, поэт и благосклонный слушатель доклада Христофора Марло об атеизме, как единственной форме правильного верования, сер Уольтер Роллей с 1603 года сидел в Тоуэре. Человек его закала не мыслим в бездействии и основатель Виргинской колонии, старый пенитель морей, неотъемлемая фигура истории елизаветинского царствования

занимался писанием «Всемирной истории», первого в мире произведения этого рода. Литературные друзья не забывали его, они наперебой старались облегчить циклопическую работу, затеянную узником, посылая ему справки материалами и выписками из собственных исследований. Не Бен Джонсону было отставать от других. Он направил к сэру Уольтеру свою работу об одном эпизоде эпохи Пунических войн. Неисправимый пират оказался верен себе: он просто включил весь доставленный ему текст в один из томов истории, нимало не беспокоясь огэваривать заимствование. Это детальное исследование обстоятельств восстания наемников в Карфагене до сих пор колом торчит в беглом изложении Пунических войн истории Роллея и нередко перепечатывалось как отдельная книга. Любопытно, что Бен заинтересовался тем именно эпизодом средиземно-морской истории, который почти через триста лет привлек к себе внимание другого неутомимого литератора — Флобера: сюжет Саламбо. «Сер Уольтер Роллей всегда предпочитал славу честности» грустно замечал впоследствии Бен Джонсон.

Этот вывод для него не являлся открытием: он слишком хорошо знал своего старого друга-покровителя и слишком был подчинен его обаянию, чтобы особенно на него претендовать, да и узник, должно быть, нашел слова способные сгладить возможное неудовольствие поэта. Скоро он попросил от него новой услуги. Старший сын сэра Уольтера закончил свою университетскую карьеру и, покинув Оксфорд, должен был, по обычаю золотой молодежи своего времени, попутешествовать. Роллей посылал юношу в Париж и предложил Бен Джонсону сопровождать молодца, руководить его научными работами и поведением. Нельзя сказать, чтобы выбор по второму пункту был столь же удачен, как по первому: сорванец вряд ли мог найти лучшего товарища для своих проказ, чем приставленный к нему ментор.

История сохранила крайне неполное описание подвигов, совершенных в Париже этими двумя англичанами. Мы знаем с собственных слов Джонсона, что он виделся с кардиналом Дюперроном, автором французского перевода «Энеиды» Виргилия. Перевод этот был очень прославлен в Англии и больше всех восхищался им король Яков. Кардинал пригласил Бен Джонсона и, осыпав его

отборными цветами французской любезности, свел разговор на свое знаменитое произведение: вольный перевод *Виргилия*. «Я сказал ему, что его перевод — дрянь» говорит фанатичный приверженец буквального перевода

Но богословие не отпустило Бена Джонсона и в своей несветской форме. Как, на грех в Париже оказался ученый протестантский священник Даниэль Фитли, приехавший из Оксфорда, где имел несчастье быть надзирателем молодого Роллея (его аттестация сохранилась — она, что называется, неблагоприятная), вовлеченный со Смитом, будущим епископом Халкидонским в контроверзу на тему о «Реальном присутствии (христового тела и крови в вине и хлебе причастия)». Важность и жизненность этой темы не оставляла никаких сомнений для спорящих, но отношение Бена Джонсона, официально вызванного присутствовать при этом состязании, в качестве человека знатной учености и недавно возвращенного от католичества в протестанство, повидимому, было иным. Протокол диспута уцелел и скреплен подписью Бена, подтверждающего точность и полноту записи секретаря. Пря тянулась долго и вкратце пересказана свидетелем в «*Варфоломеевой ярмарке*». Возможно, что заключительные реплики пререкания в комедии сохранились точнее, чем в протоколе. Вмешиваться в контроверзу Бен нисколько не намеревался и его молодой спутник мог вдоволь наслаждаться обманом надежд своего строгого бывшего воспитателя на помощь со стороны новогонисходительного наставника.

От чужого крика и усердного безмолвия у Бена сильно пересохло горло и, при первой возможности, он в сопровождении своего пасомого отправился поправлять дело в ближайший кабак. Учитель и ученик очевидно усердно комментировали там доктрину реального присутствия, настолько усердно, что когда Бен впал в бесчувствие, молодой Роллей, наняв открытые носилки, велел прогуливать гигантское и неподвижное тело своего руководителя по улицам Парижа. Сам он шел рядом и приглашал жителей насладиться назидательным зрелищем: «тело это — пояснял он — много поучительнее зрелища святых даров, ибо в нем несомненно и очевидно присутствуют и вино и хлеб».

Возможно, что комментарий этот, по рассеянности

преподавался на английском языке или с таким акцентом, который делал проповедь окружающим непонятной, а потому и спас обоим жизнь, находившуюся в самой реальной опасности. Добрый город Париж по части католического фанатизма не уступал протестантскому фанатизму по ту сторону канала и людей в нем убивали за куда меньшие шалости.

По этим двум уцелевшим эпизодам мы можем судить о том, чем было это поучительное путешествие вообще. Оно тянулось около года и могло бы затянуться подольше, если б сэру Уольтеру не пришлось срочно отозвать сына домой.

ИЗДАНИЕ «ТРУДОВ». ПРОГУЛКА В ШОТЛАНДИЮ. УЧЕНАЯ СТЕПЕНЬ. КОНЕЦ ЦАРСТВОВАНИЯ ЯКОВА.

Путешествие началось осенью 1612 г. и кончилось летом следующего года. За это время успело произойти довольно много событий, грустных и веселых, как это всегда бывает. Вышла замуж принцесса Елизавета и король жалел, что маску по этому случаю пишет не Джонсон. Тот имел по крайней мере удовлетворение, что она поручена именно тем двум, которые одни «кроме него способны написать порядочную маску» — Джорджу Чапману и Френсису Бомонту. Уехал из Лондона Шекспир, пришедший к заключению, что земельные операции доходней театрального дела, умер принц Генри, еще недавно смутивший Бен Джонсона, когда с юношеской серьезностью просил сообщить ему точные указания об источниках, на которых основана первая часть «Маски королев».

Эта смерть обрывала все шансы короля Якова, как в смысле удерживания терпеливости своего доброго народа на прежнем уровне, так и на возможности столь долго лелеянного проекта испанского брака. Добром испанское золото в Англию залучить очевидно было нельзя. Принц Карл был еще слишком молод для брака, а деньги проматывались все с большей стремительностью и стоимостью золота продолжала уменьшаться. Надо было отгрызаться на его количестве. Яков решил спустить с цепи Уольтера Роллея. Этим кстати доставлялось боль-

шое удовольствие верноподданным обитателям столицы, которые много шумели по этому поводу и создали успех романтической комедии Бомонта и Флетчера, весьма недвумысленно предлагавшей добрым ремесленникам взяться за оружие и освободить «любимца звезд» — Филастера из тюрьмы, где его держит король острова... Сицилии, видящий в нем помеху браку... своей дочери с испанским принцем.

Роллею был дан подряд на открытие Эльдorado, завоевание Гвианы и вообще на доставку возможно большего количества золота в Англию. О всех его «преступлениях» позабыли мгновенно и доблестный флотоводец задерживался в Англии только работами по снаряжению своей эскадры. Сына сер Уольтер считал уже достаточно подготовленным к участию в походе и намеревался взять с собой. Он не без любопытства выслушал о приключениях в Париже и вероятно пожурил сына: он терпеть не мог выходок подобного рода, но леди Роллей была в восторге, она уверяла, что в молодости ее Уольтер был точь-в-точь таким же. Писание всемирной истории закончилось и шесть томов ее не угрожали дальнейшим увеличением своего числа лондонским типографиям. Это обстоятельство не могло быть для Джонсона безразличным. Уже в 1612 году он подготовил к печати собрание своих драматических произведений, начиная с первой комедии нравов. Книга вышла достаточно объемистая и должна была произвести весьма внушительный эффект, до нее еще ни разу не выходило собрания драм кого-либо из елизаветинских драматургов, — дальше тоненьких тетрадок, выпускаемых преимущественно театральной администрацией, в целях закрепления за своим предприятием собственности на данный текст, никогда не шли. Джонсон и здесь являлся новатором, утверждающим за драматургом такое же право на собрание своих трудов, как и за авторами недраматических поэм.

Но когда дело дошло до самого тиснения, оказалось, что книге приходится стаять в очереди — станки и набор были заняты «Всемирной историей» сэра Уольтера, а ей конца не предвиделось. Теперь, хотя ждать попрежнему приходилось, но срок ожидания мог считаться конечным. Не дожидаясь его, Бен Джонсон стал обдумывать новую комедию.

Поездка оторвала его от придворной обстановки, дала возможность безраздельно насладиться тем вольным бродяжничеством, которое было дорого дням его молодости. После утонченностей масок ему, видимо, захотелось вновь поработать над живописностью ярмарочного красноречия. Вспоминая свое парижское менторствование, он мысленно представлял себе, чем бы оно было, вздумайся ему всерьез принять на себя обязанности гувернера дядьки. Так слагались комические положения, в которые попадают и Вэсп и его воспитанник Кук. Если совесть упрекала Бен Джонсона за недостаточно внимательное отношение к поручению сэра Уольтера, то, в процессе сочинения этой самопародии, она должна была успокоиться.

А от такого настроения нетрудно было перейти и к вопросу о правомерности приложения моральных правил, нежизненных, но придуманных, хотя бы и из благих побуждений, к существующей конкретной действительности. В комедии «Варфоломеева ярмарка» ответ дается весьма решительный. Все такие попытки оканчиваются к поощрению именно того, что желают искоренить, и обращаются против самих моралистов-исправителей. Все обличители в конце концов переловлены полицией и посажены в колодки. Латинист — судья, задумавший искоренить безобразия на ярмарке, путешествуя вдоль ее ларьков инкогнито, по системе Гарун-Аль-Рашида, строгий дядька безмозглого сорванца и пуританский проповедник, рэби Бизи-Ревность-Страны.

Длинная, развеселая комедия не имеет героев, несмотря на большое количество действующих лиц — героем ее является сама ярмарка. Она не имеет и длительной интриги, отдельные ее элементы, возникшая и едва успев конкретизоваться, растворяются в потоке общего ярмарочного движения, тем не менее, ведущего к тому, что все действующие лица комедии к моменту окончания пьесы оказываются в положении прямо противоположном тому, которое занимали при поднятии занавеса.

В этой комедии Бен Джонсону удалось, наконец, после многолетней борьбы разрешить задачу напряженного действия, лишённого интриги и построенного вокруг национальной темы, не хоровода, в аристофановском стиле, а ярмарки, объединяющей праздничное движение с бы-

товым обиходом современников. Но эта удача далась дорогой ценой: веселая комедия плод отчаяния автора. Ему пришлось отказаться от звания моралиста и исправителя нравов, от того, что он считал своим жизненным назначением. Пока он теоретически обдумывал вопрос о создании новых норм поведения, нашлись люди, которые принялись за дело практически: это были пуритане.

То обстоятельство, что пуританство при Якове имело с елизаветинским пуританством общего только имя, что оно вышло за пределы религиозного сектантства и обратилось в политическое движение буржуазии, во имя той самой переделки общества и подчинения индивидуальности классовым интересам на время подготовлявшейся борьбы, ускользало от внимания Бен Джонсона по той же причине, по какой ежесекундные изменения наружности человека остаются незамеченными тем, кто с этим человеком живет в одной комнате и постоянно видит его лицо. Для Бена пуритане были дикими изуверами худшего средневекового толка, реакционеры, старающиеся тащить страну назад в объятия схоластической невежественности и подчинить всех диктатуре своих попов, жадных, лицемерных, наглых и лживых, как всякие попы, да сверх того до крайности глупых и невежественных, а что всего хуже — стремящихся навсегда уничтожить свободное, языческое веселье старой Англии. Не в театре было дело. Все, кто говорил или писал против театра, не пошли в его осуждении дальше тех обвинений, которые изложены Джонсоном в предисловии к «Вольпоне». Важно было, во имя чего осуждается театр, а осуждался он раби Бизи во имя библейского текста, запрещающего переодевание женщин в мужское платье и обратно — мужчин в платье женское.

Джонсон не обманывался и от глупости раби Бизи не заключал к его ничтожеству. Он влагает в глотку этого пророка определенное указание на близость и неизбежность гражданской войны. Гнилость режима была ясна придворному поэту, он понимал, что придворная дрянь не сможет отстоять страны от нападения дикарей изуверов, какими он себе рисовал пуритан. Еще недавно он задумывался над историей Катилины. Но там его герой опирался на кучку обделенных в государственном грабеже дворян, к тому же ему противустояли Цицерон и

Катон. А сейчас он не видел в поле своего зрения ни того, ни другого. Да и анализ, проделанный им при создании несчастной трагедии, должен был разочаровать его в обоих образцах античной доблести. Положение было явно безнадежным и комедия являлась прощанием с той жизнерадостностью, которую впитывал в себя юноша-каменщик, читавший Овидия, в перерыве укладки кирпичей училища римского права. Она — итог и прощание.

Сыграли ее в октябре 1614 года. Играли на новом месте. Старый «Глобус», театр, с которым было связано столько воспоминаний, лежал в развалинах. Бен Джонсон лично наблюдал пожар, истребивший его в предыдущем году, вскоре после возвращения из Парижа. Старый стервятник Генсло только и ждал исчезновения конкурента, чтобы обосноваться на его месте. Рядом с пепелищем «Глобуса» он успел водрузить свой театр, многозначительно названный «Надежда» и равно приспособленный как под актерское представление, так и под медвежью травлю. В этой «Надежде» (которой было суждено обмануть своего обладателя, по общему правилу всякой надежды) и была сыграна «Ярмарка». Через год «Глобус» был выстроен заново и стал работать не хуже прежнего к превеликому огорчению Генсло.

Успех комедии был огромный. Он искренно огорчил Бена Джонсона. Комедия была принята как фарс и радовались именно тем грубым шуткам, которые она осмеивала. Замечательную сцену кукольного театра скоро вымарали, чтобы не дразнить пуритан — острота и предупреждение об опасности понята не были. Такой успех для Бена казался хуже всякого поражения. Он надолго отказался от работы для театра.

За два года до него такое же решение принял, как мы видели, Шекспир, а немного позже Шекспира другой друг Джонсона — Фрэнсис Бомонт. Факт оставления драмы тремя наиболее могучими поэтами эпохи и хронологическая близость этих отречений со стороны людей, находившихся на вершине литературно-сценической славы, не случаен. Театр перестал быть интеллектуальным центром города, он переставал быть народным зрелищем, местом обслуживания интересов широких масс населения и все более становился сословным предпри-

ятием, со всеми из этого вытекающими последствиями. Участь эта была естественной и зародыш ее имелся в самом акте освобождения театра от городской цензуры. Эта его победа, приведшая к расцвету индивидуального творчества, теперь оборачивалась своей дурной стороной. Тем, кто хотел и быть в театре чем-либо побольше чем простым развлекателем, в нем уже нечего было делать. Отъезд из Лондона замедлил уход Бен Джонсона от театра, а может быть и прирожденные ему упрямство и оптимизм, но такой исход все равно был неизбежен.

Через год с небольшим вышел том его драматических произведений. Это было новой сенсацией. Небывалый факт обсуждался с обычной страстностью в сопровождавшей каждое новшество Бена. Поражала сложность драматурга, озаглавившего книгу именем «Труды», драматические поэмы обычно не принимались в серьез и их называли «игра». Кто-то из остряков-литераторов, может быть Марстон, отчаявшийся в надежде вернуть себе расположение учителя, придумал объяснение в формуле: «что иному игра — Бен Джонсону труд». На этом все успокоились, но термин остался в английской литературе и до сих пор всякое собрание сочинений там называется «Труды».

А время шло и двор вел себя, как бы припоминая ту греческую поговорку Тиверия, которую он мог найти в джонсоновском тексте «Сеяна»: «когда умру, пусть хоть огонь с землею смешивается». Праздник сменялся праздником, торжество торжеством. Маска заказывалась Бен Джонсону за маской. Он писал их с обычной тонкостью и удовольствием, ему нравилось играть цветами, мотыльками и радугой, к тому же Иниго Джонс уехал из Англии вскоре после «Ярмарки», и никто не мешал ставить маски, как этого хотел бы их писатель.

Было ли расставание ссорой, не представляется возможным установить. Отношения давно были натянутыми и вряд ли то сходство с Иниго, которые современники упорно усматривали в марионеточном деле мастера последней комедии, было способно смягчать развившееся в архитекторе озлобление. личной сатиры конечно не было, равно как и портретного сходства, Джонсон наделал Ланторна некоторыми чертами Джонса в не большей мере, чем наделял своим воображаемым положением

дядьку Вэспа или пристрастием к цитатам из латинских поэтов судью Оверду. Впрочем человек настороженный и придирчивый мог обидеться, что его, художника и планировщика мизансцен, приравнивают к мастеру дергать мариоцеток за веревочки. Общая участь мастеров мизансцены — им всегда приписывается склонность обрратить своих лидедеев в куклы.

Все же свое отречение от театра Джонсон переносил с трудом и не выдержал: в год выхода «Трудов» была сыграна его новая комедия «Чорт глуп, как осел». Яркая сатира этой пьесы направлена по трем линиям. Первая стрела пушена в разрастающуюся страсть к обновлению стародавней комедии с чертями, обнаруженную театром, все более терявшим городскую публику и прибегавшим к старым рецептам вовлечения зрителя в свои пустевшие залы. Второй удар направлен против общего интереса к чертовщине, поощренного личным пристрастием короля к вопросам демонологии. Яков в свое время написал целую книгу на этот предмет и, в качестве шотландца, свято веруя в наличие ведьм, принимал непосредственное участие в процессах, возбуждаемых против женщин, заподозренных в столь ужасном злодеянии. Он настолько заботился о научной постановке вопроса, что в этих процессах даже не вмешивался в судоговорение, отклоняя от себя судейские привилегии своего сана, а довольствовался ролью эксперта по опознанию действительных признаков ведьмы. К чести Якова будь сказано, он чаще всего находил, что подсудимые не удовлетворяют всем признакам, которые по его трактату должны иметься у подлинной ведьмы. Здесь говорило не человеколюбие и не сомнение в самом существовании ведовства, но педантизм схоласта, желавшего полного полтверждения своей слепой системы. Издеваясь над концепцией чорта, существа настолько глупого, что средней руки лондонские мошенники обводят его вокруг пальца и подводят его настолько, что ни в чем неповинного чорта приговаривают к повешению, Джонсон высмеивал и возможность союзников у этого нелепого существа в обществе, столь далеко опередившем ад по части лукавства.

Третья стрела задевает правительственную изобретательность по части измышления монополий и спекуля-

тивное прожектерство, в те времена распустившееся махровым цветом. Эта часть сатиры была каплей, переполнившей чашу терпения Якова — он лично предложил Джонсону вымарать «непристойную историю с продажей подводных земель». Поэту оставалось мириться с этой купорой. Она была возмещена заказом маски. Всего за время с 1614 по 1618 год Бен Джонсон написал и поставил их пять. Но все-таки зимой восемнадцатого года двор остался опять без маски Бен Джонсона: поэт ушел из Лондона.

Летом восемнадцатого года он заявил о своем намерении совершить прогулку пешком. Прогулка намечалась подстать Бенову размаху вообще, из Лондона в Эдинбург, т. е. от одного края острова до другого, в длину. Причину Джонсон выставил вполне уважительную: он растолстел и считал, что добрый модиион будет ему полезен, лучшего, действительно, придумать было нельзя. Однако, можно думать, что этому объяснению хитроумного поэта не очень поверили, и кто следует дал ему понять, что от такой эксцентричной прогулки лучше бы отказаться. Бэкон выразил ему свое мнение о способах передвижения поэзии: лучше всего ей идти не иными стопами, как хорей и дактили. Были, вероятно, и другие указания в том же роде, но когда упрямство Джонсона оказалось неодолимым, кое-кто из придворных решил высмеять всю затею и затепить ее исключительность.

По Темзе плавало много лодочников-перевозчиков, среди них был поэт, звали его Тайлор. Поэт он был маленький, а скромная его профессия заставляла его вышучивать. Этому маленького поэта субсидировали на пешеходное же путешествие в Эдинбург. Оно должно было опередить странствие Бена и придать комический характер этой затее. Сам Тайлор совершенно не понимал смысла своего странствования и меньше всего был намерен обижать великого Бена, перед которым искренне благоговел. Но понимания от него и не требовалось. Увидав, что Тайлор двинулся в путь, Бен Джонсон только еще более укрепился в мысли о необходимости своей прогулки. Демонстрация все-таки. В чем же она состояла и против чего был направлен этот оригинальный протест? Это был акт верности старой дружбе.

Сэр Уольтер Роллей, баловень военного счастья, как и все баловни Фортуны, испытал ее конечное предательство. Экспедиция его успеха не имела, наспех снаряженная и скверно вооруженная эскадра была разбита испанцами. у берегов Гвианы, сын Роллея, недавний воспитанник Джонсона пал в бою. С большими трудностями после долгого плавания сэр Уольтер привел спасенные от врага корабли в родные воды. Его немедленно арестовали и возобновили старое дело о государственной измене, католичестве и безбожии. Казнь его была предрешена и приблизительно стало известно и время ее совершения. Двор принял это известие с молчаливым спокойствием. Абсолютизм успел вытравить последние признаки гражданского мужества из среды своего ближайшего окружения.

В свое время Бен Джонсон не побоялся один против всех оправдывать арест Эссекса королевой Елизаветой, которая только-что едва не повесила его самого, сейчас он с таким же упрямством и попрежнему один заявлял протест против действий короля Якова, который осыпал его милостями и совсем недавно пожаловал пенсию в сто марок погодно. Бен Джонсон уходил от двора, желая быть как можно дальше от того места, где будут рубить голову его старому другу и одному из первых покровителей. Впрочем, Яков, кажется, не обижался и деятельно расспрашивал поэта о подробностях путешествия, затеянного в его бывшую столицу.

Джонсон спокойно отмахал положенные четыреста миль. В Дарлингтоне он купил себе новые башмаки взамен износившихся в пути и предупредил лавочника, что на обратном пути возьмет у него еще пару. Тридцать лет спустя в городке еще помнили об этом происшествии, — такова была слава Бена.

Эдинбург принял его с почетом, пожаловал ему звание своего гражданина и внес в списки гильдейского братства. Был устроен банкет в ратуше и гостя чествовали, как заезжего вельможу. Тайлор был уже в Эдинбурге. Он не преминул явиться на поклон к своему, как он писал домой, «давно испытанному и верному доброму другу». Бен Джонсон тогда стоял у филолога, дельца и юриста, сэра Джона Стюарта. Он ласково встретил трогательного лодочника, собиравшегося уже

в обратный путь. «Мастер Бен Джонсон, — пишет Тайлор, — подарил мне золотой, чтобы я вышел за его здоровье в Лондоне.» Жест этот имел двойной смысл: он показывал что Бен ничуть не в обиде на Тайлора, но что в деньгах он отнюдь не нуждается и путешествует пешком не «из экономии, как Тайлор», о чем был своевременно пущен слух.

Обед, данный Бену, обошелся городской казне 221 фунт слишком, на 21 фунт больше той суммы, которую поэт выручил от всех своих театральных произведений и в двадцать один раз больше пенсии, которую ему положил король. В два раза больше ее была и сумма, израсходованная на изготовление почетного гильдейского билета. Отцы города показали себя небывало щедрыми.

Так среди банкетов и бесед с учеными шотландцами тянулось время, отделяющее Бена от трагедии, которая готовилась в Лондоне. С начала августа до января его удерживали в Эдинбурге и банкет в ратуше происходил вероятно в двадцатых числах октября месяца. Можно думать, что празднество, расход по которому отнесен на 26 число, было затеяно именно с тем, чтобы рассеять мрачность почтаемого гостя. Двадцать девятого октября, на эшафот, окруженный огромной толпой народа, вошел сэр Уольтер Роллей, последний из поколения победителей Непобедимой Армады.

«Благодарю, вас дорогая моя, — писал он жене, — за труды, которых вы натерпелись, хлопоча за меня. Самое грустное для меня то, что я уже никогда не смогу вас за них отблагодарить. Не стоит обо мне горевать: мне это все равно не поможет, а у вас отнимет последние силы. Их у вас и так немного, а они понадобятся еще нашему сыну — надо же будет что-нибудь спасти для него».

Вольнонаемный, а потому и перепуганный палач (прикосновение профессионала было бесчестьем и знатным предоставлялось его избегать) попросил Роллея переменить положение головы на плахе, по его мнению она плохо лежала. «Неважно, как лежит голова, было бы сердце на месте! Не стесняйся, пожалуйста, бей да бей крепче!» Но первый удар был неудачен и сэр Уольтер оставался, как был, не изменяя положения

и «никак не двигаясь», пока второй удар топора не отделил от шеи его храброй головы. Лицедейство было в крови у всякого елизаветинца и Роллей играл свой пятый акт в лучшей манере Аллейна, Бербеджей и Фильда.

Джонсону было, повидимому, трудно строить веселое лицо на людях и, пользуясь приглашением многочисленных своих почитателей, он провел остальное время за пределами «второго ока Англии», как он пазывает шотландскую столицу. Один из этих визитов особенно памятен, мы обязаны ему почти всем, что знаем о подробностях жизни Джонсона до 1619 года.

Невдалеке от столицы, в тихом и идиллическом Хоусордене проживал скромный молодой поэт, Вильям Дрюмонд, свояк одного из шотландских друзей Джонсона. Это был типичный провинциальный лирик-эстет, проводивший время в прилежном изучении Петрарки и ронсаровцев, в которых был начитан до крайности, и в писании собственных сонетов, утонченных, бескровных и посвященных памяти умершей красавицы, которая, может быть, существовала вообще только в изнеженном чужой лирикой воображении своего барда. Можно себе представить, как затрепетал тихий манор при гулком появлении огромного гостя. Дом быстро наполнился стуком тяжелых шагов, окна дрожали от раскатов красноречивого голоса и внезапных взрывов сатанинского хохота. Все существо бедного Дрюмонда сжималось от бесцеремонных характеристик, быстрых и неумолимых оценок, жестоких воспоминаний. Доставалось всем. Интимные подробности физического строения покойной королевы, бессовестность Сольсбери, трагические подробности смерти Филиппа Сиднея, безграмотность Шекспира, заставляющего корабли приставать к Богемии, от которой скачи-скачи ни до какого моря не доскачешь, чередовались с определениями сравнительных достоинств того или иного стихотворного метра, перечислением начатых и намеченных поэтических работ, характеристикой признаков хорошо написанной эпиграммы и воспоминаниями о собственных проказах в дни невозвратной молодости. Не раз приходило гостю на язык имя новопреставленного Роллея, одновременно возникало желание стать священником, чтобы заманить

короля на исповедь, да так его отчитать, что потом хоть голову руби, а не забудет.

Скромный Дрюмонд ежился, но слушал и, когда страшный гость уходил спать, рукой, дрожащей от волнения, а может быть, от непривычного количества проглоченного за компанию вина, кратко заносил сущность прослушанного. Многие ему не нравились в этих суждениях, а больше всего он огорчался тем, что запасы его погреба, рассчитанные, пожалуй, на всю жизнь владельца, подеергались непрерывному расхищению, непомерными дозами исчезая в неутолимой утробе поэта-лауреата. Тот, должно быть, заметил шотландскую скуповатость хозяина и вел себя как Гулливер у лиллипутов. Гостеприимный кров был покинут им только в середине января 1619, а Шотландия в конце этого месяца.

Обратный путь прошел без приключений. В Лондоне его встретили друзья. Среди дорогих приятелей, вышедших за город и приветствовавших возвращение беглеца, его, должно быть, не слишком обрадовала недостаточно забытая фигура Иниго Джонса. Тот тоже вернулся. Оглядывая друзей, Бен мог подсчитать потери: умер Шекспир, умер почти одновременно с ним Бомонт, но жив был Иниго Джонс, которого при всем желании нельзя было назвать «презренным». Впрочем тот был человек италиянской школы и вел интригу медленно, смакуя, растягивая ее на года.

Пока, все шло хорошо. Англия почувствовала себя неловко от почестей, оказанных ее поэту Шотландией. Пемброк стал придумывать исход. Он снесся с друзьями по школе, и Оксфордский университет постановил даровать ученую степень Джонсону, гонорис кауза и не в пример прочим. Вспомнили посвящение «Вольпопы», филологические труды, сложнейшую мифологию коронационного представления и масок. Семнадцатого июля при полном собрании ученого капитула университета звание доктора филологии было торжественно признано за лицом, никакого университета не копчавшего и начавшего свою самостоятельную жизнь укладывая кирпичей на растворе.

Через четыре года после этого торжественного дня старый деревянный домишко, в котором жили еще родители Джонсона, загорелся. Спасти не удалось ничего.

Погибла с такими трудами и лишениями собранная библиотека, погибли тетради филологических исследований, которым Бен отдавал все утренние часы каждого дня своей уже тогда долгой жизни, погибла длинная поэма о великих людях Англии, поэма о короле Артуре, а что больше всего печалило Джонсона — погибла уже совсем готовая английская грамматика и труд всей его жизни: перевод поэтики Горация, сравненной с поэтикой Аристотеля и комментариями Джонсона о применении их систем к современному искусству. Полный каталог утрат он приводит в полушуточной поэме — «Проклятие Вулкану».

Гибель многолетних трудов Бен принял со стоическим спокойствием и с елизаветинским добродушием; друзья горевали больше его. Их было немало, но это не были уже участники давних споров в таверне «Сирены», да и характер дружбы изменился. Теперь это не были равные товарищи и соперники по ремеслу, Бен был бесспорным диктатором и окружали его почитатели, ученики, называвшие себя «Коленом Вениаминовым». Исчезла и сама таверна «Сирены» — но Лондон не оскудевал значными местами. Еще было испанское вино в кедровых бочках, еще не перевелись кабаки. Под вывеской «Солнца», под вывеской «Пса», но чаще всего под вывеской «Чорта» собиралось это отнюдь не библейское колено и в зале «Аполлона» долго еще сохранялись золоченые буквы латинских двуступишь, в которых родоначальник преподавал своим «детям» правила застольного, поэтического и жизненного поведения. Попп и Адиссон еще успели их прочесть в оригинале.

Тем временем шотландское упрямство, унаследованное от предков не только Джонсоном, но и его королем, начинало сказываться. Не в отношении поэта, тот сумел переупрямить повелителя и к немалому удивлению знакомых увернулся от возведения в рыцарское звание, а в отношении пресловутого испанского брака. На зло всему своему доброму народу, нарочито же на зло верноподданному парламенту, недвусмысленно требовавшим участия Англии в войне, которой суждено было длиться тридцать лет, на стороне протестантов и против Испании, Яков при содействии испанского посла Гондомара и Джорджа Виллье, маркиза Букингэма, двух наиболее не-

навидимых в Англии людей, направил в Испанию уцелевшего сына, принца Карла, свататься за инфанту. Велика была радость, когда обнаружилось, что принц, посмотрев невесту, повернул домой. В знак «благополучного возвращения» пошли повсеместные праздники, Кембриджский университет на много лет усвоил похвальную привычку жечь фейерверк в память счастливого события, а Томас Мидлетон написал и поставил пьесу «Партия в шахматы», доставившую огромные барыши бывшим товарищам Шекспира, а затем тюрьму автору и штраф в неслыханную сумму триста долларов, уплаченный актерами немедленно, вещь еще более невероятная.

Двору приходилось праздновать благополучное возвращение принца, но как ни старался Джонсон принять этот термин в буквальном смысле, он не смог выполнить поставленной себе задачи и «Триумф Нептуна» весьма недвусмысленно выражает радость по поводу того, что Альбион сохраняет свое блистательное одиночество в обладании морями. Маску эту пробовали ставить, но под предлогом разногласий между испанским и французским послом о том, где кому сидеть, отменили праздник в целом. Не обошлось без Иниго. Он старался изо всех сил оттеснить своего антагониста и успевал в меру того, как слабел король Яков, явно собиравшийся помрять. В 1624 году, отвечая стихами кому-то желавшему вступить в члены Колена Вешминова, Бен Джонсон жалуется на то, что его уже не держат в курсе дворцовых затей, что Иниго там укрепился и теперь славится искусством «учить плясать медведей».

Яков умер и все взгляды устремились на его наследника, отвергнутого инфанту и женившегося на французской принцессе, несмотря на все старания отца. Ненависть к последнему была перенесена на фаворитов. Как всегда бывает в подготовительную к революции эпоху, монархические привычки большинства населения изживаются в ненависти к фаворитам, которые делаются ответственными за режим. Так французы ненавидели герцогиню Ламбаль, русские Распутина, а англичане Джорджа Букингема. Он и считался всячески ответственным за попытки испанского брака. Ненависть к нему достигла особого напряжения именно в момент смерти

старого короля. Надеялись, что повый по крайней мере отрубит голову Букингэму. Увы! первое, но не последнее разочарование подданных в Карле I началось с того, что Букингэм при нем оказался в еще большей, чести, чем при отце.

Новое царствование. Возвращение в театр. Склад новостей. Обвинение в убийстве Букингэма. Последние комедии. Последние маски. Робин Гуд. Смерть.

Во всяком случае он не использовал своего авторитета в пользу Джонсона, за которым ухаживал во времена своего возвышения при Якове и которому заказал «Цыганскую маску», принимая короля впервые в своем новом поместьи. Возможно, что он учитывал безнадежность этого предприятия. Ни королева, выросшая на традициях изысканного и жеманного салона Рамбулье, ни женственный и нервный король не могли испытывать удовольствия от присутствия при дворе человека, являвшегося наглядным воплощением противоположных качеств. Страстность, которую Бен Джонсон развивал в спорах, откровенность, которую Карл вообще считал неприличной, самоуверенность, обижавшая короля, полагавшего, что в его присутствии она должна исчезать, хотя бы из вежливости, свобода манер, столь далекая от луврского этикета — все это делало поэта фигурой невыносимой для Генриеты и ее мужа. Иниго Джонсу стоило небольших трудов ликвидировать старого врага и если он не сделал этого же в первый год царствования, то надо признать в нем некоторые зачатки великодушия.

Впрочем длилось оно недолго — к двадцать седьмому году, затихавшая уже маскарадная работа Бена прекратилась совершенно, да и сам поэт не был способен развить должной настойчивости в сопротивлении: сказывались годы, надвигалась болезнь, но мешала и гордость. Бен чувствовал, что и сам он не ко двору в этом дворе, который пугался шума его шагов, его крепкой мысли, заставлявшей думать всякого, кто приходил с ним в соприкосновение, его привязанности к реальности, не

покидавшей его в самых фантастических узорах его самых фантастических сочинений. Политическая обстановка Англии была такова, что при дворе больше всего боялись думать, утонченная игра слов заменяла реальность и изящный хоровод офрандуженных плясунов наслаждался воздушностью своего танца, не желая видеть, что это парение является непосредственным результатом того, что почва уже давно ушла у них из под ног.

В этой обстановке Бен Джонсон решил на возвращение к своему старому поприщу — к народному театру. После двенадцатилетнего отсутствия, его имя снова украсило афиши труппы, имевшей когда-то в своих рядах Шекспира, «Труды» которого были изданы двумя ее членами, семь лет после выхода трудов Бена Джонсона, в той же типографии, том же формате и при некотором участии инициатора собраний драматических произведений.

Бен Джонсону приходилось, видимо, долго думать над собственной судьбой, над причинами изменившегося положения и над общим ходом обострившегося до пределов кризиса, все более сжимавшего страну. Для этого ему приходилось выйти из того круга, в котором он до сих пор вращался: кроме ученых филологов ему понадобились справки практических дельцов, купцов, ремесленников. Оценка положения стала различаться от усвоенной раньше, и пуритане оказались не сплошь такими, какими он их показывал. Кое с кем из них завязалась прочная дружба: не все их проповедники были дикарями, мошенниками типа реби Бизи, среди них оказался Зух Тенли, слабость стихотворной техники которого не помешала Бен Джонсону понять страстную правдивость его природы и оценить его классическую начитанность, а Тенли легко простил поэтическому диктатору своего времени те атаки на единомышленников, которые были вызваны неполным знакомством с движением.

Зато обличение Джонсона развилось по другой линии. Делец Натаниэль Беттер взялся издавать еженедельные листки, сменившие старую форму неперIODических памфлетов. Листки эти были набиты исключительно сенсационными сообщениями, приходившими якобы «от собственных корреспондентов». Тридцатилетняя война, сведения о которой доходили медленно, давала неистощимый материал для упражнения фантазии Беттера и

его подручных. Здравомыслящему читателю нелепость этой информации бросалась в глаза, но паникеры биржи, праздношатающиеся сплетники находили в них достаточно любопытное чтение. Невежество было основой успеха Беттсера, невежество издавна было жизненным врагом Джонсона — против него он и направил удары своей комедии.

Она, как и каждая новая комедия, строилась по новому еще не примененному принципу. Наконец Бен Джонсон мог найти средства воспроизвести аристофановскую композицию, — фантастика масок не прошла даром. Плутус и Осы афинского сатирика чувствуются в «Складе новостей» на каждом шагу, но в противоположность автору «Облаков», не дававшему конкретных выводов излечения зла, английский сатирик такие выводы делает и к ним направляет все действие.

Фантастика его напоминает утопические построения Уэльса или Жюль Верна — она осуществима и осуществилась. Во время написания комедии, в Лондоне не существовало агентств прессы, не было даже и того, что мы разумеем под именем редакции, Бен Джонсон выдумывает такую и сейчас она до странности напоминает какую-нибудь редакцию «Дейли Майль», «Чикаго Трибюн» или «Шти Паризьен». Но не это является центральной проблемой комедии, а вопрос о ценности, вопрос, поднимавшийся во всех главных комедиях Бена. Здесь он находит заключительное разрешение в формуле: «ценность заключена не в самой вещи и не в собрании какого угодно количества вещей, но в отношении к вещи».

Впервые Бен определенно приравнивает расточителя к скупцу и ставит знак равенства между этими заблуждениями. Далеки те времена, когда расточительство вмещалось в добродетель и Бену пришлось проявить большое мужество для подобного вывода — сам он был одним из наиболее отчаянных представителей этого, во мнении пуритан, смертного греха.

Комедия имела успех и возвращение к театру, предпринятое Беном под влиянием нужды, казалось, обещает новый период сценического процветания. В действительности случилось обратное: успех этот не открыл, а закончил период театральных успехов поэта. И сам

он быстро старел и театр вымирал. Суживалась его база, все более уходил он из больших народных зданий под крышу театра для избранных, все более должен был прилаживаться и подлаживаться под требования выхолощенной психологии придворного зрителя. Уже старый двор петушиных боев, оставшийся в Уайтхолле от Генриха VIII, перестраивался под театр, а труппа Шекспира уже после Гамлета была переписана с лорда камергера на короля и являлась труппой придворной.

«Склад новостей», пожалуй, мог похвастаться последним успехом у городской публики, невиданным со времен «Шахматной партии» Мидлетона, почетного хронографа города Лондона. Но Мидлетон всегда стоял особняком от литературной братии и пуританам он был свой человек. Поворот Бен Джонсона, недавнего врага, являлся возвращением блудного сына, а известно было каждому пуританину, что по библии полагается об одном раскаянном грешнике веселиться больше, чем о сотне праведников. Совет городских старшин решил подчеркнуть эту радость и на место умершего Мидлетона избрать в хронографы Бен Джонсона.

Тем временем от руки пуританина Фельтона, пал величайший расточитель Англии, исчадие ада и прообраз антихриста — Джордж Вилье маркиз Букингэм. Сердца пуритан, да и не только пуритан, прониклись величайшей радостью; Букингэма ненавидели все и смерть его была принята с весельем даже теми кавалерами, которым скоро предстояло вступить в бой с восставшим парламентом. Так русские монархисты восторгались убийством Распутина, не понимая, что оно развязывает активность масс и подает сигнал к свержению того покровителя, фаворит которого убит безнаказанно. Впрочем Карл I в данное время был сильнее своего будущего коллеги: схваченный на месте преступления Фельтон был отдан во власть всему варварству следственной процедуры семнадцатого века. Зух Тенли отозвался на подвиг своего друга стихами, получившими неожиданно большое распространение. Искренность чувства могучий стимул для создания хороших стихов, но восторг свой Тенли излагал в форме слишком непохожей на все известные до того им подписанные произведения и слишком похожей местами на манеру Бен Джонсона, чтобы

многим не показалось возможным сотрудничество старого поэта с молодым фанатиком. Основания для подозрения имелись во всяком случае, они усилились, когда было выяснено, что кинжал, прекративший жизнь королевского фаворита, Фельтон получил от Тенли, а сведущие люди подтвердили, что много лет видели этот самый кинжал за поясом Бен Джонсона.

Положение поэта к тому времени было очень печально, вскоре после постановки газетной комедии, его разбил паралич и он лежал почти без движения в тесной комнатке домика, снятого неподалеку от старого пепелища. Обвинение в соучастии и поощрении государственного преступления было ему объявлено, сам он арестован и на носилках доставлен к Генеральному прокурору, для допроса. Тенли давно уже не было в Англии, не дожидаясь рецензий на свои стихи, он поспешил переплыть канал и поселиться в Голландии. Бен Джонсон мог, не боясь повредить отсутствующему, отклонить от себя всякое соавторство в инкриминируемом произведении. Что касается до кинжала, он признал его за бывшую свою собственность. Он действительно подарил его Тенли, которого встречал только в церкви, после обеда. Тенли там был проповедником. Раз он подошел здороваться с Бен Джонсоном, увидал кинжал и похвалил, вежливость обязывала подарить ему вещь, которая нравилась. Прокурор мог настаивать на том, что Бен знаком с Тенли не только по церковному притвору, но за последние три года встречался с ним ежедневно и что странновато пристрастие к кинжалу со стороны священника, только что отслужившего литургию, но он не захотел придирааться к паралитику. Тем более, что вряд ли и сам прокурор не одобрял расправы с фаворитом, оплакивал которого только один человек в государстве — Карл I.

Бена отнесли в постель и больше не трогали. Кроме молодежи из колена Вениаминова, его, кажется, никто не навещал, средства к существованию иссякали. Но старый колосс не падал духом. Он принялся за новую комедию и она была дана через два месяца после ареста поэта. За день до премьеры Бен Джонсон получил доказательство, что забыт далеко не всеми. Приходский совет прислал в «помощь его нужде и болезни» пять

фунтов. Он немедленно включил упоминание об этой любезности в эпилог своей комедии, столь непохожий на заносчивые заключения старых своих произведений. В нем он впервые просил снисхождения у публики, просил принять во внимание, что трудно требовать совершенного веселья от человека, прикованного к постели, и довольствовался признанием, что болезнь поразила только наиболее грубую часть его состава, оставив нетронутым мозг. Этот эпилог прочтен не был. Он потонул в реве и свисте публики.

Бен отважился пародировать возрожденный романтизм комедии, своего старого врага, казалось бы изгнанного им из бытовой комедии, но оказавшегося способным воскреснуть в самой отвратительной для автора «Ярмарки» форме — в виде сентиментально-платонического влюбления и узорного жеманства диалога. Джонсон угостил своих зрителей сверх-романтической интригой: графиня два раза рожала своему мужу дочек. Супруг впал в отчаяние, бросил дом и семью, пустился переодетым странствовать по горам и изучать кельтские наречия (последним усердно занимался в данное время сам Джонсон). Графиня в неменьшем отчаянии бросила дочерей на произвол судьбы, сняла гостиницу и, заклеив левый глаз пластырем, десять лет ожидала случайного появления блуждающего супруга. Прием пародирования сюжетного стиля, повидимому, на сцене никогда не удается. «Новую гостиницу» постигла участь Бомонто-Флетчеровского «Рыцаря пылающего пестика».

Через несколько дней после провала «Гостиницы» Бен опубликовал «Оду к себе», где с силой, которую трудно было бы ожидать от него в данное время, обличает своих хулителей и себя самого за то, что вздумал обратиться к помощи проклятого и давно уже оскверненного театра. Ода вызвала ответ. Вокруг нее завязалась полемика. Джонсона открыли заново и те, кто казалось забыл его, почувствовали себя виноватым перед учителем.

Городские ольдермены, отменившие было выплату жалования хронографу, не пославшему им ни строчки в обогащение градской летописи, постановили выплачивать ему пенсию в размерах жалования, а король удеслтерил отцовский пенсион и прибавил к нему еще

боченок мадеры. К следующему же придворному празднику Бен Джонсону было поручено написать текст очередной маски, правда, совместно с Иннго Джонсом. Он написал их две. Издавая первую, он не считал возможным обойтись без упоминания сотрудника, но неизвестное имя Иннго поставил после своего. Кажется, это было несправедливо: план маски принадлежал художнику. Джонс запротестовал. Отсутствующие всегда остаются в накладе и придворный поединок между прикованным к постели поэтом и необходимым во дворце архитектором мог кончиться только победой последнего. Маска «Хлорикда» была последней придворной маской Бена Джонсона.

Он был неутомим; в том же 1631 году он начинает готовить к печати второй том «Трудов» и жалуется герцогу Ньюкэслю на промедления печатника и мелкий шрифт скверной корректуры, от которого сленнет. Придворная сцена закрыта ему, он вновь обращается к недавно еще проклинаемому театру. Комедия «Притягательная дама» прошла без обычного скандала. «Смотрел пьесу Бена Джонсона, — писал приятелю один современник, — а я думал, что он уже давно умер».

Но Бен Джонсон не собирался ни умирать, ни тем более признать свое поражение. Он был осведомлен, что в первых рядах шелковой и бархатной публики его премьеры важно восседали рядышком Натаниель Беттер с Иннго Джонсом и презрительно фыркали при каждой попытке публики заплодировать. Не считавшись с этими людьми, Бен Джонсон считал непозволительным для себя покидать земное существование.

Откуда бралась у него эта неистощимая энергия и неиссякаемая самоуверенность? Как ни сильна была его природа, она не могла бы поддерживать его угасавшие под рукою недуга силы. Дело было в том, что Бен Джонсон, за исключением короткого промежутка 1628 года, непрерывно был окружен тесной толпой учеников, почитателей и друзей. В минуты самых жестоких обострений нужды и болезни он не прекращал приема посетителей, ему приходилось читать обширную корреспонденцию, как литературную, поэтическую, научную, так и обыкновенную просительскую. Его связи и дружба с первыми по знатности домами страны была из-

вестна и к нему прибегали как к властному покровителю. На место исчезавших друзей возникали новые, место семейства Сидни заняли Кавендиши, Дигби, Фокленды. Сознание огромного значения своей работы поддерживалось в Бен Джонсоне единодушным хором всей литературной молодежи его последних дней. Пусть не удивляет это поклонение. Томность, пафосность и отвлеченность тогдашней лирики, правда, находится в контрасте со всей манерой поэзии Бен Джонсона, но молодежь училась у него большему чем литература или поэзия, она училась у него понимать высокое звание поэта и его жизненному поведению. «Бен Джонсон по ошибке оказался поэтом, а не епископом» — писал один из числа этих учеников.

В таком положении и личная ссора с Инниго Джонсом принимала размеры принципиальные. Слишком изуродованной болезнью для того, чтобы отвлекаться от очередной работы, Бен Джонсон вооружился рукописью своей старой комедии, первой из всего дошедшего до нас его театра, «Сказкой о бочке», пересмотрел, переработал, отредактировал ее текст и включил в него несколько сцен, где учинил свирепую расправу с Витрувием Хуном. Инниго был достаточно силен и достаточно необходим королю для того, чтобы его оскорбленные вопли оказались услышанными. Карл велел еще до представления изъять из комедии все касающееся Витрувия. В этом урезанном виде комедия и была сыграна в одном из народных театров 7 мая 1631 года. Старая пьеса за себя постояла: успех ее отомстил за два предшествовавшие провала, как «Вольнона» отомстила за «Сеяна», а «Ярмарка» за «Катилину».

Но Джонсону этого было мало. Король путешествовал и должен был гостить у герцога Ньюкаэля в Уэльбеке. Герцог этот, Вильям Кавендиш, уже упоминался, как один из ближайших друзей Джонсона. Приятели успели обдумать хитрую ловушку, в которую поймали своего короля. Ясно, что в Уэльбеке устроили праздник, ясно, что без маски праздник был бы не в праздник и понятно, что Кавендиш мог поручить маску только своему любимому поэту. Это далеко не лучшая маска Бен Джонсона, но хозяин постарался обставить зрелище такую пышностью, на какую стесненные средства двора уже не позволяли рассчитывать Инниго. Для Карла этого

оказалось достаточным. Вернувшись домой, он распорядился сыграть при дворе «Сказку о бочке» — происхождение и назначение этой комедии было там известно всякому, и Бен Джонсон мог торжествовать: враг был ранен. Оставалось его добить, т. е. если не восстановить купюры комедии, то, по крайней мере, заставить короля аплодировать чему-нибудь равнозначущему.

Придворный спектакль «Бочки» происходил в январе 1634, а в следующем году, Карл и Генриетта были снова в гостях у герцога Ньюкэсл, на этот раз в Ноттингэмшире, в замке Больмсовер. Здесь-то и была сыграна маска старого Бена, последняя маска — «Любовь приветствует в Больмсовере». Ведущим лицом комических сцен антимаски оказался естественно все тот же «полковник Иниво Витрувиус». Последнее слово оказалось за поэтом.

Это можно бы рассматривать, как его последнее слово вообще. В следующем году он написал несколько посланий друзьям и приветственное письмо королю, где благодарил его за очередную присылку вина, которое хранитель погребов всегда норовил задержать. Но напрасно было бы думать, что этот деятельный ум способен был бы ограничиться беседой с друзьями или пометками о прочитанных книгах или восстановлением своей сгоревшей грамматики. Один из друзей говорит, что незадолго до смерти Бен говорил о поэме, которую он пишет и где намерен поместить действие в пейзажах Темзы и Трента. В посмертных бумагах Джонсона найдены три акта неоконченной пасторали «Печальный пастух или Робин Гуд». Во всей елизаветинской поэзии невозможно найти более изящных стихов, более легких песен, более нежных красок. Старый лауреат остался, менее нечувствительным ко вкусам своих учеников, чем возможно было бы ожидать от его непреклонной природы. Он одержал победу не только над Секлингом и Ширли, но и над тем поэтом, который, не будучи членом Колена Вениаминова, признавал свою литературную задолженность Джонсону — над Мильтоном. Любовные сцены Робини Гуда и леди Марион, неожиданные по тонкости и изяществу, доказывают, что если раньше наш поэт избегал изображать в своих сценических поэмах любовь, то делал он это не по природной неспо-

способности понять красоту влюбленности, а по принципиальным соображениям. В суровом мире его обличения и строгости жизненного учения нежности не было места. Только умирая, он единственный раз в жизни позволил себе заговорить языком любви, как старое дерево с омертвевшей древесиной празднует свою последнюю весну, покрываясь одними цветами, которым не суждено превратиться в плоды.

Старый его друг Джордж Морлей, впоследствии епископ Винчестерский, уверял что незадолго до своей смерти, последовавшей 6 августа 1637 года, поэт выражал искреннее сокрушение о том, что в пьесах своих он издевался над священным писанием. Так как Бен Джонсон этого никогда не делал, свидетелем чему являются тексты обоих томов его «Трудов», можно с уверенностью сказать, что каяться ему было не в чем и он ни в чем не каялся, а то, что Морлею понадобилось прибегать ко лжи во спасение, подтверждает, что Джонсон именно и не выражал никаких особо-религиозных стремлений в дни, когда это полагалось для вящегого прославления церковью своего прихожанина.

Через три дня после смерти, тело Бена Джонсона с великой пышностью было перенесено в Вестминстерское аббатство. Все, что было в Лондоне связано с наукой или литературой, окружало гроб поэта-лауреата. Так еще ни разу не хоронили поэта в Англии. Немедленно был организован комитет по постановке памятника на могиле, кажется, уже создавались проекты статуй. Один из вениамитов, зайдя в собор на другой день, увидел, что каменщик, приводя в порядок церковный помост, укладывал на разрытое место большую плиту синего мрамора, которую пришлось вынуть в день погребения Бена. Джон Юнг, так звали молодого человека, дал каменщику восемнадцать пенсов и попросил его выбить на камне четыре слова: «О, прекраснейший Бен Джонсон!» Каменщик охотно исполнил просьбу, не подозревая, равно как и заказчик, что надпись навеки останется единственным памятником поэта.

Гражданская война как будто только и ждала исчезновения последнего елизаветинского титана, чтобы разразиться в полную мощь своей грозы. В вихре ее было не до статуй и эпитафий, комитет распался и собранные деньги были возвращены подписчикам.

Таким образом и случилось, что поэт-лауреат и признанный глава ученейших литераторов своего времени получил надгробный монумент от товарища по первой своей профессии — от каменщика, монумент тем более заметный, что кругом располožены гордые в своем однообразии латинские эпитафии. Бен Джонсон оказался оригинальным и одиозим и в своем надгробии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бен Джонсон с самой ранней молодости вошел в круг слававшей тогда классически образованной интеллигенции, группировавшейся вокруг университетов, училищ правоведения, консультировавшей двор и снабжавшей театральные предприятия квалифицированными драматургами.

Среди этой интеллигенции он занял место в первых рядах и прочно связался с передовым ее слоем. Проводил жизнь в этом избранном окружении, удерживаясь в пределах чисто умственных интересов ценой всевозможных лишений, он получил возможность развивать до естественных пределов свои гениальные способности.

Замкнутая интеллектуальная среда, в которой протекало его развитие, наложила свой отпечаток на его деятельность, заставив его предъявлять повышенные требования к своей работе, требования, которые он повышал по мере их выполнения. Личная одаренность привела его к необходимости разрешать вопросы, в условиях тогдашнего развития общественных отношений не разрешимые.

Это составило трагедию жизни Бена Джонсона и является наглядным примером той ограниченности личных человеческих усилий, о которой он сам не уставал говорить.

Болезнь и смерть остановили развитие этого процесса, но то, чего не договорил старый Бен, было досказано молодым Мильтоном.

Воспитанный в цеховой, ремесленной среде, он сохранил навсегда корпоративное настроение и стремился даже поэтов организовать в корпорацию «Колена Вениаминова», создавая ее тогда, когда цеховые организации исчезали уже вообще.

Это исчезновение им не было прослежено. Сложив свои политические убеждения в корпоративной среде времен королевы Елизаветы, он не был склонен развивать их — его занимали вопросы самообразования, в начале, а потом вопросы использования полученных знаний на пользу современников. Сохраняя в неприкосновенности политическое мировоззрение своей юности, он, естественно, оказывался консервативом и шел в ногу с правым крылом английской буржуазии. Отсюда легкость, с которой он атаковал левое крыло ее, принявшее учение пуритан. В пуританах он долгое время видел только религиозных изуверов, в точности воспроизводя термины времен царствования последней Тюдор.

И тем не менее вся работа Бен Джонсона шла в пользу этих самых пуритан, расшатывая и подрывая своей критикой общественный уклад, против которого боролись они и который поэт защищал, обличая его, как он полагал, во имя исправления.

Более того — не имея возможности выставить положительный критерий для ценности, которая превысила бы ценность личности и которой личность должна бы подчинить свои интересы, Бен Джонсон, как показывают его послания и предисловия, вынужден был постоянно обращаться к понятию непосредственного восприятия своих произведений «порядочными или избранными людьми». Иначе говоря, он придавал основное значение непосредственному ощущению должного, присутствующему особой породе людей — «избранных». Кто же их избрал? Стоило ответить на этот последний вопрос: «бог, предопределяя их к спасению», что бы упасть в объятия пуритан. Безбожие мешало Бен Джонсону дать такое заключение своей жизненной борьбе, но политика слишком интересовалась поэтом, что бы он не был вынужден двинуться по тому пути, по которому, сам того не подозревая, уже давно вел свою музу.

Классовая консолидация буржуазии, происходившая в последние годы его деятельного существования, начинала им осознаваться и его отношения с Тенли свидетельствуют о его сочувствии пуританам, как политическому, революционному течению, религиозную сторону которого он осмеивал, пока видел только ее.

И. А. Аксенов.

С Е Я Н
Т РА Г Е Д И Я

А Л Х И М И К
К О М Е Д И Я

В А Р Ф О Л О М Е Е В А
Я Р М А Р К А
К О М Е Д И Я

С Е Я Н

ТРАГЕДИЯ

*Non hic centauros, non gorgonas,
harpiasque
Jvenes; hominem pagina
nostra sapit.*

M a r t .

S E J A N U S   H I S   F A L L .

ПЕРЕВОД Н. А. АКСЕПОВА

**БЛАГОРОДНОМУ ПО ДОБРОДЕТЕЛИ, НЕ
МЕНЕЕ ЧЕМ ПО КРОВИ ЛОРДУ ОБИНЬ**

МИЛОРД! Если была когда-нибудь развалина настолько великая, чтобы себя пережить, мне кажется именно такую я вам и посылаю — Падение Сяня. Это поэма, которая, если не изменяет мне память, на глазах у вашей милости потерпела здесь, от нашего народа не меньше, чем ее герой потерпел от шевы народа римского, но с некоторым отличием в судьбе и, надеюсь, в заслугах. Так как эта пережили вражду и заслужила себе большие блага, чем все потерянные тем: любовь хороших людей. Если же, подумав о них, я вспоминаю вас первым, делается это не без откровенного признания тех уз, которыми ваша любезность обязала и навсегда привязала к себе меня,

Вашей милости вернейшего почитателя

БЕН ДЖОНСОНА

ЧИТАТЕЛЮ

Следующий за этим, добровольный труд моих друзей, предпосланный моей книге, избавляет меня от многого, что мне пришлось бы иначе затронуть. Теперь же мне осталось сделать три-четыре необходимых замечания и успокоиться.

*Во-первых, если мне возразят, что опубликовываемое мной не является настоящей поэмой, в строгом понятии времени, я признаю это: равно как и отсутствие настоящего хора, вид и действия которого таковы и настолько трудно понимаются, что ни один из кого я видел, после древних, даже и наилучшие усвоившие правила, с ним не справились. Бесполезно также или невозможно, в наши времена и при тех слушателях, каким обычно играют пьесы, соблюдать древний стиль и великолепие драматических поэм, с сохранением удовольствия для народа. Но об этом я приведу более развитые доводы в своих замечаниях на *Поэтику Горация*, которые с переводом текста, я намерен издать в скорости. Пока же, если в правильности трактовки, достоинстве лиц, важности и возвышенности речей, полноте и частоте сентенций я выполнил другую часть обязанностей сочинителя трагедии, да не вменится мне отсутствие полной формы в вину, пока я не дам вам дальнейшего случая, не*

хвастаясь, полагать, что я умею предписывать лучше, чем исполнять, за недостатком надлежащих познаний.

Засим, ввиду того, что кое-каким чувствительным носам цитаты покажутся неприятны, должен довести до вашего сведения, что ничто мне более не ненавистно, как они, а привел я их, только в доказательство моей верности истории и дабы спасти себя от тех добровольных заплеванных мастеров, которые готовы вздернуть любую игру ума на дыбу, чьи рыла, как свиные, вечно расковыривают и перегрызают корни в саду Муз, а все тело глубоко упрятано под землю, чтобы, по подобию кротов, хоть маленькую кутику грязи, а выбросить на чужую порядочность.

Так как они сделаны по-латыни, а все произведение написано по-английски, предполагается, что только образованные люди потрудятся из сличением, тем более, что и авторы их все изложены по-латыни, кроме одного, с английской версией которого мне мало пришлось иметь дела. Тем, кого это касается, ввиду пространности ссылок, могу указать издания, которым я следовал: Tacit. Lips. in quarto, Antwerp. edit 1600. Dio. folio. ed Hen Steph 1592. Для прочих, Sueton, Seneca... либо глава достаточный определитель, либо издание то же.

Наконец считаю долгом осведомить вас, что текст этой книги не тот, который игрался на сцене, когда второе перо принимало на себя часть трудов, вместо чего, я предпочел включить хоть и более слабые и менее приятные строки, написанные мной, тому, чтобы своим проклятым присвоением лишить его прав столь счастливый гений.

Будьте здоровы и если вы прочтете дальше и вам понравится, я этого не испугаюсь, хоть бы вы меня расхвалили

Neque enim mihi cornea fibra est.

Но вздумай я основать свое благополучие на вашем общем суждении: «хорошо», «превосходно» и т. д., это было бы слабостью, за которую лучшие из вас могли бы достойно презирать, если и вовсе не ненавидеть меня, а не Quem Palma negata macrum, donata reducit optimum.

БЕН ДЖОНСОН

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Элий Сеян, сын Сея Старбона, римского дворянина, рожденный в Вользиние, по долгой службе при дворе, сначала Августа, а потом Тиверия, вошел у последнего в такую милость и овладел им с таким искусством, что только по имени не был соправителем империи. Друз, сын императора, не переносил этого возвышения и, после различных сдерживаемых проявлений неудовольствия, однажды ударил Сеяна при всех по лицу. В отместку за такое оскорбление, Ливия, жена Друза, которую Сеян совратил к позору ее дома и в раскрытие намерений Друза, по соглашению с Сеяном и при содействии врача Эвдема и некоего Лигда, евнуха, отравила Друза. Успех и благополучный исход этого бесчеловечного предприятия, воодушевил Сеяна к дальнейшим и все более дерзким намерениям, до овладения верховной властью. Здесь, найдя, что препятствия ему многочисленны и трудны, в лице потомства Германика, являвшегося ближайшими наследниками, он решил самого Тиверия обратить в свое орудие и напештал ему много сомнений и подозрений против принцев и матери их — Агриппины; Цезарь внимал усердно и жадно согласился на истребление их и их друзей. Одновременно, дабы подготовить и укрепить свои намерения, Сеян работал в направлении своего брака с Ливией и всеми средствами старался отстранить Тиверия от общественных дел, удовольствиями уединенной, частной жизни, из чего последнее Тиверий по склонности к разврату и желанию скрыть те противоестественные наслаждения, предаваться которым он на виду не решался, — принял, первое же загло в нем сомнения и подозрения в отношении Сеяна, против которого он тайно выдвинул новое орудие, некоего Сертория Макрона и при сотрудничестве его открывал намерения противника, его средства, цели, испытывал преданность сенаторов, разделял и рассеивал их. Наконец когда Сеян меньше всего ожидал этого и был спокойнее всего, под предлогом воздания ему сенатом неожиданной и необычной почести, отлучил его от его стражи и, посредством длиннейшего, двусмысленного письма, в один и тот же день заставил его заподозрить, обвинить, осудить и растерзать в куски яростью народа.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Тиверий	Гатерий
Друз Старший	Санквиний
Нерон	Помпоний
Друз Младший	Юлий Постум
Калигула Кай	Фулькуний Трио
Люций Аррунций	Минуций
Кай Силий	Сатрий Секунд
Тит Сабиний	Пинарий Натта
Марк Лепид	Онсий
Кремудий Корд	Трибуны
Азиний Галл	Преконы
Регул	Фламины
Теренций	Тубидины
Грациний Лакон	Вестник
Эвдем	Ликторы
Руфий	Жрецы
Сеян	Тибидины
Латиарий	Рабы и пр.
Варрон	Агриппина
Серторий Макро	Ливия
Котта	Созиа
Домиций Афер	

Место действия — Рим.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА I.

Парадный зал дворца. Входят Сабиний, и Силий с Латиарием.

САБИНИЙ.

Здравствуй, Кай Силий!

СИЛИЙ.

Тит Сабиний, здравствуй.

Вас редко встретишь здесь.

САБИНИЙ.

Тем лучше встреча.

СИЛИЙ.

Да. Правда — ведь дворец не наша сфера.

САБИНИЙ.

Нет, Силий, мы плохие интриганы,
Не знаем тонких дел, ни штук доходных,
Способных нас прославить в нашем веке,
Лицо все то же, языки не вилок,

Тела не пухлы, не жадны: улиткой
 Не влипнут в краску стен, не поползут
 На брюхе перед гордецом-вельможей,
 Кто ценит раболепство, а не службу.
 Мы не бесчестны — значит не в чести,
 Мы здесь без мест, без службы в государстве.
 Вот как мы признаем свои грехи:
 Не жгут нас тайны черные, за них же
 Любить нас должен бледный автор, в страхе
 От ревности бессильной, как бы нам
 В его падении не искать удачи.
 Мы не на том пути, каким приходят
 К столь лестной цели.

Входят Сатрий Натта со свитой,

Силий.

Вот, как раз идет

Такая пара.

Сабиний, кланяясь Латарию.

Здравствуйте, свояк!

Силий.

Сатрий Секундий и Пинарий Натта
 Клиенты славного Сеяна. Оба
 Известное пословиц. Если груди
 Их вскрыть, найдут бессильный, жалкий дух,
 Без прав владевший телом; лгать способны,
 Лстить, клясться, отречься, извращать,
 Смеяться и продать; донести и клинчить
 За преданных и этим жить. Нашептом
 Резать людей; просителям разиням
 Дворца пустые сплетни продавать.
 Смеяться за патроном, с ним цотеть

Или дрожать, сменяя настроянья,
 Привычки, платье, вперегонку с ним;
 Следить его, как часовой часы,
 И бирюзой владыки дорогого,
 Меняться как его здоровье; славить
 Господское отхарканье, мочу,
 Хорош ли стул и как выходят ветры,
 Не упуская ничего.

С а б и н и й.

Ах, это
 Не стоит поминать, в ряду иных
 Грязнейших раболепств, отравы века,
 Когда не только граждане теперь
 Благополучье строят на паскудстве,
 А консулы, не малое число
 Из бывших прэторов; да, большинство
 Сената иначе не голосует —
 Встают и состязаются о том,
 Кто худшую из них предложит гнусность,
 Так что слышали часто, как Тиверий,
 Их покидая, плакался: «О, род,
 Созревший к рабству!» — Значит — даже он,
 Кто должен меньше всех любить свободу,
 Совсем подавлен подлым подхалимством.

С и л и й.

Да! Заслужили все и даже больше.
 Мы мятежами, спесью, личной мстью
 Призвали кару правую богов.
 Мы, восемьдесят лет тому назад
 Быв вольны, равными царями мира,
 Не зная владык, привязанности только —
 Однажды изменив своим свободам

Мы стали воли одного рабами,
 А там и многих: всякий шпик казенный
 Лишь захоти солгать под клятвой — вот
 И царь нам: властен над добром и жизнью.
 Наш взгляд — предлог допросу, наши речи
 Как ни невинны — станут преступленьем.
 Нам скоро не позволят видеть сны
 И думать: все измена.

Савиний.

У тиранов

Льстецы в почете, клеветник у власти:
 Ловить добычу ненасытной пасти.

Входят Корд и Аррунций.

Привет, Кремуций Корд!

Корд.

Привет и вам!

Натта, шепчет Латтарию.

Кому он кланялся?

Латтарий.

То некий Корд.

Он римский гражданин и написал
 Анналы, говорят и превосходно.

Натта.

Анналы? Чьих времен?

Латтарий.

Со дней Помпея
 И Кая Цезаря до ближних лет,

НАТТА.

А как он думает о наших днях?
Кто он: Друзьянец ли? Германиканец?
Наш? или ничей?

ЛАТИАРИЙ.

В подробности не вник.

НАТТА.

Болезненно таких времен касаться.
Видали или слышали вы анналы?

ЛАТИАРИЙ.

Нет. Он их скоро сам опубликует.

НАТТА.

О, Кордом звать его?

ЛАТИАРИЙ.

Да.

Уходят Натта и Сатрий.

САВИНИЙ.

Времена

Не те, Аррунций!

АРРУНЦИЙ.

Времена! Нет, люди,
Люди не те. Как низки мы, бедны,
Какие выродки перед пышным ростом
Отцов великих! Где теперь душа
Богopodobного Катона? Добрым

Смысл быть, когда был Цезарь злым. Сумел.
 Не жить рабом, но умереть владыкой!
 Иль постоянный Брут, что победа
 Лесть выгод, свой удар великолепный
 Направил в сердце изверга, который
 Безжалостно поработал страну?
 О, унеслись они! Могучий дух
 Смешанный с пеплом спит в их гордых урнах
 И нет ни искры вечного огня
 В дыханье нынешнем. Все эти вспышки,
 Сверканье, дым, которыми живем,
 Не римское в нас. Здесь никто не благ,
 Не честен, не велик. Прав Корд, сказавший:
 «Отважный Кассий был последним в роде».

Друз проходит над сценой, со свитой.

САБИНИЙ.

Вниманье! Друз.

ГАТЕРИЙ.

Владыки сын! Дорогу!

СПЛИЙ.

Люблю я принца.

АРРУНЦИЙ.

Молодой буян —

Надежды мало.

САБИНИЙ.

Время излечит
 Ошибки. Он, день ото дня честней

Являясь, приобрел любви не меньше,
 Чем потерял отец. Он дорог мне
 Во-первых за его отпор Сеяну.

С и л и й.

А мне за то, что пощадил родню —
 Детей Германика, в том признак чести,
 Великодушья: зависти в нем нет
 К прославленному имени отца их.

А р р у н ц и й.

При жизни выше зависти стояло
 То имя — а по смерти — вне. О муж!
 Будь семена у древней римской чести,
 Они в нем жили.

С и л и й.

И плоды, Аррунций,
 Не только семена. Я и Сабиний
 Его знавали близко, мы свидетель —
 Мы шли за ним, он нас друзьями звал,
 Он изо всех к добру был ближе; всюду
 Во всех делах подобней божеству,
 Чем людям был; и телом столь прекрасен
 Как и душой; столь чувствуем в лицо,
 Как и заочно; обращенье знал он
 И строгостью величье умерял,
 В себе уничтожая самолюбие
 И зависть в ближних. Хоронили тело
 Без пышности, она была виолне
 Возмещена печалью, скорбью рати
 Безмолвной грустию, какую люди,
 Знавшие слезы лишь у побежденных,
 Имни способны выражать.

Корд.

Я думал

Сравня их внешность, возраст, образ смерти
И сходство мест, где оба они пали
Его сравнить с великим Александром:
Красавцы были оба, родом славны,
Под тридцать лет и оба на чужбине
Своими воинами похоронены.

Савиний.

Не знаю, как подтасовать их смерть,
А что до жизни — мне равно обидно
Его равнять с развратным, вздорным, дерзким
Тщеславным, пьяным Македонцем, или
Себя с рабами. Лучшее, что можно
Увидеть в том: отвага, счастье — взял он,
Но были в нем дары последних римлян
И глубже залегли: Помпея вескость,
Катона чистота, ум Цезаря,
Смиренье Брута мудрое, все свойства,
Что, порознь, создавали славу тем,
Все им совмещены — он суть благого
И наши похвалы ему — то струи,
Что отделяем от ручья, он тотчас
Заменит их и снова полн.

Аррунций.

Я знаю —

Он слишком был для нас велик. И знали
То взявшие его.

Савиний.

Когда к вождю

Растут любовь и почести, есть приемы,

Всегдашние у зависти царей.
 Как этот рост унять; найдя предлог
 Во образе почетных назначений,
 Посольства ли, войны, чего-нибудь
 Подобного — услать в чужие страны,
 Где слава меркнет, тает. Так и с ним:
 Помощники, что назначал Тиверий
 И хитрая супруга, лишь мешали
 Мutilи, бунтовали, извращали
 Славнейшие дела; вид мятежа
 Его старался власти дать, толкали
 На явную измену. А когда
 Великий ум избег их сети, взялись
 За яд и этим дело довершили.

Входят Сеян, разговаривая с Теренцием и сопровождаемый Сатрием, Наттой и др.

КОРД.

Идет Сеян.

СИЛИЙ.

Ну, наблюдай поклоны
 И гибкость спиш.

АРРУНДИЙ.

Ползучие скоты.

СЕЯН, НАТТЕ.

Довольно! — Помню. — Что вам?

САТРИЙ.

Господни мои,
 Здесь римский гражданин хотел купить...

С е я н.

С кем говорили?

С а т р и й.

Если разрешите,
Его зовут — Эвдем, домовый врач
У Ливии, сунруги Друза.

С е я н.

Как там?

Хочет купить... что?

С а т р и й.

Трибунал, господин.

С е я н.

А сколько платит?

С а т р и й.

Пятьдесят сестерций.

С е я н.

Врач Ливии, вот вы говорите?

С а т р и й.

Да, господин. Их милость скажет.

С е я н.

Что?

С а т р и й.

Про место, господин. Тот гражданин
Понравится вам, если поглядите,
И будет ваш за это назначение.

С Е Я Н.

Так. Деньги пусть дает и впишет имя.

С А Т Р И Й.

Благодарю. Он ждет, владыка.

С Е Я Н.

Стойте.

Того Эвдема знаете? учен?

С А Т Р И Й.

Слух, господин, и много практикует.

С Е Я Н.

Его ко мне, вот в эту галерею,
Предлог найдете, чтоб оставите нас,
Хочу потолковать о некой боли.
Ну!

Уходят С е я н, С а т р и й, Т е р е н ц и й и пр.

А р р у н ц и й.

Так! Другой? Еще? О, государство!
Где честь — позор. Ты это видишь, солнце,
И мы увидим твой восход? По мне
Дню свет терять, коль люди стыд теряют,
И для ничтожных в жизни мелочей
Уничтожают смысл ее.

С и л и й.

Нисколько.

С е я н исправит, что разрушил Иовий,
Он бог двора и почитаем жертвой,
Коленопреклоненьем, раболепством —

Он может то, что всем жилищам неба
 За тысячу не сделать гекатомб:
 Творит нам день и ночь; ад и элизий
 В его очах; плетем о Радаманте,
 О фуриях, огне, — в его бровях
 Все это; вместе с тем, наоборот —
 Его улыбка больше слов поэтов
 Про счастье, сень и нектар...

А ррунций.

А холуй!

Знал лизоблюдом Кайя, он за взятку
 Проституировал свою растленность
 Апицию, жирнейшему обжоре,
 И был всеобщим гульбищем тогда.

Славиний.

А ныне он лицо второе в мире.
 Он соправитель: образы его
 С Тиверием равно вошли в знамена.
 Приказывает, раздает места,
 Центурьи, трибунаты и провинции,
 Преторства, консульства; все то, что раньше
 Весь Рим решал — теперь его дела.
 Доход, верней грабеж со всей земли
 И он его берет себе.

Силий.

Недавно,

Он сильно укрепился, преторьянцев
 Всех в лагере одном расположив,
 И им начальствуя. Счел, что солдаты,
 Живя на воле, розно, развратятся,
 А в случае внезапных предприятий

Удар соединенных войск сильней
Разрозненных атак и дисциплина
Тем строже, чем подальше города.

САВИНИЙ.

Пусть строит крепость, как ему угодно,
А слышно, что по именам солдат
Зовет он; командиров угощает,
Ловя их на нужду, не на любовь.
И хоть он, по природе, не был щедрым,
Теперь на цели черные сорит
Деньгами; птицей выпущенной, грани
Не видит честолюбью.

АРРУНЦИЙ.

Так ли это?

Куда ж ему повеситься еще?
Кто выше? Кто не он, его не меньше?

САВИНИЙ.

Лишь император.

АРРУНЦИЙ.

Тот титул Тиверий
Надеюсь сохранит до оставленья
Достоинства и власти.

САВИНИЙ.

Да, при жизни.

АРРУНЦИЙ.

А умер — примет Друз. Умрет и Друз —
Достанется потомкам Германика,
Их трое — многовато: сразу их
Не извести, пожалуй?

С и л и й.

Я не знаю
Его желаний сердцевины; смотрит
Он дальше настоящего.

А р р у н ц и й.

Богами!

Подозревай я в нем такую мысль,
Мечем бы вскрыл его со лба до сердца,
Чтоб отыскать ее: и этой горстью
Дрожащий мозг по ветру разбросал бы
На брызги мельче атома, ломая
Силок...

С а в и н и й.

Аррунций, слушают.

А р р у н ц и й, в сторону Натты, Теренция и пр.
Зараза!

Я и ему и сыщикам скажу:
Вам, господа, угодно? Вам?

С а в и н и й.

Уйдемте.

С Ц Е Н А II

(Продолжение предыдущей.)

Открывается галерея, выходящая в парадный зал
дворца.

Входят С а т р и й и Э в д е м.

С а т р и й.

Сейчас сюда придет; пройдемся вместе.
Вы изумляетесь, Эвдем?

Э в д е м.

Я? Нет.

В сторону.

Дивлюсь, что он меня заметил. Ладно.
Юпитер с Аполлоном, выручай!

С а т р и й.

Весь ваш успех у вас в руках, Эвдем,
Сумейте только средством овладеть,
За склонностью его следя, и верьте,
Он Римлянин славнейший, где возмет...

Входит С е я н.

Идет их милость.

С е я н.

Ну, любезный Сатрий?

С а т р и й.

Вот гражданин, о, господин мой.

С е я н.

Он?

Давайте руку, станем познакомей,
Слышал про ваше знание и искусство
И рад, что в силу крайне важных дел,
Как сами по себе они ни тяжки,
Такую знаменитость вижу. Гляньте
Что там такое, Сатрий?

Уходит С а т р и й.

Есть болезнь,
И ваша помощь ей нужна. Эвдем вы?

ЭВДЕМ.

Да.

СЕ

Как?

ЭВДЕМ.

Да, господин.

СЕЯН.

Вы врач принцессы

Ливии.

ЭВДЕМ.

Пользую, о, господин.

СЕЯН.

Вы пользуете царственную даму.

ЭВДЕМ.

Да, господин, прекрасную.

СЕЯН.

Понятно.

Весь пол их есть иль хочет быть такой.

Желающим содействует здоровье:

Тогда и краска не страшна красе.

ЭВДЕМ.

Их милость очень сведомы.

СЕЯН.

Не правда ль?

Могу научно изложить, в нужде,

Ту иль иную тайну. А скажите

Кто, не считая Ливии, из дам
У вас пациенткой?

Э в д е м.

Много, государь мой,
Великая Августа, Ургулания,
Мутиллия Приска и Планцина: много.

С е я н.

И все они подробно говорят
О всякой хвори? Как она возникла.
И развилась, та от того поступка,
Та от того пристрастья и на все,
Что спросите, ответят?

Э в д е м.

Как же, сударь,
Без этого найдем лекарство?

С е я н.

Ладно.

Прехитрая порода, вы врачи,
И лишь один вы при дворе добрались
До дамских тайн. Которая ж из них
Всего приятнее своим сложеньем?
Ну, вот—заскромничал.

Э в д е м.

Так, господин.

С е я н.

Что, сударь? не спросил я чья урина
Фиалкой больше пахнет, стул кого
Лучше, а кто лицо при этом кривит?

Какая дама спит в своем лице?
Какая зубы надевает с платьем?
Какая волосы? кто полноту?
И прячет их куда? Таким вопросом
Я мог бы всю серьезность вашу в краске
Искать, защиты вынудить, но я
Спросил, кто всех умней, бойчей, игривей?
Невинный, хоть затейливый вопрос.
Августа, думаю, весьма развратна
И зла в капризах?

Э в д е м.

Правда, господин.

С е я н.

Я знаю; а Мутилия всех живее.

Э в д е м.

Сушая правда, господин.

С е я н.

Так как же
Хотели скрытничать со мной? А Ливия?
Я знаю быстрый, резкий, бой-характер
И странны мысли у нее с собой;
Вам все их говорит?

Э в д е м.

Мой господин,
Нет никого в империи и в мире
Кому бы лестным почитал служить
В делах, могущих честь мою украсить,
Помимо вашей милости.

С Е Я Н.

Вам честь
Не потерять доверьясь мне. Гнуснейшим
Делам, свершенным для меня, могу
Дать вид такой, что мир сочтет их честью.
Определенья нравственности жалкой
Честь видят в бедности — пустой просчет,
Честь только в тех делах, где есть доход.

Э В Д Е М.

Но, господин мой, если я вам выдам
Все тайности моих больных и дамы
Стой знатной и великой, что, их милость,
Себя теперь доверившие мне,
О мне подумают?

С Е Я Н.

Добро, клянусь вам.
Велите, чтоб я вам свою болезнь
Открыл, назвав причину: вот — любовь
И к Ливии любовь, так ей скажите,
Что ж заподозрит вас она? Хотел бы
От вас о ней услышать тоже. Мозг
Мой, видите, готов на ревность.

Э В Д Е М.

К счастью
Могу сказать со временем и больше,
Пока же верно передать могу
От вас ей это.

С Е Я Н.

Верно, мой Эвдем,
Так смею звать, как то, что эту тайну
Открыл.

Э в д е м.

О, господин...

С е я н.

Не возражай.

Твой взгляд мне клятва, только поспеши,
И будет на тебе любовь Сеяна —
Такие в консулы выходят. С богом!

Э в д е м.

Я предложить могу устроить встречу
Сегодня, с нею.

С е я н.

Можешь?

Э в д е м

Да.

С е я н.

А место?

Э в д е м.

Мой сад, где вашу милость буду ждать.

С е я н.

Дай, поклонюсь тебе, мой Эскулап.
Вот это медицина! Превосходит
Дешевые лекарства: и добытое
С их помощью. Она ценней
Всех опиатов, подкисей, декоктов,
Насыщенных растворов... Живо, друг
Не просто ставший, а таким рожденный.
Жди, что надежд твоих превосхоженье

Помчится за тобой: в хомут Фортуну,
Что б знала как тебе не услужать
И шла б навстречу. Поспешай, не жди!

Уходит Э в д е м

Власть честолюбия сильнее нужды.
Сей парень милостью своей науки
Имеет средства соблазнить, а часто
И власть. Удастся Ливию совратить
И ты, Сеян, войдешь в тайник, где знаешь,
Что не найдешь себе отказа в жизни
Супруга Друза: так начнем бороться.
Спасай, Паллада, мощная умом —
Венере мало доли в деле том.

Входят Т и в е р и й, Д р у з и свита.

Т и в е р и й.

Г а т е р и ю, преклонившему перед ним колени.

Нам эта лесть неспосна, пусть он встанет.
Все званья, знаки, связки, топоры
Людской породы в нас не переменят,
Смотри в лицо нам — кланяйся богам.

С е я н.

Наш Цезарь говорит как бог.

А р р у н ц и й.

Заметь!

Второе принял, не заметив лести
О, что угодно — гордый прах отменит
Свои слова, едва их приравнять
Словам богов.

Корд.

Да ведь он мог не слышать.

Аррунций.

Мог! Думаю, не должен был слышать:
То при дворе известная система.
Ему нахлебник ловко возвращает,
Что он хитро, всем на виду, отверг,
Себе во славу.

Гатерий.

Государь всемогущий!
Подает письмо.

Тиверий.

Слух наш мы заградим от нападения
Чарующих речей. Прошу вас впредь
Оставить оскорбления. Не зовите
Владыкой сильным, нас, кто объявил
Себя слугой Сената, видя честь
Того владыку почитать всечасно.

Корд.

Сыграл на редкость.

Аррунций.

Истинно по-царски.

Славиний.

Кто унижается, имея власть —
Тому, пред кем склонен, судил упасть.

Тиверий.

Письмо откуда?

Г А Т Ъ Р И Й.

От Сената.

Т и в е р и й.

Так

Л а т и а р и й вручает ему послание.

Т и в е р и й.

А это?

Л а т и а р и й.

То же.

Т и в е р и й.

Разве заседают?

Л а т и а р и й.

Ждут слова, Цезарь.

А р р у н ц и й.

Если б у него

Со словом мысль всегда согласовалась

О, как бы мы и Рим хвалили рок!

Не увидеть бы жалкого ухода

С дороги нашей вольности былой,

Скорбел бы дух, погибших ей защитой,

Что не живут тела их, здесь не служат.

Обмануты, кто опасался рабства

При добродетельном вожде. Свобода

Нигде так не цвела, как в сем венце.

Но если, милость их, лишь благоустны

И то, пока проветрятся на людях,

Изображая, будто он бежит,

Бичуя и грома, льстецов, чья тут же

За дверью, низость, так свила его
 Тупые чувства жалкими словами,
 Что, мертвый для добра, себя позволит,
 За уши взяв, как будто он кувшин
 Тащить ко злу? такое обстоянье
 Пугает, обещая переход
 Немой и скорый к крови и тиранству.
 Лесть — сводня для неистовства царей
 И ничего угодней нет тирану,
 Чем милость послуху способному везде,
 Всегда, на всех клепать без передышки.

С и л и й.

Ему должны сказать, что б разогнал
 Слепцов и сумасшедших. Мы, кто знает,
 Зло будем бить, травить дворцовых крыс
 И изведем их, что воров поганей —
 Живых грызут, а не хоронят мертвых.
 Ему должно сказать.

С л а в и н и й.

Постой, Аррундий.
 Нам нужно отыскать удачный случай,
 Что б кстати наше должное пришло —
 Тревожить слух царя небезопасно
 Захочет он — услышит нас прекрасно.

А р р у н д и й.

А! так? Отлично. Навсегда, Юпитер
 И той молитвы повторить не дай.
 Из всей зверей храни нас от тирана,
 Из всех скотов ото льстеца.

С и л и й.

Молитва!

Т и в е р и й, прочтя.

Вернуть отцам закон их. Мы слуга им.
Они же добрый, чтимый государь,
Кому, их милостью необычайной,
Столь непомерной властью облеченный,
Обязан силы все отдать на службу,
А всем и каждым гражданам во благо.
Навек мы не раскаемся в желаньи
Иметь Сенат владыкой благосклонным,
Его свободная любовь нам стража
Не меньшая, чем невинность наша.
Скажи им: то, что им пришло по мысли,
Не может не понравиться и нам,
Хотим предупредить, не препираться
Для нас повелевать — повиноваться
Великих, мудрых доброму решению.
Но вот: Испании прошение — строить
Храм в нашу и родительницы честь
Должны мы, да простит Сенат, оставить
Без утвержденья. Возразят отцы,
Что вняли мы такой же точно просьбе
От Азии; на это доведем
До сведенья всеобщего, но вкратце,
Свою защиту и наш общий вывод.
Обожествленный Август не мешал
Постройке храма городом Пергамом
Имени своего и Рима свята.
Мы, речи и дела его считая
Закону равными, подобный случай
Сочли за прецедент, к тому же, так
Угодно было и Сенату мыслить,
Но если честь простительно принять
Однажды, то такое обожанье
Ввести в устав и числиться в богах

По всем уделам — злое честолюбье
И гордость вящая. Да, Августово имя
И то способно смеркнуть, оскверняясь
Столь бестолковой лестью. Что до нас
Мы заявляем и желаем жадно,
Быть слышанным потомством: да, мы смертны
И человек в делах. Довольно с нас
Быть честно государем. И воздаст
С избытком славу памяти, кто сможет
Нас показать, достойным наших дедов
В трудах заботливым, в несчастьи стойким,
Не отступающим перед гневом лиц,
Для блага общего. Вот это будут
Нам статуи, восставшие в умах
Иконографией прочной и прекрасной:
Та ж — камни или бронза, становясь
Одюзной для дальнейших поколений,
Скорей напоминает мертвый гроб,
Чем памятник живой. И потому
Так просим и богов и человеков:
У первых до иссякновенья жизни
Пусть нам дадут спокойный, вольный ум
Да чтит бы божий и людской закон.
А у других: по смерти удостоить
Нас честной памятью и говорить
Добро о нас и о деяньях наших.
А пышность властный может заказать,
А значит и отвергнуть; только долгой
Высокой, славной памяти обязан
Искать без отдыха добру радетель:
Презревший славу, презрел добродетель.

Н А Т Т А.

Дивно!

САТРИЙ

Божественно!

Сеян.

Оракулы умолкли,
Чтоб Цезаря устами говорить!

АРРУНДИЙ.

Позвольте выйти — слишком откровенно.

КОРД.

Стой!

АРРУНДИЙ.

Что бы слушать хитрые слова,
Чей нежит звук, пока не видно смысла?

ТИВЕРИЙ.

Избранье Акциума для постановки
Даров богиням матери во здравье,
Да ведает Сенат, для нас приятно;
Равно и награждение Лепида
За исправленье площади Эмилия
И обновленье памятников там;
Их кротость в заточении Силана
На ближнюю Киферу, по прошенью
Сестры его весталки, говорит
О мудрости, смягченной милосердьем;
Но почесть, что воздать постановили
Сягну нашему, кумир поставя
В Помпеевом театре, чей пожар
Его трудом и бденьем ограничен
В данных пределах, даже превзошла

Бен Джонсон

Обычную им мудрость, как по месту
 Так и вручением своей любви
 Лицу, что боле освящает почесть,
 Чем ей украшен — награждая большим
 В принятии, чем сам он получил.
 Сеян наш, не красней, ты, помощь Рима
 Товарищ наш в трудах, соратник первый,
 Не дай обидеть скромности своей
 Столь малой честью: большего не можем,
 С тех пор, как словом не сказать. Никто
 Гиперболою это не считайте —
 Мы далеки от лести, даже другу —
 Не любим, да и не за что нам льстить.
 Не спрашивайте и причины славы:
 Владыки воля скрыта в нем самом,
 Превыше жалких домыслов всех прочих,
 Кто те дела желает понимать,
 На уровне одном пусть станет. Нашу
 Любовь — Сенату.

Уходят Тиверий, Сеян, Натта, Гатерий,
 Латтарий, чиновники и пр.

А р р у н д и й.

Цезарь!

С а в и п и й.

Успокойся.

К о р д.

Был дел театр Великого Помпея,
 Пока кумир Сеяна гордеца
 Над пеплом не стоит.

А р р у н ц и й.

Позор солдат
Равнять с таким вождем! Земля разбейся
И имя римское развей во прах,
Что б этого не видеть.

С и л п и й.

Страсть умерьте —
Друз говорит.

Д р у з.

Отец с ума сошел.
Устал царить и жить? Что за награда?
Кумира создает? Себе равняет
Соперника по власти?

А р р у н ц и й.

Честный принц!

Д р у з.

Дает статуи, званья, почесть — все
В чем отказал себе.

А р р у н ц и й.

Прав, храбрый Друз!

Д р у з.

На царство труден только первый доступ
А раз он пройден — недостатка в средствах
И в помощи не знает претендент.

А р р у н ц и й.

Так, славный Друз!

Д р у з.

Скорее за молитву
Богине скромности, что б был хоть этим сыт

А р р у н ц и й.

Ах, не пишишь он только император!

Возвращаются С е я н, С а т р и й, Л а т и а р и й,
клиенты и др.

С е я н.

Вот ваш указ и ваш. Своих зовите

Сатрию.

За вас мной двинут Латиарий.

Д р у з.

Что?

Вы так ослеплены своим величием.

Что стали выше нас?

С е я н.

Дорогу мне!

Д р у з.

Дорогу дать, Колосс? Вы живы? Ближе?
На!

Бьет его.

А р р у н ц и й

Добрый, смелый, чудный, смелый принц!

Д р у з.

Нет, подойди.

Обнажает меч.

Чего стоишь? Что смотришь?
 В нем слишком много смерти для тебя?
 Прочь с глаз моих, верблюд, иль этот меч
 Тебе могилу приготовит раньше,
 Чем те — триумф. Я статую поставлю
 Во весь твой рост, да только на кресте,
 Где на века распну твоё нахальство
 И оси перебью, что ныне мчат
 Безумье счастья твоего.

А р р у н ц и й.

Принц чести!

В с е.

О, Кастор, Кастор, Кастор, Кастор, Кастор!

Уходят все, кроме С е я н а.

С е я н.

Кто получил такой обиды знак,
 С терпением и умом раздумай, как
 Ее отдать. Скрываясь, рок проведь:
 Чуть обнаружу гнев — пропала месть.
 Я продолжаю начатое мной,
 Как правосудье — к цели все одной.

Уходит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ.

СЦЕНА I.

Сад Эвдема.

Входят Сеян, Ливия Эвдем.

Сеян.

Врач, ты достоин стать главой провинции
За величайшие любви услуги.
И если августейшая не станет
Участницей в твоём вознагражденьи,
Отчаюсь я один придумать средство
Тебя достойно удовлетворить

Ливия.

Эвдем, я позабочусь, должен ждать
Великой и заслуженной награды.
А вот — напиток, что готовим Друзу,
(Уже не мужу нашему) кто даст?
Кто наиболее верен и способен
Им действовать?

Эвдем.

Я полагаю — Лигдий.

Сеян.

Лигдий? Кто он?

Л и в и я.

Евнух, любимец Друза.

Э в д е м.

Да, виночерпий.

С е я н.

Не ищи других.

Раз любит его Друз и в этой службе
Он — лучше не найти.

Э в д е м.

Так, ваша милость —
Помощники: доверие и доступ.

С е я н.

Умнейший врач!

Л и в и я.

Но надо обработать
Его для посвящения в дела.

С е я н.

Честолюбив?

Л и в и я.

Нет.

С е я н.

Или скуп?

Л и в и я.

Нисколько.

Эвдем.

Ну, золото всеобщий приворот.

Сеян.

Так что ж он?

Ливия.

Вздорный, развращенный, легкий.

Сеян.

Как? Молод он, красив?

Ливия.

Он мальчик нежный.

Сеян.

Пришлите, склоним. — Царственная дама,
 Я долго вас любил всей высотой
 Усердия и долга, и как пламя,
 Чем выше — трепстней; боится — нечем
 Питать огонь от ваших глаз зажженный.
 Вот, вижу ваши: ум, сужденья, пыл,
 Решительность, и захотев найти,
 Путь в вашей славе и величью, прямо
 Скажу: я весь растаял, весь огонь
 В стремленьи к вам: ваш дух был предназначен
 Не в спутники невидного мерцанья
 Гнилушки Друза, а взойдя, сиять
 Луною полной меж светил покорных
 И царственность нести сквозь целый мир.
 Правь, Ливия, триумф в своей же сфере,
 Когда ее Сеян разделит с ней
 Прозванье — Цезарь, а звезда Августы
 Померкнет в зареве лучей славнейших;

Когда огни заглохнут Агриппины.
И, еле видимый, Тиверий, весь
Свой скудный свет займет у нас, чьи руки
Сплетенные — замкнутый орб.

Стучат.

Кто там?

Взгляни, Эвдем.

Уходит Э в д е м.

Не Друз, не беспокойтесь.

Л и в и я.

Нет, сударь, страх к нему с любовью вместе
Меня бежали.

С е я н.

Царственная, стойте...

Э в д е м, за сценой.

Я доложу их милости.

Входит Э в д е м.

С е я н.

В чем дело?

Э в д е м.

Один из слуг их милости принес
Письмо от императора.

С е я н.

О! Где он?

Принцесса дорогая, если можно.
Пойду спросить...

Уходит.

Эвдем.

Счастливая принцесса!

Вам выпало на долю — овладеть
Столь несравненным мужем — духом Рима,
Жизнью Имперьи, Цезаря глаголом.

Ливия.

И большая, Эвдем, оно дало
Еще с блаженством знать причину счастья
И как его хранить. — Как я, сегодня?

Эвдем.

Блистательны, поверьте. Притиранье
Легло отлично.

Ливия.

Здесь вот не темнит.

Эвдем.

Дайте румян, сударыня, от солнца
Белила изменили свой оттенок,
Вы б разводили их моим составом,
Сеян, клянусь! То подлинное имя
Царя Амура и его стрелы.

Подкрашивает ее щеки.

Ливия.

Нет, плохо сделали.

Эвдем.

Сейчас поправлю.

И еле прозвучит — уже заклятье
 От всяких сплетен, в нем способность есть
 С собой, любой из дам, доставить честь.

Л и в и я .

Что нового?

Э в д е м .

Отличные белила,
 Чтоб класть поверх всего. — Герой Сеян!
 Какой поступок, будь он дик и дерзок,
 Но в имени его не извинится,
 Если не искупится.

Л и в и я .

Здесь, мой врач.

Э в д е м .

Люблю заботу сохранять любовь
 Мужа, какой не каждый час приходит
 Прославить мир. — Теперь готово. Надо
 Мое бы полосканье применить,
 Чтоб зубы выбелить и ту помаду,
 Что для смягченья кожи. Невозможно
 Быть слишком пристальной к себе, желая
 Такое сердце удержать навеки,
 Поработив, как вы: он, чтобы стать
 Ценней в очах пресветлых, отослав
 Жену, смущенье ложа и блаженства
 Ту, Апикату, и открыл простор
 Для ваших наслаждений.

Л и в и я .

Не вернула ль

Того я злобой к Друзу; обличеньем
Его затей?

Э в а е м.

И, мудро, госпожа.
Года ближайшие и век далекий
Глядя на вашу зоркость удивятся,
Сочтя ее деянием не женским,
Так редкостна она. Иной решит,
Что счастье ваше не могло быть глубже
Чем с Друзом, но как только он услышит
Это и повстречает гром Сеяна,
Сеяна имя чье ударит в звезды,
Наполнив звоном полный свод, Сеяна,
Чья слава, стать, и титулы одни
Собою повторяют лик Сеяна,
Тот бросит эти мысли, устыдясь,
Как мог питать их.

Входит С е я н.

С е я н.

Вынужден к разлуке
Тяжкой, сударыня. Мне Цезарь шлет
Поспешно просьбу вместе с приказаньем.
Будьте решительны, моя душа,
Настолько ж ваша, как и этой плоти.
Вы, мудрый врач, так приготовьте яд,
Чтобы позволил хитрое воздействие
Вам приписать какой-нибудь болезни.
Пришлите евнуха. Целую руки,
Венец всех дам, любовь свою вверяя
Слову и памяти.

Л и в и я.

Мой государь,
Я только повторю вас. Вот: прощайте!
Не забывайте, жизни ради: вас
Не любит он, я вам сказала—нам
Простым не обойтись убийством.

С е я н.

Чудо!

Как кровь мою зажгли!

Л и в и я.

Вам уезжать?
Чем лучше вещь, тем доле ее ждять.

Уходит С е я н

Э в д е м.

Когда угодно взять лекарства?

Л и в и я.

Да,
Когда нужны, Эвдем; но то, для Друза,
Всех раньше.

Э в д е м.

Только Лигда уместят,
Готово будет. А на завтра, утром
Пришлю состав; сначала развестц,
Дает испарину, вольете в ванну,
Чтоб кожу размягчить и осветлить.
Еще я сделал повые белила —
Устойчивы на жар, на дождь и ветер.

Вы можете их класть с духами, с маслом
Как вам угодно, ровно на два дня.
Вам смена очень впору для здоровья
И возвращенья вашей полноты,
Почти сожженной лютой злобой Друза.
Здесь ваше счастье прописало больше
Науки всей.

Л и в и я.

Спасибо, добрый врач.
Почтительна, увидишь, буду к счастью.
Мои носилки здесь?

Э в д е м.

Ждут вашу милость.

Уходит.

С Ц Е Н А II

Комната во дворце. Входит С е я н.

С е я н.

Уж если то, что сделал я, не месть
И не отличная, пусть раб Египта,
Парфяне, босоногие евреи
Клеймят лицо мне и позорят тело.
Ты сам себя губил, Друз мальчик, думав,
Что мщенья убежишь иль устоишь
Пред силой, что тебя развеет в воздух.
Теперь безумцу видно, что за мужа
Он оскорбил и этот отчий дом
Трещит в огне разбуженного гнева,
Чей ярости не знать стыда, ни срока.

Соблазн жены! то меньшее из зол
Ждущих тебя. Порода злодеяний
Из сердца брызнет моего и мира
Зальет пространный лик; хвалить потомство
Не будет, да не умолчит. Дела,
Которые за зло их, тайну, хитрость
Отец твой захотел бы взять себе. Что ж?
Пусть примет имя их, а я доход.
Душа, за дело и в пути не вздрогни,
Пусть небо серу льет, ад мечет пламя —
Скажи, смеясь пустому страху: Иовий,
Не различишь моей и вашей сил:
Лишь страх богами небо населил.

Входят Тиверий со свитой.

ТИВЕРИЙ.

А что, пришел Сеян?

СЕЯН.

Здесь, грозный Цезарь!

ТИВЕРИЙ.

Оставьте этот и соседний зал.

Уходит свита.

Сядь, мой покой. Что, если повелитель
Мира, Сеян, испытывает страх —
Не гибель это?

СЕЯН.

Да, тому, кто страшен.

ТИВЕРИЙ.

А не ему?

С Е Я Н.

Нет, если он разумно
И сразу рок направит на опасных.

Т И В Е Р И Й.

Природа, кровь и право рода — против.

С Е Я Н.

Политика и государство?

Т И В Е Р И Й.

Нет.

С Е Я Н.

Не важно остальное — позабудьте.

Т И В Е Р И Й.

Зло долго мстит делам подобным.

С Е Я Н.

Зла

Бояться — царства не видать.

Т И В Е Р И Й.

Дела

Чести, любви, религии в конец
Попрать, забыть, разбить?

С Е Я Н.

Все за венец!

Царь, для кого прослыть тираном — стыд,
Одним лишь занят: предо всем дрожит,
На полное бессилье обречен
Скиптр тех, кто в богомыслие влюблен,

Под щепетильностью ломались царства.
 Оплот надежный — вольность дел коварства,
 Даже для ненавистой власти: влечь
 Законы за собой способен меч.

ТИВЕРИЙ.

Так. Значит нам не надо быть упорней,
 А лишь жесточе?

СЕЯН.

Ни листка, ни корня!

ТИВЕРИЙ.

Ты знаешь ли, о ком я думал?

СЕЯН.

Да.

Если мне ум и чувства не солгали,
 То Агриппина.

ТИВЕРИЙ.

Да, весь гордый род.

СЕЯН.

Гордый? Опасный, Цезарь! Прорастет
 В них скоро дух отцовский: Германик
 В их взорах, деле, образе возник,
 Что б смерть нам приписать, им мести право.

ТИВЕРИЙ.

Факт неизвестен.

СЕЯН.

Недоказан. Слава —
 Известье, сплетня — довод, строже чисел

Тому, кто верит в собственную мысль.
Опасно дать дышать благородным,
Родителя кончиной раздраженным.

ТИВЕРИЙ.

Не более опаснее расправы,
Когда одним рождением неправы.

СЕЯН.

Да. Надо бунта ждать. Их преступленья
Все м будет ясно. Только возмещенье
Им опоздает.

ТИВЕРИЙ.

Думают о том?

СЕЯН.

Сначала бьет, потом грохочет гром.
Беспечность прочь! Поспешность не губила
Так никогда, как усыпленья сила.
Не позволяйте стать грозой мальчишкам,
Власть — это страшным быть, хотя бы слишком.
Юнцы и сами горячи и пылки,
Честолюбивы, а, мужчина духом,
Их мать средств не жалеет к поощренью
Щедростью, представленьями народу,
Широкой жизнью, свитой, званий блеском,
Вруча их с той молитвой, с тем обетом
Тем же богам, как Цезаря. Дни, ночи
В пирах проводят, в праздниках блестящих
Для благородных. В их числе Кай Силий,
Титий Сабиний, старина Аррунций,
С ними Азиний Галл, Фурний и Регул,

И прочие из списка недовольных
Первые гости. Говорит им чья
Она племянница, дочь, чья супруга,
Что б с Августой ее могли сравнить,
Если не предпочесть. За внешность хвалят,
За плодородье славят и, как дождь,
Вспадает поминанье Германика.
Все подгоняют ветренной хвалою.
Надежды дутые его сынов,
Которым эта вечная щекотка
Надменности и спеси придает,
Настолько, что без оговорок веря
Всему им подносимому, хотят
Быть не родней — наследниками царства.
Пока — их жажда власти манит толпы
(Приверженные новизне) надеждой
На будущие вольности, что ждут,
Хотя вотще, от всяких перемен.
Цезарь, почтенья дух в наш век забвен
И государь, чтоб сохранить почет
Сокровных молодых не привлечет
К престолу, кроме сына. Но в запрете
Удержит, чтоб, как тени на портрете,
Его служили блеску.

Т и в е р и й.

Дам приказ
Затеи строй разбить; на этот раз
Мы будем строже; упраздним раскол,
Пирь их, званья, спесь...

С е я п.

Иль свой престол!
Что выбрал Цезарь?

ТИВЕРИЙ.

Заточить их.

С Е Я Н.

Нет.

Высоки слишком и ударом вред
 Ничтожный нанести. Убрать сначала
 Тех, чья рука союз их заключала,
 А нам стараться избежать явлений
 И черт и нитей наших подозрений;
 Кто знал, что царский страх с собой несет,
 Увидя, что открыт, в себя вберет
 Все силы, как улетка: всех смирней
 Она в своих кругах. Но нет сильней,
 Отчаянных и дерзких пред судом:
 Зло, смелость — у преступных сила в том.
 Пусть возрастет надменность их поступка,
 Шум, пьянство из слепой Фортуны кубка.
 Простор им дайте, званья, высший строй
 Призвав к двору, в Сенат; а той порой
 Схватите одного, двух, больше, сразу
 В рядах сторонников (приструним массу)
 Так, походя. Той ловкостью мечи
 У них сначала вырвем. Враг, в ночи
 Крамолы, слепнет, верный путь забудь,
 Попал в капкан, захвачен и убит.

ТИВЕРИЙ.

Не убивал бы, будь я только в силе —
 Шуты идут не к трону, а к могиле,
 Нельзя ли их переманить в свой толк?

С Е Я Н.

Линяет шерстью, а не сердцем волк.

Чуть нападенью допустив препону
Себе вы запретили оборону.
Вся скромность — вздор и первая, чем связал
Подданный, что ее хранить обязан,
А не судить владык.

ТИВЕРИЙ.

Не можем больше
Хранить личину, дорогой Сеян.
Все твои мысли — наши, мы искали
Твоей поддержки плану, и сочувствие
Нас утвердило больше, чем Юпитер,
Когда бы он сотне статуй бить велел
И били б в лад все мраморные пальцы.
Но первый кто падет?

СЕЯН.

Сперва Кай Силий.

Он всех видней и изо всех опасней.
В нем сила соответствует и славе;
Воеводя империи войска,
Семь лет тому, разбил он Сокровира
В Германии, чем заслужил почет
Триумфа. Крутости его паденья
Тем более молва усилит треск
И ужас ранящий всея в других,
Рассеет их, что облегчает нам
Осуществить погибель самых главных.

ТИВЕРИЙ.

А что Сабиний?

СЕЯН.

Дайте проявиться.
Рок не созрел его. Нельзя нам рвать

Всех сразу, чтобы нас самих не взяли,
 Аррунций тоже — он всего болтун,
 Но Созья, Силия жена, должна быть
 Поражена — фурий в ее груди
 Гораздо больше, чем в аду, их может
 И выпустить. Там есть еще Кремуций
 Корд, — он писака, где-то раздобыл
 Ряд сведений о временах минувших.
 И свел в Анналы, чрезвычайно едкий
 И злобный ум, слышал я. Он под видом
 Что хвалит тот, хулит новейший строй
 Оценивает лица, дело, каждый
 Прием и меру разбирает, веку
 И праву параллель ведет; поборник
 Старинной воли.

ТИВЕРИЙ.

Жалкий негодяй!

Как будто, если разнудать хаос,
 Закон и воля бы не предпочли
 Быть сломаны и выброшены нами,
 Чем оскверниться от таких зашит.
 Нельзя ли первым осудить его?

СЕЯН.

Доверьте мне. Пусть Цезарь правом власти
 В должном порядке созовет Сенат —
 А дело с обвинителем доставлю.

ТИВЕРИЙ.

Но как? Дай обсудить.

СЕЯН.

Теряем время

Действия. Совещания вредны
 В делах, где пагубнее промедленье
 Спешности. Эти тайные деянья
 Ждут исполненья, не разбора их,
 Топтаться предпріятью не надо,
 Что завершеньем лишь оценоно.

Т и в е р и й.

Эдикт наш повелит сейчас собрание.
 "Εμοῦ Θανόντος γάτα μυχθῆτω πορί.

Уходит Тиверий, входит Юлий Постум.

П о с т у м.

Мой государь, Сеян...

С е я н.

О, Юлий Постум,
 О вас лишь думал. Что об Агриппине?

П о с т у м.

Вот — ничего. Теперь совсем замкнулись
 Или болтают просто. Не видал,
 Что б так менялись люди. Разве только
 Успели наше дело разгадать.

С е я н.

Когда вы были?

П о с т у м.

Прошлой ночью.

С е я н.

Гости?

Постум.

Сабиний, Силлий, прежний лист, Аррунций,
Фурний и Галл.

Сейан.

Болтали эти?

Постум.

Мало.

И тему разговора дали мы.
Сатрий со мной был.

Сейан.

Так. И то преступны
Их сборы частые. Хвалить забыли
Гостеприимную хозяйку?

Постум.

Ход

Был славно пущен и имел успех.
Да вот Сабиний остерег их кашлем,
А то уж надувалась.

Сейан.

Чтоб ей лопнуть!

Юлий, мне надо, чтобы вы шли сейчас же
В дворец великой Августы; добейтесь
Через друзей скорейшего приема.
Скажите ей о сборе, передайте,
Что раньше говорили мне о речи
Силия и прочих. Объясните
Опасности Сабина и условий
Вне стен дворца. Аррунцию припишите

Хулу на Цезаря и Галлу тоже,
Но Агриппине прежде всех. Скажите,
И это правда, что в безмерной спеси,
В надеждах чадородья своего,
В толпе работает к захвату власти,
К измене Цезарю. Августу упросите,
Чтоб для себя, для Цезаря, для общего
Спокойствия она вступилась.
Беспечен Цезарь, надо, что б узнал он
И лучше пусть из материнских уст,
Увы! К чему копать нам, искать,
Бдить, спорить, путать, строить, упреждать,
Когда он, для кого трудимся в поте,
Беспечно невнимателен? Наш город
Разорван, как во дни гражданских войн
И люди не стыдятся объявлять
Себя в партии Агриппины. С каждым
Днем стан их ширится и то ли будет,
Когда не укротят: развейте это
На ауденции. Почтенный Постум
Поклон мой вашей Приске и просите
Ее в сем важном деле поддержать
Скорейшие, действительные меры,
Всем безграничным Августы доверием,

П о с т у м.

Я в точности исполню ваш наказ.

Уходит.

С е я н.

Поддержка матери, большая помощь
Для замысла, — прищпорит гнев его,
А то еще отложит. Средство что б

К убийству побудить даря — представить
Опасность большей, чем на деле — тенью
Утра иль вечера, притворствуя, что есть
Они, когда их нет, лишь напугать бы.
Ожесточает страх, а как приступит,
Не просто будет стать иль пощадить
Им заподозренных. Вот мой расчет,
Как сделать из Тиверия тирана,
И тот рычаг, что повернет скалу,
Которую мне бить небезопасно.
За смертью Друза, дети Германика
Мне загородят путь. Их стражи слишком
Честны для подкупа, а мать известна
Всем слишком, слишком безупречной жизнью,
Что б поступить с ней, точно с Ливией легкой.
Трудись, мой ум, над страхом царским, он же
Над всем, кто — страх мой, до уничтоженья
Моих помех. Он свой же род сметет,
Он всеми проклятый, свой трон сожжет,
А мне, в тиши воздвигнутое зданье
Венчать — отдав его на растерзанье,
Уходит.

СЦЕНА III

Комната в доме Агриппины.

Входят Сатрий и Натта.

САТРИЙ.

Все страшно подозрительны и скрытны.

НАТТА.

Пронюхали: Арручдий еле может
Себя сдержать.

САТРИЙ.

Да дело-то не в нем
У нас сейчас. Есть кое-кто нужнее,
Да те сейчас молчат.

НАТТА.

Идут. Уйдем.

Входят Сабин, Аррунций и Корд.

САБИН.

Зачем бы этим гончим появляться
В дом Агриппины?

АРРУНЦИЙ

О, гонять, гонять!
Здесь дичь, которую поднять им надо
Великим на потеху.

КОРД.

Замечали
Как те про Цезаря?

АРРУНЦИЙ.

Червяк, червяк,
Что б мы глотали: пусть меня публично
Крючком терзают, лишь бы этот кат
Со мной был за компанью.

КОРД.

Вот, такой же.

Домиций Афер проходит над сценой.

А Р Р У Н Ц И Й.

Да. Это — человек. Оратор Афер!
 Все — фразы, обороты и цветы,
 В оснастку красноречья. Сметня быстро
 Ему доносит весть, иль имя дела,
 Где есть барыш иль кровь; он прерывает
 Слова-убийства лживою слезой —
 О, Тибрский крокодил! Его люблю,
 Он — мой. Я с ним и голосом и сердцем,
 Когда ругаюсь!

С А Б И Н.

Презирай рабов,
 Чья жизнь покажется мертвей гробов.

Уходят.

С Ц Е Н А IV.

Другой покой в доме Агриппины. Входят Силий,
 Агриппина, Нерон и Созия.

С и л и й.

Себя не забывайте, ваша милость,
 А я не смею больше утруждать
 Собою вас.

А г р и п п и н а.

Прощайте, славный Силлий.

С и л и й.

Царственная принцесса.

АГРИППИНА.

Созия с нами?

СИЛИЙ.

Она вам служит и любовь приносит,
Хоть честно, но убытком вас даря.

АГРИППИНА.

Как так? Добро не может стать убытком.

СИЛИЙ.

Не этику, политику возьмем.
Я говорю: смела, в речах свободна,
Стараясь оглашать, что ум ее
Усердно создает для вашей славы;
Поскольку это в ней, оно сложилось
Из чести и любви, но может стать, вам,
В несвоевременности исполнения,
Ущербом и опасностью: ваш дом,
Как взором, завистью сопровождаем
И четный гость у вашего стола
Шпион, следящий, кто пришел, кто вышел;
Что говорили, с кем, когда и где,
Каков был тон и взгляд и даже мысли
У всех, кто были: надо все извлечь
И переделать в пищу.

АГРИППИНА.

Слушай, Силий.

Пусть весь Тиверий состоит из глаз,
А стены и завесы в этом доме
Прозрачней воздуха иль этой пряжи,
Да, пусть Сяна уши дорастут

До крайних комнат, я сочту позором
Шепнуть хоть мысль, переменить хоть шаг,
За равенство Юноне. Добродетель
Ясней, чем многочисленной свидетель,

С и л и й.

Высоко, смело сказано и явен
Дух Агриппины; только, ваша милость —
В оглядке нет ни срама, ни вреда,
И многим, всем, должно быть осторожным.
Вглядитесь, как с официальным видом
Сатрий и Натта, Афер и причет
Приходят в дом, теперь, проведать тайны,
Как привилегированно острят
Над Августой с Тиверием, как шапши
Сеяна с Ливией обличают. Все,
Что б в вас вложить и вызвать возмущенье,
И на свободе выслушать его.

А г р и п п и н а.

Вы слишком подозрительны.

С и л и й.

Дай боги
Так, Агриппина: только я боюсь
Уловок хитрых. Тот, кто беспримерной
И непорочной жизни Германика
Посмел коснуться, подвигом таким
Не ограничит дела своего —
Предаст других, предавший одного.

Н е р о н.

Язык им вырвать и глаза им выжечь,
Когда придут.

С о з и я.

Шпионам так и надо.

Входит Друз Младший.

Д р у з М л а д ш и й.

Слышали новость?

А г р и п п и н а.

Что?

Д р у з М л а д ш и й.

При смерти Друз.

А г р и п п и н а.

При смерти!

Н е р о н.

Странно.

А г р и п п и н а.

Ты с ним был вчера.

Д р у з М л а д ш и й.

Видали только что врача Эвдема,
Оттуда. Думает не будет жив.

С и л и й.

Думает! Если так, то он и знает
Или никто.

А г р и п п и н а.

Так скоро! В чем болезнь?

А р р у н ц и й.

Яд! Яд!

АГРИППИНА.

Как, Силий!

Нерон.

Отчего же это?

Силий.

Нет!—ничего. Так, был один удар
Дан по лицу.

Нерон.

Да, дан Сеяну.

Силий.

Правда.

Друз Младший.

Что из того?

Силий.

Рад, что не я давал.

Нерон.

А что же дальше?

Силий.

Частное свиданье
Со знатной дамой в доме у врача,
Соблазн супруги.

Нерон.

А!

Силий.

Все шалость, шалость.
Что улица? Что на устах толпы?

ДРУЗ МЛАДШИЙ.

Страх, шопот, смута, шум; не знаю, право:
Сенат, сказали, созван.

С и л и й.

Мчусь туда,
Смотреть на кузницу.

А Г Р И П П И Н А.

Так, милый Силий,
Созия со мной будет.

С и л и й.

Торопитесь
К больному: показать свою любовь
И скорбь народа. Здееш Сеян, поверьте
Душе: ни дерева не пощадит,
Которое ему закрыло вид.

Уходит.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА I.

Сенат.

Преконы, Ликторы, Сеян, Варрон,
Латиарий, Котта и Афер.

С Е Я Н.

Варрон, лишь вам возможно обвиненье;
Ни мне, ни Цезарю нельзя вступать
Иначе, как в защиту вас — вы консул
И под прикрытием бывлой вражды
Меж вашими отцами, вы удачней
Избегнете упрека в заговоре.
Вот пункты обвинения; прочтя
Усвойте. Тоже получил и Афер.

ВАРРОН.

Он извещен?

С Е Я Н.

Нет, это обсуждалось
У Цезаря; решили, что верней
Его схватить врасплох.

А Ф Е Р.

И подвести

Все дело под измену.

ВАРРОН.

Понимаю.

Входят Сабин, Галл, Лепид и Аррунций.

САБИН.

За смертью Друза, Цезаря не будет.

ГАЛЛ.

Чем будет заниматься наш Сенат?

АРРУНЦИЙ.

Могу вам на ухо поведать: мы
Слепо-тупо-благорожденный зритель.
Зовут нас только мрамор согреть.
Что делать нам с глубокою их тайной,
Созданьем хитрецов? Оставим их.
Наведенье, пожалуй, охранит нас
От фурий и бичей.

ГАЛЛ.

Вот, вот, пошло!

АРРУНЦИЙ.

Да, трудно головам; взялись за дело,
Качают рожи, как челнок и ткнут
Род паутины, мух ловить.

САБИНИЙ.

Смотрите.

Садятся.

А Р Р У Н Ц И Й.

Зачем так низко сели!

Г А Л Л.

О, конечно,

Им нужно горю Цезареву льстить
Сиденьем даже.

В А Р Р О Н.

Успокой.

П Р Е К О Н.

Молчание!

В А Р Р О Н.

Отды конскрипты, пусть собранье наше
На счастье республики пойдет.

Входят С и л и й и другие сенаторы.

С Е Я Н.

Смотрите — Силий.

С и л и й.

Кланяюсь отцам.

Л и к т о р.

Стой.

Силий, ты не садись.

С Е Н А Т О Р Ы.

Как!

ПРЕКОН.

Силий, встань —

У консула есть обвиненье.

Ликтор.

Цезарь!

Аррунций.

Так он пришел! Нет, значит будут штуки.

Сабиний.

Силия обвинят. Ответит славно.

Входит Тиверий со свитой.

ТИВЕРИЙ.

Мы изумляемся, отцы, при виде
 Всеобщего унынья. Почему
 Так опустились консулы, как будто
 Забыли важность места и почет?
 Нет ничего. Не отыскать печалей
 Достойных уменьшить почет Империи.
 Хоть лично я и заслужил законный
 Упрек, что появляюсь так поспешно
 И в свежей скорби, что б почтить Сенат,
 Когда речь частная родных и близких,
 Исполненная помощи, с трудом
 Не видит нас и еле день выносят
 Те тысячи, кем ведом наш ущерб.
 Не упрекну их в слабости, пути их
 Естественны, но я теперь ишу
 Поддержки мощной, эту помощь встречу
 В объятиях Республики родной.

Мать, Августа, отягчена годами
 Мы сами старость скорую нашли,
 Друз умер, младший, милый ее мальчик;
 Стремленьям нашим должно отыскать
 Того, кто во время беде поможет
 И в ком одном живет надежда наша.
 Преславные потомки Германика —
 Нерон и Друз; не разрешит ли консул
 Привести их, они у двери ждут.
 Я поручить хотел бы их Сенату,
 И солнцам дать взойти, чтоб осушить
 Достоинно скорбь пониклых наших взглядов.

А Р Р У Н Д И Й.

Юпитер! Не настолько я Эдип,
 Что б Сфинкса этого понять.

С А В И Н.

Вот принцы.

Входят Нерон и Друз.

Т и в е р и й.

Приблизьтесь, знатный Нерон, знатный Друз.
 Отцы, вот принцы; я по смерти отчей
 Их дяде поручил, прося его,
 Хоть бы у него и сын родился,
 О них забот не уменьшать, растя их
 Не хуже кровного, явя свое
 Достоинство и им, да и потомству.
 Друз умер, к вам я обращаю просьбу
 Страной, богами заклинаю вас:
 Августова племянника сынов,

Отпрыск великих, взять и править. Этим
 Исполню долг и собственный и ваш.
 Нерон и Друз — вот кто быть должен вам
 Вместо родных, вот вам отцы, вот эти!
 И неслучайно: так вы рождены,
 Что в вас добро и зло не ваше — царства.
 Примите, стражи строгие; дай, боги,
 Что б их делам достойным крови быть.
 Пусть слава званья ими вознесется,
 Не званием они. Пусть их поставят,
 Трудami вашими, в пример всех Римлян.
 Пусть им Фортуна ничего не даст,
 Пусть добродетелью достигнут. Пусть
 Надежду превзойдут, обгонят славу.
 Прошу, отцы, о том голосовать.

С Е Н А Т О Р Ы .

Да примут боги Цезаря желанье
 И всяческою честью осенят
 Род Германика, в ком надежды наши.

Т и в е р и й .

Вас, чтимые за них благодарим мы.

А р р у н ц и й .

В сторону.

Будь так! Но расстоянье, расстоянье
 От рта по грудь! Тивериево сердце
 Укрыто дальше, чем у всех людей.

Т и в е р и й .

В такую радость стало утешенье,
 Что растворился в нем поток скорбей,

Подобно дольным водам в бездне моря
Или дождю в реке, хоть повод горя
Таков, что плакал бы и вечный бог.
Но большим меньшее объято право,
И строго покоримся.

А р р у н ц и й.

Ловко, Цезарь.

Т и в е р и й.

Итак, имея счастье убедиться
В такой бесценной для меня любви
К высокому потомству, верю, Парки
Конеч покойный дням моим дадут;
Пусть плох мой труд, но я прошу Сенат,
Молю его о некоем облегченьи.

А р р у н ц и й.

Смех, смех, отцы! Давно ли вы грустили?

Т и в е р и й.

Безмерно тяжек груз, влачимый мною
На подневольных плечах, разрешите
Его теперь сложить и передать
Консулам иль еще кому из римлян,
Искусным и достойным.

А р р у н ц и й.

Смейтесь дальше!

С а в и н и й.

Сомнительным и прежде он сделал.

Г а л л.

Все отравил.

А р р у н ц и й.

Ах, как вы догадались?

С а б и н и й.

Отказываюсь доверять всему,
Что он добавит.

А р р у н ц и й

Да, пусть умоляет
О том, что для него страшнее грома,
Против которого он зачарован. Суд
Поймай его на слове!

Г а л л.

Чу!

Т и в е р и й.

А сам

Я знаю, слаб я, и не дорожа,
Как лучшие в былом, гнетущим грузом,
Я стану честолюбцем наизнанку.

А р р у н ц и й.

Искусно. Мастерски.

С е я н.

Но Рим, чья кровь,
Чей мозг, чья жизнь, чей самый образ связан
С Цезарем так же как с Атлантом небо,
Не может допустить того, не рухнув.

А Р Р У Н Ц И Й.

А! Вам его спасти.

С Е Я Н.

Пусть только Цезарь
Позволит Цезарево повеленье
Здесь оскорбить: услышит скорбь Сената
О бедах Рима.

Г А Л Л.

Он в себя придет.

А Р Р У Н Ц И Й.

Скорее, чем Вертумн.

Т И В Е Р И Й.

Для государства
Могу себя принудить презирать
Все личное, хоть дорог мне покой,
Но если мне Сенат служить прикажет,
Я послушанье должен счастьем счесть.

А Р Р У Н Ц И Й.

Должны вы и хотите. Знаем!

С Е Н А Т О Р Ы.

Цезарь!
Живи во счастье, царственнейший Цезарь!
Да боги охранят тебя и скромность
Твою и мудрость, и невинность!

А Р Р У Н Ц И Й.

Что?

На подданного молятся?

СЕНАТОРЫ.

Храните
Его смиренье, набожность, заботы,
Кротость.

АРРУНДИЙ.

И хитрость, вставлю от себя,
Да ту и сам он охранит без бога,
И праздны все мольбы о том.

ТИВЕРИЙ.

Терпенья
Отцы, испытывать не стану, но
Готов я стать чем будет вам угодно,
Трудясь, чтоб вашу веру оправдать.
Теперь к делам своим.

АРРУНДИЙ, в сторону.

Держись, Кай Силий!
Отдернут занавес, вот Афер.

ПРЕКОН.

Тише.

АФЕР.

Звать Кая Силия!

ПРЕКОН.

Кай Силий!

Силий.

Здесь!

АФЕР.

Триумф, что ты в Германии стяжал
Последним пораженьем Сакровира,

Тебе достался так легко, Кай Силий,
 Что не найдешь завистника. Ни Цезарь,
 Ни Рим не разрешат тебя лишать
 Малейшей почести твоим усилиям
 На славном у Республики служеньи;
 Но, если после их любви и ласки,
 (Твои открыты мысли и дела)
 Для Цезаря с Сенатом станет ясно,
 Что ты почет свой запятнал грехами...

С и л и й.

Грехами?

А ф е р.

Потерпи!

С и л и й.

Ослам терпеть!

Я римлянин. Где этот грех? Скажите.
 Не в меру ли богат? Не впору честен?
 Что в деньгах, камнях, землях и домах
 Доносчику желанно? Я не в меру
 Почетом окружен иль слишком сведом?
 Вот вам грехи.

А ф е р.

Нет, Силий, если даже
 И слово грех, так сердит, как ты встретишь
 Необходимость следствие вести?

С и л и й.

Знай, Афер — не испугом, а презреньем.
 Отдай в наем искусство и язык.
 Где обвинитель мой?

СЕЯН

ВАРРОН.

Здесь!

СИЛИЙ.

Варрон, консул!

Он в деле?

ВАРРОН.

Я виною тебя, Кай Силий,
Против величья Цезаря и Рима.
Тебе я предъявляю обвиненье:
Во-первых, в подготовке и начатъи,
Затем в затягиваньи Гальских войн,
Где ты стяжал триумф, сокрытъем долгим,
Что Сакровир является врагом.
В единой цели свой доход умножить,
С женою Созией ты страну ограбил.
Так смрадным, мерзостным корыстолюбием
Заслуги истребил свои и стал
Изменником империи.

СИЛИЙ.

Ты лжешь.

АРРУНЦИЙ.

Спасибо, Силий! Дальше в том же роде.

ВАРРОН.

Когда не докажу я, Цезарь, ложно,
Когда его привлек к суду — себя
Вручаю казни для него просимой
И в сказанном. желаю подтвержденья
Суда и всех порядочных людей.

С и л и й.

Цезарь, прошу, чтоб дело отложили,
Пока он консул.

Т и в е р и й.

Это невозможно.

И мы не вправе обещать.

С и л и й.

Как? Он
Назначит день суда? Он обвинитель
И может быть моим судьей?

Т и в е р и й.

Издавна

Так повелось и право от привычки
Пришло судье звать частных лиц на суд
И сроки назначать; тех привилегий
Мы не позволим консула лишить;
Его дозор тяжелый и заботы
Рассчитаны на то, чтоб государству
Обходом правил не нанести ущерба.

С и л и й.

Цезарь, твое лукавство хуже злобы,

Т и в е р и й.

Силий, пойми! употреблять не смеем
Доверье к консулу тебе во зло,
Но бережем его почет и силу,
Поскольку в них лежит и уваженье
И слава государства.

А р р у н ц и й.

Верь им, Силий.

КОТТА.

Как? Разве не обязан он?

АРРУНДИЙ.

А как же?

Свой выбор.

ТИВЕРИЙ.

Капитолием клянусь
И всеми нашими богами, нашей
Республикой: святой закон и власть
Зависят от того — и я смолкаю.

АФЕР.

Угодно Цезарю дать ход процессу?
Дай суд ему.

СИЛИЙ.

Нет, дайте мне закон!
Так, Афер? говори!

АФЕР.

Хотите больше?

СИЛИЙ.

Нет, краснобай, я не прошу ни больше,
Ни меньше, если настоящий он:
К минутной вашей дели не притянут,
Тебя свободен, их и ваших штук —
Прямых насилий, перетолкованья,
Несчетных и лукавых приложений,
Немыслимых надстроек и увечья.

АФЕР.

То бред, то бред!

С и л и й.

Не смел бы так ответить
Без Цезаревой воли. Посмотрю,
Чья власть меня осудит.

А ф е р.

Проболтался:
Он этим обнаружил, кто он есть!

С и л и й.

Кто я? Скажите.

А ф е р.

Враг ты государству.

С и л и й.

Из-за того, что личный враг тебе
И столь же подлых в службе государству,
Поставившему здесь меня орудьем,
Ему несущим в жертву твой позор.

С е я н.

Такая речь о консуле есть дерзость
И нечестива.

С и л и й.

Ты задет? Откройся!
Увы! Не чуял ваших соглашений,
Затей и выкладок, совсем не знал —
Сеяну ненавистен я, а эта
Хвала закону и закону — форма:
То сеть вулканова, простой капкан,
Для казни под предлогом правосудья,
Лукавством проводимого. Ни мозг,
Ни нюх мой не укажет мне, что цели

И речи ваши были тем, что есть
Еще до слов моих. О, боги правды,
Которых целый мир людей-волков
Мея не вынудит судить, хоть грешен:
На то ль так часто жизни не жалел,
Стоял в пылу и зареве сражений,
Чтоб Феб скорей покинул сферу дня,
Чем поле я пред синеглазым галлом,
Кудрявым немцем? Римские орлы,
Когда своим крылом взвивали пламя
И не смертельным не был ни удар,
Когда бросался я один на войско
Сикамбров завитых, гнал и назад
Я приходил не в рабских тыльных метках,
Я с честной раной груди и лица,
Знав, за тебя о, Цезарь, за твой Рим!
И вот награда! Для того ли должен
Мной честно и блестяще быть разбит
Тот Сакровир? О, Иовий, разреши мне
Хвалить мои дела, когда их взявший
Так мог перезабыть их.

АФЕР.

Силий, Силий,
Ведь это просто свойственно крови,
Пылающей вином или раздраженьем:
И это так похоже на бахвальство
Твое, недавно, в доме Агриппины,
Что, будто бы, когда все войско было
На шаг от бунта, только твой отряд
Тебе покорен был. Ты значит тот,
Кто спас империю, а ей погнубить,
Взбунтуйся иль восстань твои полки.
Ты встретил и преодолел все беды,

Ты Цезарю и Риму дал покой,
Их имя, их дела, их ум, их слава,
Им, якобы, подарены тобой.

А р р у н ц и й.

Вот хорошо сказал, совсем оратор!

Т и в е р и й.

То правда, Силий?

С и л и й.

Без вопросов, Цезарь —
То говорит любимый твой шпион.

А р р у н ц и й.

Вот римлянин.

Г а л л.

Он хорошо ответил.

С е я н.

Если так было, то искать не стоит
Иных улик.

В а р р о н.

Чем отемнить сильней
Блеск дарственный и Цезареву славу,
Как неоплатным не изобразив
Свой дар?

К о т т а.

Тем Цезарево достоянье
Представлено любезности бедней.

Л а т и а р и й.

Таким суждением все заслуги стерты.

ГАЛЛ.

Все мало, против Силия заслуг.

А РРУНДИЙ, в сторону.

Галл тоже наш.

СИЛИЙ.

Да прекратим охоту
И труд по собираюню мелочей
Для обвиненья, чей исход известен...
Спрямите путь, навстречу вам пойду.
Слова — мои и больше — заявляю:
Со дня такой большой услуги, Цезарь,
Ты стал меня бояться и не милость
А ненависть мне подарил. Услуга
Владыкам подозрительным обидой
Смертельной кажется, едва оплату
Она перерастет. Подарок вам
Приятен только до тех пор, пока
Его легко вернуть, а чуть дороже
Хлопочите не отдарить — убить.
В природе вашей делать всех рабами
Себе, но никому добра не помнить;
Причина вашей силы не должна
Упомятаться: сделать это, значит
Унизить вас и мыслите — помощник
Пусть гибнет, лишь бы не хранился роком
С верхами вровень или им упреком.

СЕЯН.

Заставьте замолчать!

ВАРРОН.

Замстьте дух!

АФЕР.

Он этим весь раскрыт!

ЛАТИРИЙ.

Остановите!

СЕЯН.

Он доказал, что Цезарю он враг!

КОТТА.

Слова сквозят.

СЕЯН.

Остановите!

СПЛИЙ.

Стой!

Стой, именитейший Сенат, я быстро
 Уйму твой гнев. За Сплием нет стражи,
 Чтоб от Фортуны охранять его,
 Хоть трудно взять его из вашей хватки,
 Доступно то ее руке: сама
 Бразды уронит, встретив добродетель.
 Все то, что может смертного страшить:
 Гнев Цезаря, злость гордого Сеяна,
 Варрона скука, Афера злоречье,
 Сената лесть холопская и эти
 Пришедшие убить: я их сильнеей.
 Я вниз смотрю на них, я стал над ними —
 Нет жизни, по которой мне вздохнуть,
 И мой конец не шлет упрека року:
 И трус и храбрый человек падут,
 Различны только смысл и повод смерти.
 За дорогое вечно платят вдвое.

Римляне, если сыщитесь в Сенате,
Хотите гнев Тиверия презирать
Смотрите — Силий учит умирать.

Закалывается.

ВАРРОН.

Отчаянное дело!

АРРУНЦИЙ.

Честный подвиг.

ТИВЕРИЙ.

Взгляни, он мертв?

САБИНИЙ.

Честь роду и мечу.

АРРУНЦИЙ.

Мой дух его толкнул. Прощай, Кай Силий.
Будь вечно славен за пример великий.

ТИВЕРИЙ.

Нас огорчает этот грустный случай,
Похитя и рассея нашу милость,
Спасавшую тебя, о, римлянин,
Надежде вопреки.

АРРУНЦИЙ

Отличный волк.

Нажрался — воет.

СЕЯН.

Цезарь унижает
Свой сан и безопасность, так тоскуя
О явного изменника кончине.

И кротостью своею побуждает
Мятежников на новые грехи.

ТИВЕРИЙ.

Могли бы конфискацией имений
Мы ограничиться.

АРРУНДИЙ, в сторону.

О, вот в чем суть.

ВАРРОН.

Возьмите тело.

СЕЯП.

Огласите вызов

Созни.

ГАЛЛ.

Пусть ее пошлют в изгнание.
Что до имущества, то половину
Забрать в казну, а остальное детям.

ЛЕПИД.

С соизволения Цезаря и четверть,
Ту, что закон доводчику дает,
Довольно взять, а остальное детям.
Владыка должен быть и человечным
И добрым, не вводя нуждою новой,
За той, что смерть родителя внесла
На ложный путь.

ТИВЕРИЙ.

Мы одобряем.

АРРУНДИЙ.

Да.

За безразличьем. Этот вот Лепид

Спокойно честен, я не раз отметил
Стремленье сдерживать в его речах.

САВИНИЙ.

И к лучшему вести. — Стой, это что же?
Входят Сатрий и Натта с арестованным Крему-
цием Кордом.

АРРУНЦИЙ.

Кремуций Корд! Как? То же пришли?
Прибавить крови пиру. Славный Корд,
Успеха! Честен будь как то, что пишешь
И справедлив.

ТИВЕРИЙ.

Кто?

СЕЯН.

За Анналы, Цезарь.

ПРЕКОН.

Кремуций Корд!

КОРД.

Я здесь.

ПРЕКОН.

Сатрий Секунд,

Иппарий Натта! — ваше обвинение.

АРРУНЦИЙ.

Две гончие Сеяна, он их мясом
Людским кормил, чтоб лаяли на граждан.

АФЕР.

Пред Кордом станьте вы и обвиняйте.

САТРИЙ.

Виню тебя я в том, Кремуций Корд,
 Что ты крамольник, человек опасный,
 Ты сеятель бунтов по государству,
 Ум беспокойный, недовольный всем.
 В Анналах, изданных тобой, язвишь
 Свет нынешний, как бы змеиным зубом;
 Ты, член его, творишь такое зло,
 Какое не посмел нигде ублюдок
 Творить отцу.

НАТТА.

Я распишусь под этим.
 А из особенно приметных мест,
 Я приведу одно: сравнив людей
 И времена, ты славишь Брута, пишешь,
 Что Кассий — это римлянин последний.

КОТТА.

Как? Что же мы?

ВАРРОН.

А Цезарь? Он никто?

АФЕР.

Отды, он бьет по каждому из римлян,
 В ком благородство и любовь к порядку
 Создали мнение о том, что Брут
 Отцеубийца был и враг народа,
 Когда его сравнит или возносит,
 Над лучшими из Рима. Это брань
 Ехидная и дерзостная гордость —
 Не только ею оскорблен наш век,
 Но каждый современник, даже Цезарь
 Унижен; метит очень высоко

Облыжный блеск бесстыдного пера:
Цезарь, будь Кассий крайним в роде римлян,
Тебе нет имени!

ТИВЕРИЙ.

Ответь! Молчите!

КОРД.

Хоть я и невиновен, господа,
Но если уж судить слова, слова те
Не трогают владык, ни их родных,
Что ваш закон определил изменой.
Брута и Кассия, винят, что славил —
Дела их очень часто до меня
Описывали и не раз хвалили.
Великий Ливий, славный красноречьем
Среди всех нас, в истории своей
Так горячо превозносил Помпея,
Что Август часто звал его Помпейцем,
Но дружба не страдала их. В тех книгах
Он пишет об Афрании, Сципионе,
О том же Кассии, о том же Бруте,
Как славных людях, не ворах, убийцах,
Как здесь их повелили величать!
Азиний Поллий письменно почтил
Их благородной памятью, Мессала
Вождя своего Кассия хвалил, и оба
Жили при Августе в чести и счастье.
За книгу Цицерона, где Катон
Прославлен до небес, что сделал Цезарь,
Тогда диктатор? — только речь издал,
Подобно подсудимому. Смотрите
Послания Антония, речи Брута:
Там сколько грубых Августу упреков,

Сознаюсь ложных, но насколько злых!
 Эпиграммы Бибакла и Катулла
 Двух Цезарей сердили очень сильно,
 Но Юлий — бог и Август ему равный
 Скрывали это, сдерживаясь; я
 И не определю с чем большим — мерою
 Иль мудростью; такая клевета,
 Оставленная в тишине заглохнет,
 А гневный крик ее лишь разгласит.
 У греков кстати, и не вольность речи,
 Но непристойность избегала кары,
 А если кто, как исключенье, мстил,
 То за слова словами. Но в работе
 Моей, что можно отыскать скромней
 И безобидней, чем повествованье
 О тех, кто смертью скрыт от зла и благ?
 Ведь не стою я с Кассием и Брутом,
 Вооружась на поле у Филипп,
 Мутя народ во имя дел гражданских
 Опасной речью? Те ли, кто убит
 Лет семьдесят назад, в своих портретах,
 Что истребил не победитель, вдруг
 Появятся преступно из писаний?
 Всем по заслугам воздаст потомство
 И казнь моя того не устранил:
 Не Кассий только сыщет одобренье,
 Не Брута с ним прославит наравне,
 Но упомянут так же обо мне.

А р р у н ц и й.

Он честно говорит.

С л а в и н и й.

И вольно сдержан.

Приятно, что он страсти не вносил.

А Р Р У Н Ц И Й.

Вогнал их в шопот.

Т И В Е Р И Й.

Прочь его ведите.

О нем рассудим в следующий раз.

Уходит стража с Кордом.

К О Т Т А.

Тем временем, вслите-ка эдилам

Книженки сжечь.

С е я н.

Он хорошо решил!

А Ф Е Р.

И как существовать вещам бесстыдным
Да век срамить.

А Р Р У Н Ц И Й.

Пусть, если век хорош!

Л А Т И А Р И Й.

Пусть их сожгут.

Г А Л Л.

Собрать и сжечь сегодня.

П Р Е К О Н.

Сенат закрыт, свяжите прутья ликтор.

Уходят все, кроме Аррундия, Сабиния и Ле-
нида.

А Р Р У Н Ц И Й.

Ведите книги сжечь! О, как смешно
Безмозглое усердие Сената

И мысль, что может нынешняя власть
Развеять память у времен грядущих.

С л б и н и й.

Да, в противоположность наказанью
Разумному, которым крепнет власть,
Того не видеть этаким жестоким
Запретам их и ярости сжигать:
Позор и срам останутся за ними,
А автору навек прославят имя.

Л е п и д.

Примета верная больного века
В том, что опасно похвалить добро
И обличить порок.

А р р у н ц и й.

Лепид любезный,
Предвидел Август, что нам выносить
С Тиверием, сказав, что римский род
Несчастливым станет, существуя между
Тисков тугих и долгого битья.

Уходят.

С Ц Е Н А II.

Комната во дворце.

Входят Тиверий и Сеян.

Т и в е р и й.

Дела успешно обошлись, Сеян,
И зависть общую мы обратили

На Агриппину и потомство. Ну
Подумаем, куда капканы ставить
Дальнейшей паре: есть Сабин, Аррунций
И Галл такой же, как он нам не льстит,
Но сердце вижу я.

С Е Я Н.

Дай роздых, Цезарь.
Пусть время возрастит и увенчает
Затеянное нами в добрый час.
Сабин ближайший.

Т и в е р и й.

Лучше бы Аррунций.

С Е Я Н.

Чем можем охраним его! Не зная
Узды, его прямая речь уймет
Все подозренья о затеях наших.
Беречь его, как сеть.

Т и в е р и й.

О, голова!

Твоим прекрасным мыслям уступаю.

С Е Я Н.

Я, государь, так долго видел милость
От Августа святого, а затем
Стал близок вашей доброте счастливой,
Что все надежды, все свои молитвы
Я обращаю не к богам, а к вам.
Еще не проявлялась мною жадность
К слепительно-чрезмерной чести, больше —
Хранил, трудясь я, Цезарев покой,
Как рядовой солдат.

ТИВЕРИЙ.

Заверю это.

СЕЯН.

Лишь об одной я думаю награде,
Пышнее всех моих удач, чтоб Цезарь
Меня признал свойства достойным. В этом
Моя надежда.

ТИВЕРИЙ.

Гм!

СЕЯН.

Я слышал, что Август
Супруга дочери намеревался
Из римской знати взять. Будь так и ныне —
Об этой чести и мечтать не смею —
То если мужа Ливии искать
И я прийду на ум, как друг Владыки,
Родства хотел бы славу получить.
Я тем не обленюсь, забот не меньше
О Цезаре прийму, с меня довольно,
Что признан и храню свой слабый дом,
Против неравной пыне оппозиции
От Агриппины: это для детей.
Я так хочу, а лично — полагаю,
Все честолюбье в том, чтоб доживать
Свой век, служа любимому Владыке.

ТИВЕРИЙ.

Я не пойму, любимейший Сеян,
Почтения, с каким ты объявляешь
О милостях — я что-то их не помню.
Но к делу. Больше число из смертных
Умом и чувством гонится за пользой,

Владыки же, одни особый род:
Во всех делах стремятся только к славе,
Поэтому повременим ответом.
А лучше Ливии самой решать
Итти ей замуж после Друза, или
Остаться дома. Около себя
Она имеет мать, а также бабуку,
Чей родственный совет поможет ей:
Я только разбираюсь. Неприязнь,
Какой боишься ты от Агриппины,
Усилится, когда тем браком, снова
Разделится наш дом: соревнованье
Двух женщин может вызвать вспышку, в ссоре
Погибнут дети этих двух сторон.
Ведь что причиной нынешних раздоров?
Так будешь ты в опасности, Сеян.
Поверишь ли, чтоб Ливия в первом браке
За Каем Цезарем, потом за Друзом
Состарится спокойно при тебе,
Кто был мелкопоместным дворянином,
Семье в убыток, если не в позор?
И вот еще: ты можешь ли представить,
Чтоб люди и Сенат (они видали
Ее отца и брата, наших предков,
В челе империи) терпели это?
Ведь о твоих чинах уже болтают,
В народе ропщут, знатные публично
Ругаются над тем, как ты проник
В отцову милость и какой дорогой,
Бранят мсня — ты ненавистен им.
Друг дорогой, будь мудр, мы не скрываем
Того из дружбы, но не нам мешать
Твоим иль нашей Ливии затеям.
Что лично нами в мыслях решено,

Какая новая ступень любви
Тебя к нам приравняет и привяжет,
Пока молчим. Но твердо верь в одно,
Сеян наш милый, неизвестны нам
Та знатность крови или славы, коей
Твои к нам преданность и добродетель
Не достигнут. О том оповестим
При первом случае Сенат и граждан.

С Е Я Н.

Я приведен в себя: вернулись чувства,
В слепом исканьи брошенные мной!
Внушил мне Цезарь горячей отречься,
Чем я просил. Благоволит ли Цезарь
С совета моего покинуть Рим?

Т И В Е Р И Й.

Решились мы.

С Е Я Ц.

Вот доводов развитие

Вручает бумагу.

Обдуманное мной, в его защиту.

Т И В Е Р И Й.

Заботливый Сеян, их не забуду,
Расти в моих делах и процветай.

Уходит.

С Е Я Н.

Их разгадав! Тупой, ленивый Цезарь.
Сказал: твои награды преступленьем
Сочли, успех же мой твоим грехом,
Что ненавидят за меня... а знал ли,

Что я на крыльях обгоню попытку
Твою подаренное возвратить,
Губя меня? Те шальные слова
Из губ твоих могли лететь, а мозг мой
Искрящаяся кузница, не создал
Лат против рока и тебя? Прочти
Мое заклятье: пусть придавит чувства,
Как будто омегом дышал иль выпил
Сок мака с мандрагорой! Засыпай
Ты, сладострастный Цезарь, пусть покой
Тупую силу обоймет, убив
Тебя дыханьем власти, влейся в похоть,
Влекущую твой развращенный дух
Из Рима! Я об этом говорю
Своею бранью городских занятий,
Обилья дел, невиданной толпы
Просителей, и их надоеданий,
Досады, что он должен выносить
От слухов, зависти и попреканья,
Всего, что в тихой, одинокой жизни,
Утех и мира полной, он избегнет;
Для важных же и очень сложных дел
В той обстановке легче дать решенья.
Я этим истребляю в нем и память
И знание его важнейших дел,
Доклады попадают в мои руки,
Возьму его расчеты для своих;
Усилюсь, милость и места давая,
Распределяя должности и званья.
Кто враг мне и увидеться не может
С ним — зависть тот уймет иль уничтожит:
Те, кто во мне властителя найдут,
Пойдут за мной иль с Цезарем падут.

Уходит.

СЦЕНА III

Другая комната там же.

Входит Тиверий.

ТИВЕРИЙ.

Стать мужем Ливии! Сеян на меньшем
Не мирится? Не ниже? Так!
Ты знаешь, как ты влит в доверье наше,
Вплетен в дела, не пользоваться, даже
Не зная, что ты ищешь, невозможно.
Теперь же лучше думаю... кто там?

ЧИНОВНИК.

Цезарь!

ТИВЕРИЙ, в сторону.

Не схать — провиниться нам
Пред радостью решенной; в их глазах
Явить сомнение или хуже — страх
Сомненье — право, да и страх не грех
Когда заботиться о благе всех,
Как мы сейчас: слабее половины
Сеяна чванства, злоба Агриппины.
Тот враг опасен нам, тот самый злой,
Кто рос в чести и защищен хвалой.
Желает мести оскорбленных круг,
Но нанесет удар никто, как друг;
Гнев с яростью горят сильнее, вместе.
Летя за славой, чем таясь для мести.
Вот мудрость — никого не награждать
Слишком, но промежуток оставлять
Между собой и тем, кто рос досель

Чтоб оставалась у достигших цель.
Вот, — мысль моя.

Чиновнику.

Что Макро к нам введен?
Нет, — позови, чтоб к нам явился.

Уходит чиновник.

Он

Орудьем будет нашего труда.
Не слишком верен, но велит нужда,
Где спорит вкус. Я слышал — аконит,
В час должный выпитый, предупредит
Яд скорпиона: надо попытаться,
Смесив два яда дам живым остаться.
Он слишком хитрый ум для примененья
Без равного ему врага. Прощенья
Достойны те цари, кто натравить
Умеют зло на зло и их убить.
Царь, воспитавший сильных им склонен,
Тот служит льву, кем львенок воздоен.

Возвращается чиновник и Макро.

Макро, я вас позвал.

Макро.

Я слышал, Цезарь.

Тиверий.

Уйдите-ка.

Уходит чиновник.

Узнавши, добрый Макро,
Причину вызова и наши цели,
(Сейчас их скажем) будете довольны
Высокими избраньем и доверьем.

МАКРО.

Нижайший дар избраньем и доверьем
Для Макро гордость — нет мне честолюбья
Вне службы Цезарю.

ТИВЕРИЙ.

Без царедворства.

Мы полагаем, Макро, уезжать
Из города и повидать Кампанью:
Не для прогулки, а чтоб посвятить
Два храма там — Юпитеру один
В Капуе и второй отцу у Нолы,
И этим важным делом, против воли
Мы, может быть, задержимся. Вот, нам
Небезызвестно, что опасность может
Взойти и за короткое отсутствие
В стране, где столько зависти и вьются
Клубом и зло, и мятежи; нам мысль
Явилась о тебе средь поля римлян,
На должность глаза, уха, чтоб следил
Нерона, Друза, Агриппину, да
И за Сеяном: нет, чтоб сомневались
Мы в верности иль жалко нам наград,
Что грудями ему мы отдавали —
То значило бы осудить наш выбор
И под сомненье взять наш приговор,
Который безусловен, как оракул:
Но есть в величьи рок свой. — Червь и моль.
Живут избытком соков тех вещей,
Какие после точат, обращая
В самих себя создавшего состав.
Макро и крут, и осторожен вместе,
Хитер, скрытен, умен и разбираться
Умеет в людях; изучил широко

Пристрастья, страсть, начала их и цели
Как и которым овладели; признак
Его достоинств то, что верим мы.
Точней. Нельзя нам долго совещаться,
Чтоб подозрения не возбудить,
Мы, Макро, здесь велим тебе шпионить
Докладывать, карать; обдумай средства,
Помощников, кого, где — как угодно
Знай, интригуй, твори: все будет точно
Сенат или законы эту власть
Тебе вручили, ты же возведен
В спасители и Цезаря и Рима.
Ответ твой примем только в виде дел,
О ходе их надеемся узнать
От верных вестников. А если спросят
Зачем вас звали, скажите: затем,
Чтоб осмотреть коней и колесницы,
Будь наш в любви и, скоро, в славе. Макро!

Уходит.

МАКРО.

Я не спрошу, зачем он так велит,
Но рад, что мне. Удача состоит
В придворной службе. Как не все ль равно —
Царь властен все преобразить в добро,
Нам должно быть орудием слепым,
Работать молча: действиям большим
Нужна покорность, а не суд. Как лук
Приятен для ему привычных рук,
Так деятель страны: ему чем боле
Работ, тем он ценней для царской воли.
Не важно, как, кого он косит яро,
Всем чужд, не разбирает он удара.
Велят мне заговор предпринимать

На ближнего, жену мне оторвать
От жара губ, любимую, как вздох,
Родителей убить, родной росток
Зарезать — сына, всех вести родных
На гибель, не отнять сетей тугих
От дружбы ли, невинности ли, бога,
Что? — всех богов чернить: исполню строго,
Барыш и знатность видя в порученьи —
Путь ввысь в покорности и угожденьи.
Кто хочет править — для того заклят
Привычный след, где честь и право чтят,
Пусть ищет новых, узких троп, где добрых,
Тупых и глухих нет, ни им подобных.
Тех доброе — успех, их вол — ум,
Закон их — наглость, выводы — без дум,
Случайность — меч их, стыд их — нищета,
Барыш им — честь, что свыше — суета.
Когда желает предводящий нас
Сеяна вознести и в краткий час
Стремглав низвергнуть с высоты всего —
Мы — верный трап: падение его
То наш подъем. Не раз и не один
Вставал дворец над грудую руин.

Уходит.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I

Покой в доме Агриппины!
Входят Галл и Агриппина.

Галл.

Терпенье, царственная Агриппина.

Агриппина.

Отмщение раньше, это будет нектар
Душе голодной! О, моя судьба —
Внезапным сделай то, что мне готовишь,
Все силы слепотою погрузи
В неведение того, что к нам подходит.
Не знать и страха, как надежд.

Галл.

Принцесса,
Тиверий к вам добрей, чем вы к себе.

Агриппина.

Что значит счастье знатными родиться?
Что делают в вас? Что вас подозревают?
Жить всенародной зависти предметом.
Давая повод, если не причину
Всем мнимым страхам? Кто не предпочтет
Сорваться сразу, чем висеть навеки?

ГАЛЛ.

Покой возможен; только...

АГРИППИНА.

Что, мой Галл?

Быть у Сеяна в девках или сводней,
 Разврата, что Тиверий обновил?
 Лишь тот в покое, кто — ничто. Вы сами
 Не в безопасности со мною стоя.
 В покое Силий. Созия в покое?
 Или племянница, Клавдия Пульхра,
 Или невинный Фурний? Он недавно
 (Оклеветали) славы придавал
 Афера красноречью. О, безумцы!
 А не убьет любви пример тот свежий?
 И милости мои вам оплатить
 Своею гибелью? Видали ль вы
 Чтоб Цезаревой ярости предмет
 Ее избег ему на зло? Прочь, Галл —
 Здесь быть — опасность, говорить — измена,
 Малейшее вниманье мне — мятеж!
 Во мне несчастны вы, а я во всех вас.
 Где сыновья мои Нерон и Друз? Мы
 Все на прицеле, дайте пасть одним,
 Собой своих друзей не погребая.
 Иль сделать что-нибудь на грех похоже,
 Смеясь над тем, кто ищет обвиненья
 Сорвать игру им, их предупредя.
 Опасность та же, ведь изобретатель
 Найдись найдет. Не защитит невинность,
 При споре с властью; только раз умрет,
 Тот, чья вина лишь в том, что он живет.

Входят Нерон, Друз и Калигула.

Н Е Р О Н.

Сеян от Цезаря вернулся. Знали?

Г А Л Л.

Нет. Как? В опале?

Д Р У З.

Прав, как никогда.

Г А Л Л.

Каким несчастьем?

К А Л И Г У Л А.

Счастье то, как будто

Уже кончалось.

Д Р У З.

Повезло им двум.

Г А Л Л.

Что было?

Н Е Р О Н.

Был Тиверий за столом
На вилле именем Спелунка, близко
От моря, посреди холмов Фунданских,
В естественной пещере; своды грота
У входа рухнули, ошеломив
Несколько слуг, все прочие бежали,
Сеян лицом, коленями, руками,
Покрывши Цезаря, себя подставил
Валившимся обломкам и найден
В сей трудной позе, теми из солдат,
Кто прибежал на помощь. Приключеньем
Таким он Цезаря так привязал,
Что гром не оторвет, и воротился
В Рим с Цезаря высокой похвалой.

АГРИППИНА.

И властью тот обвал на нас обрушить,
 И весь мой дом под ним похоронить.
 Вы трое, Нерон, Друз и Калигула,
 Вы ближе всех его обиде, значит
 Вы в ней. Припомните свой род и кровь,
 Душой неспящей встретьте их жестокость,
 То царственный удел — с тираном тяжба
 И счастье, что даруют закалить
 Вам мужество. Так вертит ветр деревья,
 Чтоб выросли здоровы и сильны.
 По смерти вашего отца и дяди
 Чего вам ждать здесь, если не ударов
 Насилья и лукавства? Стойте прямо,
 Вам не в делах, в терпении благородство,
 Чтоб быть достойными моей груди.
 Иди, что знаем, — страх не впереди.

Уходит.

СЦЕНА II

Улица.

Входит Макро.

Макро.

Вернулся цел, вновь в милости и чести!
 Иль Цезарь слаб, или на новом месте
 И в новом воздухе смещение сил
 И падавшего он восстановил?
 Макро, ты связан; то, что раньше было
 Служеньем — нынче, как родное мило,

Ты знаньем в благо Цезаря вводим,
Но для твоей судьбы, необходим
Твой личный труд. Ты ныне кровный делу:
Всегда своя рубашка ближе к телу.
Он устоит — погибнешь ты. Да — вал,
Вздымаемый тобой, чтоб он упал.
Падет, круша тебя; так бей же строже,
Пока не стал и не грозит того же
Тебе! Не трусь — начало знатный дар,
Боец, и первым нанеси удар.

Уходит

СЦЕНА III

Комната в верхнем этаже дома Агрипины.

Входят Латимарий, Руфий и Опсий.

Латимарий.

Такую службу государь Сеян
Оплатит щедро и дает дворянам,
Залезьте между потолком и крышей,
А как добыюсь от них опасных слов,
Появитесь и схватите.

Руфий.

Он будет?

Латимарий.

Схожу за ним.

Уходит.

Опсий.

Успеха! Нет терпенья,
Как хочется мне царству послужить,

Руфий.

Надеюсь, консульство он раздобудет
Кому-нибудь.

Опсий.

О меньшем и мечтать
Не стоит; кто опаснее Сабина?
Он был последователь Германика.
Теперь защитником его жены,
И сыновей, хотя они в опале,
Гость ежедневный, с ними виден был
И на дому и в людях, всем известно,
Что он семьи единственный клиент.
Дай бог, чтоб Латиарию он верил.

Опсий.

В свойстве они и доверять он должен.

Руфий.

И наградят по вере.

Опсий.

Чтоб принести
Такую пользу государству, кто бы
Не только что родства, нежнейших уз...

Руфий.

Тс!...

Идут, я слышу. Молча в нашу норку!

Возвращаются Латиарий и Сабин.

Латиарий.

Как благородно ваше постоянство
К обижешному дому, как отлично

От временных друзей: деля судьбу,
 Вы сохранили место в зиму счастья,
 Где слава греет вас. Вы в этом правы
 И стоите любви того патрона,
 Каким был знаменитый Германик,
 Чьи пышные заслуги вспоминая,
 Увидя, что его жена и дети
 Предмет коварства, зависти и злобы,
 Равно готов бываю обвинить
 Богов в беспамятстве, людей в тиранстве.

С и л и й.

Те терпят — мы должны терпеть.

Л а т и а р и й.

Юпитер!

Что станет с нами, с нашим жалким веком,
 Где грех — рождается знатным человеком,
 Где земли, деньги — страшная вина.

С и л и й.

Нет, — где столу и ложу отдана
 Власть на покой и жизнь. Где письма наши,
 Когда из зависти служитель вражий
 Их вклеит в клевету, не то, что есть,
 А то, чем оправдать их злую месть.
 Там, где незнанье — редко извиненье,
 А знанье — гибельное преступленье,
 Где даже тень свободного уклада
 Вырваны и теперь молиться надо
 На коршунов и сыщиков, чей нас
 Убийственный пронизывает глаз.

Л а т и а р и й.

Мне кажется, что гений Римской расы

Не так еще заглох и огонь великий
 Свободы можно снова оживить
 (Одна лишь смерть его уймет в достойных),
 Не сидя смиренным, высохшим глупцом,
 Вздывающим во тьме убогий уголь,
 Надеясь до конца последней искры.
 Всеобщий интерес и честь, и имя
 Бессмертие любой живой души,
 Тех, кто не раб и не ублюдок Рима.
 Обязывают: если человек
 Рукой усталой, щит долгоносимый,
 Тяжелый бросит, легкий выбрав меч,
 Нам должно ждать свершенья всех желаний.
 Цора устать нам от ослиной чести —
 Лишь действительною силой отвоюем
 Утрату иль ничем. Скала и сталь
 Сойдутся, распалая пламя славы,
 Чьим светом мир был сыт, а жаром жив,
 Не меньше солнцевых.

С а в и н н и й.

Предпочитаю

Жить в вечной тьме и позабыть о дне.
 Нет зла, чтоб подданных могло поднять
 На государя, как и ада мало
 Против богов. Кому не роскошь — честь,
 Гнет мятежу обязан предпочесть.
 Хоть римляне, когда себя вручали
 В волю одну, никак не полагали,
 Что жизнь, имущество, свобода их,
 Пойдут в добычу и на меч возьмутся,

Л а т и н с к и й.

Да, мы рабов презреннее: нас вяжет

Раб Цезаря, таков Сеян Надменный.
Он — все: всевластен; Цезаря отправил
Изъявленный помазанника лик
Скрыть в Родосе, лысину венчая,
Чтоб здесь гулять по головам и римлян
И дома царского.

САВИНИЙ.

Коснулись места,
Где он отменно проявил искусство
И власть свою.

ЛАТНАРИЙ.

И гнусность в том, и в той
Вы знаете, где Ливия? Как умер
Друз? Сколько здесь зарезано людей?

САВИНИЙ.

Да, вещь известная. Видал недавно
Его последнюю затею, даром,
Что мастером топить концы слывет.
Тиверий? чуть уцмыл, Сеян пугает,
Что Агриппина ждет его убить,
Ей тоже часто посылает вести.
Под видом дружбы, якобы храня
От Цезаря, который даст ей яду.
В них вызвал гнев, взаимное сомненье,
Что к ненависти явной привело.
Потом послал наемного клеветы
К Нерону, чтоб того расшевелить.
Сказать, что Цезарь стар, что все в народе,
Да, что — все войско смотрит на него
И, что тоскуя, ждут, что он предпримет
Достойное всех мировых надежд.

Ухаживать велел. Юнец, доверяясь
 Пожалуй, слушал. Тот же отписал
 Цезарю вывод: «Вот опасный мальчик,
 Внял наушеньям матери, она
 При всяком случае его толкает
 На связь с солдатами.» И Цезарь в страхе
 Пред матерью и сыном. Не отстал,
 Второй из братьев, Друз. Родился гордым,
 Его легко поймать — честолюбив
 И полон зависти. Схватил, обвинил,
 Испортил лестью, мужество в нем славил,
 Твердил, что он высок в надеждах римлян,
 Что страдают все его обидам
 От матери, кому Нерон милее.
 Так, порознь друг на друга их травил,
 Давал советы, чтоб потом винить их,
 Во мненьи каждого являться другом
 И всех вести на гибель.

Л А Т И А Р И Й.

Цезарь спит,

Тому кивая.

С А Б И Н И Й.

Пусть заснет навеки
 В своем разврате!

О п с и й и Р у ф и й врываються.

О п с и й.

Цезарю измена!

Р у ф и й.

Хватай изменника, ты, Латиарий,
 Иль станешь тем же!

ЛАТИАРИЙ.

Цезарю я друг.

САВИНИЙ.

Я схвачен?

РУФИЙ.

А то как же, сударь? схвачен!

САВИНИЙ.

Честь голове такой седой и старой!
Почтеннейший урод, ты доживешься
До собственной поимки!

ОПСИЙ.

Прочь его!

ЛАТИАРИЙ.

Тащи его!

РУФИЙ.

Изменников шпионить
Достойнейшая бдительность.

САВИНИЙ.

Отлично.

Отъявленный защитник государства,
Муж на все руки: волокита отсюда!
Год хорошо начат и я паду
За здравие Селна жертвой. Прочь!

ОПСИЙ.

Накрой одеждой, голову закутай.

САВИНИЙ.

Не падо. Ваша грубость не нужна —
Не стыдно мне: лишь в низости вина.

Уходят.

СЦЕНА IV

Улица перед домом Агриппины.

Входят Макро и Калигула.

МАКРО.

Взгляните, как опасности вас гонят
К их явной цели. Ваша мать и братья
Сенатом вызваны, им близкий Галл,
Вчера столь чтимый Цезарем, под стражей.
Сабиний, здешний гость — сведен в тюрьму.
Сенаторы в молчании и страхе
За исключением тех, кто не совет,
А свой доход, грабеж поставил целью.
И оставаясь здесь, уверьтесь в этом,
Вы станете их ярости предметом,
А то и метой.

КАЛИГУЛА.

В чем же ваш совет?

МАКРО.

Сейчас же выехать на Капри, там
Отдать себя в распоряжение дяди,
Сказав (ведь ваша мать обвинена
В намерении у Августа кумира
И армии искать защиты), что
Предпочитаете в нем видеть помощь,
Чем жить под подозреньем или каждый
Миг ждать его от происков Сеяна,
Который, тайно скажете, весьма
Опасен Цезарю и государству,
Стремится к улучшению личных дел,

А не всеобщего благополучья.
Я только хлопочу один за всех:
Доверье мне — то Цезаря успех.

К а л и г у л а.

Так прочь! Мы приготoвимся к отъезду.

Уходят.

С Ц Е Н А V

Другая часть улиды.

Входят: А р р у н ц и й.

А р р у н ц и й.

Доколе, небо! Иль не может пламя
Ни жар греха расплавить грозный гнев,
Встревоженного лона, чтоб он залил
Бесчестья смоляной огонь, коптящий
У трона твоего? Ты можешь спать
В терпении, а грех свой древний образ
Воздвиг на силу страшную, дым, смрад
Неся твоим ноздрям? Бог! что разбудить?
Сеян ли дернет бороду твою,
Пока ты век не поднимаешь черных,
Чтоб глянуть смерть ему? Храпи же, бог!
И дай осколку тех гигантов гордых
На горы горы громоздить к тебе...
Спаси меня, Фортуна, и вы, власти,
Обиженные мной в моих упреках.
Я вижу (это прямо чудеса),
Что славный, знатный римлянин и честный
Дожил до старости.

Входит Лепид.

О, Марк Лепид,
Когда же наш черед? Ты сам да я,
Не хвастаясь, пожалуй и остались
Для чести жить в безбожный этот век,

Лепид.

Как жили, так и будем жить мы, Люций,
Хотя б смертельно злобный взгляд тиранства
Желал нас отпугнуть.

Аррунций.

Так жил Сабиний.

Лепид.

Я видел, как он брошен был в Гемоний
И было отвратительней всего,
Что верный пес его, стыдя нас, римлян,
Не отошел от тела, но за ним
В теченье бросился и с ним исчезнул.

Аррунций.

О, вот чему завидуй, человек!
Теперь мы ближе всех к крючку, мой Марк,
Скажи мне, Патриот, каким искусством
Те кудри спасены до дней седых
И дорогая голова осталась
У милых плеч?

Лепид.

Искусство, друг Аррунций!
Нет, полное бездействие терпенья,
Страдать безмолвно, никогда рукой

Не сдерживать теченья, жить замкнуто
 С мечтами и певичностью моей.
 Волков не кликать — вот мое искусство.

А р р у ц и й.

Начну ему учиться, если им
 Могу спастись. — А можно мне молиться
 Тайком — и уцелеть? Да? Или вслух,
 Открыто, если я не поминаю
 Сеяна и Тиверия? Ведь должен
 Раз начал? Тяжело! Могу я думать
 И в пытку не попасть? Болтать во сне
 И кашлять? Как на этот счет законы?
 А головой качать без слов? Сказать
 «Дождь» или «ведро» и меня не бросят
 В Гемоний? Ведь от этаких вещей
 Людское счастье, что! судьба зависит.
 Никто не защищен от злых ушей:
 Нет дня, нет места, часа нет свободных,
 Нет даже нам священнейших молитв,
 От той жестокости — малейший повод,
 Нет, случай годен им! Бред сумасшедших,
 Пропойцы праздность, бабья болтовня,
 Шута нелепость, все, все хорошо,
 За что ухватятся. А там исход
 Для всяких лиц и всяких преступлений
 Известный, потому что он один:
 Смерть с малой только разницею в месте
 И времени. — Что? принц Нерон под стражей?

Входят Л а к о н и Н е р о н под стражей.

Л а к о н.

Следите, Ликтор! Господа, дорогу.

Под страхом гнева Цезаря, никто
С задержанным не говорит.

Н Е Р О Ц.

Друзья!
Вам смысла нет губить себя словами,
А мне в том радость малая, прощайте,
Пусть беды Рима кончатся на мне.

Л А К О Н.

Ликторы, прочь!

Л Е П И Д.

Куда он, Лакон?

Л А К О Н.

Сударь,
Сенат решил изгнать его на Понт.

А Р Р У Н Ц И Й.

Я вижу, слышу, ощущаю. Верить
Мне чувствам, или это бред?

Л Е П И Д.

Где брат?

Л А К О Н.

Друз арестован во дворце.

А Р Р У Н Ц И Й.

Ага!

Понятно — это чип. Где Агриппина?

Л А К О Н.

На Пандатарию заточена,

А Р Р У Н Ц И Й.

Громов Вулкан! Громов! Феб, где твой лук?
 Марс — меч; Голубоокая — копьё;
 Алкид, где палица? У леба мало
 Оружия, чтоб защитить богов,
 Мне кажется! Хитро, отлично, живо!
 Арестовать, изгнать и заточить —
 Вот вам трехвостка. А вина?

Л А К О Н.

Измена!

А Р Р У Н Ц И Й.

Концу всех обвинений. Этот пункт
 Один благонадежен.

Л Е П И Д.

Очень странно:
 Ведь слушать не хотел народ вчера,
 Тем боле спорить, и кричал, что письма
 Подложны, что весь заговор придуман,
 А разрушение царственной семьи
 Без Цезаря ведут. Где ж эти
 Все голоса, теперь, когда избраннык
 Их заперт, под опалой, изгнан?

А Р Р У Н Ц И Й.

Стихи

В желудки загнанные. Вздох Сеяна,
 Как вихорь искры жадкие размел
 Жестоким дуновением.

Лакоу.

Нет измены

И не к чему стоять вам — добрый путь!
 Нам не нужны подлизы. Ну, шпион,
 Шпионят вас. Прочь!

Уходят Лакон, Нерон и др.

Лепид.

Вы, боюсь, неправы,
 Он римлянином истым слыл всегда.

Аррунций.

И служит в этаких делах? Лепид,
 Синону верю более, чем людям
 На службе здесь. Пошел, но раз пошло
 Осмелюсь рассказать, что смею думать.
 Ведь филин наш Тиверий не видал
 Любимца дел, а если видел — он
 Не тот хитрец, как мы считали: глупо
 В своем дому отпаивать ублюдка,
 Своею кровью с помощью богов,
 Свой горб ему скормить, чтоб выше прыгнул,
 Я не молюсь, но если это рок
 Даст видеть глазу, не сморгну я.

Лепид.

Видеть

Не должно, Люций.

Аррунций.

Кто велит?

Лепид.

Усердьё

И долг: подумай, он наш господин.

А Г Р У П Ц И Й.

Он наше чудище: утоп в разврате
Так, что ничья певинность не спасет.
Сам гнусный, гаже всяких преступлений.
Он — император похоти одной.
Уйдя от славы собственной и римской
На остров темный, он живет играя
В трагедиях комическим лицом.
В халдейском сброде исчисляет час,
Неделю, день и месяц, истязая
Всю астрологию, на смерть живым.
Он людям гороскоп определяет,
И что-нибудь хорошее в нем видит,
Велит убить их или бросить в море,
Бахвалясь, что им рок побит. Постой,
О худшем после: это лишь цветочки.
На Капри он имеет живодерню,
Где, как искусству, учится убийству
И тот ему дороже, кто придумал
Ужасней пытку. Дальше посмотри.
Он мальчиков и девушек красавиц
Из лучших взял домов, кто всех складнее,
Воспитанней, скромнее — эти свойства,
Его бессилье дразнят. Кто прельстился,
А кто запуган, тех от близких взяли
И держат пленно, на глазах у скорбных
Родителей, перемешав с толпой
Спинтриев, селлариев и рабов,
Искусных в странных, невозданных ласках,
Каким в природе мудрой нет имен.
К тому ж (то нам больней и Риму горше)
Он с силою своей пошел в опеку
Слуге, обсосанному катамиту.

Кого на наших перегнутых шельх,
 Из грязи взяв, возвысил до богов
 И в Риме отдал алтари и жертвы,
 Какие Иовий видит, но скорей
 Готов громить безмолвный дуб иль падаль.

Входят Лакон, Помпоний и Минуций.

Лакон.

От этих писем ждать чего не знаешь:
 Приезда или смерти.

Помпоний.

Жди двоих,
 Что первым будет — небу слава.

Аррунций.

Тише!
 Их тема — Цезарь. Выслушаем всех.

Аррунций и Лепид отходят в сторону.

Минуций.

Сегодня он здоров — в Рим хочет ехать,
 А завтра болен, прямо не поймешь.
 Так, с вечера один Сеянов друг
 Почтен письмом особым, а на утро
 Другой казнен.

Помпоний.

Особейшим письмом.

Минуций.

Один превознесет со слов Сеяна,

Другой чуть упомянут, третий — нет,
Четвертый убран и Сенат разбился,
Прервал работы, так превратно все.

Л а к о н.

Игра двойная, в ней не разбираюсь,
Сказал бы прямо, кто любим, кто нет,
Чтоб нам за тем итти без колебанья.

А р р у н ц и й.

О, Гелиотроп! По вашему он честен?
Пусть будет так, но для меня он хам.

П о м п о н и й.

Нельзя не знать — Сеян преуспеваает
И все растет, мы видим ряд статуй,
Титулы слышим, надписи читаем,
Клянемся счастьем его, он стал
Со-Цезарем на пятом консулате,
Богам курится меньше алтарей —
Чего ж еще?

А р р у н ц и й.

Чтоб в том дыму задохся,
Вот вам еще.

Л е п и д.

Потише, друг Аррунций.

Л а к о н.

Но предписание, сказали, вышло,
Чтоб это прекратить.

М и н у ц и й.

Слыхали.

Л а к о н.

Да.

П о м п о н и й.

Кастор! Прескверно.

А р р у н ц и й.

Полукс! Превосходно.

М и н у ц и й.

Примета неприятная, что Регул,
Который, знаем мы, не друг Сеяну,
Тиверьевым строжайшим приказашьем
Назначен консула помощником.
Здесь предвещание.

П о м п о н и й.

Не смены. В паре
Ему Фулькуний, этот свой, и верный.
Идет Теренций.

Входит Т е р е н ц и й.

Он нам больше скажет
Шепчет Т е р е н ц и ю.

Л е п и д.

Не верится, что Цезарь не прознал
О происках Сеяна. Все скрещенье
Различных писем, консулов враждебных,
Смесь разных почестей и наказаний,
Здоровье и болезнь, почет Сеяну
И униженья тут же, как теперь
Мы слышим изо всех речей, не может

Бесцельным быть: Тиверпев прием!
 Найдя, что фаворит не вмеру славен
 И славой той силен, что все солдаты
 В своих вождах привержены ему,
 Что чуть не весь Сенат его клеветы,
 Или вполне зависят от него
 Из выгод ли, надежд или страха ради,
 Что сам он много растерял своих,
 Отъездом, а усиленным развитием
 Разврата и жестокости лишился
 Оружия любви и уваженья,
 Дающих право явно звать к суду:
 Из хитрости ведет игру двойную.
 Его придерживать, но не пугать
 Отставкой чистой, дабы не толкнуть
 На дерзость крайности. А между тем
 Его всемерно сделать ненавистным
 Толпе приспешников, чтоб их потом
 Использовать; кто на бегу большим
 Падет, тот опрокинет все вверх дном.

А р р у н ц и й.

Лепид, вам быть Линкеем, только я
 Не вижу, почему тиран хитрейший,
 Умеющий так ловко лгать, не выбрал
 Пути короче: честно воротясь,
 Законно глотку перервать.

Л е п и д.

А страх ведь
 Не скроешь маской, как закрыл разврат.

П о м п о н и й.

Их милость в милости?

ТЕРЕНЦИЙ.

Покойны будьте,
Прочней он не был в милости и силе.

ПОМПОНИЙ.

Да, боги правы и премудры.

АРРУНЦИЙ.

Враг
Они тебя за клевету.

ТЕРЕНЦИЙ.

Со мной
Последних два письма, где он зовется
«Товарищ дум и собственный Саян».

ЛАКОН.

А правда ли, что вышло запрещенье
Ему жертвоносить?

ТЕРЕНЦИЙ.

В таких вещах
Застенчив Цезарь, но не запретил их.
Не больше, чем себе — известно вам,
Что всем прекращены.

ЛАКОН.

Здесь нет другого?

ТЕРЕНЦИЙ.

По чести нет. Чтоб вас совсем уверить
Вот письма.

АРРУНЦИЙ.

Как несчастные охотно

Готовы верить в то, чего хотят!
А здесь не заговор?

Л Е П И Д.

Стой, друг Аррунций!

Л А К О Н.

Без титулов зовет его здесь.

Л Е П И Д.

Видишь?

А Р Р У Н Ц И Й.

Да, и оставил в дураках, как видно.

Л А К О Н.

Сеяном только.

П о м п о н и й.

Но виною спешность
В какой писал. Здесь просит извинить

М и н у ц и й.

Собственноручно написал?

П о м п о н и й.

Да.

Л А К О Н.

Правда?

Т е р е н ц и й.

Поверьте, господа, душа Сеяна
Еще не видела таких наград
Доныне.

Помпоний.

Как он принял весть о бегстве
Калигулы за Макро?

Теренций.

Правда, сразу
Он до известной степени смутился.

Лепид.

Вы видите?

Аррунций.

Нет! лишь загадки. Если
Сеян не пал, все мне — пустые песни.

Уходят Аррунций и Лепид

Помпоний.

Нехорошо. Надеюсь не предпримет
Как консул ничего против него,
Увидя, что он так любим народом.

Теренций.

Теперь жалеет, верно, но приставлен
К нему Пагониан, через кого
Идет вся переписка их и тех,
Кто близок Цезарю, теперь ни мысли
Не проскользнет без ведома и встречи.

Помпоний.

Рад новостям.

Лакон.

А чем добился Макро
Доверья и любви от Калигулы?

ПомпониЙ.

О, у него — жена, у принца — юность
Желанья: может мух на потолке
Искать, когда в его постели блохи,
И во-время умеет крепко спать.
Кто для щедрот всплывающего солнца
Не даст куска ущербленной луны?
Святос честолюбье! — Вам Теренций!

ТеренциЙ.

Над нами ночь темнеет. — Ваш слуга.
Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА I

Покой в доме Сеяна.

Входит Сеян.

Сеян.

Длись, длись, восторг! Не бойся миг единый
Себя равнять с величием причины.
Я не жил до сих пор: вот первый час
Своею властью я надежды спас,
Навеки. — Кто высок средь бытия?
Мир знает лишь двоих — то Рим и я.
Мне мал покой мой, воздух попрал мной,
Я вижу, — с каждым шагом головой
Собью с небес звезду. С той высоты
Мои желанья скромны, прах, пусты —
А слыли нагlostью! Над звездной новью
От хама знатных не отличишь кровью,
Чем больше, как не Цезарем мне быть?
Стать? Глуп, кто мог так далеко ступить,
Так подойти и медлить! Калигула,
Все — станьте против моего разгула.
Стихает ветер, понав в пустой простор
Без леса и домов; потух костер,
Когда в нем нет упорных дров. Таков

Наш гнев и жребий. Надо нам врагов
Иметь, чтоб власть испробовать. Мешая
Нам, приведет семья богов святая
Фортуну. Для Сеяновой борьбы
Достойно быть соперницей судьбы.

Входит Теренций.

Т Е Р Е Н Ц И Й.

Мир, славному Сеяну!

С Е Я Н.

Что, Теренций?

Т Е Р Е Н Ц И Й.

Слыхали чудо?

С Е Я Н.

Расскажи мне. — Нет.

Т Е Р Е Н Ц И Й.

Оно горело на устах людей,
Толпой несущихся в театр Помпея,
Смотреть статую вацу; говорили,
Вся почернела, как в печи — страшна.

С Е Я Н.

Изменник подпалил. Туда сходите
И голову снимите — мы посмотрим,
В чем дело.

Уходит Теренций.

Чегодьяй какой-нибудь
Решил пугать народ. — Уже? В чем дело?

Возвращается Теренций с Сатрием и Наттой.

САТРИЙ.

При мне снимали голову — сам видел.
А из отверстия вылез преогромный,
Ужасный змий.

СЕЯН.

Ага! Ужасный? Чем?
Рогат и бородат? Без сердца? С жалом,
Раздвоенным, как лезть? Похож окраской
На тех, что водятся в груди вельмож?
Душа в нем Макро?

НАТТА.

Если мне позволит
Божественный Сеян, — за весь свой век
(И счастьем клянусь священным вашим)
Не видан мной такой предлинный, рослый,
Толст, пестр, злореден, гадок.

СЕЯН.

О, судьба!
Вот диких прилагательных собрание,
Чтоб выразить червя, змею.

ТЕРЕНЦИЙ.

Но это
Так, государь!

СЕЯН.

И ты, мой друг Теренций?
Мне кажется, вы видите предвестье,
В своем известьи.

ТЕРЕНЦИЙ.

Но, Сеян премудрый,
И боги так хотят!

С Е Я Н.

О суеверье!

Вот я упал с постели, что сломалась
Под тяжким весом всей толпы клисентов,
Пришедших на поклон сегодня утром,
Потом, вот, кошка между ног скользнула,
Как из носплок вышел в Капитолий,
Вам все предвестья?

Т Е Р Е Н Ц И Й.

Явные, по мне

И лучше б им не быть. Или сегодня:
Рок ваших слуг, они склонили путь
За теснотою, от прямой дороги —
В Гемоний сорвались, убились на смерть!
Еще: когда в последний раз гадали,
Добрых птиц не было, одни вороны
Кружили, каркал, а в пору жертвы
Умчались на тюрьму и там сидели
Всю ночь, поганым клювом ветер гады!
Советовать не смею, но просил бы
Великого Сеяна, снизойти
До жертвы богу.

С Е Я Н.

Как глупеют люди

От веры! Верь мне дорогой Теренций,
Если опасность есть (и молвить стыдно;
То как богам менять весь ход судьбы?
А если могут, могут ли мгновенно,
За взятку салом (меньше!) извращать
Давнишнее решенье? Боги — мухи
По вашему, их ловите на запах
Жаркого или крови с алтарей?

Вам дешева их мощь, а мне — ничтожна
 Из всех, кто ни толпится на Олимпе,
 Давя нещадно бедного Атласса,
 Я признавал всегда одну Фортуну,
 Ей приносил в молитвенном дыму
 Я ладан и склонял к себе вниманье
 Елеем. Эту в самом деле чту
 И образ с честью сохраняю в доме,
 Когда-то бывшем римского царя,
 Теперь — моем, зане я был достойней.
 Ей, если надо, в удовлетворенье
 Фантазий ваших — жертвую. — Вели
 Жрецам нести мед, молоко и мак,
 Да росный ладан и одежды. — Скажешь:
 Немедленно. И убедитесь вы,
 Как ваши страхи пусты и смешны.

СЦЕНА II

Другая комната там же.

Входят Котта и Помпоний.

Котта.

Помпоний, ты куда бежишь?

Помпоний.

Иду

Сеяна известить.

Котта.

О чем?

Помпоний.

О Макро.

КОТТА.

Он что? Приехал?

ПОМПОНИЙ.

Только что вошел

В дом Регула.

КОТТА.

Оппозиционный консул!

ПОМПОНИЙ.

За полчаса назад.

КОТТА.

И ночью? Стойте,

Я вас не отпущу.

ПОМПОНИЙ.

Скорей туда.

Уходят.

СЦЕНА III

Комната в доме Регула.

Входят Макро, Регул и свита.

МАКРО.

Цезарь желает, чтоб Сенат был в сборе,
Пусть ваш эдикт наложит тяжкий штраф
На тех, кто не пожелает.

РЕГУЛ.

Исполню.

Сказать помощнику, чтоб написал.

МАКРО.

Добавьте, надо объявить пораньше,
А место — Аполлонов храм.

РЕГУЛ.

Я помню.

МАКРО.

И час?

РЕГУЛ.

Да:

МАКРО.

А вот, кажется, забыли
Послать за старшиною караула.

РЕГУЛ.

Нет, не забыл: вот он.

Входит ЛАКОН.

МАКРО.

Грациний Лакон,
Вы — друг желанный, буду говорить
По пунктам. Вы должны представить список
Когорт преторианских с именами
Центурионов и трибунов.

ЛАКОН.

Есть.

МАКРО.

Привез письмо вам и привет Владыки.

ЛАКОН.

Привет обоим.

МАКРО.

Слышали? он пишет,
Что ценный вы и дельный человек.

РЕГУЛ.

Вы заслужили.

МАКРО.

Предостойный Лакон,
Цезарь поклон вам...

Уходит Регул.

Консул! смерть и ад.
Ушел! Известье вам приятно, сударь —
Хо! Регул! Пусть нагонит гнев богов
Стремительные ноги и уймет их
Подобием подагры.

Возвращается Регул.

Господин мой,
Вас не хватало нам. Прошу послать
Кого-нибудь к Фулькунию скорее,
Сказать: придете, мол, с ним говорить.
Суть дела в том, чтоб просидел он дома
Пока я с Лаконом пройду посты.

Уходит Регул.

Грациний, ваши силы?

ЛАКОН.

Семь когорт.

МАКРО.

Вот, Цезарь пишет и... Опять сбежал он!
Наверно у него в ногах есть ртуть!
Не знаете ль числа, преторианцев,
Которых на охрану взял Сеян?

ЛАКОН.

Не знаю точно, — думаю центурий
Три.

МАКРО.

Три? Добро!

ЛАКОН.

Не больше четырех.

МАКРО.

А кто центурионы?

ЛАКОН.

Это консул

Точнее знает.

МАКРО.

Да ведь он пропал.
Чтоб ловкой живости его!.. Грациний,
Вы знаете в каком доверьи вы
У царственного Цезаря?

ЛАКОН.

Я...

МАКРО.

Сударь,
Теперешний почет — едва начало
Дальнейших милостей.

ЛАКОН.

Слишком...

МАКРО.

Сам слышал,
Как он обдумывал, чего б вам дать.

ЛАКОН.

Жизнь

И все...

МАКРО.

Теперь вы первым человеком.
Все утвердят, что сможете сказать,
А, если преуспеем — больше. Стражи,
Сказали, семь когорт?

ЛАКОН.

Да.

МАКРО.

Вы должны
Держать их наготове и в оружьи.

ЛАКОН.

Я понимаю. Только как же так...

МАКРО.

Не вызывать подозрений, говорите?

Входит Регул.

РЕГУЛ.

В чем дело?

ЛАКОН.

Под оружием страже быть
С утра.

МАКРО.

Сенат собрать и заседать
Во храме рано, так чтоб не прознали
Про все это.

РЕГУЛ.

А в случае нужды
Имеем право овладеть дворцом,
Взять Друза и своим вождем поставить.

МАКРО.

Ах, тайна жгла его почтенный рот,
Пока не сплюнул... Ради всех богов,
Что вы наделали? — Мне человека
Иль двух послать. — Освобожденье Друза
Считает Цезарь крайностью и риском;
Не иначе; запомните.

Входят слуги.

РЕГУЛ.

Вот слуги.

МАКРО.

Вот, для Аррунция. Вот, для Лепида,
Вот Котте, Латарию возьми.

А спросят про меня — скажите: свежих
Коней взял и уехал.

Уходят слуги.

Вам итти

К коллеге вашему и задержать
Рассказом длинным о новейших благах
Сеяну, славному его патрону. Я
И верный Лакон здесь на карауле:
Разделимся. У ночи много глаз —
Спят многие, но не шпион, подчас.

Уходит.

С Ц Е Н А IV

Святылище в доме Сеяна.

Входят Преконы, Фламины, Тубидины, Тибицины, Жрецы, Сеян, Теренций, Натта и прочие.

П р е к о н.

Прочь Форкиса фамилия! Фу, фу!
Исчезни, фу! Вон Форкиса фамилия!

Тубидины и Тибицины играют во время омовения фламингов.

Ф л а м и н.

Грешили, но раскаялись теперь мы,
Руки чисты, чист плащ и чисты мысли.

1-й ж р е ц.

Утварь чиста.

2-й жрец.

Жертвы чисты.

3-й жрец.

Венок чист.

Фламин.

Венки сложите и с почтеньем ставьте
Вербену на алтарь.

Прекон.

Молить устами!

Музыка возобновляется; Фламин касается пальцем меда и пробует, поступая так же с прочими приношениями, в том числе и с молоком в глиняном сосуде; сделав это, кропит молоком алтарь и возжигает ладан; покадя алтарю, ставит на него курильницу, кладет на него же отдельные головки мака и по прекращении музыки продолжает.

Фламин.

Фортуна-мать, царь всей людской борьбы,
Правитель действия, судья судьбы, —
Пред коей сила, власть, господство — ниц,
Вонми мольбам, что нами вознеслись.

Прекон.

Хвалите Мать Великую устами.

Жрец.

Вонми мольбам, что нами вознеслись.

Все.

Прими дары и смилуйся, богиня.

Т Е Р Е Н Ц И Й.

Смотри, смотри — глядит!

С А Т Р И Й.

И, отвернулась!

Н А Т Т А.

Фортуна отвратила лик!

Ф Л А М И Н.

Отриньте,
Предвестье, боги! Стой! Чего-нибудь
Не выполнили. Небо, успокойся
И да сочтется ложным и пустым
Сей зримый гнев.

С Е Я Н.

Заткнись, трусливый поп!
И убирайся вон со всею дрянью,
Ее на зло твоей слепой хозяйке
Мистериям и верам повергаю
Себе под ноги.

Опрокидывает статую и алтарь.

Нет! Стой отвернувшись,
Пока я не велю смотреть сюда!
Так будешь, в назидание потомству
На общее посмешище стоять,
Лицом к хвосту, как вздорные котята.
Убрать весь дым и свечи суеверья,
И весь затасканный обряд: вы с вашей
Чистой и строгой совестью!

Уходят все, кроме Сеяна, Теренция, Сатрия и
Натты.

Я раб,
 Игрушка дурачья, позор на лоб мой!
 Я был провозглашен и чтим, как бог,
 Да, жертвы мне во всем горели Рима,
 Юпитера не меньше, а молюсь
 Сварливой шлюхе. Эта мысль и стыд
 Могли внушить Фортуне отвернуться,
 Признав себя за младшую богиню,
 Мою слугу. — Рвань, стерва, если так —
 Сеян благодарит за скромность! — Кто там?

Входят Помпоний и Минуций.

Помпоний.

Их счастье извинит, доклад услышав.
 Я слишком ждал здесь. Макро, государь —

Сеян.

Потише, — отойди.

Отводит его в сторону.

Теренций.

Но правда это?

Минуций.

Об этом с улиц тысячи кричат.

Сеян.

О чем?

Теренций.

Минуций говорит нам, сударь,
 Что голову надставивши статуе
 Вашей, вокруг нее нашли веревку. И
 Горящий метеор, подобный шару

Большому, видели катился сквозь
Затменный воздух и повис, неровный,
Там чудом и соблазном для толпы.

С Е Я Н.

Стой! То, что Макро здесь, всего важнее.

Т Е Р Е Н Ц И Й.

Приехал Макро?

П о м п о н и й.

Видел.

Т Е Р Е Н Ц И Й.

Где же, с кем?

П о м п о н и й.

У Регула.

С Е Я Н.

Теренций!

Т Е Р Е Н Ц И Й.

Господин!

С Е Я Н.

Послать трибунам, чтоб сейчас же дали
Солдат, усилить караул.

Уходит Т е р е н ц и й.

М и н у ц и й.

Прошу сходить за Коттой, Латнарием,
Консулом Трио, теми из Сената,
Кто верен нам и наш.

Уходит М и н у ц и й.

Вы, милый Натта
За комендантом Лаконом.

Уходит Натта.

Ну Сатрий,
Час испытанья — здесь. Всех слуг в оружие,
Без всякой суеты.

Уходит Сатрий.

А вы, ПомпониЙ,
Приязнию с консулом держите связь,
Пыгайтесь честный друг.

Уходит ПомпониЙ.

Все это стало
Похоже на опасность впору мне:
Фортуна, вижу зло твое — вполне
Почет и случай от тебя зависит;
Покой мой смерть надежная приблизит.
Но почему теперь о смерти мысли,
Тому, кто роком возведен на выси,
Без удержа и вне суда? Кто дал? — Я
Возможность рушить высший кедр вселенной,
Германика; срубил единым взмахом
Друза, могучий ульм, измяв лозу;
Сабина с Силием, два крепких дуба,
Поверг на землю, так же как кусты,
Кремуций Корд и Созия, Клавдия Пульхра,
Фурний и Галл, которых с корнем вырвал,
А там топор вогнал так глубоко
В ствол широковетвистой Агриппины.
Подрезав, рознял гордые побеги —
Нерон и Друз, и даже Кай, хоть отбил...
Судьбы, желая, чтоб за этим всем,
Я ослабел, свой круг не завершивши —

Жестоки вы, а я свершил довольно
Великих дел. Весь Рим мне был рабом,
Сенат наш заседал, как праздный зритель
И призрак властности моей, скорее
Краснел бы я велеть, чем те терпеть: все
Отцы готовы были и спешили
Дать мне империю, храм и ту из глоток,
Какую попрошу, но высь венчало,
Что Рим, Сенат, народ и мир видал:
Мне Иовий — равный, Цезарь — сотоварищ.
Вот почему враждует рок — он сам,
Страшась, ревнует силе, данной нам.

Уходит.

СЦЕНА V

Покой там же.

Входят Теренций и Трибуны.

Теренций.

Постойте, доложу, что все явились.

Входят Минуций с Коттой и Латиарием.

Минуций.

Скажите, Марк Теренций, господину:
Здесь Котта с Латиарием.

Теренций.

Скажу.

Уходит.

К О Т Т А.

Письмо мне, точно совпадает с вашим,
Указано лишь, чтобы я был там
И чтоб голосовал за предложение.

Л А Т И А Р И Й.

Не говорит какое?

К О Т Т А.

Нет, как ваше.

Л А Т И А Р И Й.

Вот странно; подозрительно.

К О Т Т А.

Да, так.
Быть может все разъяснено Сеяну.

Входят Натта и Грациний Лакоп.

Н А Т Т А.

Где господин наш?

Т Р И В У Н.

Ожидаем здесь.

К О Т Т А.

Вот Лакоп. Каковы известья?

Л А К О П.

Сударь...

Входит Сеян.

С Е Я Н.

Давние, честные и верные друзья,
Какой я пленник вашей доброты.
Почтенный Котта, Латинрий, Лакон,
Руку бесстрашную, вы ж все — любовь.
Я должен, знаю, вам себя делить,
А то вне круга нашей слабой власти
Воздать за столь обширное добро.
Грациний, мы вас просим, вашу стражу
Не распускать поутру. Консул здесь?

Му ни ц и й.

Трио сейчас сюда придет, владыка.

К О Т Т А.

Затем ли, чтоб в согласии с эдиктом
Собрать Сенат?

С Е Я Н.

Как? Собрать Сенат?

Л А К О Н.

Да.

На утро в храме Аполлона.

К О Т Т А.

Мы

Имеем письменный приказ об этом.

С Е Я Н.

Письмо? Позвольте —

ЛАТИАРИЙ.

Господин не знает?

КОТТА.

Повидиму.

СЕЯН.

Сенат созывают, мне не сообщая.
И спешно так! Сенаторы письмом
Сзываются. Кем передано это?

КОТТА.

Макро.

СЕЯН.

Мой враг! Когда?

КОТТА.

В полночь.

СЕЯН.

Час

При прочих обстоятельствах гласит,
Что здесь какая-то ловушка. — Что?

Входит Сатрий.

САТРИЙ

Сударь, Серторий Макро ждет у двери
Один и просит лично говорить
С их милостью о деле очень важном,
Которое, сказал, коснется вас.

СЕЯН,

Впустите!

САТРИЙ.

Лучше, сударь, удалите:
Откроете число и мощь друзей,
Какие здесь. Он может быть шпионит.

С Е Я Н.

Он без оружия?

САТРИЙ.

Обыщу.

С Е Я Н.

Нет, взять

И отвести в покой, где можно тайно
Приставить стражу к нам.

Уходит Сатрий.

Почтенный Лакон,

На вас надежда: хоть свои когорты
Я двину, ваша помощь — мой оплот.
Минуций, милый; честный Латиарий,

Униженно кланяется им.

Большие, неизменные друзья,
Сейчас вернусь.

Уходит.

ЛАТИАРИЙ.

Достойнейший начальник.

КОТТА.

Их милость стал внезапно очень нежным,
Я раньше этого не замечал,

1-й Т Р И Б У Н.

Да, очень благородно вышло.

М и н у щ и й.

Я

В восторге.

2-й Т Р И Б У Н.

Марс! Жизней миллионы
Имей я, все ему отдам за это.

Л а к о н.

Звал поименно!

Л а т и р и й.

Да. Меня!

М и н у щ и й.

Меня!

Л а т и р и й.

Кто не отдаст и дом и жизнь за взгляд
Особы, столь божественной, как эта?

Л а к о н, в сторону.

Кто не посмешище ни ей, ни света.

С Ц Е Н А VI

Другой покой, там же.

Входят Сеян, Макро и Сатрий.

С е я н.

Привет вам, долгий, долгожданный друг,
Не нагляжусь желанным! Час приезда?

М А К Р О.

Почти что в полночь.

С Е Я Н.

Сатрий, просим вас.

Уходит С а т р и й.

М А К Р О.

До вас я видел консулов обоих
По Цезаря особому приказу.

С Е Я Н.

Что наш великий, царственный хозяин?

М А К Р О.

Во истину, совсем здоров, как царь,
Спокойно простирающий обилье
Великих милостей, туда, где выбор
Святой упал однажды: точно бог
Без убыли и устали дарит тех,
Кто счастье заслужил их встретить, так
И с вами, истинно счастливец, или
На юг сесть солнцу, царственный Сеян.
Вы не смущайтесь, ваша честь: на это
Я послан Цезарем из островка,
С приказом строгим скрыть свою поездку;
Поэтому так таен мой приезд
В Рим. Велено сюда явиться ночью
И консулам одним пересказать
Его намеренья: чтоб удовольствие
Полней и ярче стало, как бы много
Вы ни старались, ни желали даже,
Или о том ни думала толпа.

С Е Я Н.

Чтож это? Часть меня, дражайший Макро,
Коль доброе — скажи, Сеян твой делит.

М А К Р О.

Коль зло — навек себя возненавижу,
Что вестник я столь доброму вождю.
Наказ превышу свой, осведомляя
Их милость дальше, это будет риск мой
Пред вашей чуткой мудростью, затем, что
Ни скрупулом ревнивым не хочу
Задеть или терзать ваш ум. Поверьте,
Мой господин, что ни один сенатор
Не знает, хоть приказом именным
Предложено прибыть и дать свой голос,
Единственно, чтоб оттенить весь блеск
Предложенного.

С Е Я Н.

Тешитесь вы, Макро,
Как скромница, любовника терзая.
Что стоит этих мук?

М А К Р О.

То, что идет
За званием и властью трибуната,
За тем, чем будет облечен Сеян
В Сенате, собранном публично, завтра.

С Е Я Н, в сторону.

Фортуна, обратись ко мне. — Разбили
Сомненья в верности своей.

М А К Р О .

Мне, сударь,
Срок истекает, близится восход
И к Цезарю пора.

С Е Я Н .

Что Калигула ?

М А К Р О .

Вот, позабыл еще сказать вам! Что ж ?
Он смирно прозябает на Капрее,
В опале; с ним Тиверий не видался:
Беда за мной погнала без моих
Согласия и ведома. Довел я
Его поспешный страх, советом поздним
До большей силы, чем при нем молча.
Их милость может ставить мне на вид,
Что я не доложу о нашей встрече,
Но жизнь я берегу, чтоб вам служить,
И кланяюсь.

С Е Я Н .

Достойный, честный Макро!
Любовь и дружбу вашу! Кто там? Сатрий!
Проводите большого друга. — О!
Что за пустая, подлая вещь — страх,
Какую низость может он внушить.
Подозревать друзей, как делал я,
Льстить жалкому врагу, мирволить слугам,
Сгибаться, кланчить, ждать благоволенья.
У тех, кому я час тому назад
Не дал бы четверть взгляда, не явил бы
Вершка лица. Вы, боги дураков,
Пусть небо будет в ваших ведях знаках,

Уродами земля покрыта, пусть
Из зодиака прянет скорпий; гордый
Лев пусть наш шар сорвет с его оси,
Скатите мир во тьму, спустите вихри
Беситься по лесам и городам.
И если снова струшу, раздробите
Меня раздвоенным огнем во прах.
Всех бед достоин тот, кто знает страх.

Уходит.

СЦЕНА VII

Там же, другая комната.

Входят Теренций, Минудий, Лакон, Котта,
Латиарий с Помпонием, Регул, Трио и дру-
гие с разных сторон.

Помпониий.

Наш господин не здесь?

Теренций.

Сейчас прибудет.

Котта.

Как вести, Трио?

Трио.

Славно, очень славно!

Но берегите про себя. Сеян
Получит завтра перед всем Сенатом
Достоинство трибуна.

Котта.

Это верно?

Т р и о.

Не спорю, что не ждали вы, но верьте.

Л а т и а р и й.

Что консул?

К о т т а.

Никому не говорите;
Он мне открыл, что завтра же Сеян...

Т р и о.

Вы вашей честью мне ручались, Котта,
Не разглашать.

К о т т а.

И жизнью!

Л а т и а р и й.

Говори.

К о т т а.

Получит завтра звание трибуна,
Но так как вы, достойный человек,
Позвольте умолять вас о молчаньи.
С таким условием тайну я узнал.

Л а т и а р и й.

Я — Гарпократ.

Т е р е н ц и й.

Ручаетесь за это?

П о м п о н и й.

Сказал мне консул, только вы молчите.

М и п у ц и й.

Друг Латнарий, как дела?

Л А Т И А Р И Й.

Скажу вам.

Но поклянитесь в тайне сохранить.

Входит Сеян.

С Е Я Н.

Я знаю, что судьба смотала с прялки
И не такую нить нам.

Р Е Г У Л.

Честь Сеяну!

Т р и о.

Честь преславнейшему! За счастье!

Л А Т И А Р И Й.

Знатность!

С Е Я Н.

Предвестий новых нет?

Т Е Р Е Н Ц И Й.

Пусть все предвестья
Означат славу, о которой мы
Пришли вас известить.

Р Е Г У Л.

Итти велите?

С Е Я Н.

Да. Вас приму потом.

Т Е Р Е Н Ц И Й.

Мой повелитель,
Что вам угодно от трибунов?

С Е Я Н.

Что ?

Благодарить и отослать.

М и н у ц и й

Владыка!

Л а к о н.

Угодно будет приказать мне...

С Е Я Н.

Нет!

Вы беспокойны.

М и н у ц и й.

Стал другим!

Т р и б у н.

Ни слова,

Ни взгляда!

Л а к о н.

Мудро он избрал друзей
Не для любви, для выгоды своей.

Уходит.

СЦЕНА VIII

Площадь перед храмом Аполлона.

Входят Аррунций и Лепид. Различные сенаторы
проходят перед ними.

Аррунций.

Ну, поспешите, чтоб не быть последним
С поклоном в преогромнейшем покое
Ужасного Сеяна. Беглым шагом,
Не подбирайте тоги, но вперед
И с бледным, смутным знаком восхищенья,
Наклеенным на лица. Марк Лепид,
Что, верите вы в ваши предсказанья?
Сеян падет? Его ущерб казался
Вам очень близким.

Лепид.

Верите ли, Люций,
Дивлюсь я этому восходу.

Аррунций.

И

Что мы его участники. Скажите, —
Все это гибель углубит, усилит —
Возможно. Только эта мысль тому подобна,
Как время повернуть, в желаньях поздних:
Надежда — грех у ложа безнадежных.
Вот, вот! Что за толпа друзей присяжных
Летит чествовать их милость, стать вокруг
Их милости, поймать кивок господский,
Ввести их милость в здание Сената,
Снести их милость, рабски растолкать

Их милости дорогу, возглашать
Их милость, громче вестников и дудок,
Поправить ноги, в руку ткнуться, волос
Смахнуть со знатных плечь.

Санквиний и Гатерий проходят сценой.

Смотри, Санквиний
С ленивым брюхом и водянкой. Видишь,
Как он смешно спешит. А вот другой,
Задержанный подагрой, обгоняет!
Пусть схватит Либурнийский страж болвана,
С его низкопоклонством и всю братью!
Вот встретились. Подагра и почет,

Ликторы, Регул, Трио, Сеян, Сатрий
и многие сенаторы проходят над сценой.

Ликтор.

Дорогу, место консулам!

Санквиний.

Привет,
Привет, великому Сеяну!

Гатерий.

Слава!

Аррунций.

Отметят нас потом, что мы молчим.

Лепид.

Уже отметили.

Аррунций.

Достойный признак

Дешевой славы, ждуть и сторожить
 Пустые почести, что дух высокий
 Не видит, презирая.

Лепид.

Он считает
 Себя униженным, не видя их,
 Считая помощь их необходимой,
 Для совершенства своего почета
 И ненавидит тех, кто против них.

Аррунций.

О,
 Еще есть повод гневу. Их сердца
 Преступны — мы ведь знаем их рождение
 И подлую карьеру — вот и злятся.
 Прочь! Следуем.

СЦЕНА IX

Другая часть площади.

Входят Макро и Лакон.

Макро.

Как все войдут, запри ворота храма
 И стражу к ним свою приставь.

Лакон.

Исполню.

Макро.

А если будешь слышать шум в Сенате,

Являйтесь лично: бейте по тому,
Кто предлагает выйти.

Л а к о н.

Понимаю.

Уходят.

СЦЕНА X

Храм Аполлона.

Входят Гатерий, Трио, Санквиний, Помпони-
ий, Латиарий, Лепид, Аррунций и другие
сенаторы, Преконы и Ликторы.

Г а т е р и й.

Как хороши теперь их милость!

Т р и о.

Точно

Рожден и создан для такого часа.

К о т т а.

Соконсул ваш появится, надеюсь.

Т р и о.

Да, он умен.

С а н к в и н и й.

В доверьи у Сеяна.

Т р и о.

Сеян — высокий, добрый господин!

ГАТЕРИЙ.

Правда, и очень храбрый.

ЛАТНАРИЙ.

Очень умный.

1-й СЕНАТОР.

Он — все!

ЛАТНАРИЙ.

Всего достоин, даже больше
Чем милость даст.

ТРИО.

Он будет вознесен
Той честью.

ПОМПОНИЙ.

Но Цезарь выше.

САНКВИНИЙ.

Да,
Но Цезарь только острова правитель,
А он империи.

ТРИО.

Как никогда
Он сможет награждать.

КОТТА.

Дождаться дайте.
Мы не поленимся голосовать.

ЛАТНАРИЙ.

Ни я!

С А Н К В И Н И Й.

Ни я!

К О Т Т А.

Усердие, с каким
Его разносим славу, крепко свяжет
Нас с мыслями его.

Г А Т Е Р И Й.

Вполне согласен:
Мы этим сохраним свои места.

С А Н К В И Н И Й.

Да, и умножим.

Л А Т И А Р И Й.

И места и званья.

П о м п о н и й.

Мое участие в его успехе
Поможет мне наследство получить.

Л А Т И А Р И Й.

Смотри: сидят Аррунций и Лепид.

Т р и о.

Не подходи к ним: их сейчас отметят.

1-й С Е Н А Т О Р.

Я — как другие.

2-й С Е Н А Т О Р.

Да и я.

3-й СЕНАТОР.

И я.

В ходу не те, что служат государству,
А милостью пригретый.

КОТТА.

Благ Сеян

ГАТЕРИЙ.

Почтен Сеян!

ЛАТНАРИЙ.

Велик и прав Сеян!

АРРУНДИЙ.

Боги! Раскрылись губки, все впитали
И заткнуты. Вот, вот: тот и блажен,
Кто в поле зрения сидит. Счастливей,
Кто слышен и кому слышать, а больше
Ласкать их нежный лоб или жужжать
Ему на ухо мухой.

ПРЕТОР.

Звать Сенат!

И объявить эдикт про сбор.

ПРЕКОН.

Молчанье!

Во имя Цезаря и вас — молчанье!

«Меммий, Регул и Фулькуний Трио, Консулы,
в календы сего Июня, с первым светом, должны
созвать Сенат во храме Аполлона Палатинского.
Всею отдам и записанным в качестве отцов,
имеющим право присутствия в сенате: мы пред-

лагаем и приказываем явиться немедленно, имея в виду государственные дела. От того, кто не явится, пеню или штраф — принимать, оправданий не принимать».

Т р и о.

Заметь и запиши, кто не явился.

Р е г у л.

Отцы конскрипты! Пусть, все, что скажу,
 Пойдет Республике к добру и славе!
 Ты ж, Аполлон, во чьем святом доме
 Мы собрались, всех вдохнови нас правдой
 И здравою свободою сужденья!
 Величество Тиверия Цезаря
 Высокому Сенату предлагает
 Вручить любимому им, славному Сеяну
 Трибунские достоинства и власть.
 Его письмо — здесь, под его печатью.
 Отцы! Что вам угодно предпринять?

С Е Н А Т О Р Ы.

Читать! Читать! Открыто, всенародно!

К о т т а.

Цезарь сам превознес свое величье
 Таким деяньем.

Т р и о.

Эта мысль удачна
 И Цезаря достойна.

Л а т и а р и й.

Как достоин
 Ее и тот, кто был ее предметом.

ГАТЕРИЙ.

Достойнейше!

САНКВИНИЙ.

Рим избегал за доблесть
Хвалить, чтоб зависть смогла, но Сеян...

1-й СЕНАТОР.

Славен и благороден!

2-й СЕНАТОР.

Благ и славен!

АРРУНЦИЙ.

О рабство смиренное и гордость хамства!

ПРЕКОН.

Молчать!

ТИВЕРИЙ ЦЕЗАРЬ — СЕНАТУ, ПРИВЕТСТВУЯ

Отды конскрипты, если вы и дети ваши пребываете в добром здравии — это пзобилне благ: мы здесь с друзьями нашими пребываем в таком. Попеченья о республике, несмотря на телесное наше отсутствие, не могут не присутствовать в мыслях наших; хотя, часто, даже и более присутствующему государю бывает сокрыта истина о его личных делах, чего хуже для государства не случается и чем до крайности бывает затруднено искусство управления. Однако, удостоившись благотворного счастья пользоваться содействием и искусством столь бдительного сената, мы, признаемся, разрешили себе некоторую снисходитель-

ность в отношении собственных удовольствий, не по небрежению к должности, но по уверенности в отсутствии нужд. В равной мере, ни низкие слухи, многими распространяемые про наше уединение, ни гнусные подметные письма, ничуть нас не огорчили: порожденные людским невежеством в большей мере, нежели злым умыслом, они обречены в небрежении ими найти скорую свою могилу, тогда как воспринятые, с чрезмерной чувствительностью способны усвоить нам свою клевету. Не угодно нам также, чтобы авторов их, хоть и сысканных, покарали, зане в государстве столь свободном как наше, всем подобает свободно пользоваться мыслью и речью».

А р р у н ц и й.

А! пиголица! пиголица!

«Тем не менее, в некоторых вещах, действительно и ближайшим образом касающихся величества государя, мы, боимся, были столь неестественно жестоки к собственной славе, что пми пренебрегли. Правда то, отцы конскрипты, что мы возвысили Сеяна из темного и почти неизвестного рода...»

С е н а т о р ы.

Как, как?

«до высшей и пресветлейшей степени, величия и, надеемся, по заслугам, хотя и не без опаски: отъявленной дерзостью со стороны правителя является — ради любви к одному навлекать на себя ненависть всех своих подданных»,

А Р Р У Н Ц И Й.

Задело — в пот вогнал!

«Но мы полагаемся на вашу любовь и понимание и никоим образом не подозреваем, что заслуги нашего Сеяна способны обидеть кого-либо, оказанными ему почестями».

С Е Н А Т О Р Ы.

О! Правда! Правда!

«Хотя нам желалось, чтобы ревность его с большим спокойствием проявлялась в отношении Агриппины и наших племянников, несмотря на то, что явность их действий обнаружила всю их виновность и чтобы он помнил, что невинность никогда так не бывает защищена, как тогда, когда она подкрепляется милосердием, возможность пользоваться которым он настолько, в правом гневе своем отнял у нас, что сейчас наше помилование сочтут лишь усталой жестокостью, буде мы решим его применить».

А Р Р У Н Ц И Й.

Спасибо! Ждал я этого. Лисище!

«Были некоторые такие, которые хотели объяснить его общественное усердие личным честолюбием и тем, что, под предлогом служения нам, он желал удалить помеху себе: ссылаясь на связи, которые он создавал себе среди преторианских солдат, своими сговорами в Сенате, и при дворе, должностями, которые он занимал и раздавал другим, на его известность и от него зависимость, его настойчивость и почти принужденье нас к

отъезду и, наконец, на его стремление стать нашим зятем».

СЕНАТОРЫ.

Странно!

АРРУНДИЙ.

Приметам вашим буду верить, Марк!

«Премудрость ваша, отцы конскрипты, может разобрать и оценить эти наущения. Но что касается нашего разрешающего голоса, думаем признать их, как и считаем их, весьма хитрыми».

СЕНАТОРЫ.

О, все восстановил он этим! Слушать!

«И если предложат поверить их, то под ручательством жизнью доводчика. А то, что мы должны сказать или, вернее, чего мы не должны бы сказать, господа Сенат, если это верно, то да поразят нас боги и богини, если мы знали о том. Мы можем думать только, что плохо поместили свое достояние и заключить, что в этом выборе или мы забыли богов, или боги нас».

Сенаторы вскакивают с мест.

АРРУНДИЙ.

Сиденья накаляются — вскочили.

«Мы не скупилась, почтенные отцы, на перемены; никогда, однако, новое желанье не изменяло нашей привязанности или старой ненависти, но только необходимая ревность к государству, заставляющая мудрых правителей ежечасно заботиться

о его благополучии и это показывает, какая сложная вещь оборона от скромнейшего врага, тем более от вельможи, который данную ему милость обращает на устрашение».

1-й СЕНАТОР.

Уйдем.

2-й СЕНАТОР.

Сиди, отец.

КОТТА.

Позвольте место.

АРРУНДИЙ.

Боги! как листья трещет ветерок.

«Мы потому желаем, чтобы им исполняемые обязанности были схвачены Сенатом, а сам он отрешен от всех должностей и прав...»

СЕНАТОРЫ.

Как?

САНКВИНИЙ.

Можно?

АРРУНДИЙ.

Черепаша! Где Гатерий?
Подагрой к постоянству принужден,
Но пляска признак бури.

СЕЯН.

Не читайте!

РЕГУЛ.

Отцы Сената, по местам! Читай.

СЕЯН.

Письмо подложно.

РЕГУЛ.

Стража! Успокойтесь.

Входит Лакон со стражей.

АРРУНЦИЙ.

Вот смена.

РЕГУЛ.

Успокой и дальше.

ПРЕКОН.

Тише!

«...а сам отрешен от всех должностей и прав, пока не будет вынесен должный и полный приговор, устанавливающий его невиновность, в которой мы теперь вынуждены ощутить явную необходимость усомниться. Если отцы конскрипты, вашей далекопроницательной мудрости откроются дальнейшие дела — или дальнейшие меры, как-то: конфискация земель, имущества или более того — не нашей власти ограничивать ваше могущество и не нашему благоволению разлагать ваше правосудие: последнее было бы оскорбительно для вас, а то и другое слишком безжалостно к нам самим. Мы охотно бы присутствовали в вашем совещании по этому делу, но опасность столь мощной партии; если заговор доказан, запрещает

нам отважиться на это: разве только, если одному из консулов, безопасности нашей ради, поручено будет стать на стражу нашего дома, мы должны будем поспешить решиться на это. Вместе с тем, не пристало нам стеснять столь правосудный Сенат, знающий, насколько обижает невинного тот, кто щадит виновного и насколько благодарно бывает жертвовать богам жизнь неблагодарной личности. Этим мы не имеем в виду Сеяна (независимо от того, хотели ли вы к нему приглядеться — и там еще имеется Латиарий, сенатор и Пинарий Натта, двое наиболее доверенных его пособника, совершенно отъявленных, против которых мы не хотели бы создавать предубеждения), но точную необходимость настоящего обстоятельства».

РЕГУЛ.

Под стражу Латиария!

АРРУНДИЙ.

О, шпик,

Почтенный шпик попался! Кто жалеет?

Вот вам за службу: вы ее считали

Собственностью — вот куда пришла!

Уходят Латиарий и Натта под стражей.

Убрать прохвоста!

СЕЯН.

Разрешите...

ЛАКОН.

Стой!

Идет на смерть, кто на вершок подается
К мечу.

СЕЯН.

Нет у меня друзей здесь?

АРРУНЦИЙ.

Скрылись!

Где все приветствия и славословья?

Входит Макро.

МАКРО.

Привет мой консулам и честь Сенату!

СЕЯН.

В сторону.

Так Макро здесь? О, ты погиб, Сеян!

МАКРО.

Отцы, вы заседайте без боязни:
Макро милостью Цезаря поставлен
И принял власть над войском преторианцев
(Честь, коей облечен был сей гордец).
Он просит вас спокойно взвесить должный
Приговор заслужившим, опираясь
На всех солдат, трибунов, центурионов,
Нам подначальных здесь.

РЕГУЛ.

Сеян! Сеян!

Стань здесь, Сеян!

СЕЯН.

Я вызван в суд?

МАКРО.

Да, ты!

Ты, наглое чудовище!

С Е Я П.

Как, Макро?

Бывало иначе меж мной и вами,
Суд знает нас и разницу меж нами
И может, захоти он, подтвердить,
Чья наглость больше.

МАКРО.

Опустишь, Тифей.

Ну, пусть моя. Слушай, так станет больше:
Схвачу за ноги, обдеру одежду,
Ступлю на бороду и нос. Пристало
(Никто тебя не вздумает жалеть)
Так поступать с неблагодарным гадом:
О землю и вон мозги.

РЕГУЛ.

Прочь!

МАКРО.

Если смею
Жестоким стать, то хорошо пытаться бы
Изменника такого. Что ж, отцы,
Смутились и молчите, не судя
Несчастливого, который чуть восстал
На милость Цезаря — под приговором?
Флегра, равнина, где сыны Земли
Поднялись на богов, и та не знала
Столь гордого чудовища.

СВЯН

РЕГУЛ.

Прочь с ним!
Вы, боги, Цезаря храните!

ТРИО.

Прочь с ним!

ГАТЕРЦЙ.

Убратъ его!

КОТТА.

В тюрьму!

САНКВИНИЙ.

И поделом!

СЕНАТОРЫ.

Венки на дверь!

САНКВИНИЙ.

Пусть златорогий бык
В гирляндах из цветов ведется тотчас
На Капитолий.

САНКВИНИЙ.

Чтоб закляться в жертву
Юпитеру за Цезаря.

ТРИО.

Все боги

Храните Цезаря!

КОТТА.

ФЕБ!

БЕН ДЖОНСОН

САНКВИНИЙ.

Марс!

ГАТЕРИЙ.

Диана!

САНКВИНИЙ.

Паллада!

СЕНАТОРЫ.

И Юнона! И Меркурий!

Все!

МАКРО.

Прочь ты — поношение человекам!

Уходит Сеян под стражей.

КОТТА.

Все надписи изменника изгладить.

ТРИО.

Статуи повсеместно повалить.

ГАТЕРИЙ.

Ломай колеса колесницы!

АРРУНДИЙ.

Ноги

У бедных неповинных лошадей

Ломайте то же.

Уходят Ликторы, Преконы, Макро, Регул, Трио,
 Гатерий, Санквиний. Остаются Лепид, Ар-
 рундий и немногие сенаторы.

Л Е П И Д.

Злая перемена.

И вихрь людских привязанностей.

А Р Р У П Ц И Й.

Будто

Тела и души в колесе Фортуны

И живы лишь вращением его.

Л Е П И Д.

Кто пожелает жить людским пристрастьем

Иль голосом, из тех, кто видел ныне

То, что все боги вздумай возвестить,

Сочли б за ложь — падение Сеяна?

Он, тот, кто утром, горделивсей солнца,

Прорвал туман дыхания клиентов

И восходил в таком же поклоненьи,

Каким у эфиопов солнце чтут!

Кого дворяне ждали раболопно,

Как конюхи, в его глазах читая

Не меньше жизни и судьбы людей!

Пред кем склонялись чаще, чем пред богом,

И в Риме не хватало алтарей

И этот пал! Пал! Не найдя ни взгляда

Приязни, ни такого утешенья

Бесплодного в борьбе, как состраданье.

А Р Р У П Ц И Й.

Все, кто толклись в его лучах, как мошки

И тшились окружать его — пропали,

Гнушаются и рядом с ним сидеть!

Те, кто ему прислуживал в сенате,

Бесчеловечно волокут в тюрьму,

За кем поутру шли как за владыкой!
 Под стражей в улицах, в цепях, как беглый,
 Железо вместо роз, пинки — поклоны,
 Позор за славу, ругань за почет!
 Кто станет верить счастью?

Лепид.

Тот, кто хочет
 Его добычей стать и забывает,
 Когда оно льстит — что кружит над жертвой.
 Будь люди рассудительней, Фортуна,
 Не быть тебе в богах: мы вознесли
 Тебя по глупости.

Крики во вне.

Храните боги,
 Цезаря! Боги, Цезаря храните!

Входят Макро и различные сенаторы.

Макро.

Ну, что Саян? Ты, взявший государство
 И благородных мнивших гнать бичем,
 Хотевший Цезаря учить и службы
 И званья раздавать! Перед желаемым
 Которого ломала шапку власть,
 Чьим словом все голосовали — эхо!
 Кто ждал поклон за двадцать сажений,
 Кто жаждал пирамид, куда там, — храмов
 Для гордости своей, — лежишь так низко,
 Как спесью был высок!

Регул.

Хвала богам!

С Е Н А Т О Р Ы .

И слава Макро, кем наш Рим спасен!
Свобода! Свобода! Свобода! Вывесть
И славить Макро, кем наш Рим спасен!

Уходят, кроме Аррунция и Лепида.

А Р Р У Н Ц И Й .

Я предвещаю без сенатской лести,
Что этот Макро скоро станет в Риме
Чудовищем гораздо более крупным
Чем тот, кто пал.

Входит Теренций.

Т Е Р Е Н Ц И Й

О, вы, чьи души добры
И человеколюбья не лишились,
В ком свилось добродетели настолько,
Что жалок им злодей среди мук своих,
Дай слуху слышать и глазам оплакать
Дела людей, скорей деянья фурий.
Свирепая толпа, что, как всегда,
Не знала ни любви, ни злобы, рада
Лишь ярость власти показать, поймав
Слух темный о Сеяновом закате,
Сейчас со спешкой, яростью и пылом,
С какими поглощается пространство
К большой борьбе иль новому театру,
Ворвалась в Капитолий, в Цирк Помпея,
Где точно володав, грызущий камни,
Как будто чувства есть и у статуи
К той дикой злобе, их сначала сбила,
Потом веревкой волокла вдоль улиц,
Крича: «Вот, вот, вот — голова вельможи,

Увенчанная в ароматах; вот
Кого так почитали в Риме!» Тут
Пошли в работу молотки и горны,
Сеян великий треснул, член за членом
Роня в печь плавильни.

А Р Р У Н Ц И Й.

Гнев толпы!

Т Е Р Е Н Ц И Й.

Сенат, собравшийся в Согласья храме,
Догнать спешили и давясь орали:
«Дай нам его судить, дай в воду бросить,
Ведь он на берегу лежит!» «Вперед!»
Их вестники кричали опоздавшим —
«Его осудят раньше нас». Беги, хам,
Отчаянно спеши, добыча страха,
Чтоб их рабы про лень не донесли,
И дрожь их тел на этот крик ловили.
Во всю дорогу неся смутный вой,
Вопили: «Рады: выносить не могут»,
Хотели знать, кто он, каков лицом,
Какая борода, рот, нос. Заверю —
Никто не предсказал бы дел своих.
Не думали: умен ли, храбр, узнать
Желали платье, как, где умер,
И ни одна скотина не спросила,
Чем виноват он, кто его судил,
Какой уликой, чьим доносом свергнут.
Болтали — многословное письмо
Пришло о нем с Капреи. Так ли это?
О, хватит, где же там искать!

Лепид.

Увы,
С Фортуной ненавидят осужденных,
Виновны или нет.

Аррунций.

Но будь Сеян
Счастливей и тесни победоносно
Тиверия, как в эту же минуту
Вся сволочь, что беснуется теперь,
Сеяна б в Цезари произвела.

Лепид.

Что было дальше?

Теренций.

Приговор Сената
Снять голову и, чуть успела пасть,
Она и злополучный труп был схвачен
Свирепым множеством, что не мирясь,
На сделанном законом государства,
Взялось терзать их. Тысячи голов,
Тысячи рук, пять тысяч ртов и глоток
Пошли на злобы хитрые дела.
Забыли старцы возраст — стыд девицы,
Мужей их жены, матери — детей,
Все, горе смыв весельем изложенья,
Неслись в восторге ярости своей,
Кто лез к его лицу, а кто к затылку,
Кто вырывал глаза, а этот мозгом
Крошил себя и дом своих друзей.
Других выдали: кто волочит руку
И по клочкам на память раздаст,

Кто ляжку тащит, сам ее отрезав,
 Кто ногу, палец, палец от ноги,
 Кто легкое, кто сердце, — нет ни срока,
 Чтоб мечь пзлить, ни места проклипать.
 Огненные — невозможное свершилось:
 Все, что мы звали — царственный Септ
 И рядом с Цезарем владело светом,
 Зверски растерзано, не ищет гроба.
 Покрывшись жалкие обрывки пылью.
 Их прах нигде, мгновенно погребен.

Входит Вестник.

А р р у ц и й.

Еще Септ?

Вестник.

Да!

Лепид.

Что еще прибавишь —

Он умер?

Вестник.

То, что жалость в вас вселиг,
 Что может довести и целый Рим,
 И Цезаря до слез, хоть негодля
 И не было преступней, но тиранство
 Мучений, может вызвать даже плач.
 Сын с дочерью умершего Септа
 (А первый так еще невинен был,
 Что обнимал руками шею ката)
 Для казни были схвачены в дому.
 Дочь так проста, что спрашивала всех:
 «Куда ведут?» «Зачем схватили их?»
 Кричала: «Я не буду» и просила:

«Пусть лучше высекут», а как закон
 Не позволяет нам казнить девицу,
 То хитрый и жестоко-злوبيый Макро
 Ее отдал растлить и опозорить
 Бесстыдной страсти грубых палачей,
 Чтоб после удавить с несчастным братом.

Л Е П И Д.

О, дело ада, ночь зовущее
 Укрыть от мира.

В Е С Т Н И К.

Бросили тела

В Гемоний (я не знаю, как вернулась,
 Пожалуй случай), там нашла их мать
 Их, изгнанная раньше Апиката,
 Лежащими на ступенях позорных;
 В ней точно мир безумия возник,
 Терзала волосы, в лицо вливалась,
 Грудь била и живот, упала ниц,
 Крича то к ним, то к педу, наконец,
 Так громок стал ее безумный голос,
 Так полон черной и безумной злобы,
 Что мог сразить богов и покатить
 К востоку солнце, что! подвинуть древний
 Хаос вернуться, чтобы поглотить
 И нас, и мир. Весь воздух до небес
 Наполнила пристрастной молитвой,
 Тиранство вызывала, вопрошала,
 В чем провинились дети и она,
 Что понесли подобное возмездие,
 А живы Ливия, Лигдий и Эвдем,
 Кем, говорит, и доказать берется
 Сенату с Цезарем, отравлен Друз.

Л Е П И Д.

В согласьи с мужем.

В Е С Т Н И К.

Да!

Л Е П И Д.

Поступок странный.

А Р Р У Н Ц И Й.

И странно он открыт. А зверь мой,
Толпа? Переметнулась снова? Правда?

В Е С Т Н И К.

Упала ярость и пошли рыдания
О совершенном зле.

Л Е П И Д.

Спасибо, сволочь!

В Е С Т Н И К.

Часть так была слаба или так глупа,
Что, оправдав его, пустилась в слезы,
И многие, кто был в его крови
И нес куски растерзанного трупa,
Решили их собрать и вновь сложить.

Л Е П И Д.

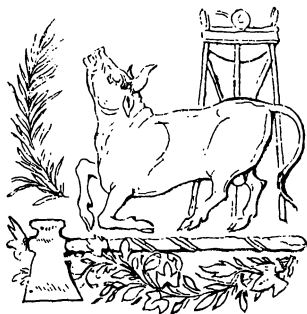
Как путает игру Фортуна, взявшись
Ее начать: мчит, тяплет, усложняет
И путает своим капризом страстным.

А Р Р У Н Ц И Й.

Фортуна, думасшь ли оправдаться
В псевдно помещенной добротѣ,
Ужасной казнью? Берегитесь, люди,
Стоящие в триглицѣ государств,
Хвалитесь вашей сонной высью — рухнув,
Вы брызги и ничто вас не спасе
А кто жалеет вас: безумен тот.

Т Е Р Е Н Ц И Й.

Примером этим, дерзкий человек,
Учись не надмеваться над богами:
Несносна мудрость та, что их хулит,
Тем боле небрежет иль презрит власть их —
Того, кто утру предстоял в величьи,
Под вечер в пыль растоптано обличье.

АЛХИМИК

КОМЕДИЯ

THE ALCHEMIST

ПЕРЕВОД Б. ПАСТЕРНАКА

ПОСВЯЩЕНИЕ ЛЕДИ НАИБОЛЕЕ ЗАСЛУЖИВШЕЙ СВОЕ ИМЯ И КРОВЬ — ЛЕДИ МЭРИ РАДЗ.

СУДАРЫНЯ,— Во времена жертвоприношений, истинная вера узнавалась не по величине или откормленности жертвы, а по благоговению и ревности жертвователей, иначе что могла сделать горсть ладана против гекатомбы? или как было бы мне предстать перед этим алтарем только с той моей привязанностью, которая тем более любит выйти на свет и быть исповеданной, что она сознает вашу добродетель? Если приносимое мной курится приятно и ярко пламенеет, в этом ваша заслуга, вы помните где, кому и для кого оно было возжено. Иначе, по нашим временам, не приходится обращаться к действию, когда-то полному значения и назидания, но по частому применению и привычке утратившему значение и ценность. Это теперь доверится вашему суждению (Сиднеевскому) и больше говорить не полагается, так как все, что можно бы еще прибавить, станет похоже на то современное лицо, которое чем больше накрашено, тем менее на себя похоже.

Ваш, сударыня, верный почитатель

БЕН ДЖОНСОН

К ЧИТАТЕЛЮ

Если ты больше этого — ты понимаешь и тогда я тебе доверяю. Если же ты только начинающий и претендент на понимание, относись с осторожностью к тому, от кого ты получаешь товар по векселю, потому что сейчас нигде тебя так не надуют, как в поэзии, а особенно в драме, в которой теперь настолько воцарился плюсовой и шутовской разврат, что в ней бегут и болтаются природы, в чем полагают единственное свойство искусства способное угодить публике. Но к чему мне так нехвати и не к месту называть это искусством? Когда приверженцы такого обриси действий стали настолько упорны в своем презрении к нему и полагаются только на свой произвол, когда они высмеивают всякую заботливость в указанном направлении и простым издевательством над термином, не понимая его предмета, уверяются в остроумной победе собственного невежества. Мало этого — многие почитают их ученейшими и способнейшими за это именно превосходство в извращении суждений. Потому что они понимают писателей, как неких гладиаторов или борцов, которые чем здоровее принимаются за дело и чем свирепее его ведут, тем большими молодцами и кажутся: в то время как часто их собственная грубость бывает причиной их поражения и легкий удар их против-

ника опрокидывает всю их хвастливую силу. Я не отрицаю, что эти люди, вечно старающиеся сделать больше, чем требуется, порой способны бывают создать нечто хорошее и большое, только редко это случается, а если и случится, оно не возмещает всего скверного, что ими наделано. Оно может быть потому заметнее и кажется таким крупным, что все кругом него грязно и мерзко, как факелы кажутся ярче во тьме, чем в сумерках. Говорю это не в надежде сделать кому-нибудь добро, против его воли, потому что хорошо знаю — если поставить на голоса вопрос о моей или их правоте, худшее получит большинство голосов, так как большинство всегда сочувствует всеобщему заблуждению. Я ограничиваюсь предупреждением, что существует большая разница между теми, кто, желая создать мнение об изобилии, вываливают все, что способны выложить, хотя бы и бессмысленно, и теми, кто принимает отбор и подбор. Потому что только болезнью слабоумия является мнение, будто грубые вещи больше отполированных или разбросанные предметы многочисленнее тех, которые сложены в порядке.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Саттль — алхимик.

Фэйс — домоправитель.

Долль Коммон — их сообщница.

Дэппер — клерк.

Дрэггер — табачный торговец.

Лавуит — хозяин дома.

Сэр Эпикур Маммон — дворянин.

Пертинакс Серли — игрок.

Трибюлэйшен Хоульсом — пастор из Амстердама.

Ананий — диакон, оттуда же.

Кэстриль — забияка.

Госпожа Плайант — сестра его, вдова.

Соседи, офицеры, прислуга и друг.

Действие происходит в Лондоне.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЦЕНА I

Комната в доме Лавуита.

Входят, ссорясь, Фэйс, в капитанской форме, обнажив шпагу, и Саттль со склянкой в руках. За ними следует Долль Коммон.

Фэйс.

Поверь, я это сделаю!

Саттль.

Плевать!

Что ж, на здоровье.

Долль Коммон.

Вы в своем рассудке?

Нельзя ж так, джентельмены. Видит бог.

Фэйс.

Я с вас покров сдеру!

Саттль.

Чтоб выесть пару

Известных фиг?

Фэйс.

Чтоб вывести подмеца.

Долль Коммон.

Нет, генерал, нельзя же так, ей-богу,
Вы видно оба тронулись?

Саттль.

Пускай

Беснуется. — Но только троньтесь с места,
И я залью вам платье кислотой.

Долль Коммон.

Вам хочется, чтоб рядом услышали?
Чтоб все пропало? Тсс... — Я слышу шум.

Фэйс.

Прохвост.

Саттль.

Ни с места — или я испорчу
Все то, во что вас облачил портной.

Фэйс.

Ничтожество, мальчишка, вы серьезно
Осмелитесь?

Саттль.

Осмелюсь. Да. Клянусь.

Фэйс.

Ублюдок! Да известно ли вам, кто я?

Саттль.

Я вам напомню, в этом есть нужда.

Фэйс.

Вас просят не кричать.

Саттль.

Еще недавно
Вы были добрым, вкрадчивым слугой
В льняной ливрее по три фунта штука
И летом стерегли хозяйский дом
Здесь, в Фрейерском.

Фэйс.

Зачем вы так кричите?

Саттль.

Где с помощью моей вы — капитан
Предместья.

Фэйс.

С вашей помощью, собака? --

Саттль.

Ведь это в свежей памяти у всех.

Фэйс.

А кто на чьих хлебах из нас обоих?
Вы на моих или я на ваших? — Где
Нашел я вас сперва, прошу припомнить?

Саттль.

Я слабо слышу.

Фэйс.

Это-то слабей
Всего. Легко понять. Однако, сударь,
Напомню. Это было на углу
Пирожников, где вы питались паром

Из поварских, свершая моцион,
 Бог голода и жертва несваренья.
 Где жидкостью сложенья превзойди
 Кампанские болота, вы блистали
 Лицом в меланхолических прыщах
 Величиной с зерно пороховое
 Мортирного калибра.

САТТЛЬ.

Я б просил

Погромче.

ФЭЙС.

Где, сколовши на булавках,
 Чем свет, со свалки стибренную рвань,
 Разнообразьем вздутый от мороза
 Вы туфлям придавали вид чехлов.
 Таков же был и нитяный ваш плащ
 Бессильный скрыть невзрачность ягодицы.

САТТЛЬ.

Ну что ж?

ФЭЙС.

В тот миг, как ваших чародейств
 Алхимии и алгебры, и ваших
 Растений, минералов и зверей,
 И вашей дюжины других профессий
 Не стало и на то, чтоб облачить
 Ваш стан в тряпье, готовое заняться
 При виде свечки, как истлевший трут,
 Я дал вам кров, открыл кредит на уголь,
 Снабдил вас матерьялами, стеклом,
 Я выложил вам печь, я ввел клиентов,
 Я двинул вашу магию — затем
 Я для работ отвел вам дом, —

САТТЛЬ.

Хозяйский —

Фэйс

— Где вы с успехом занялись своим
Бесстыдным ремеслом.

САТТЛЬ.

— В хозяйском доме,
Который перед тем принадлежал
Лишь вам да крысам. — Я прекрасно знаю
Какой вы мастер, — кроме мелочей, —
По части распродажи «пива бедных»
Знакомым, завсегдатаям шинка,
За суммы, каковые в округлены
С получками по праздникам на чай
От игроков за карты и жетоны
Составили солидный капитал,
Чтоб не провраться, марок, скажем в двадцать.
Вот чем был обеспечен ваш досуг
В приятном круге пыльной паутины
Со дня кончины вашей госпожи.

Фэйс.

Потише, говорят вам, проходимец!

САТТЛЬ.

Нет, нет. Я громом оглушу вас, тварь!
Я отобью у вас навек охоту
К заигрыванью с фурней, в руках
И в голосе песущей бурю.

Фэйс.

Место

Дает вам смелость,

САТТЛЬ.

Нет. — Ваш новый шелк.
 О, гад! Кто подобрал тебя с навозу,
 Когда ты был столь жалок, что никто
 Не знал тебя, когда с тобой водились
 Лишь пауки, а то и хуже что?
 Кто приподнял тебя над миром метел,
 Горшков и пыли? Кем ты вознесен,
 Одушевлен и принят в третью сферу,
 Что царством благодати мы зовем?
 Кем экстрагирован с таким усердьем,
 Какого на два золотых нам хватает?
 Кто научил тебя словам и моде,
 Приличным выше среднего среды?
 Кто научил тебя ругаться, драться,
 Мошенничать на скачках, петухах,
 На картах, в кости и другим искусствам?
 И вот вам — благодарность? Ты бунтуешь?
 Ты хочешь испариться? Рвешься воп
 В момент свершенья?

ДОЛЛЬ КОММОН.

Господа, уймитесь!
 Вы сгубите все дело.

САТТЛЬ.

Жалкий раб,
 Ты б был бесславен!

ДОЛЛЬ КОММОН.

Вы себя в конец
 Погубите гражданскою войною.

САТТЛЬ

Ты б был известен разве лишь в одних
 Конюшнях, между конского павозу.
 Ты б прозябал по погребам, мрачней,
 Чем кабачок глухого Джона. Ты бы
 Пропап бесславно, сгинул без следа
 Для мира, кроме, половых и прачек,
 Когда б не я.

До л л ь Ко м м о н.

Владыка, — слышат.

САТТЛЬ.

Сволочь!

До л л ь Ко м м о н.

Я вежливей вас знала, генерал!

Ф э й с.

Вы бросите кричать, иль я отчаюсь.

САТТЛЬ.

Хоть вешайся.

Ф э й с.

Нет вешайся уж ты.

Ты, угольщик, ты, вывеска к собранью
 Горшков и труб. Когда на то пошло, —
 Я —

До л л ь Ко м м о н.

Ну теперь все прахом.

Ф э й с.

Я намерен
 Запесть тебя, как сводника, в портал

Святого Павла, выписать в порядке
 Червцом по штукатурке: ворожбу
 На пепле, на кашусте, на оскребках,
 Отыскивание сгнивших вещей
 Посредством решета и пары пожниц,
 Употребленье потайных зеркал
 Для вызыванья духов в коридорах,
 И прочая. Я закажу твой бюст,
 И он затмит Гамалиэля Рэтси.

До л л ь К о м м о н .

Вы в памяти? В уме ль вы, господа?

Ф э й с .

Я книгу напишу, где исчисленье
 Твоих проделок больше принесет
 Издателю, чем философский камень.

С а т т л ь .

К чертям, каналья!

Ф э й с .

К чорту, коновал.
 Блевотина всех тюрем —

До л л ь К о м м о н .

Джентельмены,
 Вам собственная целость не мила?

Ф э й с .

— Забившая за общею корзиной!

С а т т л ь .

Обманщик.

Фэйс

Сводня.

Саттль.

Скотник.

Фэйс.

Чародей.

Головорез.

Фэйс.

Колдун.

Долль Коммон.

Увы, мы гибнем!

Прощали! Неужель вам все равно,
 Что скажут люди? Цел ли ваш рассудок?
 Где здравый смысл ваш? Вам не жаль меня,
 Своей республики?

Фэйс.

К чертям, зараза!

Смотри, прохвост! Я подведу тебя
 Под свод законов Генриха Восьмого
 По пункту тридцать третьему. Тебе
 Не миновать глаголя за промывку
 И стрижку золота.

Долль Коммон, вырывает у Фэйса лпагу.

Угодно вам

Чтоб я вам череп взбила по-петушьи?
 Угодно? — Вы же, сударь, со своим
 Раствором —

Выбивает склянку из рук Саттля.

— Подберите с полу. — Черти!
 Вонючки! Бросьте лаяться и грызть
 Друг друга. Помиритесь. А не то я
 Сверну обоим шеи. Видит бог,
 Охоты нет быть забранной под стражу
 Из-за собак, как вы; из-за того,
 Что не стегала вас, не разнимала.
 То одурачивали целый свет,
 Так друг за друга надо приниматься?
 Вы в суд подать намерены? Подвесьте
 Его под тридцать третий пункт статуты?
 Кто вам поверит? Выскочка! Байструк!
 Апокриф в капитанстве! — Пуританин
 В Блекфрайерском квартале, ведь и тот
 Последнего пера в кредит не даст вам.
 А вы? А вы, виновник передрыг?
 Лезть в заправки? Требовать главенства
 И львиной доли? — Будто бы у вас
 Весь порох нап, чтоб вам грозиться взрывом?
 Как будто это дело мы ведем
 Не сообща, не с равными правами
 На общий страх, без тяжб о первенстве?
 Несносные дворняги! Моментально
 По конурам! Морочьте дураков,
 Храпя между собою миролюбье,
 Как подобает вам. Зевать нельзя.
 Воспользуйтесь роспуском палаты
 На летние вакации. А то
 Взбунтуюсь ведь и я, и, верьте слову,
 Возьму свой пай и брошу вас.

Ф э й с.

Все оп.

Я — не при чем. Он вечно недоволен

И ставит мне на вид свой труд; брюзжит
И ропщет, что на нем одном вся тяжесть.

САТТЛЬ.

Чтож, это правда.

ДОЛЛЬ КОММОН.

Правда? Разве мы
Не делим всех тягот?

САТТЛЬ.

Они не равны.

ДОЛЛЬ КОММОН.

Пусть нынче ваша доля тяжелей,
Быть может завтра наша перетянет.

САТТЛЬ.

Да, завтра.

ДОЛЛЬ КОММОН.

Завтра, — ну так что ж, брюзга!
Хотя б и завтра. — Что за наказанье!
На помощь, Фэйс! Я задушу его.

Хватает Саттля за горло.

САТТЛЬ

Пустите! Доротея, Доротея!
Пустите, я для вас готов на все.
С чего вы вдруг?

ДОЛЛЬ КОММОН.

С кислот. С броженья желчи.

САТТЛЬ.

Я неповинен!

Доэль Коммон, Фэйсу.

Именем Луны

И Солнца, — помогите: мне не сладить.

САТТЛЬ.

Чтоб мне болтаться в петле! — Я решил
Припоровиться.

Доэль Коммон.

То-то ж! Вы решили?

Припоровляйтесь же, — да поживей:
Клянись, сэр!

САТТЛЬ.

В чем клясться мне?

Доэль Коммон.

Клянись

Забыть навеки распри, и вперед
Работать сообща для общей пользы.

САТТЛЬ.

Вот, недохнуть, коль я когда-нибудь
Имел другое в мыслях; эти речи
Мне шпоры заменяют для него.

Доэль Коммон.

В них, думается, нужды нет.

Фэйсу.

Не так ли?

Фэйс.

Хоть нынче ж бьемся, чья возьмет. — Идет?

САТТЛЬ.

Идет.

Фэйс

И полный мир в работе?

САТТЛЬ.

Ладно.

Порукой честь. Наш временный разрыв
Тем крепче только свяжет наши узы.

Пожимают руку друг другу.

ДОЛЬ Коммон.

Ну то-то ж, обезьяны! Или впрямь
Пир смеха задавать нам в честь соседей,
По трезвости и скупости едва ль
Два раза улыбавшихся за время
С приезда короля. — Но животы
Со смеха надрывали бы, завидя
Меня на одноколке или вас
С колодками на шее, уплативших
Ушной налог за целость головы.
Минуй нас это! Лучше прокурору
Покрасоваться в бархате протертом,
Еще пощеголяет в грязном шарфе,
Пока, мой повелитель и монарх,
Мы не достанем шерстяных подвязок
Его особе.

САТТЛЬ.

Царственная Доль!

Язык подстать почти Кларидианс,
Тебе ж — вполне.

Фэйс.

За что ты и займешь
 Почетный стул за ужином, и будешь
 Иначе величаться, чем допрежь:
 Не Долли Общей, но Особой Долли,
 Единственной. Кто вынет узелок,
 Тот и зови тебя Своею Личной.

За сценой раздается звонок.

Саттль.

Кто там? — Звонят. К окошку, Долль!

Долль уходит.

Дай бог

Чтоб только не хозяин, сверх расчетов.

Фэйс.

Его не бойтесь. Только от чумы
 Одна душа скончается в столице,
 Уж он про Лондон думать позабыл —
 Да сверх того он занят севом хмеля:
 Я получил письмо. Его приезд
 Предупредит такая переписка
 Об освеженьи дома, что всегда
 Успеете убраться. Две недели
 Не бойтесь ничего. А там, — шабаш.

Долль возвращается.

Саттль.

Кто это, Долли?

Долль Коммон.

Молодой красавец.

Фэйс.

А, это новый мой приятель, клерк,
По Гольборнской гостинице Кинжала,
Знакомый, — я вам сказывал о нем.
Он духа-покровителя желал бы
Для скачек, чтоб выигрывать призы.

Долль Коммон.

Так пусть войдет.

Саттль.

Постойте-ка. Кто впустит?

Фэйс.

Наденьте свой костюм. Я с ним столкнусь,
Как будто уходя от вас, случайно.

Долль Коммон.

А мне как быть?

Фейс.

Исчезнуть. Скрыться с глаз.

Саттлю.

Кажитесь недоступным.

Саттль.

Ладно. Понял.

Уходит.

Фэйс, громко, удаляясь.

Продайте, сэр. Прошу сказать ему,
Что я был здесь. Его звать Дэппер. Рад бы
Дождаться, только.

ДЭППЕР, за сценой.

Капитан, я здесь!

ФЭЙС.

Кто там? — Он, кажется, явился, доктор.

Входит Дэппер.

Сэр, не шутя, я думал уходить.

ДЭППЕР.

Поверьте, сэр, мне было б очень жалко.

ФЭЙС.

Но чувствовал, что встречусь.

ДЭППЕР.

Очень рад.

Я должен был списать две-три бумаги;

Часы ж свои я одолжил лицу,

Обедающему с судьей сегодня; —

Поэтому неточен.

Входит Саттль в бархатной шапке и робе.

Сам волшебник?

ФЭЙС.

Это их милость.

ДЭППЕР.

Доктор он?

ФЭЙС.

Да.

Д Э П П Е Р.

С НИМ ВЫ

Договорились, капитан?

Ф э й с.

Да.

Д Э П П Е Р.

Сколько?

Ф э й с.

Что вам сказать, достопочтенный сэр.
Он вносит в дело столько церемоний,
Что бросим мысль.

Д Э П П Е Р.

Зачем же, капитан?

Ф э й с.

Вязаться неохота, верьте слову.

Д Э П П Е Р.

Мне горько это слышать, сэр, от вас.
Зачем же так? Я вас заверить смею,
Себя неблагодарным не явлю.

Ф э й с.

Я и не чту таким вас. Но, — законы.
К тому же, дело Рида, — говорят,
Наделавшее шуму —

Д Э П П Е Р.

Дело Рида?

Рид был ослом, который вел дела
С болваном

Фэйс

Он был клерком, сударь.

Дэппер.

Клерком!

Фэйс.

Послушайте. Закон известен вам
Не хуже, ведь —

Дэппер.

Да, сэр, — как и опасность.
Ведь сам я вам показывал статут.

Фэйс.

Да, правда.

Дэппер.

После этого, я стану
Разбалтывать? Да пусть рука писца
Лишится навсегда своей сноровки,
Когда хоть чем я выдам вас. Каких
Вы мыслей обо мне? Что я — чиаус?

Фэйс.

Как? Это что?

Дэппер.

Когда о турках речь.
Как, например, сказать бы: что я — турок?

Фэйс.

Я доктору все так и передам.

Д Э П П Е Р.

Да, капитан. Все так и передайте.

Ф э й с.

Сюда, почтенный доктор. Заверяю,
Что это — джентельмен, — и не чиаус.

С А Т Т Л Ь.

Я все сказал в ответ вам, капитан.
Готов служить вам многим, но на это —
Ни мочи, ни охоты —

Ф э й с.

Полно вам!

Нельзя так, доктор. Это-ль не покупка?
Перед вами — благородный человек,
А не чиаус; он вознаградит вас.
Пусть убедит вас это.

С А Т Т Л Ь.

Капитан.

Оставьте.

Ф э й с.

У него сейчас в кармане
Три ангела.

С А Т Т Л Ь.

Прошу не обижать.

Ф э й с.

Да чем же доктор? Тем, что искушаю
Посредством этих духов?

САТТЛЬ

Тем, что вы,
Науку и искусство испытую,
Готовите мне гибель. Сэр, нельзя
Друзьями называться, вовлекая
В столь явную опасность.

ФЭЙС.

Это я
Влеку вас? Ну так волочи ж вас лошадь
И ваших духов!

ДЭППЕР.

Что вы, капитан!

ФЭЙС.

Не различать людей!

САТТЛЬ.

Недурны речи.

ФЭЙС.

И по заслугам, чортов коновал!
Ведь не привел же я к вам проходимцев
Разряда Кларибелей и Клим-Клеф,
Дивящихся всему, как ставкам в флеше
И в сорок пять, и брызжущих кругом
Секретами, как пирожки — вареньем.

ДЭППЕР.

Но, капитан!

ФЭЙС.

Ведь не привел я вам
Ничтожного писца, который тотчас

Священнику проврется. Я к вам ввел
 Лицо неоспоримых качеств. — Это —
 Наследник полусотни марок в год,
 Ближайший друг меньших поэтов века,
 Надежда бабушки; законовед;
 Шести отличных почерков владетель;
 Примерный клерк, с дыфirieю в голове,
 С запасом клятв из Библии по-грeцки,
 Со ссылками, карманными подчас,
 С умением, наконец, запясть подругу
 По прописям Назона —

Д Э П П Е Р.

Капитан —

Ф э й с.

Не ваши ли слова?

Д Э П П Е Р.

Мои. — Но я бы

Меж тем желал, чтоб доктору при мне
 Оказывалось больше уваженья.

Ф э й с.

Чтоб быть ему удушену с его
 Шляпенкой и с оленьим благородством!
 Когда б не вы, охотней раньше б слых,
 Чем с пыжиком таким меняться вздохом.

Уходя.

Идем. Оставим.

С А Т Т Л Ъ.

Выслушайте, сэр!

ДЭППЕР.

Их милость вас зовет.

ФЭЙС.

Ради чего я

Ввязался в это дело!

ДЭППЕР.

Капитан!

Да полно ж. Он зовет вас.

ФЭЙС.

Он согласен?

САТТЛЬ.

Послушайте, —

ФЭЙС.

Ни слова большс. — Да?

САТТЛЬ.

Сэр, слушайте, —

ФЭЙС.

Без разговоров. — Принял?

САТТЛЬ.

Ну, — воля ваша, сударь.

Берет три ангела.

ФЭЙС.

Так. Теперь

Могу вас слушать, не рояя чести.

Скажите, что хотели. В свой черед

Пусть говорит и джентельмен.

САТТЛЬ.

О, сударь —

Пытаясь нашептать что-то Фэйс у.

Фэйс.

— Без шопота!

САТТЛЬ.

О пебо! Тот ущерб,
Что вы наносите себе всем этим, —
Неведом вам.

Фэйс.

Какой ущерб? И — в чем?

САТТЛЬ.

Как! Лезть из кожи вон для человека,
Который, получивши талисман,
Весь город обречет на разоренье!

Фэйс.

Каким путем?

САТТЛЬ.

Ведь силой этих чар
Он станет, как на кукольном театре,
Бить игрока за игроком. — Коль я
Дам демона ему, — отдайте сразу
Ему все то, что бросили б в игру;
Не стоит риска: все к нему стечется.

Фэйс.

Вы в заблужденьи, доктор. Он хотел
Лишь духа к сдаче и игре на скачках
Не из больших, а, мелочь.

ДЭППЕР.

Виноват,
Их правда, капитан; мне демон нужен
Для игр всех видов.

САТТЛЬ.

Что я говорил?

Фэйс, отводя Дэппера в сторону.

Вот это ново! Речь ведь шла, сколь помню,
О маловажной штучке, в месяц раз
Иль дважды позволяющей по малой.
О ставках до двух фунтов на лошадку
По пятницам, в свободные часы.

ДЭППЕР.

Правда, но я теперь надумал, сударь,
Оставить изученье прав, и вот —

Фэйс.

Но это же совсем меняет дело.
Вы думаете я теперь возьмусь
Уламывать его?

ДЭППЕР.

Да, я прошу вас.
Ему, насколько вижу, — все равно.

Фэйс.

За эти деньги? Как! И я осмелюсь?
А совесть где? Мне кажется, и вам
Не след такие б предложенья делать.

ДЭППЕР.

Сэр, я предполагал кой-что добавить.

Фэйс.

Что ж, попытаюсь.

Направляясь к Саттлю.

Ну, а если б, доктор

Речь шла о всяких играх?

Саттль.

Я сказал.

Тогда б всем ртам из-за него пришлось бы
Обедать только в долг. — Ртам игроков,
Прошу понять.

Фэйс.

А ведь и правда!

Саттль.

Он бы

Прибрал к рукам все ценности страны,
Когда бы их поставили на карту.

Фэйс,

Вы это говорите от лица
Науки?

Саттль.

Да. И от лица рассудка, —
Основы всех искусств. Притом, видать,
Что он, по многим признакам — любимец
Царицы фей.

Фэйс.

Да что вы! Он?

САТТЛЬ.

Молчок!

Не услышал бы. — Сударь, стоит фее
Увидеть джептельмена, —

Фэйс.

Ну? И что ж?

САТТЛЬ.

Не выдайте!

Фэйс.

Нет. — Ну, и что б случилось?
Он выиграл бы в карты и ее?

САТТЛЬ.

Вы ж поклянетесь в том, что он вменяет
В своей душе одновременно дух
Покойного Голманда и Исака,
Попыне здравствующего, настолько
Его снабдим неотразимым счастьем.
О небо! Да тогда он до часов
Все поснимает с наших здешних франтов.

Фэйс.

Бывает же удача на роду.

САТТЛЬ.

Он слышит.

ДЭПЬЕР.

Мне чужда неблагодарность!

Фэйс.

Я верю в доброту его души.
Он чужд неблагодарности, слышали?

САТТЛЬ.

Как знаете. Вам рисковать вперед,
Мне — вслед.

ФЭЙС.

Тем лучше, доктор. Положитесь
На честь джентльмена и займитесь им.
Он может нас обоих осчастливить
Во всякий час. Играючи возьмет
Пять тысяч, — и пошлет нам с вами по две.

ДЭППЕР.

Ей-богу правда!

ФЭЙС.

Это долг ваш, сэр.
Отводит Дэппера в сторону.
Вы нас слышали?

ДЭППЕР.

Я? — Вас? Нет, как будто.
Нет, нет. Не слышал.

ФЭЙС.

Ничего?

ДЭППЕР.

Чуть-чуть.

ФЭЙС.

Так вот что, редкая звезда царя
В ночь вашего рожденья.

ДЭППЕР.

Моего?

Не может статься!

ФЭЙС.

Доктор уверяет,

Что вы —

САТТЛЬ.

Нет, капитан, вы все ему
Расскажете!

ФЭЙС,

продолжает.

— В таинственном союзе
С царицей Фей.

ДЭППЕР.

Кто? Это я-то? Нет!

Ни в жизнь, поверьте, сэр —

ФЭЙС.

— Что вы родились
В сорочке.

ДЭППЕР.

Кто сказал?

ФЭЙС.

К чему хитрить!
Не знает будто сам, — одно притворство.

ДЭППЕР.

Ничуть. Ей-богу нет.

Фэйс.

«Ей-богу»? Как!

Божиться вслух, солгав столь откровенно
При докторе? Да как нам вслед за сим
В других вещах вам верить, сэр? Да как нам
Надеяться на то, что, загреби
Вы пять, а то и все шесть тысяч фунтов,
Часть нам отвалите?

Дэппер.

Свидетель Зевс,

При первом выигрыше в десять тысяч
Пять — ваши. А «ей-богу» — не божба.

Саттль.

Нет. Это было сказано им в шутку.

Фэйс.

Подите вы! — А вы — благодарите
Его ученость. Он замял неловкость.
Он мог иначе все это принять.

Дэппер.

Спасибо, доктор.

Фэйс.

Вот как? — Новый ангел!!

Дэппер.

Мне?

Фэйс.

Вам! — А что ж? Не будьте пошляком.
А что же значит благодарность? — Доктор,
Когда ему за демоном зайти?

Дэппер дает ему денег.

ДЭППЕР.

Мне разве не дадут его сейчас же?

САТТЛЬ

Сэр, нужен целый церемониал;
Вперед вас искупают и окурят.
Да и к тому ж, царица Фей встает
Не раньше полдня.

Фейс.

Особливо если

Плясала накануне.

САТТЛЬ.

А она

Дает благословенье процедуре.

Фэйс.

Вы светлости ее еще досель
Не видели?

ДЭППЕР.

Чьей?

Фэйс.

Вашей тетки, феи.

САТТЛЬ.

С тех пор как в колыбели, малышом,
Она поцеловала их — ни разу.
Я это знаю, капитан.

Фэйс.

Так вам

Необходимо повидаться с нею

Во что бы то ни стало. Может быть
 То будет испытанье не из легких,
 Но все равно. Вам надо лицезреть
 Ее, а там, вы — человек готовый.
 Я слышал, эта женщина живет
 Затворницей, и сказочно богата.
 Когда же на нее находит блажь,
 У ней бывают странные решенья.
 Свидайтесь с ней. Откладывать нельзя.
 Ведь может статься, что она оставит
 Все вам в наследство. Это-то и есть
 То самое, чего боится доктор.

Д Э П П Е Р.

Как это сделать?

Ф Э Й С.

Я похлопочу.
 Не беспокойтесь. Только пред уходом
 Произнесите: сэр, хочу взглянуть
 На фею.

Д Э П П Е Р.

Без паузы.

Сэр, хочу взглянуть на фею.

Ф Э Й С.

Достаточно.

За сценой стучат в дверь.

САТТЛЬ.

Кто там? — Прощайте, сэр!

Ф Э Й С у в сторону.

Сведите черным ходом.

Бен Джонсон

Дэпперу.

К часу, сударь,
 Готовы будьте. А до той поры
 Не ешьте. Принимайте уксус. Дозы:
 Три капли — в нос, две — в рот и по одной
 За оба уха. Им же намочите
 Глаза и пальцы, чтобы обострить
 Все чувства. В заключение, прокричите
 Три раза «ХМ» и трижды «БЗЗ», затем
 Идите к нам.

Уходит.

Фэйс.

Запомните ?

Дэппер.

Ручаюсь.

Фэйс.

Ступайте. Вам останется еще
 Дать поблей с двадцать приближенным феи.
 Да и сменить сорочку. Трудно счесть
 Те милости, которые их милость
 Вам явит, если смените белье.

Фэйс и Дэппер уходят.

Саттль, за сценой.

Прошу. — Ей-богу, вдовушки, не время.
 Сейчас ничем служить вам не могу.

Входит Фэйс в сопровождении Дрэггера.
 Вас звать, вы говорите, Абель Дрэггер?

ДРЭГГЕР.

Да, сэр.

САТТЛЬ.

Торговец табаком?

ДРЭГГЕР.

Да, сэр.

САТТЛЬ.

Со льготами купеческого класса?

ДРЭГГЕР.

Да, с вашего соизволения.

САТТЛЬ.

Ну,

В чем дело?

ДРЭГГЕР.

С вашего соизволения,
Изволите ли видеть, вот в чем суть:
Я, — ваша милость, — новичок, и занят
Устройством новой лавки на углу
Двух, с вашего соизволения, улиц:
Тут вот на плане — знак — вот и хочу
Путем особых чар особы вашей
Установить, где мне проделать дверь,
Где вывески повесить, — если можно
Некромантически; — и что за сорт
Горшков завести; — и что за сорт коробок.
Хотелось бы нажиться. Я к вам, сэр,
Направлен неким капитаном Фейсом,

Вы, говорит, — находите звезду
И ангелов любого человека.

САТТЛЬ.

Когда их вижу —

Входит Фэйс.

Фэйс.

Абель! — Вот те раз!

Вот это встреча!

ДРЭГГЕР.

Легки на помине.

В тот миг, как, ваша милость, вы вошли
Я с ними говорил про вашу милость.
Пожалуйста, споспешествуйте мне!
Поговорите с доктором.

Фэйс.

Не бойтесь.

Рекомендую, доктор. — Это мой
Приятель Абель, малый редкой чести,
Снабжающий хорошим табаком
Без примеси софизмов, в роде масла
Или мешечной пыли. Он его
Не промывает в солоде с мускатом,
В песок не зарывает, завернув
В опоек или в мокрую пеленку,
Но — держит в изумительных горшках
Лилейной белизны, что при вдыхании
Благоухают слаще, чем горох
И одуряют ароматом розы. —
Серебряные щипчики, столы

Кленовые, Винчестерские трубки
И связки можжевельных ветвей, —
— Вот общий вид конторы; словом парень
Примерный, и притом не ювелир.

САТТЛЬ.

И, видно — с несомненным даром счастья.

ФЭЙС.

Вы это уловить успели, сэр?
Ты видишь, Абель?

САТТЛЬ.

На пути к богатству. —

ФЭЙС.

Сэр!

САТТЛЬ.

Этим летом он наденет плащ
Союза бакалейщиков. Ближайшей
Весною он дойдет до багреца,
Как ши сори до той поры деньгами.

ФЭЙС.

Так рано? Без волос на подбородке?

САТТЛЬ.

Сэр, он легко б, не надо забывать,
Мог приобрести рецепт для их ращенья.
Но он благоразумно предпочтет
Отказ от званья по уплате штрафа,
Чтоб юность сохранить. Не этот путь
Ему судьба предназначала.

Фэйс.

Доктор!

Как вы успели сразу это все
Установить? Я прямо удивляюсь.

САТТЛЬ.

Посредством наблюдения, капитан,
И метопоскопических законов.
Звезда на лбу, — ее вам не видать, —
Каштановый отлив и смуглость кожи
Не могут обмануть; по их длине,
И уши также много обещают.
Я это вижу по его зубам
И по концу меркуриева пальца.

Фэйс.

Какого пальца, доктор, виноват?

САТТЛЬ.

Мизинца. — Руку. Вот, — взгляните сами.
Вы родились не в среду?

ДРЭГГЕР.

В среду, сэр.

САТТЛЬ.

Венере хироманты посвящают
Ладонный, а Юпитеру — второй;
Сатурну — средний, Солцу — безымянный,
Меркурию — мизинец. Первым он
Составил гороскоп. Жилищем Рока
Ему Весы служили, от чего
И было ясно наперед, что станет
Торговцем, прибегающим к весам.

ФЭЙС.

Не странно ль это, Нэб? Не правда ль, странно?

САТТЛЬ.

От Ормуса плывет сейчас корабль,
Везущий для него такую пропасть
Различной москатели —

Показывая на план.

Это Юг,

А это — Запад?

ДРЭГГЕР.

Запад, сэр.

САТТЛЬ.

А это

Два бока вашей лавки?

ДРЭГГЕР.

Точно так.

САТТЛЬ.

Тогда пробейте с Юга дверь; на Запад
Поставьте окна ваши; на стене
К Востоку, начертайте: Матлай, Гармьэль
И Бараборат; а на Северной стене
Раэль, Велэль, Тиэль, и знайте, — это
Меркуриевых духов имена,
Что летом отгоняют мух с коробок.

ДРЭГГЕР.

Да, сэр.

САТТЛЬ.

Заройте под дверьми магнит
Для притяженья щеголей при шпорах.
Все прочее приложится.

Фэйс, Дрэггеру.

Совет

Большой цены!

САТТЛЬ.

А на прилавок — куклу
С пружиной, всю в румянах и сурьме, —
Для привлеченья городских красоток.
Успех ваш — в минералах.

ДРЭГГЕР.

У меня

Имеется уже в запасе —

САТТЛЬ.

Знаю:

Мышьяк, алькали, соли, купорос
И ртуть? — Я знаю. — Этот малый станет
Со временем бессмертен, капитан,
В алхимии своим особым словом
— Я не хочу его предвосхищать —
О камне мудрецов.

Фэйс.

Ты слышишь, Абель?

ДРЭГГЕР, в сторону Фэйсу.

Что должен дать ему я, капитан?

Фэйс.

Нет, где уж мне советовать! — Ты слышал,

Что сколько б ты деньгами ни сорил,
Тебе никак не миновать богатства.

Дрэггер.

Я дал бы крону.

Фэйс.

Крону? Пред лицом
Такого счастья? Я бы отдал лавку!
Уместней было б. Разве при тебе
Нет золота?

Дрэггер.

Есть, да берег полгода:
Вот портэю.

Фэйс.

И ты ее держал?
Стыдись же, Нэб! Скорей загладим промах.
Лай, передам. — Вот, доктор, Нэб просил
Принять и выпить за его здоровье.
Он вам клянется выказать себя
Признательней на будущее время,
Когда, посредством ваших тайных чар,
Он овладеет положеньем в свете.

Дрэггер.

Я б попросил их милость о другой
Любезности.

Фэйс.

А именно?

Дрэггер.

Просил бы
Перечеркнуть в моем календаре

Все, неблагоприятные мне числа,
 Чтоб мне по этим дням не занимать
 И не ссужать кредитом.

Фэйс.

Будь покоен,
 Он зачеркнет их. Дай свой календарь.
 Зайди к полудню.

САТТЛЬ.

— И за указаньем
 Для вывесок.

Фэйс.

Доволен ли ты, Нэб?
 Дрэггер, уходя.
 Спасибо, сэр. Спасибо вам обоим.

Фэйс.

Прощай.

Дрэггер уходит.

— Теперь, пытатель естества,
 Теперь вы сами видите, надеюсь,
 Что есть дела помимо ваших флаг,
 Кислот, печей и перегонных кубов.
 Вам надо на дом доставлять сырье
 Для обработки; вы же склонны думать,
 Что это мне не стоит ничего,
 Что я ничем не трачусь, изыскупя
 Такие жилы, находя следы,
 И устанавливая добыванье.
 Свидетель бог, мой умственный расход
 Бывает часто выше дивиденда
 При дележе.

САТТЛЬ.

Нет, вы забавны, сер!

Входит Долль Коммон.

Ну как! Что скажет нам милашка Долли.

Долль Коммон.

Рыбачка не желает уходить.
Упорствует и ваша великанша
Из Лэмбса.

САТТЛЬ.

Но сейчас я не могу. —

Долль Коммон.

До вечера? — Я так им и сказала
В отдушину, под видом одного
Из ваших духов. — Мной замечен так же
И сэр Маммон.

САТТЛЬ.

Где он!

Долль Коммон.

Идет сюда.

Сейчас еще он в том конце проулка.
Воздержен в шаге и многоречив.
С ним кто-то незнакомый.

САТТЛЬ.

Фэйс, живет

Переоденьтесь!

Фэйс уходит.

Долли, вы должны,
Быть тоже наготове.

ДОМЛЬ КОММОН.

Что случилось?

САТТЛЬ.

О, я ведь ждал его чем свет! Дивлюсь,
Как мог он спать. Подумать только. Нынче
Я должен был сдать на руки ему
Наш перл творенья, философский камень.
Он целый месяц уж твердит о нем,
Как будто обладает им, — недавно ж
Стал даже в оборот его пускать.
Я так и вижу, как он с ним заходит
В трактиры, с избавленьем ото всех
Дурных болезней, как он это средство
Протягивает чумным, как идет
По Мурфильду, сзывая прокаженных,
Как предлагает вдовам свой браслет
Из муксуса и элексира, лучший
Предохранитель; как в госпиталях
Он обещает юность старым сводням,
Как, странствуя, сулит обогатить
Калек и нищих по большим дорогам.
Конца не вижу я его трудам.
Он ими хочет пристыдить природу
В бездеятельной спячке, раз сама
Наука, наша мачеха, — и та вот
Готова осчастливить род людской
Полней, чем эта мать с ее любовью. —
Не расставался б только он с мечтой,
И век наш обратится в золотой.

Уходит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СЦЕНА I

Передняя в доме Лавуита.

Входят сэр Эпикур Маммон и Серли.

Маммон.

Войдите, сер. Одной ногою вы
Геперь на берегу in Novo Orbe.
Здесь — золотое Перу. Там внутри —
Офир, — златые копи Соломона.
Он к ним три года плыл на корабле,
А мы их в десять месяцев достигли.
Вот день, когда ко всем моим друзьям
Я обращаю слова: богаты будьте!
Сегодня все вы — *spectatissimi*.
Вам не придется больше промышлять
Фальшивой краской на неверной карте,
Ни содержать фамильных потаскух
Для юного наследника, в рубашке
Подписывающего векселя,
Ни прибегать для этого к побоям;
Вам не придется также улещать
Ростовщика, оплот его хозяйства. —
Страсть к бархату для выпушки плаща

В союзе с дикой жаждою сатира,
 Имеющего, словно флотский флаг,
 Быть выкинутым у мадам Августы,
 Уж не заставят больше никогда
 Сынов Меча и Случая склоняться
 Пред золотым тельцом и за вином
 Свершать ночные идолослуженья,
 Ни от знамен спешить на торжества
 При рокотаньи труб и барабанов.
 Отныне этому всему конец.
 Вы будете все — вице-королями
 С своими женами, нет — со своим
 Особым штатом женщин. Обращаюсь
 К тебе, всех прежде, Серли, будь богат.
 Но где мой Саттль? Он тут?

Фэйс, из-за сцены.

Сейчас он выйдет.

Маммон.

Вот, вот его помощник, вот Зефир—
 Вот тот воздуходув его, который
 Ему вздувает уголья, гоня
 Природу из таинственных гнездилищ.
 Но вы ведь маловерны. Нынче в ночь
 Я дома все, что будет там металла,
 Преобразую в золото, с зари ж
 Поплю людей к литейщикам для скупки
 Всего свинца и олова; я их
 И в Лотберри поплю за медью.

Серли.

Что же,

Вы и ее хотите перелить?

МАММОН.

Да. И скуплю весь Девоншир и Корнуэль,
Чтоб сделать Индиями. Ну, теперь
И вы, небось, дивитесь?

СЕРЛИ.

Нет, нисколько.

МАММОН.

Когда же вы увидите плоды
Великого лекарства, часть какого
Пролитая на тысячу частей
Меркурия, Луны или Венеры,
Дает в итоге столько же частиц,
Нет, — сотни тысяч элементов Солнца,
И так до бесконечности, — тогда
Уверуете.

СЕРЛИ.

Да, когда увижу.
Но если я поддамся на обман
Лукавых глаз, рассудку непослушных,
То, уверяю вас, ближайший дом
Терпимости найдет их в сточной яме.

МАММОН.

Да разве я вам сказки говорю?
Поверте, всякий, у кого есть этот
Цветок вселенной, редкостный рубин,
Который мы назвали элексиром,
Не только эту получает власть:
Он может больше; он способен даже
Дарить почет, значение, любовь,

Победу, безопасность, долголетье.
 Я вам берусь в ребенка превратить
 Восьмидесятилетнего калеку
 Не долее чем в двадцать восемь дней.

СЕРЛИ.

Не сомневаюсь; он без вас ребенок.

МАММОН.

Нет, я берусь действительно вернуть
 Ему давно истекший детский возраст.
 Я возрожу вам старца, я вдохну
 В руину мощь орла о пятом годе.
 Я дам ему способность зарождать
 Сынов и дочек, на подбор гигантов,
 Как это утверждают мудрецы
 Про древних патриархов до потопа.
 В неделю раз на кончике ножа
 Частицу элексира принимая,
 Всяк, став как Марс, пойдет производить
 Младых амуров.

СЕРЛИ.

Вам спасибо скажут
 Цикт-Гэтчские весталки, несмотря
 На дряхлость, охраняющие пламя.

МАММОН.

Природы прирождающей то средство
 Противу всех зараз. Оно врачует
 Любой недуг, какая б ни была
 Его причина. Месяцы страданий
 Уничтожает в день. В двенадцать дней

Целит страданья года. В месяц — немочь
Любого срока. Это не чета
Настойкам ваших лекарей. Посредством
Его чудесной силы я берусь
В три месяца очистить королевство
От ужасов чумы.

СЕРЛИ.

Тогда я вам
В своей признательности пожелаю,
Чтоб без поэтов пелись вам хвалы
Актерами.

МАММОН.

Увидите, очищу.
Покуда ж что, я накажу слуге
Снабжать еженедельно населенье
Экстрактом, и постольку каждый дом,
Поскольку в нем —

СЕРЛИ.

Точь в точь как наш строитель
Водопровода делает с водой?

МАММОН.

Вы маловерны.

СЕРЛИ.

Просто не охота
Лезть в дураки. Меня и камень ваш
Не совратит с пути.

МАММОН.

Ну, а преданья?

А древность, Серли? Верите вы им?
 Я покажу вам книгу Моисея,
 Написанную сообща с сестрой
 И Соломоном по сему вопросу;
 Я дам вам в руки и Адамов труд, —

СЕРЛИ.

Как? Виноват —

МАММОН.

Изложенный на верхне-
 Немецком диалекте.

СЕРЛИ.

Как? Адам
 Умел писать? И по верхненемецки?

МАММОН.

Умел. — Вот доказательство того,
 Что это — праязык.

СЕРЛИ.

А на какой
 Бумаге?

МАММОН.

Просто на кедровых досках.

СЕРЛИ.

Ну, да, конечно. Я слышал, что кедра
 И черви не берут.

МАММОН.

Как пауки —

Ирландских брусьев. — У меня есть также
 Изрядный клок Язонова руна,
 Которое в действительности было
 Не чем иным, как книгой о вещах
 Алхимии, написанной на плотной
 Овечьей коже, с лоском, как велень.
 Таков же смысл и ляжки Пифагора,
 И ящика Пандоры и чудес
 Медеи, — форм, в действительности бывших
 Научными приборами: быки,
 Ноздрями извергающие пламя,
 Суть наши печи; змей их — наша ртуть,
 Змеевы зубы — сулема, начало
 Сцепленья, едкости и белизны.
 По мифу их собирают в шлем Язона,
 На деле же — в наш перегонный куб.
 Там — их разбрасывают в поле Марса,
 Здесь — возгоняют до тех пор, пока
 Пары по охлажденью не сгустятся.
 Сад Гесперид, дождь Зевса и рассказ
 Про Кадма, очи Аргуса, даренье
 Мидаса, Демогоргон, — это все
 Абстрактные загадки, ключ в котором —
 Наш философский камень.

Входит Ф э й с, одетый слугою.

Вот и он.

Ну, как дела? Наш день пришел. Успешно ль?

Ф э й с.

Вечерняя заря сулит вам, сэр,
 Свой кармазин. У вас все основанья
 Ждать этой краски. Пурпурный фермент

Дал знать себя. Готовьтесь к лицемерью
Метаморфозы через три часа.

М а м м о н.

О, Пертинакс, я снова повторяю,
Мое замятье: Серли, будь богат.
Сегодня ты получишь слитки; завтра
Ты — лорд меж лордов. — Подтверди, Зефир!
Не правда, что ль? — Румянится ли колба?

Ф э й с.

Как девка на сносях в момент, когда
Уличена хозяином. —

М а м м о н.

Да ты ведь
Остряк, я вижу. — Вот еще о чем
Забочусь: где добыть мне матерьялов
Достаточных для действия такой
Проекции? Боюсь, что этот город
Не даст и половины.

Ф э й с.

Что вы, сэр!
Церковных кровель мало?

М а м м о н.

А ведь правда.

Ф э й с.

Пусть сами снимут шапки, как народ
Внутри их стен. Иль перекройте гонтом.

М А М М О Н.

Нет, доброю соломой, коль уж крыть;
 Солома не тягчит стропил. — Дыханье!
 Дыханье! — Я тебя освобожу,
 Дам вольную тебе, пушу от печки.
 О Раздуватель, я восстановлю
 Твое здоровье, жертва воздержанья!
 Я приведу в порядок бедный мозг,
 Металлами и дымом поврежденный.

Ф э й с.

Я дум для вашей милости во всю,
 Я уголь перебрал не раз, бракуя
 Все, что — не клен, исследуя на вес
 Куски, для равномерности нагрева.
 Сэр, эти потускневшие глаза
 Прочли, не отрываясь в шкале красок:
 Лимонный, львиный, гребешь петуха,
 Павлиний хвост, лебязье оперенье.

М А М М О Н.

И наконец увидели цветок:
 Кровь агнца?

Ф э й с.

Да.

М А М М О Н.

Где мастер?

Ф э й с.

На молитве:

В простосердечьи набожной души
 Он молит бога об успехе.

М А М М О Н.

Дух мой!

Я положу конец твоим трудам:
Ты будешь управлять моим сералем.

Ф э й с.

Что ж, можно.

М А М М О Н.

Но тебя охолостят.

Ф э й с.

Да, сударь.

М А М М О Н.

Потому что я намерен
Держать не меньше жен, чем было их
У Соломона мудрого, который
Владел тем самым камнем, что и я.
При помощи экстракта я сравниюсь
По силе чресл с Гераклом; так что в ночь
Не уступлю пятидесяти встречам. —

В сторону Ф э й с а.

Ты убежден, что видел кровь?

Ф э й с.

Видал.

Обоих: кровь и духа.

М А М М О Н, продолжая.

— А перины

Велю надуть, ввиду того, что пух
По тем условиям будет слишком жесток.

В овальной спальне будет ряд картин
 Подобных тем, которые Тиверий
 Взял из Элефантины, а теперь
 Копирует холодный Аретино.
 Я так же дам в разгранку зеркала,
 Чтоб множили без счету отраженья,
 В часы, когда я буду нагишом
 Прогуливаться в обществе наложниц.
 Там от духов и курев будет мгла,
 Что можно будет прямо потеряться.
 В пучинах бань не будет дна. Сушась
 Кататься в розах будем. —

Прерывая себя, деловито Ф э й с у.

Жар рубина

Уже достигнут? —

Продолжая в прежнем тоне.

Только набреду
 На богача, иль на судьбу, женатых
 На совершенстве, тотчас награжу
 Их тысячею фунтов, в поощренье
 Сословья роконосцев.

Ф э й с.

А меня

Пошлете снесть им эти деньги на дом?

М а м м о н.

Нет, мне не нужно сводников. Отцы
 И матери пойдут на эти роли,
 И будут исполнительнее всех.
 Льстецов я наберу средь духовенства,

Забудут сан: за мздой не постою.
Шутов возьму из именитых граждан,
В придворные ж поэты я найму
Тех самых лиц, что тонко так писали
Про непристойнейшую в мире вещь,
Которую назначу вечной темой.
А тем немногим, кои выдают
Себя за первых жеребцов столицы
И сеют без разбору клевету
На женщин, чья невинность всем известна,
Я предложу пост евнухов и дам
По вееру из страусовых перьев,
Составленных из десяти хвостов,
На опахало, для сгущенья ветра.
Уж мы блеснем, раз снадобье при нас!
Еда к столу мне будет подаваться
В индийских раковинах, между блюд
Из золота, агата, изумруда,
Сапфира и рубина. Мой обед
Составят: языки отборных карпов.
Верблюжьи пятки и сурки степей
В рассоле из распущенных жемчужин.
Я ложками из амбры буду есть
С алмазами в карбункуловых ручках,
Диэту — по Апицию блюсти.
Последний грум мой будет кушать семгу,
Фазанов, куропатов и миног.
Что до меня, то я предпочитаю
Салат из нитей рыбы — усача,
Грибы на масле и к поре закланья
Отекшие и салные сосцы
Свиньи, с приправой. Для поднятья кухни
Я повару скажу: «Вот деньги. Трать», —
И — с богом. — Жалую тебе дворянство.

Ф р э й с.

Пойду, взгляну, не поднялась ли, сэр.

Уходит.

М а м м о н.

Ступай!— Мои сорочки будут тоньше
Чем паутина. Мой один наряд
Способен будет вызвать войны 'персов,
Как в старину. Перчатки у меня
Из птичьей и из рыбьей кожи будут,
Надушенной камедью из садов
Земного рая, воздухом востока.

С е р л и.

Вы думаете этою ценою
Добыть свой камень?

М а м м о н.

Нет, совсем напротив:
Ценою камня справить это все.

С е р л и.

Но, говорят, для этих изысканий
Потребен homo fugi, человек,
Нетронутый смертельными грехами,
Благочестивец, девственник, святой?

М а м м о н.

Таков и есть работник. Я ж — заказчик.
Мне камень в руки отдает мой риск.
Изобретатель же — добряк на редкость,
Богобоязнен, совестлив, правдив.
Бедняк протер коленки в неустанных

Молитвах и пощеньи за меня.
 Не трогайте же, сэр, его, — оставьте
 В покое. Вот и он! Прошу, при нем
 Ни слова всуе: — это хуже яда.

Входит Саттль.

Отец мой, с добрым утром!

Саттль.

Добрый день!

Привет обоим! Это друг ваш? Кто он?

Маммон.

Он — еретик. Я взял его с собой
 В надежде, сэр, на обращение.

Саттль

Сын мой!

Боюсь, не жадность ли на этот раз
 Заставила вас встать по поговорке:
 Встречай свой день с заранок. Эта вещь
 Достойна опасений. Не нашла бы
 На вас плотская, низкая алчба.
 Смотрите, сэр, как вашею бы спешкой
 Не отвратить благословенья нам
 От начинанья. Было б очень жалко
 Увидеть плод столь ревностных трудов,
 Молитв и бдений жертвою крушенья,
 На той ступени, до которой я
 Успел довести работу; плод усилий,
 Венец любви, предмет живых забот,
 Направленных — (я небо призываю
 В свидетели недавних ваших клятв) —
 К общественному благу, на поддержку

Религии и бедняков, на все,
 Что стало редким чудом в наше время.
 — И все ж, я повторяю, — если вы
 Лукавите, давая доступ мысли
 Использовать потом в свою корысть
 Великую вселенскую святыню,
 То знайте, сударь, — небо поразит
 Проклятьем ваши чаянья и планы!

М А М М О Н.

Я знаю, сэр. Не бойтесь за меня.
 Я к вам зашел лишь с целью обличенья
 Неверного.

С Е Р Л И.

Который подтвердит,
 Что в отношении камня неподатлив,
 И без труда не даст себя в обман.

С А Т Т Л Ъ.

Добро ж, мой сын. Все, чем я собираюсь
 Склонить джентльмена к вере, это то,
 Что — дело в шляпе; — нам досталось солнце.
 У нас в руках экстракт тройной души
 Славнейшего начала. Принесите
 Благодаренье небу. Надо быть
 Достойными подарка. — Улен Шпигель!

Ф Е Й С, за сценой.

Сейчас.

С А Т Т Л Ъ.

Смотрите, не спуская глаз,
 За вьюшкой. Понижайте постепенно
 Нагрев, покамест не сберется в клуб.

ФЕЙС, за сценой

Да, сударь

САТТЛЬ.

Какова головка колбы?

ФЕЙС.

Какой? Под буквой «Д»?

САТТЛЬ.

Да, — какова

Окраска?

ФЕЙС, за сценой.

Беловата.

САТТЛЬ.

Лейте уксус.

Пусть отделится красящий состав
С летучими частями. Профильтруйте
Осадок через «Е» и влейте все
В грифоновое яйцо. Потом замажьте
И поместите в баню.

ФЭЙС, за сценой.

Ладно, сэр.

СЕРЛИ.

Что за язык. Прямой распев молебна.

САТТЛЬ.

Есть у меня еще продукт. — Навряд
Видали вы когда. — Три дня, как вышел
Из колеса философов. Сварясь
На Атанере, стал природной серой.

МАММОН.

Но — эта вещь ведь тоже для меня?

САТТЛЬ.

А вам на что? С вас вашего довольно.

МАММОН.

Однако же —

САТТЛЬ.

И это не алчба?!

МАММОН.

Нет, верьте, я не изменю решения
Отдать все это на устройство школ,
Закладку академий и гимназий,
От времени до времени — церквей,
И на отдачу замуж бесприданниц.

Входит Фэйс.

САТТЛЬ.

Что скажете?

Фэйс.

Сэр, не сменить ли фильтр?

САТТЛЬ.

Смените, не мешает. Да взгляните,
Какого цвета склянка «Бе».

Фэйс уходит.

МАММОН.

У вас

Есть что-нибудь еще?

САТТЛЬ.

Да, сын мой. Если б
Я знал, что благочестье сильно в вас,
Нашлось не мало б славных применений.
Я думаю подвергнуть «Це» на завтра
Окраске, раскалив ее песком,
И пропитав кой-чем.

МАММОН.

Не белым маслом?

САТТЛЬ.

Нет, красным. С божьей помощью «Еф»
Поднялось в «Эс», и водяная баня
Дала *lasc virginis*. Хвала творцу.
Я вам послал образчики осадков.
Из этих кальцинированных гущ
Я добыл соли ртути.

МАММОН.

Обливая
Дистиллированной водою?

САТТЛЬ.

Да.
И поместивши в печку Атанора.

Входит Фэйс.

Ну, как окраска?

Фэйс.

Чернота на дне.

МАММОН.

Не это ли «воронье темя» ваше?

СЕРЛИ, в сторону.

Не ваше ли ослиное скорей.

САТТЛЬ.

Недобрый знак. — Нет, не оно. О, я бы
Был темени воронью только рад.

— Нам, видимо, недостает чего-то.

СЕРЛИ, в сторону.

Я так и знал. Вот лаз хорька.

САТТЛЬ, Фэйсу.

А вы

Уверены, что, распуская соли,
Не сбились в растворителях?

Фэйс.

Да, сэр.

Соединивши их, я заключил их
В глухую колбу, чтоб сдeditь отвар,
Как сказывали вы, когда я ставил
На то же пламя жидкость Марса.

САТТЛЬ.

Все

Шло правильно тогда?

Фэйс.

Должно б казаться, —

Но лопнуло стекло, и все, что мог
Спасти, я запечатал в пеликане
Гермесовой печатью.

САТТЛЬ.

Так. — Теперь
За новой амальгамой дело стало.

СЕРЛИ, в сторону.

Вот и хорек. Породистая тварь.

САТТЛЬ.

Но что с того. — У нас еще в запасе
Есть Эмбрион. Погибшего не жаль.
Что Аш, как раньше, в белом облаченьи?

ФЭЙС.

Да, сэр; — и — только навошенья ждет,
Покуда же держу в горячем пепле.
Боюсь, не дали б вновь чему-нибудь
Погибнуть. К пользе дела, сэр, замечу,
Не нравится мне что-то это все.

МАММОН.

Он дело говорит.

СЕРЛИ, в сторону.

Попалась птичка.

ФЭЙС.

Сэр, я предвидел это. Я не ждал
Хорошего конца. На что годятся
Три унции такого вещества?

МАММОН.

А больше нет?

Фэйс.

Нет. Золота — ни капли.
Все — в амальгаме с ртутью. Унций шесть.

Маммон.

Да что вы? — Вот монеты. Сколько дать вам?

Фэйс.

Его спросите, сударь.

Маммон.

Сколько ж вам?

Саттль.

Да фунтов девять, что ли. Можно десять.

Серли.

И двадцать можно за навод теней.

Маммон.

Вот деньги.

Дает их Фэйсу.

Саттль.

В них нет нужды. Но уж раз вам
Так хочется, они не повредят.
Тем более, что две других работы
Пониже сортом, в данный миг уже
Фиксируются, — третья ж на подъемс.

Фэйсу.

А вы — за дело! Поместили ль вы
In Ketiam реторту с лучшим маслом?

ФЕЙС.

Да, сэр.

САТТЛЬ.

И философский уксус?

ФЕЙС.

Да.

СЕРЛИ.

Ну и салат же!

МАММОН.

Вы когда решили
Произвести проекцию?

САТТЛЬ.

Мой сын,
Не торопите. Я вперед намерен
Для крепости подвесить эликсир
In balneo, чтоб дать ему ослабнуть.
Затем сгущу и снова распушу,
И снова заморожу. Потому что
Чем чаще повторять такой прием,
Тем больше силы получает камень.
Так, если унция на первый раз
Влия на сто, по втором растворе,
Преобразуя тысячу, дает
По третьем — десять, по четвертом сотню,
То пятый превращает нам мильон
Начальных унций всякого металла
Во столько ж золота и серебра,
Не уступающих по благородству
Всем испытаньям самородных жил.

— Доставьте вечером все ваши вещи
Из олова и меди. Таганы —

МАММОН.

— Чугунные? —

САТТЛЬ.

Так что же. — Захватите.
Займемся превращеньем их.

СЕРЛИ.

Могу

Себе представить.

МАММОН.

Захватить и вертел?

САТТЛЬ.

Да. И решетки.

СЕРЛИ.

Скобки и крюки
Для вешанья горшков и сковородок, —
— Не так ли?

САТТЛЬ.

Да.

СЕРЛИ.

Чтоб быть вполне ослом!

САТТЛЬ.

Но, сударь!

МАММОН.

Снисхожденья к джентльмену!
Ведь я предупреждал, что у него
Нет веры.

СЕРЛИ.

Да немного и падежды.
Любви же к ближнему, поскольку речь
О том, чтоб позволять водить нас за нос,
Нет и подавно.

САТТЛЬ.

Что ж такого, сер,
Заметили вы в наших построеньях,
Что кажется несбыточным?

СЕРЛИ.

Да все
Без исключенья. Хоть бы то, к примеру,
Что золото выводится в печах,
Как, говорят, в печах Египта — яйца.

САТТЛЬ.

Так. — Ну а в эту выводку дыпят
Вы верите?

СЕРЛИ.

Приходится поверить.

САТТЛЬ.

А между тем тут больше чуда, сэр.
На свете нет яиц, чтоб отличались
Так мало от дыпят, как меж собой
Металлы.

СЕРЛИ.

Это — несравнимо, яйца
Самой природой созданы на то,
Чтоб представлять в потенции дыпленка.

САТТЛЬ.

Так мы и рассуждаем о свинце
И всех металах. — Золотом бы стали,
Когда б имели время.

МАММОН.

Таковой
Пробел и восполняет им наука.

САТТЛЬ.

Нелепо было б думать, что земля
Рождает золото на свет мгновенно.
Кой-что должно предшествовать тому.
В далеком прошлом мы предполагаем
Материю —

СЕРЛИ.

И это?

САТТЛЬ.

Бог ты мой! —

МАММОН.

Вот спор и загорелся. Не сдавайтесь.
Сотрите маловера в порошок.

САТТЛЬ.

Отчасти это суть пары стихии,
Которую в науке мы зовем
Materia liquida, — жирной влагой, —
Отчасти ж — некоторый род земли,
По неопределимости, — порочный.
Начала эти вместе создают
Природу золота. Начала эти

Еще не сущность, но основа всех
Камней и всех металлов. В самом деле:
Где часть сухого велика в ущерб
Для влаги, смесь становится кристаллом.
Наоборот, в соединеньях, где
Преобладает эта маслянистость,
Она дает нам серу или ртуть,
А это — прародители металлов.
Материя внезапно никогда
Из крайности не переходит в крайность,
Не делается золотом, свершив
Скачок чрез промежуточные звенья.
Природой порождается сперва
Несовершенное. Она приходит
Лишь после к совершенному. — От той
Воздушно-маслянистой первовлаги
Явилась ртуть. От косной и земной
Стихий — сера. Эта — часть мужская,
Та — женская. По мнению иных,
Гермафродиты (действенны и страстны),
Та и другая. Обе же они
Всем остальным металлам сообщают
Тягучесть, гибкость, ковкость, — находясь
Во всех, и даже в золоте встречаясь:
При помощи огня мы часто в нем
Находим семена их, — и обратно. —
Мы властны созидать любой металл
Исправней, чем природа. — Впрочем кто же
И в практике вседневной не видал,
Как знанье производит сплошь и рядом
Пчел, тараканов, мух, шмелей и ос
Из трупов и животных испражнений?
Да нет! — И скорпионов из одной
Травы, при соответственном уходе.

А это ведь — живые существа;
Насколько превосходнее металлов.

М А М М О Н.

Хвалю, отец! — Уж если, сэр, ему
Кто попадется на зуб, то держись:
Как в ступе истолчет.

С Е Р Л И.

Постойте, сэр.
Чем в ступу мне, скажу вам лучше прямо:
Алхимия — забавный род игры,
Занятые вроде карт, для обирания
Охотников.

С А Т Т Л Ъ.

Но, сэр!

С Е Р Л И.

А что ж тогда
Весь ваш словарь, в котором нет согласия
У авторов? Что значит ваш экстракт,
Ваш эликсир, ваш камень хризосперма?
Что значит ваша сера, ваша ртуть,
И — ваша соль и ваше масло горних?
Что ваше древо жизни, ваша кровь,
Ваш колчедан, магнезия и копоть,
Ворона, жаба? — Или — ваш дракон,
Пантера ваша? Или — ваше солнце,
Ваш месяц, ваша твердь, адроп, азох
Хибрис, зерних, геавтарит? Что значит
Багряный муж и белая жена
Со всею вашей кучею приборов,
Настоек, колб, яичной скорлупы,

Мочи и крови, слизи женских регул,
 Горелых тряпок, капа и земли,
 Волос, костей, кусков стекла и жести
 И целой тьмы диковинных веществ,
 Одно название коих будит рвоту?

САТТЛЬ.

Цель этой тьмы названий — затемнить
 Глубокий смысл науки. Это входит
 В ее расчеты.

МАММОН.

Сэр, я так ему
 И объяснил. Цель та, чтоб всякий неуч
 Не мог, усвоив знание, передать
 В превратном виде.

САТТЛЬ.

Разве вся наука
 Египтян не на языке письмен
 Таинственных? Не говорит ли в притчах
 Священное писание? А стихи
 Изысканнейших из поэтов, — эти
 Первичные зачатки и ключи
 Премудрости — не сплошь иносказанья ль?

МАММОН.

Я так и объяснял ему. — Сизиф
 За то лишь осужден вращать свой камень,
 Что захотел предать огласке — наш.

В дверях показывается ДОЛЛЬ КОММОН.

Кто это?

САТТЛЬ.

Боже! — Заходите, леди!
Пройдите внутрь.

Доля Коммон скрывается.

Где этот негодий?!

Фэйс.

Входит.

Сэр?

САТТЛЬ.

Что, злодей, вы сделали со мною!

Фэйс.

Да вы о чем?

САТТЛЬ.

Предатель! Ротозей!
Ступайте, полюбуйтесь и поймайте!

Фэйс уходит.

МАММОН.

Кто это?

САТТЛЬ.

Ничего, сэр; ничего.

МАММОН.

Да что случилось? Я вас редко видел
В таком волнении. — Это кто?

САТТЛЬ.

Обращаясь к Серли, стараясь замаять происшедшее.

— У всех

Наук свои враги; у нашей, сударь, —
Невежественнейшие.

Входит Фэйс.

— Вы зачем?

Фэйс.

Я не при чем. Она желает с вами
Поговорить.

Саттль.

Со мной? Идемте к ней.

Уходит.

Маммон.

Задерживая Фэйса.

Стой, дух!

Фэйс.

Не смею.

Маммон.

Стой, сказал! Кто это?

Фэйс.

Сестра милорда. —

Маммон.

Что с ней? — Стой же ты!

Фэйс.

Она — безумна. Послана к нам братом.
— Он тоже помешается, узнав. —

М А М М О Н.

Не бойся. — Говори. — С какой целью?

Ф э й с.

Для исцеленья.

С а т т л ь, за сценой.

Где ж вы?! Что за тварь!

Ф э й с, Маммону.

Вы слышите?

С а т т л ю.

Иду.

Уходит.

М А М М О Н.

Как перед богом:

Вторая Брадаманта. Лаком кус!

С е р л и.

Да это дом свиданий! — Провалиться.

М А М М О Н.

О нет, зачем клепать на старика!
Он слишком даже щенетилен; это
Его порок. Он, надобно вам знать,
Известный врач из школы Парацельса,
Не раз творивший прямо чудеса
Своими минеральными солями.
Он знается лишь с духами. При нем
Не безопасно называть Галена
С его лечебным вздором.

Входит Ф э й с.

Ну-с, мой дух?

Фэйс.

Потише, сударь; говорите тише.
Я все сказал вам.

Понизив голос.

Этот человек
Не должен слышать нас.

Маммон.

Он и не хочет
«В обман даваться». — Он нам — сторона.

Фэйс.

Вы не ошиблись, сэр. Миледи — редкой
Учености. Она сошла с ума
За Броутоном, и стоит вам хоть словом
Коснуться до еврейского при ней,
Как тотчас начинается припадок.
Больная принимается вещать
О древних родословных столь учено,
Что, слушая, чумеешь вслед за ней.

Маммон.

Как свидеться мне с ней? Как это сделать?

Фэйс.

О, много, сэр, людей сошло с ума
На этаких свиданьях. Как? — Не знаю.
Я послан в спех за флягой, тороплюсь.

Серли.

Маммон, вас водят за нос!

МАММОН.

Чем же? —

Терпенье, сэр.

СЕРЛИ.

Брать с вас пример? Терпеть
Собрание шлях и сведен?

МАММОН.

Вы не лучше.

Фэйсу.

Минутку, Улен!

Фэйс.

На ходу.

Нет. Не смею.

МАММОН.

Стой!

Бездельник!

Фэйс.

Доктор страсть как рассердился,
Что вы её видали.

МАММОН, дает ему денег.

На вот. Пей.

А какова она, когда здорова?

Фэйс.

О, сэр, — прелестнейшее существо!
Любезна. Весела. Она заставит
Вас течь чрез край, заставит бить ключем.

Дня природы. С легкостью толкует
 О праве, математике, подчас
 О непотребстве, — обо всем на свете.

М А М М О Н.

К ней ни отколь нет доступа? К ней нет
 Пути? Нет средств, чтоб хоть глазком составить
 Слегка понятые об ее уме
 И прочем.

С А Т Т Л Ъ, за сценой.

Улен!

Ф р э й с.

Сию минуту.

Уходит.

М А М М О Н.

Серли,

Никак не думал, чтобы человек,
 Воспитанный как вы, себе позволил
 Так злобно клеветать на честных лиц.

С Е Р Л И.

Сэр Эпикур, во всем слуга ваш, — в этом
 Останусь при своем. Нельзя себя
 Давать в обман. А в философском блюде
 Нет прелести. Ведь с вас и без того
 Достаточно берут за камень, чтобы
 Еще особо за наживку брать.

М А М М О Н.

Вы — в заблуждении, сэр. Я знаю леги

И все семейство. Я слышал об их
Несчастии от брата.

СЕРЛИ.

И — доселе
Ни разу не видали?

МАММОН.

Нет, — видал,
Да позабыл. Поверите ль, — забывчив
Предательски. Как мне, едва ль кому
Так вероломно изменяет память.

СЕРЛИ.

Как брата звать?

МАММОН.

Бог мой! — чуть не сказал.
А он бы не хотел, чтоб знали имя.
Спасибо вспомнил.

СЕРЛИ.

Что и говорить,
Предательская память.

МАММОН.

Верьте слову. —

СЕРЛИ.

Оставим до другого раза. —

МАММОН.

Нет,
Я говорю вам истинную правду.

Клянусь рукой, он — мой приятель. Дом
Достойный уваженья. —

СЕРЛИ.

Боже правый!

Возможно ль, чтоб степенный человек,
Богатый, без особой в этом нужды,
Разумный, да, разумный иногда,
Употреблял такую тьму усилий,
Уловок, доводов, лишь для того,
Чтоб дать себя удобней околпачить!
Когда таков ваш славный эликсир,
Ваш *lapis mineralis*, ваш лунарий, —
Куда милее мне иной подвох
В примеро и брелане! Очень пужен
Мне философский камень! — Без него
Я золото на стол сгребу вам с меньшей
Опасностью, чем та, что налицо
В горячей ссере. —

Входит Фэйс.

Фэйс, обращаясь к Серли.

Здесь стоит посыльный

От капитана Фэйса. Капитан
Ждет вас в Темпл-Черче, сударь, в получасе
Ходьбы отсюда. — Сэр!

Шепчет Маммону.

Угодно ль вам

Оставить нас на время? Воротившись,
Вы сможете хозяина застать
За пробой вашего заказа. — Я же
Вас постараюсь свести куда-нибудь,

Где вам возможно будет без помехи
Свидаться с пей.

Обращается к Серли.

Прикажете сказать,
Чтоб капитан вас ждал?

СЕРЛИ.

Скажите, — буду.

Отходит в сторону, про себя.

Притти приду, да в подставном лице
Как бы поверенным своей персоны.
Теперь яснее дня, что этот дом —
Вертеп разврата, — я бы дал присягу,
Будь тут хоть маршал, чтоб ее принять.
Ведь имя капитана все сомненья
Рассеивает. — Вы и тут, дон Фэйс?
Вот, главный, всеми признанный торговец
По этой части; — первый поставщик
Виднейших городских негодяиантов.
Вот он, распорядитель и судья
Того, кому с кем спать; в какое время;
Почем; с какой прическою, в каком
Белье. — Через него-то я сегодня
И попытаюсь, под чужим лицом
Проникнуть в тайну этого притона;
И ежели проникну, сэр Маммон,
То не взъищите: хоть и не философ —
А смеху дамся, друг мой. — Ибо вам
Останется лишь плакать, дело ясно.

ФЭЙС.

Вас ждут, не забывайте, сэр. —

Бен Джонсон

СЕР ЛН.

Иду.

Откланяюсь, сэр Эпикур.

Уходит.

МАММОН.

Я тоже

За вами.

ФЭЙС.

Сэр, идите лучше врозь,
 Чтоб избежать ненужных подозрений.
 Приятель ваш опасный человек.

МАММОН.

Ты сдержишь слово, Улен?

ФЭЙС.

Жизнь порукой.

МАММОН.

Ты ей внушишь, кто я? Ты скажешь ей,
 Какой я добрый мальчик?

ФЭЙС.

Как же, сударь!

И то, что вы хотите возвести
 Ее посредством камня в королевы,
 А сами — стать Бантамским королем.

МАММОН.

Ты скажешь?

Фэйс.

Да.

Маммон.

Ах, ты мне полюбился!

Фэйс.

Пришлите матерьялу, было б с чем
Хозяину заняться превращением.

Маммон.

Ведь ты околдовал меня, злодей!
Возьми на водку.

Дает ему денег.

На.

Фэйс.

Пришлите вертел

И утварь.

Маммон.

И подлец же ты! — Пришлю —
Я в ухо укушу тебя, противный!
Что сделал ты со мной!

Фэйс.

Я? — Ничего.

Маммон.

О, ласочка, скажи судьбе спасибо,
Что я рожден был, чтобы усадить

Тебя в прихожей с золоченой цепью
 Через плечо, среди виднейших слуг
 Виднейших лордов.

Фэйс.

Вам пора. Ступайте.

Маммон.

Ни граф какой, ни князь —

Фэйс.

Ступайте, сэр.

Маммон.

Не стали б подвигать тебя так верно
 И быстро.

Уходит. Входят Саттль и Долль.

Саттль.

Клюнул? Клюнул?

Фэйс.

Проглотил!

А я подсек, и он теперь на леске.

Саттль.

А вытянем?

Фэйс.

Да как! За пару жабр!
 Ведь девочка — приманка из приманок.
 Наш брат лишь клюнет, и пошла игра.

САТТЛЬ, обращается к ДОЛЛЬ.

Вам, как сестре милорда «как бишь», надо
Держаться важно.

ДОЛЛЬ КОММОН.

Знаю и без вас.

Породу соблюду, не беспокойтесь.
Надменным смехом, громкой болтовней
Я развернусь пред ним во всем коварстве
Гордячки-леди, грубостью души
Стоящей вровень с собственной служанкой.

ФЭЙС.

Зло сказано, плутовка.

САТТЛЬ.

Он пришлет

Свои котлы?

ФЭЙС.

Пришлет, сказал. — И вертел.
И обувальный рог. Я говорил.
Не упустить бы только игрока мне.

САТТЛЬ.

Милорда «Осторожность», что «не даст

Подражает голосу Серли.

Себя в обман»?

ФЭЙС.

Да. Только бы попался.
Закинул удочку в Темпль-Черч. — Бегу.
Молитесь за меня.

Стук в дверь за стеной.

САТТЛЬ.

Долль, на разведку!

Долль подходит к окну.

Опять пискарь какой-то. — Фэйс, а вы
Ступайте к двери. — Дал бы бог, чтоб это
Был мой анабаптист. — Кто это Долль?

Долль Коммон.

По виду — сборщик золотого лома,
А кто, не знаю.

САТТЛЬ.

Это от него.

Он обещал прислать как раз такого,
Как говорите вы. — Святой отец
Намерен приобрести Маммонов вертел
И таганы. — Впустите. Стойте, Фэйс.
Вперед снимите плащ с меня. — Ступайте ж.

Фэйс уходит.

Мадам, пожалуйста к себе.

Уходит Долль.

Теперь,

На новый лад затынем ту же песню.
Особа эта послана лицом,
Стоящим в деловых сношеньях с нами
На счет того же камня. Эта вещь
Заказана для братства в Амстердаме.
Изгпанники надеются поднять
Свое значенье силой эликсира.
Приму его порезче. Надо их
Повергнуть в трепет. —

Входит А н а н и й.

Где же мой помощник ?

Входит Ф э й с. (Громко.)

Ф э й с.

Сэр.

С а т т л ь.

Уберите ваш реципиент, —
Очистьте растворители от флегмы,
Раствор в реторту слейте, и затем
Томите с солнцем,

Ф э й с.

Ладно. — И подонки ?

С а т т л ь.

Да нет: terra damnata не должна
Иметься в смеси. — Кто вы ?

А н а н и й.

Брат смиренный.

С а т т л ь.

А это что за штука ? — Луллианист ?
Последователь Рипли ? Filius artis ?
Уместе ли вы кальциневать ?
Знакомы с перегонкой ? Вас учили
Дульцифицировать ? — Как распознать
Понтийский вкус ? Стиптийский ? Гомогенность ?
Гетерогенность ?

А н а н и й.

Я не говорю
Ни на одном языческом наречьи.

САТТЛЬ.

Языческом? — Вы — Ниппердоллинг! — Как!
Хризопопсия, знание Панархизма,
Панфизика, спагирика — для вас
Языческие?!

АНАНИЙ.

Да. — От греков, — значит
Языческие.

САТТЛЬ.

Это все равно?

АНАНИЙ.

А как же, сударь. — Что не по-еврейски, —
Языческое.

САТТЛЬ.

Обращается к Фэйсу.

Обращаюсь к вам,
Несносное создание, — изложите
Ему на философском языке
Весь круг мартиризации металлов.

ФЭЙС.

За путрефакцией — солюция. За ней
Аблюция, затем, — сублимировка.
За ней — кальцинировка. Наконец
Серация, — с фиксацией в итоге.

САТТЛЬ, обращаясь к Ананию,

И это все, по вашему, — одно
Языческое эллициство?

Обращаясь к Фэйсу.

Порядок

Вивификации?

Фэйс.

Она идет

Вслед за мортификацией.

САТТЛЬ.

Что значит

Поняты кообации?

Фэйс.

Металл,

Облитый царской водкой, приближают
К тройному кругу, поместив в семь сфер.

САТТЛЬ.

Как названо природное страданье
Металла?

Фэйс.

Маллеацией.

САТТЛЬ.

Что есть

Supplicium summimaugri?

Фэйс.

АНТИМОНИЙ.

САТТЛЬ, обращаясь к Ананию.

И это все, по вашему, — одно
Языческое элшнство?

Обращаясь к Фэйсу.

В чем свойства

Меркурия?

Фэйс.

В подвижности частиц.

Саттль.

А признаки?

Фэйс.

Сцепленье, маслянистость

И возбудимость.

Саттль.

Чем перегонять?

Фэйс.

Яичной скорлупой, известкой, тальком
И мрамором.

Саттль.

Теперь скажите мне

Ваш магистерий.

Фэйс.

Замещение качеств:

Сухого — холодным, холодного — сырым,
Сырого — теплым, теплого — просохшим.

Саттль, обращаясь к Ананию.

И это все, по вашему, — одно
Языческое эмпирство?

Обращаясь к Фэйсу.

Ваши камень

Философов?

Фэйс.

Он — камень; — и меж тем
 Не камень. Дух, душа; — но с тем и — тело.
 При раствореньи он дает раствор,
 А при сгущеньи — сгусток. Улетучась, —
 Летит.

Саттль.

Довольно.

Фэйс уходит.

Это все для вас
 Языческое эллинизство? — Да кто вы?

Ананий.

Я, с разрешенья вашего — слуга
 Изгнанников, — в согласьи с целью братства
 Торгующий добром сирот и вдов,
 И им отчет дающий. Я — диакон.

Саттль.

Так вот вы кто? Скажите, вас послал
 Не господин ли Хольсом, ваш наставник?

Ананий.

Он самый, Трибюлейшен Хольсом, наш
 Священник.

Саттль.

Что ж, я жду как раз прибытья
 Случайного сиротского добра.

Ананий.

Какого рода вещи будут, сударь?

САТТЛЬ.

Медь, олово, — кастрюли, таганы, —
Металл, необходимый нам в работе.
Кой-что я мог бы братьям уступить
За деньги.

АНАНИЙ.

А усердны ль были в вере
Родители сирот?

САТТЛЬ

Что за вопрос.

АНАНИЙ

В подобном случае оценка будет
Взаправду соответствовать цене:
Дадим, что стоят вещи.

САТТЛЬ.

А в противном?

Не будь родители их образцом
Усердья в вере, вы б их обобрали?
— Вам, вижу, доверять нельзя. — Пока
Не потолкую с пастором об этом,
Отложим куплю. — Деньги принесли
На новый уголь?

АНАНИЙ.

Нет.

САТТЛЬ.

Нет? Отчего же?

АНАНИЙ.

Мне братья приказали передать,

Что прежде чем воочью не увидят
 Метаморфозы, больше на авось
 Давать не станут денег.

САТТЛЬ.

Как же это?

АНАНИЙ.

Да так, что вы успели перебрать
 За этот срок на уголь, инструменты,
 На горны и на разное стекло
 За тридцать фунтов, и за девяносто
 На матерьялы; — а меж тем слышать,
 Что некто в Гейдельберге с той же целью
 Довольствуется парюю яиц
 И горстью металлических опилок.

САТТЛЬ.

Вас звать? —

АНАНИЙ.

Ананий.

САТТЛЬ.

Моментально вон!
 Позорище апостолов! — Немедля!
 Какая мерзость! Только и нашлось
 В святейшей консистории из прозвищ
 Что гнусное «Ананий»? Или нет
 Других имен, звучащих попристойней?
 Зовите ваших старост! Пусть спешат,
 Чтоб искупить несчастное посольство.
 Пускай загладят вас, — пускай дадут

Мне удовлетворенье. Иль дождутся,
 Что все предаю огню. Тогда прощай
 И перегонный куб и печь и колбы
 И весь их *riger* *Henricus*; прощай
 И серикон и буфо, и надежды
 Искоренить епископов со всей
 Иерархией антихриста! Скажите,
 Что если через шестьдесят минут
 Не явится, — земля, вода и сера
 Сольются вновь, и в хаосе стихий
 Все будет уничтожено, проклятый
 Ананий!

А н а н и й уходит.

Это их пригонит в миг,
 И без раздумья бросит в наши сети.
 С таким народом надо поступать,
 Как поступают мамки, чувством страха
 Будущие в младенцах аппетит.

Входит Фэйс в своей военной форме в сопровождении
 Дрэггера.

Фэйс.

Он — с духами, но мы его прервем.

Саттль

Вам что? — Что за воинственная внешность.
 Каких Баярдов вижу.

Фэйс, Дрэггеру.

Говорил,

Что он рассердится! — Сэр, это Абель.
 Он вам принес монету показать
 Другого образца. — Необходимо
 Его задобрить. —

САТТЛЮ.

Вы хотели, сэр,
Придумать — что бишь, Нэб?

ДРЕГГЕ

Дать указанья

Для вывесок, — девиз.

ФЭЙС.

Придумать знак.
Счастливым, доктор; знак преуспеянья. —

САТТЛЬ.

Сейчас об этом думал.

ФЭЙС, САТТЛЮ.

Чорт! К чему

Сказали это вы? Он пожалеет,
Что снова дал вам. —

Громко.

Это вы на счет
Весов, — насчет его созвездья, доктор?

САТТЛЬ.

Нет, этот род девизов устарел
И стал безвкусен: человек, рожденный
Под знаком тавра, получает в герб
Быка; — изображение барана —
Явившийся под этим знаком. — Нет!
Я б выбрал именную анаграмму
Из образов, чьи корни и лучи,
Бросаясь с вывески в глаза прохожим,
Рождали б в них с согласия тайных сил

Желанья, не лишены последствий
Для собственника лавки. — Например —

Фэйс.

Нэб! — Слушай.

Саттль.

Он на темном поле белым
Выводит А, что даст нам А — белъ; он
Изображает егеря в середине,
Начальной в этом слове — буквы «Д»
С собакою рычащей Рр, — что вместе
Составит Д-реггер, Абель Дреггер. — Вот
Его девиз. Как видите, в нем тайны
И темноты достаточно.

Фэйс.

Ура!

Позволь тебя поздравить, Нэб.

Дреггер.

Спасибо!

Саттлю.

Жму вашу руку.

Фэйс.

Будь их у тебя
Шесть пар, их было б мало для пожатья.

Саттлю.

Он вам принес для трубки табаку.

Дреггер.

Да, сэр. — И попрошу кой в чем совета.

Фэйс.

Выкладывай!

Дрэггер.

Сэр, дверь об дверь со мной
Живет вдова. Юна и — с состояньем.

Фэйс.

Ну что ж, отлично. Вопа гоба, Нэб?

Дрэггер.

Кажись, лет девятнадцати, не больше.

Фэйс.

Отлично, Абель.

Дрэггер.

Все бы хорошо,
— За модой не поспела. — Правда, капор
Идет к прическе.

Фэйс.

Это ничего.

Дрэггер.

По временам я ей даю румяна.—

Фэйс.

Как? Ты торгуешь ими, Нэб?

Саттль.

Ага!

Я говорил вам, капитан?

Бен Джонсон

ДРЭГГЕР.

— Снабжаю

Лекарствами, и пользуюсь за то
Доверьем без границ. Она в столицу
Явилась с целью изучения мод.

ФЭЙС.

Отлично — (и замужества!) Что ж дальше?

ДРЭГГЕР.

Ей хочется узнать судьбу.

ФЭЙС.

Ну что ж,

Шли к доктору ее.

ДРЭГГЕР.

Я говорил ей

Про их особу. Но ее берет
Боязнь, что дело предадут огласке,
И повредят ей в браке.

ФЭЙС.

Повредят?

Да что ты, Нэб! Ведь это лучший способ
Поправить брак, когда он поврежден,
И сделать связь искомой и желанной.
Ты должен это ей сказать. Она
Известней будет, став предметом толков.
А надо знать, что вдовам грош цена,
Пока у них нет подлежащей славы.
В количестве поклонников их честь.
Пришли ее сюда. — Быть может это —
Твоя звезда. — Никто не может знать.

ДРЭГГЕР.

Нет, сэр, она вовек не выйдет замуж
За мещанина: братец дал зарок.

Фэйс.

Тебе не стыдно, Нэб? Мой бедный мальчик,
Ты чужд надежды? — Несмотря на то,
Что доктор предсказал тебе? В противность
Тому, что столько лондонских купцов
Возведено в дворянство? — Есть колдунья. —
Мы ей пошлем стакан твоей мочи,
И — будешь обеспечен тем же званьем.
А сам-то братец, что же, дворянин?

ДРЭГГЕР.

Нет. Путь к его земельному владенью,
За свежестью следов, еще горяч,
Как и двадцатилетний нрав владельца.
Он смотрит за сестрой. Его доход
Равняется трем тысячам годичных. —
Он прибыл в Лондон изучать дуэль
И показаться в свете; вслед за чем он
В деревне думает дожить свой век.

Фэйс.

Как? Изучать дуэль?

ДРЭГГЕР.

Так точно, сударь.
Верней, — науку поводов для ссор,
Как это в моде у повес, а так же
И фехтованье.

Фэйс.

Что ты говоришь!

Тогда ведь доктор для него — находка!
 Во всем христьянском мире вряд ли есть
 Еще другой такой. Ведь он составил
 Таблицу всяких поводов для ссор
 На сплошь математических основах.
 Ведь он ему искусство передаст
 Как ссориться. — Беги скорей за ними!
 Веди обоих, брата и сестру.
 Что до тебя, то можешь положитьсь
 На доктора. Он убедит вдову
 Логически. Достань для предпосылок
 Их милости китайки на халат.
 А там, — ступай!

САТТЛЬ.

О, капитан, оставьте!

ФЭЙС.

Он вам достанет. Говорю вам, он
 Честнейший парень, доктор. — Нэб, не мешкай
 Слова излишни. Захвати кусок
 И забирай обоих.

ДРЭГГЕР.

Постараюсь,

Что в силах —

ФЭЙС.

И, — что в доброй воле, Нэб.

САТТЛЬ.

Прекраснейший табак. Почем осьмушка?

ФЭЙС.

Он фунт пришлет вам, доктор.

САТТЛЬ.

Нет, к чему ж.

Фэйс.

Пришлет, сказал. Он — малый с сердцем. — Абель.
За дело. — Результат — поздней. — Ступай.

Абель Дрэггер уходит.

Фэйс.

Вот жалкий олух! — Жив едным сыром
И мучится глистами. Он и шел
За глистогонным к вам, как мне дорогой
Сознался.

САТТЛЬ.

Что ж, есть средство и от них.

Фэйс.

Ах, женщина ведь, женщина милейший,
Ждет одного из нас! Мы бросим кость.
Кто проиграл, тот возместит убыток
На движимом — недвижимым: возьмет
Тем больше, чем другому боле дастся.

САТТЛЬ.

Тем меньше может быть, коль дастся так,
Что всякий вес утратит легкость дачи.

Фэйс.

А то окажется так тяжела
Обуза, — что забросишь мысль об узах
С недвижимым в придачу.

САТТЛЬ.

Но сперва
Нам надо посмотреть ее, а после
Обсудимте.

ФЭЙС

Согласен. Только Доль
Ни-ни об этом, — слышите?

САТТЛЬ.

Ни слова.
Но вам пора на ловлю Серли.

ФЭЙС.

Да.
Не дай бог упушу.

САТТЛЬ.

Боюсь того же.
Уходит.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СЦЕНА I

Улочка перед домом Лавуита.

Входят Тр и б ю л э й ш е н Х о у л ь с о м и А н а н и й.
Прогуливаются перед входом.

Тр и б ю л э й ш е н.

Такие издевательства святым
Не в диво. Нам, как праведникам, надо
Сносить их тем безропотней, что их
Ниспосылает небо нам для пробы
Устойчивости нашей.

А н а н и й.

При всем том
Мой долг, — чистосердечно вам сознаться:
Не по душе мне этот человек.
Язычник. — Говорит по ханаански.

Тр и б ю л э й ш е н.

Да, кажется, он правда нечестив.

А н а н и й.

На лбу его есть явственные знаки
Животности. Боюсь, что дело тьмы
И этот камень. — Слепнут же ведь люди
От философии.

Т Р И Б Ю Л Э Й Ш Е Н.

Мой брат, в делах
Богоугодных средств не разбирают, —
Вели бы к цели.

А Н А Н И Й.

К цели-то его
И не ведут. — В делах угодных богу
И божеские надобны пути.

Т Р И Б Ю Л Э Й Ш Е Н.

Далеко не всегда так. Души надших
Являются орудьями подчас
Великих дел, и часто—величайших.
К тому ж кой в чем приходится простить
Природе человека, во внимашье
К тому, среди чего она живет.
Огонь и чад металлов отравляют
Усталый мозг и делают его
Особо склонным к ярости и страсти.
К примеру, где найти еще таких
Безбожников, как между поварами?
Где больших нечестивцев, чем среди
Плавильщиков стекла? Где столько желчных
Служителей антихриста, как между
Литейщиков колоколов? — Скажите,
Что делает чертовским чорта? Что,
Хотел бы я спросить вас, превращает
Врага людского рода в сатану,
Когда не эта вечность пребывания
Близ пламени, среди газов мышьяка
И серы? — Чтоб уметь судить поступки,
Нам надо раньше знать состав мокрот,

Основу всех расположений духа.
 Легко ведь может статься, что к концу
 Его трудов, по исполнении камня,
 Занальчивость уступит место в нем
 Такой же пылкой вере, и заставит
 Подняться против блудных римских рас
 За свет и правду нашего ученья. —
 Походимте еще. В ту пору он
 И сложит гнев на милость. — Было грубой
 Ошибкой с вашей стороны, корить
 Посланьем Гейдельберга. Взвесьте,
 Как важно нам скорее снять запрет
 С умолкнувших святых. А разрешенье
 Даст только философский камень. Мне
 Частенько говорил один шотландский
 Единоверец: если для властей
 И существует средство излеченья,
 То это только золотой отвар:
 Он должен им даваться ежедневно.

А н а н и й.

С тех пор как просветился светом правды,
 Полезнейших не слышал назиданий.
 Да — ревность не по разуму была.

Т р и в ю л э й ш е н.

Теперь войдем.

А н а н и й.

Движенья наши чисты
 И побужденья — правственны. — Сперва
 Я постучусь.

Стучится.

Мир дому и домашним.
Дверь отворяется, они входят.

СЦЕНА II

Комната в доме Лавуита. Входит Саттль
в сопровождении Трибюлэйшена и Анания.

САТТЛЬ.

А, вы явились? — Время! — Шестьдесят
Минут уж истекали. Ваши колбы
Fungus ascediæ, реторты, тигеля,
На волоске висели. Я готов был
Их в пепел обратить. — Ананий, ты?!
Вернулся таки? — Ну, тогда им крышка!

Трибюлэйшен.

Сэр, не волнуйтесь даром! Он пришел
Унизиться. Он просит снисхожденья,
Коль скоро в лишнем рвении он зашел
За должные границы.

САТТЛЬ.

Вот как? — Это
Меняет дело.

Трибюлэйшен.

Братья далеки
От мысли причинять вам огорченья.
Наоборот они охотно вам
Пойдут во всем навстречу.

САТТЛЬ.

Это очень
Меняет дело.

Т Р И Б Ю Л Э Й Ш Е Н .

Что же до вещей
Сирот, то дайте опись и оценку
Пользнейшего. — Этот кошелек
По воле братства поступает в ваше
Распоряженье.

С А Т Т Л Ъ .

Это в существе
Меняет дело. Так и полагалось.
Рад, что сообразили наконец.
Иль зря я с вами обсуждал всю пользу
Что будет вам от камня? Даром что ль,
Не говоря уж о наемном флоте,
Который бы из Индии повез
На родину голландцев, ваших братьев —
Твердил я вам про то, что при одном
Леченьи этим камнем можно будет
Создать для братства партию в стране.
Положим, например, лицо с влияньем
И весом в государственных делах
Лежит в подагре. Вы больному шлете
Три капли эликсира. Он встает,
А вами — приобретен друг. Допустим,
Другой в водянке иль в параличе.
Он принимает маленькую дозу
Нетленного состава, и, — гляди,
Он юн, как встарь, а вами приобретен
Приятель. Или вот еще пример.
У леди, телом выбывшей из строю,
Душа свежа и жаждет дела. Ей
Не помогли усилья живописцев,
Вы — к ней. Ее увядшее лицо

Восстанавливает тальковое масло,
 А вамп приобретен друг, и с ним
 Толпа других друзей. Вот лорд ревматик.
 Вот — дворянин с сифоном, или сквайр
 Больной тем и другим. Вы к ним спешите,
 Втираете, что надо, — и у вас
 Число друзей растет.

Т р и н ь ю л э й ш е н.

Вполне понятно.

С а т т л ь.

Теперь представьте, вы б взялись судье
 К дню пасхи превратить его посуду
 Из цинковой в серебряную. Как
 Вы б выросли к концу страстной седмицы!

А н а н и й.

— Недели, сэр, — пожалуйста.

С а т т л ь, А н а н и ю, возмущенно.

Опять!

А н а н и й.

Не буду больше.

С а т т л ь.

Иль позолоту,
 В литое золото. — Куда ни плюньте
 Друзья повсюду вырастают. — Шутка ль?
 Быть в силе снарядить в любой момент
 Такое войско! Все его владенья
 У короля французского скупить;

И Индию у королей испанских.
 Что будет невозможного для вас
 В борьбе с духовной или светской властью?

Т р и б у л э й ш е н.

Вполне понятно. — Сами ведь тогда
 Князьями мира станем.

С а т т л ь.

Чем угодно!

Вы сможете и спевки прекратить
 И отдохнуть от этих упражнень
 В растягиваньи гласных. — Спору нет,
 Кто не любим в стране по расхождению
 В религии, тот должен прибегать
 К особенным погудкам для сзыванья
 Родного стада. Надобно признать,
 Что пенье сильно действует на женщин
 И на людей без воли. Вам оно
 За колокол.

А п а н и й.

Колокола — безбожны,
 Псалмы — ж от бога.

С а т т л ь.

Чем вас остеречь?

Как об стену! Ведь и терпенье лопнет.
 Клянусь, я в исполнение приведу
 Свою угрозу. Это хуже пытки!

Т р и б ю л э й ш е н.

Прошу вас, сэръ, —

САТТЛЬ.

Ведь сказано ему! —

Всему капут!

Т Р И В Ю Л Э Й Ш Е Н.

Позвольте заступиться.

Не взыскивайте! — Этот человек
Уж кается. На будущее время
Он никогда себе не разрешит
Хорала, не одобренного вами.
К тому ж к поре, как нас возвысит ваш
Чудесный камень, пенье станет лишним.

САТТЛЬ.

Не только пенье. — Отпадает нужда
И в той святой личине, под которой
Идет вербовка вдов и отписных,
И жен, в порыве набожного чувства
Готовых на грабеж своих мужей
Для блага ближних. Надобность исчезнет
При расторженьи однодневных уз
Тревожить догмат predetermined.
Не надо будет больше по постам
Ночами есть скоромное, чтоб с солнцем
Являть пример для братьев и сестер,
Как благотворно умерщвление плоти.
Вам не придется больше, словно кость
Бросать толпам зевак на обсужденье
Вопросы: что приличней для христиан
Охота с соколами или травля,
Носить ли протестанткам парики,
И нет ли тайного греха в крахмале.

А П А Ц И Й.

В крахмале? Есть! Немалый!

Т Р И Б Ю Л Э Й Ш Е Н .

Сэр, прошу,
Не обращайтесь на него вниманья.
Дух ревности, я требую, чтоб ты
Умолк и подчинился! — Продолжайте.

С А Т Т Л Ъ .

Уже не будет смысла сочинять
Пасквили на прелатов, в вечном страхе,
Что вам отрежут уши, и лишат
Способности внимать церковной службе.
Падет необходимость поносить
Комедию, в угоду ольдермену,
Кормящему вас каждый божий день
Бисквитами. Не нужно будет больше
В притворном гневе лгать до хрипоты; —
Искусства эти можно будет бросить,
Равно как и обычай называгься
Такими именами, как: Гоцсень,
Долготерпенье, Воздержанье, Скорбь,
Придуманными сообща, в тщеславном
Расчете на пленяющийся слух
Сочувствующих.

Т Р И Б Ю Л Э Й Ш Е Н .

Ваша правда, сударь.
Такой прием в ходу у нас, ввиду
Распространенья истины. Быть может,
Мы именно благодаря ему
Достигли в скорый срок таких успехов.

С А Т Т Л Ъ .

Пускай. Но против камня мудрецов

Все — это сущий вздор. Ведь в нем таится
 Природа дивных ангельских искусств,
 Божественная мощь которых льется
 С востока на закат, сквозь облака. —
 Предания его идут от духов,
 Не от людей.

Ананий.

В них все — сплошной обман.
 Не выношу преданий.

Трибюлэйшен.

Замолчите!

Ананий.

От пап пошли, — я не могу молчать,
 Я не хочу —

Трибюлэйшен.

Ананий!

Ананий.

Не желаю —
 Чтоб нечестивец поносил святых!
 Не в силах слышать —

Саттль.

Как-нибудь осилишь.

Трибюлэйшен.

Он одержим избытком рвения. — Он —
 Портной, с достаточным запасом знаний,
 Которые он свыше получил
 Через откровенье.

САТТЛЬ.

Получил ли он
 Достаточную сумму для покупки
 Сиротского имущества? Меня
 Назначили опекуном. Долг чести
 Велит мне сделать для моих сирот
 Все, что возможно,— но и без ущерба
 Для интересов братства. В кладовой
 Найдете вещи. Приценитесь, взвесьте.
 По составленьи их инвентаря
 И счета, не останется препятствий
 К метаморфозе. В этом нет труда.
 Осталось лишь облить их эликсиром
 И все, что — цинк тут, станет серебром
 И золотом все то, что было медью.
 За все ручаюсь.

Т Р И Б Ю Л Э Й Ш Е Н.

Сэр, а долго ль ждать
 Святому братству этого?

САТТЛЬ.

Постойте.

В каком соотношении мы с луной?
 Я разумею фазу.— Дней чрез восемь,
 Чрез девять, счетом с нынешнего дня
 Мы будем в жидком серебре. За этим
 Дня три пройдет, пока лицо луны
 Зальет лимоном.— Эдак дней в пятнадцать
 Закончим верно.

А Н А Н И Й.

Ко второму дню
 Второй недели, на девятый месяц?

САТТЛЬ.

Да, душенька Ананий.

Т Р И Б Ю Л Э Й Ш Е Н.

А во что

Вы цените добро их?

САТТЛЬ

Марок во сто.

По крайней мере, то, что в трех возах.
Они дадут вам шесть миллионов чистых.
Но я нуждаюсь в новом угле.

Т Р И Б Ю Л Э Й Ш Е Н.

Как?

САТТЛЬ.

В загрузке тонки, — новой и — последней.
Нам надо будет пламя довести
До ignis ardens точки, превзошедши
Fimus equinus, balnei, cineris,
Не говоря о множестве слабейших
Разрядов теплоты. Когда святой
Казне пока еще такая ссуда
Не по карману, у меня для вас
Есть выход. Я немедленно расплавлю
Весь вами закупаемый свинец,
И с примесью особенной тинктуры
Налью голландских долларов, ничем
Не хуже тех, что ходят в Нидерландах.

Т Р И Б Ю Л Э Й Ш Е Н.

Вы в состоянии?

САТТЛЬ.

Да. И я готов
Отдать их на тройное испытанье.

АНАНИЙ.

Для братства будет счастьем эта весть.

САТТЛЬ.

Но это — тайна.

ТРИБЮЛЭЙШЕН.

Как же! Но — позвольте, —
Как акт, законен ли такой чекан?

АНАНИЙ.

Законен? Мы не признаем закона.
А если б даже — это ведь чекан
Чужой страны.

САТТЛЬ.

И не чекан — отливка.

ТРИБЮЛЭЙШЕН.

Вы правы. Это надо различать.
Отливка денег может быть законна.

АНАНИЙ.

Вполне.

ТРИБЮЛЭЙШЕН.

И точно. Так сужу и я.

САТТЛЬ.

Не бойтесь, сударь, положась на опыт

Ананиевой совести. Ему
Такое не впервой.

Т р и б ю л э й ш е н.

Спрошу на это
Согласья братства.

А н а н и й.

Братья подтвердят
Законность акта, это вне сомнений.
Где будет это сделано?

С а т т л ь.

Про то

Стук за сценой

Позднее потолкуем. Там стучатся.
Пройдите внутрь. Вот перечень вещей.
Пройдитесь, присмотритесь. Я приду к вам.

А н а н и й и Т р и б ю л э й ш е н уходят.

Кто это?—Фэйс! Войдите.

Входит Фэйс в военной форме.

Как дела?

С добычей?

Фэйс.

Чирьев вам! — надул, мошенник!
Шут не пришел.

С а т т л ь.

Да что вы?

Фэйс.

То, что я
Разгуливал там вплоть до сей минуты,
И хоть бы что!

Саттль.

Так значит он изъят
Из наших планов?

Фэйс.

Он-то?— Чтобы дьявол
Изъял его как я! Но, чорт возьми,
По вашему я мельничная кляча,
Чтоб выбиваться круглый день из сил
На розысках мерзавца, что задаром
Не дастся?— Я ведь знаю эту дрянь.

Саттль.

А жалко. Было б образцом искусства
Провести его.

Фэйс.

Да шут с ним, старина!
Есть поважнее новость, сотоварищ
По заведению. Слушай и дивись.
Один испанец, некий дон, вельможа,
Несется к нам на полных парусах
Во всеоружьи сотенных пистолей,
В шестизарядных брюках, чей тоннаж
Поспорит с Нидерландскими судами,
С похвальной целью (для отвода глаз)
Принять твою крепительную ванну,—
На деле же, чтоб бомбардировать

Наш Дувр, твердыню нашу, нашу крепость,
 Наш форт,— короче: Долли. Где она?
 Ей на себя придется взять заботу
 О ванне, о духах и о белье,
 Об ужине и личном остроумьи,
 Затем, что ей не в шутку предстоит
 Донить испанца. Где девченка?

САТТЛЬ.

Вышла.

Я позову. Да к стати сброшу с плеч
 И этих Янов Лейденских. Как выйдут,
 Приду и сам.

ФЭЙС.

Они еще у нас?

САТТЛЬ.

Ну да.— Сверяют.

ФЭЙС.

Много ль взял?

САТТЛЬ.

Сто марок.

Уходит.

ФЭЙС.

Вот это так уж подлинно, денек!
 Маммон дал десять фунтов. Три — от клерка.
 Табачник — портегью. И эти сто
 От братства.— Не считая сумм, что будут
 С испанца и вдовы. Сегодня б я
 Не продал пая и за сорок фунтов.

Входит Долль Коммон.

Долль Коммон.

Чего бы?

Фэйс.

Фунтов, Долли, жизнь моя.
Уж ты поспела?

Долль Коммон.

Да, военачальник.
Что слышно в поле?

Фэйс.

Малое число
Солдат, могучих выправкой, схватившись
Со всеми в мире, все еще стоят
В глуби траншей, смеясь и распухая
При мысли о добыче, что ни день
Захватываемой их пластунами.
В сей самый час взят в плен отважный дон
Для нашей Долль. Сама назначишь выкуп.
Он будет привезен уже в цепях
Твоих очей, их от роду не видел,
И брошен как в темницу в пуховик,
В котором ты без сна его продержишь
Своей трещеткой, Долли, да, своей
Трещеткою. — Своей трещеткой, крошка.
Пока не присмирееет, как дрозды
Холодную порою, или пчелы
От грохота тазов. На простыне
Из кэмбрика, под тканым одеялом
Ты отроишь его, как пчеловод,
Пока давать не станет меду с воском,
Дитя мос.

До́лль Коммон.

Да кто он?

Фэйс.

Это — гранд.

Адалянтадо, детка. — Дэппер не был?

До́лль Коммон.

Не заходил.

Фэйс.

А Дрэггер?

До́лль Коммон.

Тоже нет.

Фэйс.

А ну им чирьев! Стоило вязаться
С подобным сбродом. И в такие дни.

Входит Саттль.

Ну как дела? Спроведили?

Саттль.

Спровадил.

Вот деньги, Фэйс. Теперь бы хорошо
Еще таких охотников до хламу,
Чтоб сбить его вторично.

Фэйс.

Есть! Нашел!

Все это купит Нэб, к поре женитьбы
Обзаводясь хозяйством.

САТТЛЬ.

Это мысль.

Дай только бог, чтоб он пришёл.

Фэйс.

Напротив!

И без него есть дело.

САТТЛЬ.

Но скажи,

Как ты попал на этого испанца?

Фэйс.

Какой-то дух записку мне вручил,
 Как раз, когда я ставил сети Серли.
 Шпионов у меня везде, что мух.
 Саттль, знаете, я создал вашим ваннам
 Большую славу. — Долли, жизнь моя,
 Займись теперь настройкой виржинала.
 Не трать ни мига. Действуй не за страх.
 Будь беспощадна. Чтобы поцелуи,
 Как устрицы щемили! Щебечи
 Что в голову взбредет: его испанство
 Но нашему ни в дудку ни в гудок.
 Тем легче обмотать его вокруг пальца.
 Я отрядил к нему в проводники
 Знакомого возниду. Он приедет
 В глухой карете. Больше ни души.

Стук за сценой.

Кто там?

Долль уходит.

САТТЛЬ.

Не он ли?

Фэйс.

Нет, еще не время.

Входит Долль.

САТТЛЬ.

Ну кто?

Долль Коммон.

Клерк Дэппер.

Фэйс.

Ну, царица фей,

Принарядитесь.

Долль уходит.

Доктор, ваше платье.

Отпустим поскорей его.

САТТЛЬ.

Боюсь,

Затянется.

Фэйс.

Ручаюсь вам в противном.

Лишь выдержите данную вам роль.

Подходит к окну.

Вот черт! — Он не один. Кажись и Абель.
Да кажется и юный скандалист,
Наследник этот, бредящий дуэлью.

САТТЛЬ.

И юная вдова?

Фэ й

Нет. Не видать.

Отходит от окна, Саттлю.

Идут.

Саттль уходит. Входит Дэппер.

Добро пожаловать! А доктор
 Сейчас для вас старается как раз.
 Но что труда мне стоило, милейший,
 Склонить его! — Он убежден, что вам
 Особо повезет в костях. Ни разу
 Не помнит он, чтоб сохла так по ком
 Ее высочество. А отзыв тети
 О вас исполнен самых лестных слов,
 Какне существуют.

Дэппер.

Я увижу

Ее высочество?

Фэ й с.

Ее? — Ну да.

И поцелуетесь. —

Входит Абель Дреггер в сопровождении Кэстриля

А, Нэб! — Пожалуй.

С китайкою?

Дреггер.

Нет. Это, сэра, — табак.

Фэ й с.

Хвалю. Но ты ведь не забудешь, Абель,
 Насчет халата?

ДРЕГГЕР.

Нет. — Вот, капитан,
Тот самый мистер Кэстриль, о котором
Шла речь. Я к доктору его привел.

Фэйс.

А где вдова?

ДРЕГГЕР.

С соизвоенья братца,
Должна притти.

Фэйс.

Ах, так? — В час добрый, сэр.
Кэстриль вас звать?

КЭСТРИЛЬ.

Да, Кэстриль — лучшей ветви,
Из Кэстрилей, по счастью, рад сказать.
При полуторатысячном годичном.
Где доктор? — Мой табачник про него
Рассказывает, как о человеке,
С немалым смыслом. Правда ль он таков?

Фэйс.

В каких делах?

КЭСТРИЛЬ.

В делах дворянской чести.
Он их умеет вести по всем статьям
Обычаев дуэли?

Фэйс.

Знать недавно

Вы в городе, раз это, сэр, для вас
Еще вопрос.

Кэстриль.

Не так недавно, сударь,
И знаю ваших лондонских задир
Не наслыхом: я их встречал в курильнях
И у него. Я очень бы хотел
Быть, как они; — уметь курить и драться,
Чтоб, воротясь домой, практиковать
В своей деревне.

Фэйс.

Сэр, в дуэльном деле
Он до последних тонкостей во все
Вас посвятит. Он так же вам покажет
Свое изобретенье, инструмент,
При помощи которого возможно
Определить на цифрах, какова
Опасность или безопасность схватки
В какой хотите ссоре, как и то,
Направлена ль она прямолинейно
Или по кругу. Под тупым углом
Или под острым; — цепь соображений
Доказанных и точных. Он вам даст
Ряд способов, как принимать на веру
Обман и выдавать за правду ложь.

Кэстриль.

Что? — Принимать обман?

Фэйс.

Ну да. Двойко:
По кругу или под косым углом.

Но никогда не лгать диаметрально.
Разбором докторовых теорем
Весь город занят. Все их обсуждают
В обжорных академиях.

Кэстриль.

А он
Преподает, как жить своей смекалкой?

Фэйс.

Да, что угодно. От него нет тайн:
Насквозь их видит. — Он читает в мыслях,
Благодаря ему я — капитан.
До нашей встречи был я неуклюжим
Верзилой, — вроде вас, — тому назад
Два месяца, — и вот его метода.
Спервоначала он велит вам стать
Своим лицом в каком-нибудь трактире.

Кэстриль.

Простите я в трактиры не ходок.

Фэйс.

А что ж так?

Кэстриль.

Там играют и плутуют.

Фэйс.

А вы б хотели зваться удальцом,
И не играть?

Кэстриль.

Да. Разоренья страшно.

Фэйс.

Да полноте! Как раз наоборот:
 Когда б вы разорились, только б карты
 Могли помочь вам. Ну, а чем живут
 Все эти ветрогоны, что успели
 Спустить раз в шесть, побольше, чем у вас?

Кэстриль.

Три тысячи годичных?

Фэйс.

Сорок тысяч!

Кэстриль.

Есть и такие?

Фэйс.

Есть, конечно, сэр.

И — лучшие из драчунов. — К примеру

Указывает на Дэппера.

Вот джентльмен, родившийся ни с чем.
 (Нельзя ж считать деньгами сорок марок).
 Он будет посвящен в особый культ,
 И доктор даст ему такого духа,
 Что в две недели он обставит вас
 Благодаря особенной удаче
 На столько, сколько надо, чтоб купить
 Баронское поместье. — На сочельник
 Кому почет и лучшее из мест?
 Кого ждет кресло в каждую премьеру?
 За кем уход внимательней? Кому
 Крепчайшее Канарское, с бесплатной

Придачей двух стаканов? Чей прибор
 Опрятнее, чьи ножик с вилкой чище?
 Кому к послеобеденному сну
 За ширмою — постель с живым сюрпризом?
 Театры о поэте, а о нем
 Трактиры поведут войну друг с другом.
 Иной хозяин, обратясь при всех
 По имени к нему, назвать попросит
 Любимейшее блюдо, каковым
 Криветки в масле явятся, бесспорно.
 Угрюмейшие буки будут пить
 Его здоровье, как лица, всех прежде
 Заслуживающего стать царем
 Застольных здравид.

Кэстриль.

Сэр, вы не смеетесь?

Фэйс.

Да что вы в самом деле! Что за мысль!
 Вообразим военного в отставке.
 Перчаточник и шорник не рискнут
 Дать в долг такому больше, чем по паре
 Своих изделий. Предположим, он
 Заводит дело с доктором. Карьера
 Его — быстра. Он достигает средств,
 Достаточных, чтоб содержать подругу,
 Слугу и дом, на столь блестящий лад,
 Что все ему дивятся.

Кэстриль.

Доктор учит

И этому?

Ф э й с.

Я больше вам скажу.

В те дни, как вы лишитесь всех поместий,
 — (А надо знать вам, что владеть землей
 Не дело для блестящего повесы
 С талантами), — в вакации, когда
 Из денег только мелочь в обращении,
 Столовые ж закрыты до конца
 Каникул, доктор с пользою покажет
 Таковую перспективу вам: — в одном
 Ряду расположится галерея
 Всех, признанных столичною молвой
 Наследников, которых закладные
 Имеют у торговцев твердый курс.
 В другом ряду пойдут купцы и люди,
 Которые всем сделкам предпочли б
 Простые, без дробленья куртажа
 Участием ненужных маклеров.
 Посереди меж теми и другими
 Расположится улица. На ней
 Отметит доктор вам места, где сложен
 Товар, будь то овсяная мука,
 Табак, сыр, перец, хмель, вайда иль мыло,
 И ждет лишь перелачи, чтобы попасть
 В торговлю или вам в употребленье,
 Не обязуя вас ни перед кем.

К э с т р и л ь.

Действительно ль такой он молодчина?

Ф э й с.

Спросите Нэба вот. Он с ним знаком.
 А в присканьи подходящих партий

Для дев — наследниц и богатых вдов,
Он — первый человек. Для консультации
К нему съезжаются со всех концов
Британии, как и для выяснения
Судьбы.

Кэстриль.

Коль это так, то видит бог,—
Пришлю сестру.

Фэйс.

Представьте, что про Нэба
Сказал он. — Поразительная вещь! —
— Да, кстати Нэб, не кушай больше сыру.
От сыра — меланхолия, она ж
Родит глисту, но бросим речь об этом.
Так он сказал, что Нэб за весь свой век
Был только раз в трактире.

Дрэггер.

Это правда!

Ни разу больше.

Фэйс.

И что в этот раз
Он слоховал настолько, —

Дрэггер.

Он и это

Сказал вам?

Фэйс.

А откуда бы я знал?

ДРЭГГЕР.

И впрямь. В тот день была стрельба из лука.
На ужин был баран; а жирных блюд
Желудок у меня не переносит.

ФЭЙС.

А голова — хмельного. Да она
Была в тот день полна забот о лавке:
Он слуг при ней не держит. Ко всему
Прибавьте — скрипку.

ДРЭГГЕР.

Вот и разболелась.

Да как! —

ФЭЙС.

Пришлось отвезть его домой.
Но доктор говорит, что тут по счастью
Нашлась старушка добрая. —

ДРЭГГЕР.

Ах да!

Из Си-Коль-Лена, верно ведь. Старушка
Взялась помочь беде. И помогла
Стенной травой в горячем пиве. Это
Мне обошлось в два пенса. Как-то раз
Я заболел гораздо хуже чем-то.

ФЭЙС.

Не тот ли это раз, когда тебя
Поверг в тоску налог с водопровода?

ДРЭГГЕР.

Вот именно. Я так затосковал,
Как будто это мне в полжизни стало.

Фэйс.

С тех пор и лыс?

Дрэггер.

С тех пор. С досады.

Фэйс.

Так

И доктор мне сказал.

Кэстриль.

Табачник, вот что.

Ступай-ка за моей сестрой. — Я сам
Пошел бы, да хочу взглянуть на диво
Учености.

Фэйс.

Сейчас он занят, сэр.

Но если вам самим не слишком трудно,
То сбегайте, а доктор той порой
Управится.

Кэстриль.

Иду.

Уходит.

Фэйс.

Китайку, Дрэггер!

Она твоя!

Уходит Абель. В сторону.

Но чья она — мол,
Иль Саттлева, решать придется дракой.

Обращается к Дэпперу.

Вот, Дэппер, полюбуйтесь, как гоню
Клиентов вашей, чтобы ваше дело
Шло без задержек. Совершили ль вы
Предписанную процедуру?

Д Э П П Е Р.

Как же!

С сорочкою и с уксусом? — Виолне.

Ф э й с.

Отлично, сэр. Изобразить не в силах,
Какая честь достаться может вам
В такой сорочке. Ваша тетка чахнет
По вас, напрасно силясь это скрыть
От посторонних глаз. — Вы не забыли
Прислужников?

Д Э П П Е Р.

Нет, не забыл. Вот тут
Сто двадцать шиллингов в Эдвардах.

Ф э й с.

Ладно.

Д Э П П Е Р.

Вот старый соверн Генри.

Ф э й с.

Хорошо.

Д Э П П Е Р.

Три — в Яковах и грот Елизаветы
Всех — двадцать ноблей.

Фэйс.

О, напрасно вы
Так точны, сударь. Лишний нобль в Мариях
Едва ли помешал бы.

Дэппер.

У меня
Есть кое-что в Мариях и Филиппах.

Фэйс.

Нет лучше этих денег. Где они?
Но тише, это доктор.

Входит Саттль, одетый в наряд жреца Фен с куском полотна в руке.

САТТЛЬ, изменив голос.

Что, племянник
Их светлости не приходил?

Фэйс.

Пришел.

САТТЛЬ.

Постился?

Фэйс.

Да.

САТТЛЬ.

А «хм» кричал?

Фэйс, Дэпперу

Вам надо

Ответить «трижды».

ДЭППЕР.

Трижды.

САТТЛЬ.

«Бзз» кричал?

Фэйс, Дэпперу

Удостоверьте.

ДЭППЕР.

Да.

САТТЛЬ.

Тогда, в надежде,
Что уксус впитан до мозга костей,
Шлет в дар племяннику царица Фей
Передник счастья. Пусть его оценит
И в знак вниманья тотчас же наденет.
Хоть нет завидней этого удела,
Да раз своя рубашка ближе к телу,
То вот для счастья пушного в залог
И собственной ее сорочки клоч.

Они завязывают ему глаза.

Пусть носит в качестве глазной повязки
И примет в память той давнишней ласки
К родившемуся мальчику, с какой
В те дни был спорот Фейной рукой.
Чтоб убедиться в нем, царица просит,
Чтоб тотчас бросил на пол все, что носит
Из ценностей и денег при себе
И предоставил эту честь судьбе.

Фэйс.

Пусть в нем не сомневаются. Нет вещи,
С которою расстаться он не рад

По требованью феи. Бросьте, сударь
Ваш кошелек, — раз это признают
Необходимым. Бросьте носовые
Платки, — бросайте все. —

Он бросает это все на пол.

Не может быть,

Чтоб фея приказала, и не сделал. —
Снимите кольца, если есть. Браслет
С серебрянной печаткою. Царица
Пришлет к вам фей. Они обещут вас.
Поэтому — без всяких изворотов.
Если откроют, что хотите спрятать
Хоть грош, то вы пропали.

Д Э П П Е Р.

Верьте слову,

Тут — все.

Ф э й с.

Что все?

Д Э П П Е Р.

Все деньги.

Ф э й с.

Бросьте все,

Что стоящего есть при вас.

Тихонько С а т т л ю.

Пусть Долли

Начнет играть.

За сценой Д о л л ь К о м м о н играет на цитре.

Ну вот! Я так и знал,

Вот эльфы и явились. Вас зашиплют,
Если солгали! — Ставлю вам на вид.

Фэйс.

Ти-ти «Мы знали», говорят.

Саттль.

Ти-ти-ти-ти. Вы слышите. «Еще есть».

Фэйс.

Ти-ти. «В другом кармане». Ти-ти-ти.

Саттль.

Ти-ти-ти-ти-ти-ти. «Щипать придется
Покамест не сознался», говорят.

Дэппер.

О, о!

Фэйс.

Постойте! Это ведь — племянник
Их светлости! Ти-ти. «А почему
Не сознается?» — Правда, сэр, — сознайтесь.
Так не годится. Пристыдите фей
И докажите им свою невинность.

Щиплют его.

Дэппер.

Я светом вам клянусь, что отдал все!

Саттль.

Ти-ти-ти-ти. — «Двусмысленная клятва»

Гласит ответ — «повязка на глазах,
— А клялся светом».

Д Э П П Е Р.

Тьмой готов поклясться,
Что у меня нет больше ничего,
Коль не считать полкроны на запястьи
От милой, и сердечка из свинца,
Что я ношу со дня ее измены.

Ф Э Й С.

Я так и знал. И из-за пустяков
Играть вниманьем тетки! Я бы отдал
На вашем месте сотню полукрон.
Отдайте же.

Принимает ее.

Сердечка нам не надо
Носите с богом.

Поспешно входит Долль.

Что случилось, Долль?

С А Т Т Л Ъ.

Что скажешь, Долль?

Д о л л ь К о м м о н.

Там дворянин Маммон ваш.

Ф Э Й С.

Тьфу чорт! Мы и забыли про него.
Да где он?

Д о л л ь К о м м о н,
За дверьми.

САТТЛЬ.

И как на зло вы
 Не наготове, Фэйс. Живее, Долль,
 — Ливрею Фэйсу.

Долль уходит.

Мне бы не хотелось
 Спроваживать его.

Фэйс.

Нет, нипочем!
 Но что теперь нам с этой дичью делать?
 Не с вертела снимать же.

САТТЛЬ.

До поры
 Отложим под каким-нибудь предлогом.

Входит Долль с одеждой Фэйса.

Измененным голосом.

Ти-ти. — Ее высочество со мной
 Желает говорить? — За мною, Долли.
 Сейчас иду!

Стук в дверь за сценой.

Фэйс через замочную скважину.

Кто там? Сэр Эпикур?
 Хозяин все копаются. Пройдитесь
 Разок другой пред домом. Как уйдет,
 Я весь к услугам вашим. — Долль, готовься!

САТТЛЬ.

Их светлость в данный миг принуждена
 Откланяться, милейший мистер Дэппер.

Д Э П П Е Р.

Я жажду лицезреть ее.

С А Т Т Л Ь.

Она

Сейчас изволит завтракать в постели,
И шлет вам, сэр, со своего стола
Мышонка и кусок имбирной булки
На счастье; как и с тем, чтоб подкрепить
Желудок ваш, ослабленный пощеньем.
Но если, сэр, у вас до встречи с ней
Достанет сил пребыть в посте, — велела
Она сказать, — то лучше потерпеть.
Для вас же лучше будет.

Ф э й с.

Он потерпит.

Я в нем уверен, сэр. Каких-нибудь
Два три часа! — Великое ли дело.
Он выдержит. Лишившись, будет жаль
Достигнутого.

С А Т Т Л Ь.

Сударь, он не должен
Ни на кого глядеть, ни заводить
Ни с кем бесед до этой встречи.

Ф э й с.

Лучше
Заткнемте рот ему. Оно верней.

С А Т Т Л Ь.

Но чем?

Фэйс.

Имбирной булкой. Срежьте кончик.
Кто в милости царицы Фей зашел
Так далеко, не станет препираться
О мелочах. — Откройте, сударь, рот
И доктор вам заткнет его.

Затыкают ему рот.

Саттль.

Куда же
Нам поместить его сейчас?

Доэль Коммон.

А в нужник.

Саттль.

Пожалуйте! Я покажу вам, сударь,
Нужнейшие обители Фортуны.

Фэйс.

Надушены ль они? Готова ванна?

Саттль.

Все, все готово. Разве что пары
Немного крепковаты.

Фэйс.

Через замочную скважину.

Через мгновенье
Всецело буду ваш, сэр, Эпикур.

Уходят с Дэппером.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I

Комната в доме Лавуита.

Входят Фэйс и Маммон.

Фэйс.

Сэр, вы явились в надлежащий срок.

Маммон.

Где сам?

Фэйс.

Готовится к метаморфозе.
Металл ваш будет вскоре перелит.

Маммон.

На золото?

Фэйс.

На золото; а также
На серебро.

Маммон.

Признаться, к серебру
Я равнодушен.

Фэйс.

Для раздачи нищим.

М А М М О Н.

Где — леди?

Ф э й с.

В двух шагах. Я столько ей
Наговорил про ваше милосердые,
Про благородство ваше! —

М А М М О Н.

Не шутя?

Ф э й с.

До шуток ли! Она близка к припадку
В желаньи видеть вас. В беседе с ней
Прошу вас, о божественном ни слова.
А то не впала б в свой обычный бред.

М А М М О Н.

Не беспокойся.

Ф э й с.

С ней тогда не сладить
Шести здоровым парням. А когда
Чего бы доброго о том проведаль
Хозяин, —

М А М М О Н

Будь покоен!

Ф э й с

Весь бы дом
Обрушился. Вы знаете ведь сами,
Как он болезненно стыдлив и строг
К малейшему греху. — Естествознание,

Искусство, математика, разврат,
 Как я уже вам сказывал, — вот темы
 Приятные для леди; — но и то
 Без словопрений.

М а м м о н.

Ладно. Не забуду.

Ф э й с.

Запомните, вам надобно хвалить
 Ее происхождение.

М а м м о н.

Постараюсь.

Ни старины знаток, ни гербовед
 Не смогут лучше.

Ф э й с, в сторону.

Вот уж точно, случай
 В самоновейшем вкусе: — увидеть
 В дворянках Долли Коммон.

М а м м о н.

Наконец-то!

Высоко взял, не оборвись, Маммон.
 Прелейся золотом речей над нею
 И бурей стольких золотых дождей,
 Сколь капель Зевс обрушил на Данаю!
 Тот бог — бедняк в сравнении с тобой.
 Все даст нам камень! Золото вдыхая,
 Она им пропитает зренья, слух
 И вкус и обонянье. Мы с ней будем
 Сожительствовать в золоте! — В моей

Беседе с нею, все теперь зависит
От мощи и от властности.

Входит Фэйс с Долль Коммон, богато одетой.

Она!

Фэйс, тихонько.

Ткни в рот ему скорее соску.

Громко.

Леди,

Вот дворянин, про коего я вам
Докладывал.

Маммон.

Прошу, мадам, позвольте
Поцеловать ваш шлейф.

Долль Коммон.

Сэр, я почла б

Невежливым такое позволение.
Вот я вам лучше губы протяну.

Маммон.

Ваш брат милорд здоров, надеюсь?

Долль Коммон.

Сударь,

Мой братец — лорд, действительно; но я —
Не леди.

Фэйс.

Ловко, шельма!

М А М М О Н.

Совершенно

Бесценная мадам! —

Фэйс, в сторону.

Кумир готов,

И идолопоклонник пойман.

М А М М О Н.

Леди,

Ведь званье — часть природных ваших прав.

Доэль Коммон.

Нет — ваша прирожденная учтивость.

М А М М О Н.

Сударыня, не будь передо мной
Иных свидетельств ваших редких качеств,
Одни ответы ваши говорят
О вашем воспитаньи и о крови.

Доэль Коммон.

Кичиться кровью вовсе уж не след
Мне, дочери несчастного барона.

М А М М О Н.

Несчастливого! Того, кто произвел
Вас, леди? Не кощунствуйте! Да если б
По этом акте ваш отец проспал
Остаток дней своих, такой заслуги
Одной довольно было б, чтоб почтить
Весь род его потомственным дворянством.

Долль Коммон.

Хотя про нас и можно, сэр, сказать,
Что мы без мишуры и позолоты,
Сопутствующих знатности, а все ж
Блюдем в сохранности отличие рода.

Маммон.

Я вижу доблесть, древний элемент
Нисколько не теряет от того, что
Не входят в сочетанье деньги с ней.
Заметен редкий аристократизм
В изгибе ваших губ. А подбородок!
В чертах лица, мне кажется, у вас
Есть сходство с кем-то из австрийских принцев.

Фэйс, в сторону.

Не трудно объяснить. Ее отец
Разносчик яблок.

Маммон.

Валуа имеют
Точь-в-точь такой же нос, а форма лба
Мне чем-то Медичей напоминает.

Долль Коммон.

Вполне возможно. Многие не раз
Указывали мне на это сходство.

Фэйс.

Готов поклясться, — даже я слышал.

Маммон.

В чем суть его и с кем из них, не знаю,
Но, может быть, в подборе лучших черт.

Фэйс, в сторону.

Я удалюсь, чтоб со смеху не лопнуть.

Фэйс уходит.

Маммон.

А может быть тут некая игра
Небесных искр, нездешних проявлений
Божественной красоты.

Долль Коммон.

Вы льстивы, сэр,
Как царедворец.

Маммон.

Дайте мне возможность —

Долль Коммон.

Я не шучу: не смейтесь надо мной!

Маммон.

Сгореть на медленном огне блаженства
И сладостней, чем феникс, умереть.

Долль Коммон.

Ну вот опять вы льстите, подрывая
Доверье к сказанному. Ваша лесть
Растет в размерах, ставя под сомненье
Чистосердечность прежних слов.

Маммон.

Клянусь —

Долль Коммон.

Нет, клятвы обладают тем же свойством.

МАММОН.

Природа не давала никому
Из смертных жен настолько безупречной
Наружности. Она была для них
Мачехою. Скажите мне по дружбе —

ДОЛЛЬ КОММОН.

По дружбе? — Сэр, прошу не умалять
Почтительного расстоянья.

МАММОН.

Леди,

Не понимайте худо. Я хотел
Спросить по дружбе, как проводит время
Очарованье ваше. Говорят,
Вы тут и обитаете? Хозяин
Отличный врач и редкий человек.
Однако, что для вас все это?

ДОЛЛЬ КОММОН.

Сударь,

Я тут живу и занимаюсь с ним
Исследованиями по перегонке
И математикою.

МАММОН.

Виноват!

Вы правы. Он — божественный наставник.
Он силой чар умеет извлекать
Из всякой вещи душу; наделяет
Простую печку всею бездной сил
И тайн живого солнца; указывает
Тупой природе, каково ее
Сокрытое могущество. — Ученый,

Которым император дорожит
 Поболее чем Келли, засылая,
 В усилнях сманить его к себе,
 Дарами и отличьями без счету.

Долль Коммон.

По части ж врачеванья —

Маммон.

Превзошел
 Асклепия, который Громовержцу
 Дал повод к зависти; — все это я
 Отлично знаю —

Долль Коммон.

Этим изученьем
 Природы, сэр, я и поглощена.

Маммон.

Прекрасное занятие; но едва ли
 Не низкое для столь высоких форм.
 Будь вы дурнушкой, сгорбленной годами,
 Иль грубого сложения, тогда
 Вам монастырь пристал бы. Но с такою
 Наружностью, которая б могла
 Составить честь державы, жить в затворе!
 Ведь это настоящий солецизм!
 Нет, быть тому нельзя. Я удивляюсь,
 Как терпит это брат ваш. На его
 Завидном месте, я бы вас заставил
 Прожить пол состоянья. Иль алмаз
 На пальце, здесь, не более у места,
 Чем в рудниках?

До л л ь Ко м м о н.

Да, правда.

Ма м м о н.

Вы, как он.

Вы были, леди, созданы для света.

Он ваш. Возьмите перстень, как залог

Правдивости. Он вас обяжет верой.

Снимает кольцо и передает ей.

До л л ь Ко м м о н.

Не цепью ль алмазковой?

Ма м м о н.

Да, ей.

Нет уз прочней. — Я вам открою также,

Что рядом с вами в этот самый миг

Стал человек, которому в Европе

Нет равного по счастью.

До л л ь Ко м м о н.

Значит, вы

Довольны всем?

Ма м м о н.

О нет; но скоро буду

Грозой держав и завистью князей.

До л л ь Ко м м о н.

Сэр Эшикур, неужто?

Ма м м о н.

Да. И вскоре,

Ты это испытаешь на себе,

Дочь славы! Бросив взгляд на эти формы,
Я их решил над всеми превознестъ.

Долль Коммон.

У вас нет задних мыслей?

Маммон.

Брось сомненье!

Я — обладатель камня мудрецов,
Ты — обладательница.

Долль Коммон.

Что я слышу!

Он есть у вас?

Маммон.

Я — мастер всех искусств.

Он добыт нынче для меня с тобою
Несчастливым стариком. Он в этот миг
Проделывает с камнем превращенья.
Вообрази, что хочешь; назови
Желанье, и не дождь, но ливни, реки,
Потопы, водопады золотых
Посыплются тебе на лоно.

Долль Коммон.

Сударь!

Вы, вижу, просто тешитесь игрой
На женской гордости.

Маммон.

Нет, мне б хотелось,

Чтоб гордость прочих женщины поняла,
Что этот угол в Фрайерском квартале
Не климат для нее, что ей нельзя

Тонуть в безвестности, что ей не дело
 Учиться с тем, чтоб после врачевать
 Жену судьбы в каком-нибудь Эссексе.
 Ей нужен воздух мраморных дворцов.
 На пищу ей годятся лишь изделия
 Ученой кухни: золотой настой
 На жемчуге, на амбре, на кораллах.
 Ей надо жить средь пиршеств и торжеств.
 Необходимо, чтоб о ней шептались
 «Кто это чудо?» — И глаза двора
 При встрече с нею обращались в пепел,
 Занявшись в зажигательном стекле
 Сокровищ двадцати земель в сияньи,
 Полученном со звезд. Чтоб бледнота
 Лицо царя мгновенно покрывала
 При имени ее. Чтоб и Нерон
 С Поппеею померкли в свете нашей
 Любви. Вот что поставил я себе
 За цель. Вот что нас ждет.

Долль Коммон.

Всем сердцем рада б.

Но как вы представляете себе
 Все это в государстве? Ведь властитель
 Немедленно прикажет задержать
 Вас, вместе с камнем, — правильно считая,
 Что эта роскошь вовсе не идет
 Для подданного.

Маммон.

Да, когда узнает.

Долль Коммон.

Но вы же сами хвастаетесь вслух!

М а м м о н.

Лишь перед тобой, дитя!

Д о л л ь К о м м о н.

Смотрите, сударь,
Не привелось бы вам окончить дни
В глухой тюрьме, нечаяно проболтавшись.

М а м м о н.

Твой страх не вовсе вздорен. Вот зачем
И переедем мы с тобой, подруга,
В свободную страну, где без помех
Мы сможем есть под винною подливкой
Фазапья яйца с мясом головлей
И мякоть серебристых устриц. Наши
Креветки, как живые, будут плыть
В дрожащем как опал прозрачном масле
Из молока дельфинов. Возбудясь
Таким словом, и отдаваясь страсти,
Мы эликсиром будем вновь и вновь
Возобновлять утраченную свежесть
Для новых развлечений, сделав жизнь
Сплошную цепью вечных наслаждений.
Твой туалет природе превзойдет
Богатством средств для перевоплощений,
Которых нет в таком числе у ней
И у ее прислужника — искусства.

Входит Фэйс.

Фэйс.

Вы слишком громки, сэр. Я слышал все
В лаборатории почти дословно.
Найдите поудобней место. Сад,

Или одну из комнат в бель-этаже.
Как нравится она вам?

М А М М О Н

О, мой дух!

Безмерно! На вот.

Дает ему денег.

Ф Э Й С .

Не забудьте ж, сударь, —
Ни слова о раввинах.

М А М М О Н .

Не до них!

Ф Э Й С .

Тем лучше, сударь мой.

Маммон и Долль уходят.

С а т т л ь !

С а т т л ь в х о д и т .

Ну не умора ль?

С а т т л ь .

Смешно. — Ушли?

Ф Э Й С .

Ушли.

С а т т л ь .

Вдова пришла.

Фэйс.

И забияка?

САТТЛЬ.

Да.

Фэйс.

Мне значит снова
Стать капитаном?

САТТЛЬ.

Нет. Вперед впусти.

Фэйс.

Да, ваша правда. — Что она красива?

САТТЛЬ.

Не знаю.

Фэйс.

Кинем жребий. — Вы не прочь?

САТТЛЬ.

Как же!

Фэйс.

Ах, почему я не в мундире!
Я б сразу поразил ее глаза
Как при поднятии занавеса.

САТТЛЬ.

К двери,

Болтун!

Фэйс.

Вам будет первый поделуи
В мое отсутствие.

Уходит.

Саттль.

А может статься
И оба, завидуице глаза.

Фэйс, за сценой.

Кого вам надо?

Кэстриль, за сценой.

Капитана.

Фэйс, за сценой.

Вышел

По делу, сударь.

Кэстриль, за сценой.

Вышел?

Фэйс, за сценой.

Да, но он

Сейчас вернется. А его начальник,
Хозяин, доктор — дома.

Входит Кэстриль с г-жей Плайант,

Саттль.

Подойди,

О terraе fili, сын земли, поближе.
Добро пожаловать. Слышал, слышал

Про страсть твою. Готов твоим желаньям
 Пойти навстречу. Тут же и начнем.
 Вот центр мой; обосновывай свой вызов
 С той или с этой точки. Начинай,
 Завязывай раздор.

Кэстриль.

Вы ждете!

Саттль.

Сын бешенства и гнева! Брякнуть «ложь»
 И все тебе, не так ли, резвый мальчик?

Кэстриль.

Решайте сами. Это мой удар.
 Я нападаю.

Саттль.

Это против правил
 Грамматики и логики. Дитя,
 Для вызова потребны основанья
 И доводы. Вам надо бы привести
 Причины, изложив их в силлогизме.
 Для этого же надо знать канон
 Модальностей, делений и различий
 Субстанций, акциденций и рядов,
 И категорий, внутренних и внешних,
 Вам следовало дать разбор причин
 Действительных, формальных и финальных,
 И материальных.

Кэстриль, в сторону.

Это что ж, язык
 Столичных драчунов?

САТТЛЬ.

Негодный довод

О праве наступающего ввел
Не одного такого в заблужденье,
Заставив до поры ввязаться в спор
Неподготовленным и против воли.

КЭСТРИЛЬ.

А как мне надлежало поступить?

САТТЛЬ.

Здесь — леди. Извиняюсь. Первым делом
Мне следовало поклониться ей.

Целует ее.

А «леди» я зову вас потому, что
Вы сделаетесь ей, мадам, скорей,
Чем думаете.

КЭСТРИЛЬ.

Это правда?

САТТЛЬ.

Правда.

Или мое искусство — ловкий лжец.

КЭСТРИЛЬ.

Как вы узнали это?

САТТЛЬ.

Сопоставив

Строенье лба со складом тонких губ,
К которым надо прикасаться чаще,
Чтоб сделать должный вывод.

Снова целует ее.

Видит бог,
Они как аромат мироболана.
Черта *in vivo frontis* — верный знак
Того, что не помещик он.

Кэстриль.

А кто же?

Саттль.

Вперед взгляну на руку. Так и есть.
Все *linea fortunae* объясняет
И звездочка *in monte veneris*,
Всего ж полней *junctura annularis*,
Он — воин иль ученый — и его
Ждет в близком будущем большая слава.

Г-жа Плайант, обращаясь к брату.
Какой чудесный знахарь!

Входит Фэйс в военной форме.

Кэстриль.

Вот идет
Другой чудесный. Замолчите. — Руку,
Добрейший капитан!

Фэйс.

А, Кэстриль, вы?

Здороваются.

Скажите, не сестра ли это ваша?

Кэстриль.

Да. Поделуйтесь с ней. Прошу любить
И жаловать.

Фэйс, целует ее.

Горжусь знакомством, леди.

Г-жа Плайант.

Ах, братец, вы слышали? Ведь и он
Со мной на «леди».

Кэстриль.

Замолчите, — слышал.

Отводит ее в сторону.

Фэйс, Саттлю.

А граф пришел ведь.

Саттль.

Где он?

Фэйс.

За дверьми.

Саттль.

Займитесь им.

Фэйс.

А что вы с этим людом
Поделаете?

Саттль.

Отведу наверх,
Дам книжку почитать иль усажу их
За зеркало.

Фэйс.

А ведь сознайся, брат,
Бабенка хоть куда. Моею будет!

Уходит.

САТТЛЬ.

Ты больно скор. Вперед спрости судьбу. —

Обращаясь к Кэстрилю.

Пойдемте, сударь. Капитан вернется
В короткий срок. Я приглашаю вас
В рабочий кабинет. Я ознакомлю
Вас с логикой и азбукою драк
И полною риторикой дуэли.
Весь метод мой изложен в чертежах.
Особенный прибор, снабженный шкалой,
Даст вам возможность, с точностью часов,
Когда угодно лезть в любую драку. —
А вас я, леди, попрошу засесть
На полчаса, для укрепления зренья
За зеркало особое, где вам
Откроется судьба, — что выше всякой
Людской способности судить на глаз.

Уходят Саттль, Кэстриль, г-жа Плайант.

Входит Фэйс.

Фэйс.

Вы вышли, доктор?

Саттль, за сценой.

Я сейчас вернусь к вам.

Фэйс.

Лишь я ее увидел, как решил
Во что бы то ни стало овладеть ей.

Входит Саттль.

Саттль.

Вы что сказали?

Фэйс.

Развязались?

Саттль.

Да.

Отвел наверх.

Фэйс.

Мне до зарезу надо
Владеть вдовою, Саттль.

Саттль.

Так вот зачем

Вы кликнули меня?

Фэйс.

Постойте.

Саттль.

Полно!

Осмелюсь только раз еще, и Долль
Узнает обо всем. Без притязаний!
Мы предоставим все судьбе.

Фэйс.

Ну вот

Опять тиранство! Ты ведь стар. Пойми же,
Что ты не можешь —

Саттль.

Я-то не могу?

Еще вопрос, кто лучше —

Фэйс.

Ты не понял.

Я предлагаю соглашенье.

САТТЛЬ.

Нет!

Я не желаю слушать об уступках.
 Не торговать же счастьем мне. Оно
 Дороже первородства. Рано спорить.
 А выиграешь, забирай. — Твоя.
 Но стоит заворчать тебе, и тотчас
 Про все узнает Долли.

Фэйс.

Я молчу. —

Пойду-ка принимать испанца. Ты бы
 Для пышности помог.

САТТЛЬ.

Сейчас приду.

Фэйс уходит.

Да, этот Фэйс нуждается в остратке.
 Дай спуск ему, и выбьется из рук.

Входит Фэйс, вводя Серли, переодетого испанцем.
 Но что за бред больного костюмера!
 Кого я вижу! Это дон Жуан?

СЕРЛИ.

Señores, beso las manos a vuestras mercedes.

САТТЛЬ, подражая испанскому произношению.
 Облобызай мне...

Фэйс.

Саттль, молчи.

САТТЛЬ.

Хоть нож всади, молчать не в состоянии.

В глубоких этих брызжах голова
 Не форменное ль блюдо? А мантилья
 На паре раскоряченных козлов!

Фэйс.

А воротник в зубах, как на свинине
 В фестонах, изрубцованных ножом!
 Не соусник живой ли?

Саттль.

Для испанца
 Он слишком что-то жирен.

Фэйс.

Может быть
 Он порожден каким-нибудь фламандцем
 При Альбе, нль голландец начудил.
 Быть может, и внебрачный сын Эгмонта.

Саттль.

Добро пожаловать, светлейший дон
 С цинготно-бурою Мадридской рожей.

Серли.

Gratia.

Саттль.

Не голос, — укрепленный бастион!
 Боюсь, не пушки ль у него в карманах.

Серли.

Por dios, señores, muy linda casa!

Саттль.

Про что он?

Фэйс.

Хвалит, думается, дом.
Сужу лишь по движениям.

САТТЛЬ.

Эта «каза»
Достаточно казиста, ценный дон,
Чтоб ты был в ней наказан по заслугам.
Ты понял, дон Диего? — Чтобы ты
Был в ней наказан.

Фэйс.

Понял ты? — Наказан,
Наказан, ценный дон.

СЕРЛИ.

Entiendo.

САТТЛЬ.

Тем

И ценно? — Верно. Так глядим и мы,
Мой друг, на это дело. — А довольно ль
У вас в казенном ящичке пистоль
И португиз, мой дон?

Фэйсу.

Возьми пощупай.

Фэйс, ощупав его карманы.
Полным полно.

САТТЛЬ.

Вас тут опустошат,

Вас выкачают тут, вас тут осушат,
Сказать по правде.

Фэйс.

Выдают, сказать
По правде, мой бесценный.

Саттль.

Полюбуйтесь.
Вот чучело! А держится, как лев.

Серли.

Con licencia, se puede ver a esta señora?

Саттль.

Про что он?

Фэйс.

Про синьору.

Саттль.

А, про львицу.
Не бойтесь, вам ее покажут, дон.

Фэйс.

Тьфу чорт! Как быть нам, Саттль?

Саттль.

О чем ты?

Фэйс.

Доли!

Ведь занята.

Саттль.

И правда. Вот беда!
И впрямь, как быть? Пусть подождет, и все тут.

Фэйс.

Нет, это невозможно.

Саттль.

Отчего?

Фэйс.

Напортим. Он поддастся подозрениям,
И вдвое меньше даст. Ведь это — плут,
Выдавший виды. Этот знает цену
Всем промедленьям. Понимает суть.
По всем приметам, шалопай бывалый,
И вот — готов, не терпится, горит.

Саттль.

Но ведь нельзя тревожить и Маммона.

Фэйс.

Ни в коем случае.

Саттль.

Так как же быть?

Фэйс.

Придумай сам. Да живо. Надо мигом.

Серли.

Entiendo que la señora es tan hermosa, que co-
dicio tan verla, como la bien aventuranza de mi vida.

Фэйс.

Мы вида? Ба! Мил видом — слушай, Саттль, —
Вдову напомнил! — Что когда б ее нам

Свесть вниз, сказав, что это-то и есть
 Ее жених? Великое ли дело,
 Что на двоих искателей одним
 Мужчиной больше будет? Ведь не дева.
 За что бояться и о чем жалеть!
 Что скажешь, Саттль?

САТТЛЬ.

Да как сказать —

ФЭЙС.

Честь фирмы
 Поставлена на карту.

САТТЛЬ.

Перед тем
 Вы предлагали отступить. Сколько
 Хотели дать вы?

ФЭЙС.

Нет, теперь мне, сэр,
 Не до покупок. Вы мне отказали?—
 Отвечу тем же. «Все в руках судьбы.
 А выиграете — и забирайте».

САТТЛЬ.

Для помещенья в дело? — Не хочу.

ФЭЙС.

Но дело-то ведь общее, надеюсь?
 Скорей решайте. — Вы грозили мне?
 Отвечу тем же. Соглашайтесь, — или
 Про все узнает Долли.

САТТЛЬ.

Наплевать.

СЕРЛИ.

Señores, porque se tarda tanto?

САТТЛЬ.

Какой мне интерес. Я стар, негоден —

ФЭЙС.

Нет, нет. — Теперь уж это не резон.

СЕРЛИ.

Puede ser de hazer burla de mi amor?

ФЭЙС.

Вы слышите, что с ним? — Сейчас, ей богу,
Ослаблю узел.

Кричит.

Долли!

САТТЛЬ.

Тише.

ФЭЙС.

Ну?

САТТЛЬ.

Вы страшный негодяй. — Сейчас размыслю.
Вы предлагаете позвать вдову? —

ФЭЙС.

Да. И теперь, по зрелом размышленьи
Как раньше, не взирая ни на что,
Я не отказываюсь от нее.

САТТЛЬ.

Прекрасно.
Но мне-то можно выйти из игры?

ФЭЙС.

Пожалуйста.

САТТЛЬ.

Так по рукам.

Ударяют по рукам.

ФЭЙС.

Отныне

Вы на нее лишаетесь всех прав.

САТТЛЬ.

Позвольте ж пожелать вам многолетия
И доброго здоровья с нею. — Брак
С гулящею! Скорей женюсь на ведьме.

СЕРЛИ.

Por estas honradas barbas —

САТТЛЬ.

Спешите, — он клянется бородой, —
Да заодно ведите вниз и братца.

СЕРЛИ.

Tengo duda, señores, que no me hagan alguna
traycion.

САТТЛЬ.

Что? Аттракцион? — Готовят! Мигом, presto,
Ступато в ту палату, — раз судьбе
Угодно так, — где будут вас купато,

То есть мочить, сучить, мыть, жать, бить, драть,
 Трепать и парить, прежде чем отпустят,
 Сказать по правде вам, дон павиан,
 Вас поскребут-таки, с вас спустят шкуру,
 Вас тут очистят, слушат всю мездру! —
 С тем большей радостью примусь за дело
 И поспешу поставить на вдове
 Клеймо продажности, что будет вместе
 И Фэйсу, бестии, достойной мезтью.

Уходят Саттль и Серли.

СЦЕНА II

Другая комната в том же доме.

Входят Фэйс, Кэстриль и г-жа Плайант.

Фэйс.

Войдите, леди. Я ведь знал, что доктор
 Дотоль не успокоится, пока
 Не нападёт на верный след фортуны.

Кэстриль.

Графиней, сударь, говорите вы?
 Испанскою графиней?

Г-жа Плайант.

Разве это
 Важней, чем быть английскою?

Фэйс.

Важней?!

Ещё вы спрашиваете, миледи?

КЕСТРИЛЬ.

Не взыскивайте с дуры, капитан.

Фэйс, г-же Плайант.

Спросите правоведа, царедворца,
Свою портниху; — вам докажут все,
Что лучший конь — то жеребец испанский,
Что лучший из шелков — испанский шелк,
Что красота мужчины — в эспаньолке,
Что бесподобнейшими из духов
Надушены испанские перчатки.
Ну, а насчет испанского клинка,
Сударыня, спросите капитана

Делает реверанс.

И вашего покорного слугу. —
Но вот идет и доктор.

Входит Саттль с бумагою в руках.

САТТЛЬ.

Чрезвычайно
Почтенная миледи, — ибо так
Я принужден вас величать отныне,
Найдя посредством этих чертежей,
Что вскоре вам имеет улыбнуться
Завидная и лестная судьба —
Чтоб вы сказали, леди, если б —

Фэйс.

Доктор!

Я все открыл ей, я им рассказал,
Ей и ее почтеннейшему братцу,
Про будущность миледи. — Лучше вам,

Не долго думая, назвать миледи —
Испанскою графиней.

САТТЛЬ.

Капитан!

Вы впрямь несносны! Вот как вы храните
Секреты? Если так, мадам, — простим
Нескромному.

КЭСТРИЛЬ.

Она простит, не бойтесь.
Уж я об этом позабочусь, сэр.

САТТЛЬ.

Итак, вам остается только, леди,
Подмладиться любовью под судьбу.

Г-жа ПЛАЙАНТ.

Как, за испанца? Ни за что на свете!

САТТЛЬ.

Никак?

Г-жа ПЛАЙАНТ.

Да я ведь с тысяча пятьсот
Восемьдесят восьмого года прямо
Не выношу их, а ведь родилась
Спустя три года после этой даты!

САТТЛЬ.

Да полно; вы должны его любить
Иль быть несчастной. Выбирайте.

ФЭЙС, КЭСТРИЛЮ.

Клянусь пиновкой, если вам сестру
Сударь,

Не хочется увидеть фруктовщицей
В течение года, — повлияйте.

САТТЛЬ.

Нет,

Похуже чем: разносчицей селедок.

КЭСТРИЛЬ.

Клянусь, вы будете его любить,
А то ногой вас! —

Г-жа ПЛАЙАНТ.

Как хотите, братец.

КЭСТРИЛЬ.

Ну то-то ж! А не то я — кулаком!
Подносит к се лицу.

Видали?

ФЭЙС.

Сэр, не предавайтесь гневу.

САТТЛЬ, КЭСТРИЛЮ.

Нет, пылкое дитя, нет, так нельзя!
Очувствуется. Мы добром втолкуем.
— Не сладко ль быть графиней? — Быть душой
Придворных! —

ФЭЙС.

Утопая в поцелуях

И позолоте! —

САТТЛЬ.

Под защитой ширм! —

ФЭЙС.

И вновь в великолепьи появляться —

САТТЛЬ.

С сознанием сана! —

Фэйс.

Заставляя всех

Стоять в своем присутствии как в церкви,
 Нет: с боле непокрытой головой,
 Чем на молитве, —

САТТЛЬ.

Молча, на коленях! —

Фэйс.

Иметь своих лакеев и пажей,
 И скороходов! —

САТТЛЬ.

И свою шестерку —

Фэйс, поправляя.

Осьмерку. —

САТТЛЬ.

И кататься. То — в Бедлам,
 То в Сити, то на Биржу, то по лавкам
 С фарфором —

Фэйс.

Разгоня горожан,
 Глазеющих с разинутыми ртами
 На выезд, на коляску, на цвета
 Кокард и лент ливрейных.

Кэстриль.

Бесподобно!

Сестре.

Попробуйте, отвергните, — и вы
Мне больше не сестра.

Г-жа ПЛАЙАНТ.

Я не отвергну.

Входит СЕРЛИ.

СЕРЛИ.

Que es esto, señores, que no venga? Esta tardanza
me mata!

Фэйс.

Ну вот и граф ваш. Доктор предсказал
Его приход с предвиденьем науки.

САТТЛЬ.

En gallanta madama, Don! Galantissima!

СЕРЛИ.

Por todos los dioses, la mas acadaba hermosura,
que he vista en mi vida.

Фэйс.

Какой язык галантный! Правда, сэр?

Кэстриль.

Блестящий! — Не французский ли?

Фэйс.

Испанский.

Кэстриль.

А между тем звучит совсем как тот,

Бон Джонсон

Что принят в дипломатии. Я слышал,
 Что это самый светский диалект.

Фэйс.

Прислушайтесь.

Серли.

El sol ha perdido su lumbre con el esplendor que
 trae esta dama. Valgame dios!

Фэйс.

Любуется сестрою вашей, сударь.

Кэстриль.

Не следовало ли бы ей присесть?

Сеттль.

Присесть? Тьфу чорт! Испанская учтивость
 Велит ей, подойдя, обняться с ним.
 Там принято, чтоб дамы начинали.

Фэйс.

Он прав. Науке все известно, сэр.

Серли.

Porque no se acude?

Кэстриль.

Не к ней ли обращается?

Фэйс.

Конечно.

Серли.

Por el amor de dios, que es esto que se tarda?

КЭСТРИЛЬ.

А ей, безмозглой, как его понять?
Вот дура-то!

Г-ЖА ПЛАЙАНТ.

Что вы сказали, братец?

КЭСТРИЛЬ.

Гусыня! Марш — и обнимитесь с ним,
Как сказывал вам доктор. А не то я —
Видели вот? — Булавку за кушак!

ФЭЙС.

Но, сэр!

СЕРЛИ.

Senora mia, mi persona esta muy indigna de allegar a tanta hermosura.

ФЭЙС.

Ну не примерно ли он с нею
Ведет себя?

КЭСТРИЛЬ.

Примерно.

ФЭЙС.

Это что!
Вот дальше, вот где скажутся манеры.

КЭСТРИЛЬ.

Вы думаете?

СЕРЛИ.

Senora, si sera servida, en entremonos.

Уходит с г-жей Плайант.

Кэстриль.

Это он куда ж

Увел ее?

Фэйс.

В цветник. Не бойтесь, сударь.
Я — переводчик, и всегда при них.

Саттль, в сторону, Фэйсу, собирающемуся выйти.
Замолвите, что надо, Долли.

Фэйс уходит.

Ну-те,
Пожалуйте, свирепое дитя, —
Возобновим урок.

Кэстриль.

Возобновимте. —
А мне испанец по сердцу, ей-ей!

Саттль.

Таким путем вы б стали братом графа.

Кэстриль

Я сразу это понял. Этот брак
Нас, Кэстрилей, возвысил бы.

Саттль.

А вашей
Сестре покорней не мешало б быть.

Кэстриль.

Ведь это имя сестрино! — По мужу
Ее зовут —

САТТЛЬ.

Не может быть!

КЭСТРИЛЬ.

— Вдова

«Покорная». Не знали что ль?

САТТЛЬ.

Не видел.

Но, — по фигуре, я — подозревал.

Пойдемте ж, обратимся к упражненьям.

КЭСТРИЛЬ.

Как кажется вам, доктор, буду я
Хорошим дуэлистом?

САТТЛЬ.

Я ручаюсь.

Уходят.

С Ц Е Н А Ш

Другая комната в том же доме.

Входит Долль, в припадке своего особого помешательства, в сопровождении Маммона.

ДОЛЛЬ КОММОН.

Мы видим, что по смерти Александра...

МАММОН.

Бесценная! —

ДОЛЛЬ КОММОН.

когда и Антигон

С Пердиккою убиты были, двое ж
Оставшихся, Селевк и Птоломей,

М А М М О Н.

Мадам! —

Д о л л ь К о м м о н.

— единственные отпрыски колена,
В то время как четвертый из зверей,
Что звался Гог с Железною ногою —
(Железною ногою Юга) —

М А М М О Н.

Леди!

Д о л л ь К о м м о н.

Есть в сущности — Египет, то есть Гог
Рогатый, или Гог с ногой из Глины,
Или Египет с Глиняной ногой,

М А М М О Н.

Мадам!

Д о л л ь К о м м о н.

Неважно, прахом ли Египта,
Иль прахом Гога звать, но это есть
Последнее звено четвертой цепи. —
Но этих звезд истории никто
Еще не может видеть —

М А М М О Н.

Что мне делать!

Д о л л ь К о м м о н.

По той простой причине, — говорит
Один авторитет, — что тут помочь нам

Никто не может, кроме лишь одних
Раввинов или греков —

М А М М О Н.

Но, миледи!

Д о л л ь К о м м о н.

Людсѣи с Солима или из Афин,
Что научили бы народ Британский —

Поспешно входит Фэйс в costume слуги.

Ф э й с.

В чем дело?

Д о л л ь К о м м о н.

Пользоваться языком
Явана или 'Эбр —

М А М М О Н.

У ней припадок!

Д о л л ь К о м м о н.

Так, — мы не смыслим ровно ничего, —

Ф э й с.

Сэр, мы пропали!

Д о л л ь К о м м о н.

Где иной филолог,
Знакомый с ныне мертвой, в старину ж
Живою связью гласных и согласных, —

Ф э й с.

До доктора дойдет!

До л л ь Ко м м о н.

У в и д и т с м ы с л,

П р и е м, в в е д е н н ы й ш к о л о й П и ф а г о р а. —

М а м м о н.

П о ч т е н н е й ш а я л е д и!

До л л ь Ко м м о н.

И с в е д е т

Р а з н о о б р а з ь е н а т у р а л ь н ы х з в у к о в
К н е м н о г о м у ч и с л у з а м е т и б у к в. —

Ф э й с.

Т е п е р ь е е н и ч е м н е у с п о к о и т ь.

До л л ь Ко м м о н.

П р о ш е д ш и о с н о в а т е л ь н о Т а л м у д
И г р е ч е с к и й, м ы с м о ж е м д о м Е л е н ы
В о с т а н о в и т ь, п о с т а в и в в п а р а л л е л ь
С И з м а е л и т о м, к о р о л е м Т о г а р м ы,
И с с у щ е с т в о м е г о н а г р у д н ы х л а т,
С е р н и с т ы х, о г н е д ы ш а щ и х и с и н и х.
Ц а р ь А б а д д о н в в е л и ч ь и с и л с в о и х
Н а м с т а н е т я с е н, к а к и з в е р ь С и т т и м а,
П о д к о и м р а з у м е ю т г о р о д Р и м
У ч е н ы е, к а к р а в в и Д а в и д К и х м и,
О п к е л и А б е н Э з р а.

Ф э й с.

Ч е м с е

В ы д о в е л и д о э т о г о?

М а м м о н.

У в ы м н е!

У нас тут шла о пятом царстве речь,
Которое я думаю воздвигнуть
Посредством камня, тут она возьми
И вспомни вдруг про прочие четыре.

Фэйс.

Да это ж Броутон! Я предупреждал!
Теперь заткните рот ей.

Маммон.

А нельзя ли
Помягче как-нибудь?

Фэйс.

Никак нельзя.
Иначе не уймется. Если ж это
Старик услышит, ну, тогда капут!
Достанется нам.

Саттль, за сценой.

Что там происходит?

Фэйс.

Ну, крышка нам. — Взгляните на нее:
Узнала голос, и приходит в память.
Входит Саттль, все разбегаются в разные стороны.

Маммон.

Куда мне скрыться?

Саттль.

Боже, что за вид!
Средь бела дня деянье темных духов.

Держи его! — Кто это? — Ты ль, мой сын?
О, до чего я дожил!

М А М М О Н.

Нет, отец мой,
Здесь и в помине не было греха.

С А Т Т Л Ъ.

Чтож ты бежал меня?

М А М М О Н.

По неразумью.

С А Т Т Л Ъ.

По неразумью? Нет, мой сын, стыдом
Зовется это! Диво ль, что встречаю
Сегодня за работой, что ни шаг
Препятствия, когда вблизи творится
Такое безобразье.

М А М М О Н.

А она

Нейдет на лад?

С А Т Т Л Ъ.

В теченье получаса
Она стоит. Успех последних дней
Сведен на нет. — Где мой работник, это
Орудье мрака, этот раб греха?

М А М М О Н.

Нет, сэр, он не достоин осужденья.
Все сделалось без ведома его.
Я здесь столкнулся с дамою случайно,

САТТЛЬ.

Вам мало? Заступаться за слугу!
Усугублять вину!

МАММОН.

Но, бог свидетель,
Я говорю вам правду!

САТТЛЬ.

Ну тогда
Я ничему не удивлюсь. Счастливец,
Которого ждет эта благодать,
Дерзает искупать терпенье неба,
Забыв опасность!

МАММОН.

Сударь!

САТТЛЬ.

Плод трудов
Задержится по меньшему на месяц.

МАММОН.

Ах, если так, скажите, чем помочь?
Но наши помышленья были чисты,
Не думайте, отец —

САТТЛЬ.

Их чистоту
Докажет воздаянье. —

Оглушительный взрыв за сценой.

Что там? — Что там?
Святые силы, оградите нас! —

Вбегает Фэйс.

САТТЛЬ.

Что там случилось?

Фэйс.

Мы пропали, сударь?

Все, все погибло. Мы разорены.
 Все разлетелось вдребезги. Реторты,
 Приемники и колбы, склянки, печь.
 Дом потрясло из края в край как громом.
 Все стало прахом, дымом изошло.

Саттль падает без чувств.

Фэйс, Маммону, бросившись приводить в
 чувство Саттля.

Сэр, помогите вы хоть! Холод смерти
 Сковал его! — Но что ж вы, сэр Маммон?
 Долг каждого — но вы бесчеловечны.
 Как столб стоит! И кажется готов
 Упасть, как этот.

Стук в двери за сценой.

Уж не брат ли леди?

Маммон.

О, дух!

Фэйс.

Его карета пред дверьми.
 Не попадайтесь на глаза милорду:
 Он также вспыльчив, как его сестра
 Безумна.

Маммон.

Горе мне!

Фэйс.

Мой мозг от взрыва
Стал как чужой. Не быть уж никогда
Здорову.

Маммон.

Неужели все пропало?
Дух, разве ничего нельзя спасти
Из бывшего в работе?

Фэйс.

Очень мало.

Щепотку угля разве, или две,
А это утешенье небольшое.

Маммон.

О сладострастный нрав мой! Поделом
Приемлю кару.

Фэйс.

Как и я.

Маммон.

Лишиться

Всех, всех надежд!

Фэйс.

Нет — верных видов, сэр.

Маммон.

Виной каких-то низменных страстишек.

Саттль.

Притворяется будто приходит в чувство.
О, дело рук порочных!

М А М М О Н.

Согрешил!

Простите мне, отец.

С А Т Т Л Ъ.

О, Правосудье!

Еще над нами крыша? Потолок
Ужель не завалил нас с нечестивцем?

Ф э й с, М а м м о н у.

Смотрите, сэр, вы мучите его
Присутствием своим. А столкновенье
Милорда с вами может повести
К трагедии.

М а м м о н.

Пойду домой.

Ф э й с.

И дома

Покайтесь, сэр. Быть может средство есть
Поправить все епитимьей. — К примеру:
Каких-нибудь сто фунтов на Бедлам.

М а м м о н.

Что ж —

Ф э й с.

На ремонт — ну — их рассудка что ли.

М а м м о н.

Охотно —

Ф э й с.

И кого-нибудь пришлю

За этим.

М А М М О Н.

Шли. — Неужто не осталось
Ни малого следа?

Ф э й с.

Вонючий след.

М А М М О Н.

И ничего такого, чтоб годилось
Аптекарям?

Ф э й с.

Не знаю. Если что
Средь черепков впоследствии найдется
Пригодное от зуда,
(В сторону), (не того,
Которым вы страдаете, конечно) —
Я отложу для передачи вам. —
Сэр, в эту дверь, во избежание встречи
С милордом.

М а м м о н уходит. С а т т л ь поднимает голову.

С а т т л ь.

Фэйс!

Ф э й с.

А?

С а т т л ь.

Он ушел?

Ф э й с.

Ушел

Так тяжело, будто он не кровью налит,

А золотом, которым бредил он.
Тем легче мы вздохнем теперь.

САТТЛЬ, вскакивая.

Подпрыгнем

Как вольные воздушные шары
На радостях до потолка. — Одною
Заботой меньше.

ФЭЙС.

Остается дон.

САТТЛЬ.

Тем временем успела стать графиней
Невеста ваша, не щадя труда
На то, чтоб вам наследник был.

ФЭЙС.

Отлично.

САТТЛЬ.

Теперь, как подобает жениху,
Доверьтесь ей душой и предложите
Ей руку после этих небольших,
Но горестных случайностей.

ФЭЙС.

Отлично.

Но уведите дона.

САТТЛЬ.

Хорошо.

Я разведу их, выражаясь точно.
Жаль, что не Доэль на вдовьем месте. Вот
Кто б разгрузил его!

Фэйс.

Займитесь сами.

Талантов хватит. — Докажите ж их.

Саттль.

Чтоб только вам доставить радость, сударь.

Уходят.

СЦЕНА IV

Другая комната того же дома. Входит г-жа Плайант
и Серли

Серли.

Сударыня, вы видите, к кому вы
Попали в лапы. Ясно ль вам теперь,
Как близки были вы от поруганья
По вашей легковёрности, зайди
Я без стыда за некие границы,
Как позволяли место мне и час
И ряд других условий. — Ибо, надо
Сознаться, — вы прекрасны. Ах, когда б
Вы в той же мере были осторожны!
Я — джентльмен; и я пришел сюда
Переодевшись, с целью уяснения
Преступной тайны этого гнезда.
Я тут легко бы мог лишить вас чести,
Но не лишил. За это я прошу
Местечка в вашем сердце. Вы — богаты,
Толкуют тут; я — бедный бакалавр.
Мне помогло бы ваше состоянье
Стать человеком, как и я помог

Вам в деле женской чести. Взвесьте, леди,
Заслуживаю вас я или нет
И дайте мне ответ.

Г-жа П л а й а н т.

Я взвешу, сударь.

С е р л и.

А что до содержателей гнезда,
То предоставьте мне расправу с ними.

Входит С а т т л ь.

С а т т л ь.

Как поживают мой почтенный дон
Диего и почтенная графиня?
Был граф учтив, миледи? Щедр, открыт?
Однако взгляд ваш что-то тяжеленек
На радостях. Не нравится он мне.
Не добрый огонек в нем. Как у пьяниц.
Приходится признать по нем, что вам
Нет равного в распутстве. Легче, сударь!
Встряхнитесь. — Я карманы вам встряхну.

С а т т л ь приближает руку к его карманам, С е р л и
распахивает свой плащ.

С е р л и.

Встряхни!

Наступая на С а т т л ь.

Попробуй-ка, воришка, сводник!
Шатаешься?

Сбивает его ударом кулака на пол.

Не вкусно? — Подымись!

Мой взгляд тяжел? Кулак, быть может, легче?
Не правится?

САТТЛЬ.

Убийца! Караул!

СЕРЛИ.

О нет, зачем! — У нас не это в мыслях.
Вас кнут и тачка исцелят вполне
От ложных опасений. Я — испанец,
Которого собирались «наказать
За глупость», сударь, — «наказать за глупость»
Вы поняли? А где ваш капитан,
Ваш компаньон и кот и вышибала?

Входит Фэйс в военной форме.

ФЭЙС.

А, Серли, вы?

СЕРЛИ.

Вы, добрый капитан?
Приблизьтесь. Я открыл происхождение
Тех медных ваших ложек и перстней,
Которые сбываются в тавернах.
Так вот где вас учили покрывать
Ботфорты серой, брать у посторонних
Их золото, тереть им о сапог
И заявлять при перемене цвета,
Что деньги их фальшивы, чтоб потом
Присваивать себе? Так вот он, кум ваш,
Копченый доктор с черной бородой?
О, ловкость рук! — Вот — золото в реторте.
Особое движенье, — и оно
Подменяется другим металлом.
Мгновенье, — и в реторте — сулема,

Момент, и все летит к чертям от жару
 «Все прахом» — и в слезах стоит Маммон,
 А «их особа» падает без чувства.

Фэйс незаметно убирается из комнаты.

А то он — Фауст, князь духов и теней,
 Целитель язв, чумы и всех болезней
 При помощи эфемерид; колдун,
 Сообщник всяких повитух и сводниц
 В трех королевствах. — Вы же, капитан,
 Вы — поставщик — но где вы? А, он скрылся!
 Вы — поставщик неплодод, дев с детьми,
 И горничных с болезненным румянцем.

Хватает Саттля, увидав, что он собирается за

Фэйсом.

Нет, вы, как он, не улизнете, сэр!
 Нет, сударь, вы поплатитесь ушами!

Входит Фэйс, ведя за собою Кэстриля.

Вот случай, если вам когда-нибудь
 Охота драться и, как говорится,
 Быть молодцом: сестрица ваша, сэр,
 И врач — подверглась оскорбленью.

Кэстриль.

Где он?

Где оскорбитель? Кто он? — Он подлец,
 Кто б ни был он и — сукин сын. Не вы ли
 Обидчик?

Серли.

Затрудняюсь приписать
 Себе так много качеств.

Кэстриль.

Ваша глотка

Набита ложью!

СЕРЛИ.

Что?!

Фэйс, Кэстрилю.

Он — сущий вор
С большой дороги. Он сюда подослан
Другим врачом, который бы хотел
Подгадить доктору, да вот не вышло.

СЕРЛИ.

Вас надувают, сэр.

Кэстриль.

Меня? Ничуть.

Вы лжете!

Фэйс.

Браво! Это — проходимец.

Кэстриль.

Вы — проходимец!

СЕРЛИ.

Выслушайте, сэр

Фэйс, Кэстрилю.

Нет, не давайте говорить, гоните
Без разговоров.

Кэстриль.

Убирайтесь вон!

СЕРЛИ.

Как странно! Леди, объясните брату.

ФЭЙС.

По части гадостей в столице нет
Еще такого мастера. Но доктор
Попрежнему глубоко убежден,
Что дон испанский будет.

САТТЛЮ не громко.

Саттль, проснитесь!

САТТЛЬ.

Да, непременно. Много — через час.

ФЭЙС.

Меж тем под видом одного испанца
По вражьему посылу к нам пришел
Вот этот плут, чтоб опорочить славу
Науки. Но теперь он уличен.

КЭСТРИЛЬ, Саттлю, отталкивая сестру,
пытающуюся переубедить его.

Я понимаю. —

Сестре.

Отвяжитесь, дура!

СЕРЛИ.

Она вам правду говорит.

ФЭЙС.

Он врет
Как чистильщик сапог. Гоните в шею.

СЕРЛИ.

Храбрец, вас трое!

Кэстриль.

Да. Так что же, сэр?

Входит Дрэггер с куском китайки.

Фэйс.

Вот — джентльмен. Он знает эту шельму.

В сторону Дрэггера.

Пожалуйста, поддакивай мне, Нэб,
 Во всем, что ни скажу. Бездельник этот
 Хотел отбить у вас вдову.

Кэстрилю.

Прохвост

Брал в долг табак у этого джентльмена
 И задолжал ему семь фунтов.

Дрэггер.

Да.

Он трижды лживо клялся уплатить мне.

Фэйс.

А сколько шиллингов не додал он
 За промыванья?

Дрэггер.

Тридцать, сэр, — и за шесть

Спринцовок.

СЕРЛИ.

Гидра пизости!

Фейс.

Нет, сэр,
Вам надо непременно выбить эту
Каналью из дверей.

Кэстриль.

И выбью. — Сэр!
Коль вы не уберетесь, я в лицо вам
Скажу лжеца. — Вы — сводник!

Серли.

Это — взрыв
Безумья, а не храбрости. Смеяться
И только.

Кэстриль.

Уж такой мой нрав. А — вы
Бревно и сводник, дон Кихот какой-то,
И Амадис —

Дрэггер.

И вообще — нахал.

Входит Ананий.

Ананий.

Мир дому!

Кэстриль.

Мир? Я не желаю мира!

Ананий.

Отливка гульденов законна.

Кэстриль.

Он —

Квартальный?

САТТЛЬ.

Мир, Ананий.

ФЕЙС, Кэстрилю.

Нет.

КЭСТРИЛЬ, успокоенный ответом Фэйса.

Вы — выдра,
Вы — ижпца, вы — рыба, вы — ничто!

СЕРЛИ.

Послушайте!

КЭСТРИЛЬ.

Я не желаю слушать!

АНАНИЙ.

В чем корень ссоры?

САТТЛЬ.

В рвены джентльмена
Против испанских брюк.

АНАНИЙ.

Сли штаны —
Сосуд греха, неверия и мрака.

СЕРЛИ.

Вот и самоновейший сорт плута.

КЭСТРИЛЬ.

Скажите, вы не уберетесь, сударь?

АНАНИЙ.

Изыди, сатана! Ты не дружишь
Со светом. Эти брызги самохвальства
На чванной шее выдают тебя!
Не в них ли налетала с моря печисть
На наши скалы в семьдесят седьмом?
Ты — сам антихрист в гнусной этой шляпе.

СЕРЛИ.

Я уступаю.

КЭСТРИЛЬ.

Убирайтесь вон!

СЕРЛИ.

Но с вами я сочтусь —

АНАНИЙ.

Изыди,

Заносчивый испанец!

СЕРЛИ.

Капитан

И доктор.

АПАНИЙ.

Сын порока!

КЭСТРИЛЬ.

Убирайтесь!

Серли уходит.

Ну как провел дуэль я?

Фэйс.

Хорошо.

Кэстриль.

Да, если я возьмусь за это дело,
Как следует, оно пойдет на лад!

Фэйс.

Но надо броситься за ним в догонку
И проучить; а то вернется вновь.

Кэстриль.

Я побегу ему навстречу.

Уходит.

Саттль отводит Анания в сторону.

Фэйс.

Дрэггер,

Мошенник этот обошел нас. Мы
Решили тут, что ты придешь в испанском,
Чтоб тем пленить вдову. И что ж, представь,
Прохвост берет и надевает тальму
И выходит к нам испанцем. — Ты принес
Китайку?

Дрэггер.

Да.

Фэйс.

Достань себе на время
Испанский плащ. Нет у тебя знакомств
Среди актеров?

Д р э г г е р .

Есть. Вы не видали,
Как я играю дурня?

Ф э й с .

Не видал.

Про себя.

Сыграешь, чай. — Для нас покамест было б
Довольно Иеронимова плаща,
Испанских брыж и шляпы, полагаю. —
Дальнейшее я укажу потом.

Д р э г г е р уходит.

А н а н и й .

Известно, сэр, как ненавистно братство
Испании. Она следит за ним
При помощи шпионов. Я уверен,
Что это был один из них. — Меж тем
Вернемся к делу. Наш синод, отдавшись
Молитвам, был в раздумьях посещен
Найтием в том смысле, что отливка
Монет — вполне законна.

С а т т л ь .

Так-то так.

Да здесь я не могу заняться ею.
Раз дом на подозреньи, все легко
Наружу может всплыть; засадят в Тоуэр
Да и заставят до скончанья дней
Лить золото для блага государства.
А вам тогда ущерб.

А н а н и й .

Я доложу

Об этом старшинам и членам братства.
Пускай единоверческий союз
Устроит вновь соборное моление.

САТТЛЬ.

И общий пост назначит.

АНАНИЙ.

На предмет
Избранья места поудобней. — Мир вам.

САТТЛЬ.

Благодарю, Ананий.

Ананий уходит.

ФЭЙС.

Для чего

Пришел он?

САТТЛЬ.

Да насчет отливки денег.
А я сказал ему, что это был
Шпион испанской службы, отряженный —

ФЭЙС.

Я понял. Но не стыдно ли вам, Саттль?
Вы голову теряете в малейшей
Беде. — Что было б с вами без меня?

САТТЛЬ.

Да, Фэйс. Спасибо вам за дуэлиста.

ФЭЙС.

Кто б мог сказать, что этот чортов дои —

Каналья Серли? Весь преобразился.
Подкрасился. Но чорт с ним! Вот кусок
Китайки вам.

САТТЛЬ.

Где Дрэггер?

Фэйс.

Ищет верно
Испанский плащ, по моему приказу.
Теперь ведь графом буду я.

САТТЛЬ.

А где же

Вдова?

Фэйс.

С «сестрой милорда». С нею Долль.

САТТЛЬ.

Теперь же, Фэйс, по выясненьи вдовьей
Порядочности, я вас попрошу
Восстановить меня в правах.

Фэйс.

Не смейте

И помышлять об этом!

САТТЛЬ.

Почему?

Фэйс.

Не нарушайте слова, — или — кстати .
Вот Долль сама, — я ей скажу.

САТТЛЬ.

Тиран.

Фэйс.

В защите личных прав.

Быстро входит Долль.

Ну, как делишки?
Ты ей сказала, Долль, что граф придет?

Долль Коммон.

Сказала; но меж тем как вы звали,
Другой нагрянул.

Фэйс.

Кто?

Долль Коммон.

Хозяин ваш.

Хозяин дома.

САТТЛЬ.

Что ты!

Фэйс.

Врет, плутовка.
Брось эти шутки. Подойди сюда.

Долль Коммон.

Да высуньтесь. Взгляните.

Фэйс направляется к окну.

САТТЛЬ.

Ты серьезно?

Долль Коммон.

Ей-богу. С ним беседа, стоит
Соседей с сорок.

Фэйс.

Это — он. Бесспорно.

Яснее дня.

Долль Коммон.

Нам этот ясный день
Добра не предвещает.

Фэйс.

Мы пропали

И пойманы.

Долль Коммон.

Ужасно!

Саттль.

Что же вы нам
Твердили, что пока в предместьях гибнет
Хоть по-двое в неделю от чумы,
Он не вернется?

Фэйс.

Не в предместьях — в центре.

Саттль.

Ах, вот как? — Виноват. А я считал
С предместьями. — Как быть нам, Фэйс?

Фэйс.

Молчите.

Как ни стучался б, как ни звал — молчать.
А я приму свой старый вид. Я выйду

К нему дворецким, Иеремией. — Вы же
 Сложите все, что можно будет вывезть
 В двух чемоданах. — Постараюсь сбить
 Его хоть на день, а удастся, — на два.
 Я посажу вас ночью на судно,
 Идущее на Радклиф. — Там мы завтра
 И встретимся. И учиним дележ. —
 Свинец и медь Маммона сложим в погреб.
 Возьмем, как будет время. — Вот что, Долль.
 Нагрей воды мне. Саттль меня побреет.
 Придется капитанской бороде
 Сказать прости, и стать, как прежде, гладким
 Иеремией.

САТТЛЮ.

Ладно?

САТТЛЬ.

Отчего ж,
 Побрею, как могу.

ФЭЙС.

Но вы при этом
 Не взрежете мне глотки? — Вы всерьез
 Беретесь выбрить?

САТТЛЬ.

Видно будет, сударь.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА I

Перед дверью дома Лавуита. Улица.

Лавуит с соседями.

Лавуит.

Тут был такой огромный скоп людей?
И часто, говорите?

1-й сосед.

Ежедневно.

2-й сосед.

И еженощно.

3-й сосед.

Были между них

По виду — лорды.

4-й сосед.

Леди, горожанки.

5-й сосед.

Мещанки.

1-й сосед.

И помещики.

6-й сосед.

В своих

Каретах.

2-й сосед.

Продавщицы устриц.

3-й сосед.

Жены

Портных.

1-й сосед.

Не говоря о драчунах.

4-й сосед.

Табачные торговцы.

5-й сосед.

Точно в Пимли.

Лавуит.

Но чем же мог привлечь их мой лакей?

Он не вывешивал над дверью дома

Щита с теленком о пяти ногах?

Не объявлял, что в доме можно видеть

Гиганта — рака о шести клешнях?

6-й сосед.

Нет, сэр.

3-й сосед.

Тогда и мы зашли бы, сударь.

Лавуит.

Сколь помню, у него влеченья нет

К проповедям. — А вы не замечали
Записок о лечении зубов
И лихорадки?

2-й сосед.

Ничего такого.

Лавуит.

И барабаном не сзывал газетъ
На павианов и марionеток?

5-й сосед.

Нет, сэръ.

Лавуит.

Так я ума не приложу,
Что мог он изобрести. А — интересно.
Люблю находчивость и быстрый ум.
Не оказалось только б, что устроил
Аукциона из моих перипи и штор.
Все прочее я вывез. Если он их
Проел, то чорт с ним. Та же моль. А вдруг
Взял на прокат и выставил картины:
«Монах с монашенкой», «Кавалерист,
Гардюющий на пасторской кобыле»,
«Четырехлетний карапуз с ружьем»,
И собирал народ. Уж не держал ли
Ученых блох? А может потешал
Досужих — дрессированной собакой,
Когда его видали вы?

1-й сосед.

Кого,

Дворецкого?

2-й сосед.

Дворецкого? — Дворецкий
Не попался с месяц на глаза.

Лавунт.

Как! Месяц?

4-й сосед.

Вот уж пятая неделя.

6-й сосед.

Да, сударь, скоро будет шесть недель.

Лавунт.

Вы ставите меня в тупик, соседи.

5-й сосед.

Сэр, если вашей милости совсем
Неведомо, где он то он наверно
Сбежал.

6-й сосед.

А то, помилуй бог, — силом
Похищен.

Лавунт.

Тут уже не до расспросов.

Стучится в дверь.

6-й сосед.

Недели три назад, чиня чулки
Супруге, я услышал в вашем доме
Ужасный крик.

Л А В У И Т.

Диковинная вещь:
Никто не откликается. — Ты слышал
Какой-то крик?

6-й сосед.

Да, будто это звал
Удавленник, лежав в теченьи часа
Без языка.

2-й сосед.

Недели три назад?
И аккурат в обед? Я тоже слышал.

Л А В У И Т.

Послушайте, ведь это чудеса.
Удавленный, без языка, чьи крики
Вам слышались обоим час спустя
По удушеньи!

3-й сосед.

Из подвала, сударь.

Л А В У И Т.

Ты не дурак. Дай руку мне. Ты кто
По ремеслу?

3-й сосед.

Кузнец —

Л А В У И Т.

Кузнец? Так вот что.
Открой-ка эту дверь мне.

3-й сосед.

Хорошо.

Пойду за инструментом.

Уходит.

1-й сосед.

Постучитесь

Еще раз, чем ломать.

Лавуит.

Что ж, постучусь.

Снова стучит.

Появляется Фэйс в своей ливрейной куртке.

Фэйс.

Чего вам?

1-й, 2-й, 4-й соседи.

Иеремия!

Фэйс.

Сударь, сударь,

Не подходите к двери!

Лавуит.

Почему?

Фэйс.

Подальше! Вы стоите слишком близко.

Лавуит.

Во имя небожителей, на что
Бездельник намекает?

Фэйс.

Дом не спасся

От «посещения».

Лавуит.

От чумы? — Тогда

Не подходи и ты.

Фэйс.

Я цел остался.

Лавуит.

Но кто ж тогда болел? Ведь ты один
При доме был оставлен.

Фэйс.

Мой сожигатель:

Ваш кот схватил ее и проболел
С недлю ей, покамест я заметил.
Тогда я ночью снес его на двор
И запер дом на месяц.

Лавуит.

Как?

Фэйс.

С той целью,
Чтоб сожиганьем уксуса, смолы
И дегтя уничтожить всякий запах
И скрыть от вас дурную новость. Вас —
Боялся я — она обескуражит.

Лавуит.

Дыши слабей и отступи назад.

Как странно! А соседи уверяют,
 Что дом не заширался ни на час
 Все это время —

Фэйс.

Что вы?

Лавунт.

Что мужчны
 И женщины всех званий и родов
 До самых низших, толпами стекались
 Сюда, как в новый Хогстонский кабак
 В дни Пимлико.

Фэйс.

Соседям стыдно, сударь
 Нести такую чепуху, сначала
 Не спятивши.

Лавунт.

Да будто б нынче только
 В каретах приезжали. Говорят,
 Один — в французской шляпе. Про другого,
 Что — в бархате, и виден был в окне.
 И множество еще других, входивших
 И выходявших.

Фэйс.

Не в обиду будь
 Замечено соседям пчозкам их,
 Но призраки входили, видно, в дом
 Сквозь камень и железо: ибо эти
 Ключи лежали, — скоро двадцать дней,
 В кармане у меня, а перед этим

Я сам тут одиноко проживал.
Когда бы не обеденное время,
Я б заключил, что слишком глубоко
Соседи заглянули в кружки с элем,
И весь их бред пошел со дна баклаг.
Сэр, чем вам клясться в том, что три недели
Не отпиралась дверь?

Л А В У И Т.

Чудно.

1-й сосед.

А все ж

Сдается мне, что я видал карету.

2-й сосед.

И мне. Хоть присягать.

Л А В У И Т.

Теперь уж вам
«Сдается лишь»? И от карет осталась
Одна всего?

4-й сосед.

Не смеем утверждать.
Есть честь у Еремии.

Ф Е Й С.

А меня-то

Видали вы?

1-й сосед.

Нет. Нет, наверняка.

2-й сосед.

Хоть присягать.

Лавуит.

Изволь им верить, шельмам!

Возвращается 3-й сосед с инструментами.

3-й сосед.

Да это Еремия!

1-й сосед.

Он и есть.

Оставьте инструменты. Мы ошиблись.

2-й сосед.

Ключи весь месяц были у него,
А двери на запоре.

3-й сосед.

Все возможно.

Лавуит.

Ступайте! Наскрипелись, флюгера,
Вращающиеся по воле ветра.

Входит Серли и Маммон.

Фэйс.

В сторону.

Я вижу Серли. И, никак, Маммон,
Проученный и отрезвленный другом.

Они расскажут все. Как с ними быть?
Как отвязаться? Ничего нет хуже
Нечистой совести.

СЕРЛИ, Маммону.

Нет, сударь, он
Великий врач. Нет, этот дом, я вижу,
Не дом свиданий, а молельня. — Вы
Знакомы с лордом и с сестрой.

МАММОН.

О, Серли!

СЕРЛИ.

Счастлирое реченье: «Будь богат»!

МАММОН.

О, не тираньте!

СЕРЛИ.

Будет вам нынче
Обращено ко всем друзьям. Но где
Ухваты ваши, медные кастрюли
И все, долженствовавшее для вас
Быть обращенным в золотые слитки,
Не говоря о грудах серебра?

МАММОН.

Захватывает дух. Но что за диво?
Закрыли двери?

СЕРЛИ.

Видимо, у них
Сегодня нет присутствия.

М а м м о н, стуча в дверь вместе с С е р ж и.

О, шельмы!

Распутники, коричневая рвань!

Ф э й с.

Чего вам, сударь?

М а м м о н.

В дом, коль есть возможность.

Ф э й с.

Как? В дом чужого? — Вот владелец, сэр.
К нему и обратитесь с изложением
Своих претензий.

М а м м о н.

Вы — владелец?

Л а в у и т.

Да.

М а м м о н.

А эти негодяи ваши люди?

Л а в у и т.

Какие негодяи?

М а м м о н.

Саттль и Дух,
Огневздувальная машина Саттля.

Ф э й с.

Как видно, сударь, этот джентльмен

Слегка свихнувшись, ибо три недели
Как в этом доме не было огня.

СЕРЛИ.

Не с вами говорят, холоп нахальный.

ФЭЙС.

Но — я привратник. Я не выпускал
Ключей из рук. Я говорю, что знаю.

СЕРЛИ.

Вот — новый Фэйс.

ФЭЙС.

Сэр, вы скорей всего
Ошиблись домом. Был ли знак над дверью?

СЕРЛИ.

Молчать, невежа! Этот негодяй
Из той же шайки. Сходимте за стражей.
Пускай взломают дверь.

ЛАВУИТ.

Я вас прошу.
Остановиться, джентельмены.

СЕРЛИ.

Сударь,
Мы с полномочьями вернемся к вам.

МАММОН.

И нам откроют дверь.

Маммон и Серли уходят.

ЛАВУИТ.

Что это значит?

ФЕЙС.

Не знаю.

1-й СОСЕД.

А ведь эти два — из тех,
Которых мы, сдается мне, видали.

ФЕЙС.

Из тех? Рехнувшихся? — Из них и вы,
Нисколько не толковей. Сэр, ей-богу,
Луна их всех, видать, свела с ума.

В сторону.

Вот новая беда! Наш забияка.

Входит Кэстриль.

Он примется шуметь и не уйдет,
Покамест не погубит нас.

Кэстриль, стуча в дверь.

Мерзавцы!

Холопы, шельмы, отопрете ль дверь?
Сестра, ехидна, шляха! — Я ей-богу
Бегу за полисменом. Надо быть
Продажной тварью, чтоб еще торчать там!

ФЕЙС.

Кого желаете вы видеть, сер!

Кэстриль.

Всех: доктора мерзавца, капитана
Развратника и кысаньку сестру.

Л А В У И Т.

За этим что-то кроется, бесспорно.

Ф э й с.

Ручаюсь честью, двери никогда
Не отпирались, сударь.

К э с т р и л ь.

Я проведаль
Про их проделки. Толстый господин
И худошавый дважды, пункт за пунктом
Раскрыли мне сначала до конца
Их подвиги.

Л А В У И Т.

А вот еще какой-то.

Входят Ананий и Трибюлэйшен.

Ф э й с, в сторону.

Ананий! С пастором!

Трибюлэйшен, бия в дверь.

Запрет от нас

На двери сей.

А н а н и й.

Наружу, семя ада!
Сын пламени, смрад, выдает тебя!
В сем доме — мерзость!

К э с т р и л ь.

Истинная правда:

Моя сестра там.

АНАНИЙ.

Этот дом — садок
Стервятников!

КЭСТРИЛЬ.

И точно. Надо сбегать
За мусорщиком. Кстати позову
Полицию.

ТРИБЮЛЭЙШЕН.

Отлично.

АНАНИЙ.

Общей силой
Мы выметем их вон.

КЭСТРИЛЬ.

Кричит.

Так что ж, сестра,
Угодно ли вам выйти, потаскушка?

АНАНИЙ.

Не надо звать ее сестрой. Она —
Поистине блудница.

КЭСТРИЛЬ.

Я взбунтую
Всю улицу!

ЛАВУИТ.

Словечко, джентльмен.

АНАНИЙ.

Отыде сатана, не ставь препятствий
Усилям нашим!

Уходят Ананий, Трибюлэйшен и Кэстриль.

Лавуит.

Стал весь свет вторым
Бедламом.

Фэйс.

Эти вырвались из дома
Святой Екатерины, где сидят
Одни неизлечимые.

1-й сосед.

Всех этих
Признали мы. Они входили в дом
И выходили.

2-й сосед.

Верно.

3-й сосед.

И другие.

Фэйс.

Молчали бы, пьянчуги! Это все
Становится необычайным. Можно
Взглянуть, все та же ль скобка на дверях?

Фэйс подходит к двери.

Лавуит.

Непостижимо.

Фэйс.

Та же. Это, видно, —
Оптический обман.

В сторону.

Как я б хотел
Убрать его отсель подальше.

Д Э П П Е Р, изнутри.

Доктор!

Хозяин! Капитан!

Л А В У И Т.

А это кто?

Ф Э Й С, в сторону

Забывтый нами клерк!

Л а в у и т у.

Не знаю. — Это —

Д Э П П Е Р, изнутри.

Когда ж освободится наконец
Царица фей?

Ф Э Й С.

Одна из тех иллюзий,
Что ветер создает.

В сторону.

Наверно кляп
Размок во рту, вот он и взвыл с молчанок.

Д Э П П Е Р, изнутри.

Чуть не задохся.

Ф Э Й С, в сторону.

Жаль, что не совсем.

ЛАВУИТ.

Но это в доме! — Вслушайтесь. —

ФЭЙС.

Нисколько.

Порывы ветра.

ЛАВУИТ.

Тсс!

ДЭППЕР, внутри.

Царица Фей

Немилосердна!

САТТЛЬ.

Дэпперу внутри.

Замолчите, дурень!

А то капут!

Фэйс говорит Саттлю сквозь замочную скважину тем временем, как Лавуит незаметно подкрадывается к нему.

Молчали бы и вы!

ЛАВУИТ.

Так вот оно! — У вас тут тары-бары
С иллюзиями? Бросьте шутки, сэр.
На прямоту. Выкладывайте правду.

ФЭЙС.

Заставьте разойтись толпу.

В сторону.

Как быть?

Я взял с поличным.

ЛАВУИТ.

Добрые соседи!

Спасибо вам. Ступайте по домам.

Они расходятся.

Ну вот что, друг мой. Барин я не строгий;
Как вам известно; следственно для вас
Таиться от меня нет оснований. —
— Чем вы заманивали эту дичь?

ФЭЙС.

Сэр! Вы всегда любили остроумье. —
Но улица не место для бесед
Такого рода. Дайте мне возможность
Извлечь из этих обстоятельств все,
Что в них таится, с наибольшей пользой.
И не сердитесь на меня за то,
Что я распорядился вашим домом.
Вот все, что я прошу у вас. Взамен
Я обещаю свесть вас со вдовою,
Которая омолодит вас, сэр,
Лет на восемь, и даст вам состоянье.
Она в дому. — Доставайте где-нибудь
Испанский плащ. Явитесь в дом без страха.
Он не был посещен ничем.

ЛАВУИТ.

Пока

Не посещен был мною, сверх расчетов
И ожиданий?

ФЭЙС.

Да. Простите, сер.

ЛАВУИТ.

Добро ж. — Что за вдова у вас? Посмотрим.

СЦЕНА II

Комната в доме.

Входит САТТЛЬ, ведя за руку ДЭППЕРА с завязанными как и раньше глазами.

САТТЛЬ.

Как было? Как? Неужели вы съели
Свой хлеб?

ДЭППЕР.

Съел. Он измельчал во рту,
И — съел.

САТТЛЬ.

Вы погубили все.

ДЭППЕР.

Неужто!

Я думаю, царица Фей простит.

САТТЛЬ.

Конечно, тетка ваша — милосердна.
Но вы, стыдились лучше б, сер!

ДЭППЕР.

Меня

Стал смрад душить, и как я ни крепился,
Не снес и скушал, чтоб унялась резь.

Прошу вас, сэр, уговорите леди
Взять это в рассуждение.

Входит Фэйс в военной форме.

Капитан!

Фэйс.

Он проглотил затычку?

Саттль.

Он нарушил

Обет молчанья.

Фэйс.

Я его слышал.

Саттлю.

Но вас я тоже слышал.

Громко.

Что ж, теперь он
Погибший человек. — А я едва
Мог удержать народ вдали от двери.
Пришлось сказать, что в нем приют теней
И привидений.

Саттль.

И достигли цели?

Фэйс.

На этот вечер, да.

Саттль.

Так торжествуй,
Преславный Фэйс, лжуй, король уловок!

Фэйс.

Слыхали, что за шум был?

Саттль.

И дрожал

От страха.

Фэйс, указывая на Дэппера.

Пусть посмотрится на тетку
И поскорей уходит. Я се
Пришлю сюда.

Фэйс уходит.

Саттль.

Их светлость, ваша тетя,
Сейчас вас примет, ради просьб моих,
И личных заверений капитана,
Что не из непочтения к ее
Высочеству вы скушали ваш хлебца.

Дэппер.

Нет, не из непочтения.

Снимает повязку с его глаз.

Входит Долль в наряде царицы фей.

Саттль.

Вот она!

Падите на колени и ползайте
К стопам ее величества. У ней
Осанка неземная.

Дэппер падает на колени и ползет к ней навстречу.

Ближе! — Надо
Воскликнуть: «боже вас храни!»

ДЭППЕР.

Мадам!

САТТЛЬ подсказывает.

И тетушка.

ДЭППЕР.

И тетушка! Царица
Бесценнейшая, боже вас храни!

ДОЛЛЬ КОММОН.

Вы было осердили нас, племянник,
Но близкий сердцу вид ваш отвратил
От вас беду. То радостное чувство,
Которое в нас будит ваш приход
Заставило сложить нас гнев на милость,
Коснитесь шлейфа нашего.

САТТЛЬ, пояснительно.

Полы.

И поцелуйте. Так.

ДОЛЛЬ КОММОН.

Теперь позвольте
Погладить вас по голове.

Тонем заклинанья.

«Не мал

Прибыток будет твой во всем, дитя.
Не малые доходы обрета,
Раздашь не малое, немалое раздаришь,
Немалое издержишь и рассоришь».

САТТЛЬ.

Я думаю! Не мало! — Почему
Не скажете вы тетушке спасибо?

ДЭППЕР.

От радости не в силах говорить.

САТТЛЬ.

Взгляните, ваша светлость, на беднягу.
Не в вашу ли семью он?

ДОЛЛЬ КОММОН.

Дать ему

Заступника. — Племянник, вот вам демон.
Он в ладонке. Носите на груди,
И раз в неделю есть давайте с пальца.

САТТЛЬ.

Булавкой вскройте жилку. Пусть сосет
В неделю раз. А остальное время
Не трогайте.

ДОЛЛЬ КОММОН.

Да. И себя во всем

Держите так, как то пристало крови,
Текущей в ваших жилах.

САТТЛЬ.

Сэр, ес

Высочеству б хотелось, чтоб отныне
Вы перестали есть ульсекский суп
И пирожки у Дэггера.

ДОЛЛЬ КОММОН.

А также

Не завтракали б в «Небе» и в «Аду».

САТТЛЬ.

Вы видите, она следит за вами. —

Вам надо б также перестать играть
 Со всякой сволочью в такие игры,
 Как «Ваше счастье» или «Дай вам бог
 Богатства», в эти игры же тем боле,
 Что это все и тетка вам дала.
 Играйте лишь в компании, где принят
 Хороший тон и в лучшие из игр.

ДЭППЕР.

Да, сэр.

САТТЛЬ.

В примеро, в глик. И постоянно,
 Как повезет вам, вспоминайте нас.

ДЭППЕР.

Грешно забыть.

САТТЛЬ.

Еще сегодня ночью
 Вы при желаньи сможете послать
 Из выигрыша сверх трех тысяч фунтов,
 Излишек — нам.

ДЭППЕР.

Пошлю. Клянусь.

САТТЛЬ.

Ваш дух

Научит вас всем играм.

ФЭЙС, из-за сцены.

Развязались?

САТТЛЬ.

Угодно ль вашей светлости вменить
 Ему еще что-либо в долг?

ДОЛЛЬ КОММОН.

Одно лишь:

Пусть чаще навещает нас. Легко
Случиться может так, что я оставлю
Ему все триста слишком сундуков
Сокровищ и двенадцать тысяч акров
Земли, коль он научится играть
С приличными в порядочные игры.

САТТЛЬ.

Вот это — сердце! Поделуйте плейф.
А ваши сорок марок годового
Я продал бы.

ДЭППЕР.

Я сам предполагал.

САТТЛЬ.

Иль подарил кому. На что гроши вам?

ДЭППЕР.

Я подарю их тетушке. Сейчас
Схожу за закладными.

Дэппер уходит.

САТТЛЬ.

Путь счастливый!

Входит Фэйс.

Фэйс.

Где Саттль?

САТТЛЬ.

Тут. Что вам?

Фэйс.

Дрэггер у дверей.

Возьмите у него костюм. Пусть сходит
За пастором. Скажите, что сейчас
Он обручится с ней. Скажите также,
Что за венчанье — сотню. — Фея Долль,

Саттль уходит.

Вы все сложили?

Долль Коммон.

Все.

Фэйс.

Какого мненья

Вы о вдове?

Долль Коммон.

Святая простота.

Входит Саттль

САТТЛЬ.

Вот ваш Иеронимов плащ и шляпа.

Фэйс.

Давайте-ка.

САТТЛЬ.

И брыжжи.

Фэйс.

Да. Сейчас

Вернусь к вам.

Уходит.

САТТЛЬ.

Он приводит в исполнение
Свой план. — Я говорил вам Долль, о нем. —
Насчет вдовы.

ДОЛЛЬ КОММОН.

Он поступает против
Товарищеских правил.

САТТЛЬ.

Мы ему
Отплатим тем же. Ты сняла браслеты
И брошки со вдовы?

ДОЛЛЬ КОММОН.

Еще сниму.

САТТЛЬ.

Спешу же, Долль. Не позже этой ночи.
Когда все вещи будут на борту,
Отчалим на восток, на Ратклиф. После ж,
Коль ты согласна, переменим курс,
И поворотим к западу, на Брэйнфорд.
Так мы и распростимся навсегда
С заносчивой канальей этой, с этим
Упрямым Фэйсом.

ДОЛЛЬ КОММОН.

Всей душой за то.

Он надоед мне.

САТТЛЬ.

У тебя на это
Есть основанье. Плут теперь в бегах

За юбкой, и наперекор контракту
Жениться думает.

До л л ь К о м м о н .

Я о щ и ц л ю

Его голубку до гола.

С а т т л ь .

Скажи ей,

Что в искупление ее вины
В обидном недоверии к науке,
Ей следовало сделать бы теперь
Какой-нибудь подарок чародею, —
Послать кольцо, примерно, или цепь
Из жемчуга. А то грозит опасность
Быть мучимой виденьями во сне
И прочая. Ты скажешь?

До л л ь К о м м о н .

Да.

С а т т л ь .

Пичужка!

Мыщонок мой! Мы насладимся всем,
В гостинице, начав за сундуками
Веселый разговор «мое — твое,
Твое — мое».

Целуются.

Входит Ф э й с .

Ф э й с .

Вот нежности! Ключ с ключом!

САТТЛЬ.

Да. Нам немножко голову вскружил
Подсчет сокровищ.

ФЭЙС.

В коридоре Дрэггер
С священником. Священника принять,
А Нэба отослать домой. Пускай он
Умоется.

САТТЛЬ.

И выбреется?

Уходит.

ФЭЙС, в догонку Саттлю.

Пусть.

Уговорите.

ДОЛЛЬ КОММОН.

Как однако рьяно
Вы взялись, Фэйс, за это?

ФЭЙС.

Этот шаг
Даст Долли лишних десять фунтов в месяц.

САТТЛЬ возвращается.

Ушел.

САТТЛЬ.

Священник ждет вас в зале, сэр.

ФЭЙС.

Пойду приму его.

Уходит.

До́лль Коммон.

Сию мину́ту

Он обру́чится с ней.

САТТЛЬ.

Еще не́льзя.

Он не готов. Но, До́лли, ради бога
Раздень ее, как можешь. Человек,
Порвавший с нами так, — всего досто́ин.
Надуть его, — отнюдь не есть обман,
А только воздаянье по заслугам.

До́лль Коммон.

Уж я воздам ему.

Входит Фэ́йс.

Фэ́йс.

Ну, как, друзья,
Искатели фортуны, — уложились?
Где сундуки?

САТТЛЬ.

Вот.

Фэ́йс.

Взглянем. Деньги где?

САТТЛЬ.

Вот тут. В коробке.

Фэ́йс, считая.

Десять от Маммона.

Сто шестьдесят его же. Серебро

От братства. Это — Дрэггерово. Это
От Дэшпера. А тут что?

До л л ь К о м м о н.

Жемчуга,

Украденные у своей хозяйки
Служанкою, желавшей знать, когда —

Ф э й с.

Она начнет хозяйкой верховодить?

До л л ь К о м м о н.

Да.

Ф э й с.

Это что за ящик?

С а т т л ь.

В нем — кольцо
Торговки рыбой, кажется, и мелочь
Кабатчицы, сколь помню. Правда, До л л ь ?

До л л ь К о м м о н.

Да. И свисток матроски, приходившей
Узнать, не нанялся ль ее супруг
К пирату Уорду.

Ф э й с.

Свистнем завтра. — Кубки
И чарки. — Завтра обновим. — А где
Французские передники и юбки?
Где опояски?

С а т т л ь.

В этом сундуке.
Тут и батист.

Фэйс.

И Дрэггеров табак
С китайкой?

Саттль.

Да.

Фэйс.

А где ключи?

Долль Коммон.

На что вам

Ключи?

Саттль.

Не бойся, Долли. Все равно
Мы их не вскроем до его приезда.

Фэйс.

Да, да, вы их не вскроете. Вы их
Не увезете даже. Вы их даже
Не тронете, хочу сказать я, Долль.

Долль Коммон.

Но как же?

Фэйс.

Так-с, мой бангик от сорочки!
Признаться вам, хозяин мой сейчас
Узнал про все, простил меня и хочет
Забрать себе добычу. — Доктор, вам
Гримасы каббалиста не помогут.
Да, это так. Да, я послал за ним.
Да, вам обоим, добрые партнеры,

Придется подчиниться. Ибо тут
 Кончается контракт меж Саттлем, Долли
 И Фэйсом. Все, что я еще для вас
 Способен сделать, это подсобить вам
 Пробраться до задов и перелезть
 Через забор. А бархатное платье
 Я заверну вам, Долль. Через миг придет
 Полиция. Поторопитесь с бегством.
 При промедленьи вам не миновать
 Тюрьмы за доком.

Стук в дверь.

Слышите, стучатся.

САТТЛЬ.

Да вы ведь изверг!

ОФИЦЕР, за сценой.

Откройте дверь.

ФЭЙС.

Мне жалко, Долль, тебя. Послушай, хочешь,
 Я помещу тебя куда-нибудь,
 Хоть и с трудом! Отправиться к миссис Амо
 С моим письмом —

ДОЛЛЬ КОММОН.

О, висельник!

ФЭЙС.

А то

К известной Цезарине.

ДОЛЛЬ КОММОН.

Чирьев, чирьев

Тебе, злодей! Будь время у меня,
Как я б тебя избил!

Фэйс.

Не оставьте
Меня без вести, Саттль, о том, в каких
Местах вы остановитесь. На память
О старине я буду посылать
По временам клиентов вам. Скажите,
Какой вы курс возьмете?

Саттль.

Негодяй!

Повесился б со зла, чтоб после смерти
Стать боле страшной нечистью, чем ты,
И посещать тебя в ночных виденьях
И днем, во мраке темных кладовых.

Уходят.

СЦЕНА III

Комната у выхода, в том же доме.

Входит Лавуит в испанском наряде, со священником.

Громкий стук в двери.

Лавуит.

В чем дело, господа?

Маммон, снаружи.

Откройте двери,
Мерзавцы, заговорщики!

О Ф И Ц Е Р, снаружи.

А то

Взломаем.

Л А В У И Т.

А какие полномочья
У вас на то?

О Ф И Ц Е Р, снаружи.

Не беспокойтесь. Их
Достаточно. Откройте, сударь.

Л А В У И Т.

Нет ли

Меж вами офицеров?

О Ф И Ц Е Р, снаружи.

Как же, есть
И даже целых три на всякий случай.

Л А В У И Т.

Терпенье ж, — я сейчас вам отопру.

Входит Ф э й с, одетый дворецким.

Ф э й с.

Ну, сударь, как обряд свершен? Вас можно
Поздравить?

Л А В У И Т.

Можно, умная башка.

Ф э й с.

Так скиньте плащ и брызжи. Будьте снова
Самим собой.

СЕРЛИ, снаружи.
Срывайте с петель!

КЭСТРИЛЬ снаружи
Бей!

Валяй, руби!

ЛАВУИТ, отпирая дверь.

Постойте, джентльмены.
К чему насилье? Можно подождать.

Врываются с шумом Маммон, Серли, Кэстриль,
Ананий, Трибюлошени и офицеры.

МАММОН.

Где угольщик?

СЕРЛИ.

Где капитан?

МАММОН.

Где эти

Дневные совы?

СЕРЛИ.

Вьющие гнездо
Всегда в чужом кармане!

МАММОН.

Где их дама
Сомнительного свойства?

КЭСТРИЛЬ.

И сестра,
Не мене непотребная!

АНАНИЙ.

Исчадьё

Грехопаденья!

Т Р И Б Ю Л Э Й Ш Е Н.

Равные в своем

Нечестии Ваалу и Дракону!

АНАНИЙ.

И горшие чем саранча и вши
Египта!

ЛАВУИТ.

Выслушайте джентльмены.

Но что за офицеры вы, когда
Не можете остановить насилья?

1-й О Ф И Ц Е Р, наступающим.

Спокойней!

ЛАВУИТ.

Что случилось, господа?

Кого вам надо?

МАММОН.

Химнка-пролазу.

СЕРЛИ.

И горе-капитана.

К Э С Т Р И Л Ъ.

И МОЮ

Сестру, монашку.

М А М М О Н.

И мадам раввиншу.

А Н А Н И Й.

Червей и гусениц!

Л А В У И Т.

Не все за раз.

Нельзя ж так!

2-й О Ф И Ц Е Р.

По порядку, друг за дружкой.
Я требую достоинством жезла.

А Н А Н И Й.

Они — сосуды гордости, тщеславья
И всех грехов.

Л А В У И Т.

Усердная душа!
Уймись на время.

Т Р И Б Ю Л Э Й Ш Е И.

Прекрати, Ананий.

Л А В У И Т.

Дом этот — мой. Он отперт. Если в нем
Находятся те лица, о которых
Вы спрашиваете, — у вас есть власть
Устроить обыск. Я мешать не стану.
Я только что приехал, и найдя
Стечение народа возле двери,
Признаться, был немало удивлен. —

Тогда дворецкий мой, из страха пушей
 Немилости, решил, что лучше мне
 Сказать всю правду. Пользуясь известной
 Моей боязнью города, порой
 Свирепствующих в нем поветрий, малый
 Имел нахальство сдать его в наем
 Какому-то врачу и капитану.
 Кто и откуда эти люди, он
 Не знает, как и то, куда девались.

М а м м о н.

Они сбежали?

Л а в у и т.

Можете пройти
 И обыскать.

Маммон, Ананий и Трибюлэйшен
 проходят в дом.

Жилище в худшем виде,
 Чем я его оставил. С голых стен
 Свисает копоть. На полу — осколки
 Горшков и склянок. Печка. — Потолок
 Исписан сальной свечей, где кем-то
 Какая-то воспета госпожа.
 Единственная женщина, с которой
 Я здесь столкнулся, по ее словам, —
 Вдова. Она передает —

К э с т р и л ь.

— А, это —
 Сестра. — Задам ей таску! Где она?

К э с т р и л ь проходит в дом.

Л А В У И Т.

Она передает, что с ней сосватан
Испанский граф какой-то был. Но он
Так грубо пренебрег при встрече ею;
Что я, вдовец, был вынужден принять
Его обязанности на себя.

С Е Р Л И.

Как! Значит

Я потерял ее?

Л А В У И Т.

Так это вы
Тем доном были, сэр? — Она клянет вас.
Вы выкрасили бороду, лицо
Покрыли умброй, одолжили брыджи,
Все из любви к ней. А в конце концов,
Вы ничего не сделали. — Какая
Нерасторопность! Что за недосмотр
И полное отсутствие уменья!
Хоть уж и старый мушкетер, а я
Успел таки в одно мгновенье оба
Насыпать пороху, спустить курок,
И — без осечки!

М а м м о н возвращается.

М А М М О Н.

Птички улетели.

Л А В У И Т.

Какой породы были?

М А М М О Н.

Из сорок

Или из галок, сэр. Они успели
Почистить в пять недель мой кошелек
На полтораста фунтов, не считая
Сырого матерьяла и добра,
Оставленного шайкою в подвале.
Я рад не мало этому: теперь
Смогу увезть с собой хоть эти вещи.

Л А В У И Т.

Вы думаете?

М А М М О Н.

Да. А как же, сэр?

Л А В У И Т.

Лишь по закону выдам, не иначе.

М А М М О Н.

Как так? Мое имущество?

Л А В У И Т.

Почем

Могу я знать, что эти вещи — ваши?
Достаньте удостоверение в том,
Что вас лишили их, сыгравши с вами
Комедию. Пусть в окружном суде
Формально подтвердят, что добровольно
Вы дали обобратить себя. Тогда
Я выдам их.

М А М М О Н.

Пусть лучше пропадают.

Л А В У И Т.

Зачем? Я не согласен с вами, сэр.
Берите их. Но лишь под этим видом.
— Скажите-ка, не в золотой ли сплав
Хотели превратить вы эту утварь?

М А М М О Н.

Нет. — Не скажу. — Возможно. — Вам на что?

Л А В У И Т.

Какой удар для вас!

М А М М О Н.

Не я страдаю:
Общественные интересы, сэр.

Ф Э Й С.

Да, он мечтал построить новый город
Со рвами в берегах из серебра.
Он их хотел наполнить сладким кремом
Из Хогстона, чтоб по воскресным дням
Ученики и швейки в них кормились
Бесплатно.

М А М М О Н, в отчаяньи.

Это может довести
До проповеди светопреставленья
С тележного задка.

Входит С е р л и.

Вы как во сне.
Что с вами, Серли?

СЕРЛИ.

Я себя ругаю.
Нет в мире непростительней греха,
Чем глупая порядочность. Пойдемте
Выслеживать воров: я наперед
Беру себе под обработку Фэйса,
Где б я его не встретил.

ФЭЙС.

Если я
Услышу что-нибудь о нем, я тотчас
Уведомлю вас, сударь. Ибо мне
Сказать по правде, эти люди были
Ничуть неведомы. Я их считал
Не мене честными чем сам я.

Уходят Маммон и Серли.
Возвращаются Анания и Трибюлэйшен.

Трибюлэйшен.

Братством
Еще не все потеряно. — Теперь
Наймите фуру.

Лавуит.

А на что вам фура?

Ананий.

Чтоб увезти законное добро
Подвижников из сей пещеры татей.

Лавуит.

Какое?

А н а н и й.

То добро, что перед тем
Сиротским было, а совсем недавно
Закуплено для братства, за его
Серебренники.

Л а в у и т.

Вещи из подвала?
Их тоже требует себе Маммон.

А н а н и й.

Маммоною гнушаюсь, как и все мы
По братству. — Нечестивый человек!
Как у тебя хватило дерзновенья
И совести, поставить наравне:
Нас, блещущих святой печатью Духа,
С таким кумиром. Иль не серебро,
Те шиллинги, что братство отсчитало?
Не шиллинги ль слагаются в фунты.
А в день второй, четвертые недели,
Восьмого месяца в последний год
Страстотерпенья нашего, тех фунтов
Отсчитано наличными шесть сот
И десять, счетом, на столе меняльном.

Л а в у и т.

Мой ревностный кропальщик меж портных,
Мой дьякон, — ни в какие споры с вами
Вступать я не желаю. Если ж вы
Добром не уберетесь, — ваши мненья
Я разобью — дубинкою!

А н а н и й.

Но, сэр!

Т Р И Б Ю Л Э Й Ш Е Н .

Терпи, отец Ананий.

А н а н и й .

Я бесстрашен.

Я встану, препоясавшись мечом
Противу супостата, что в изгнании
Страдает племя Гад!

Л а в у и т .

Тебе давно

Пора назад, в подвалы Амстердама.

А н а н и й .

Я буду там в своих проповедях
Громить твой дом. Пускай собаки гадят
Кругом сеней. Пусть осы и жуки
Плодятся у тебя под кровом этой
Пещеры лжи, пристанища греха!

Уходят Ананий и Трибюлэйшен.
Входит Дрэггер.

Л а в у и т .

Другой такой?

Д р э г г е р .

Нет, сэр, я не из братьев.

Л а в у и т , бьет его.

Вон, Гарри Никлас! Вон! Не рассуждать!

Д р э г г е р убегает.

Фэйс.

Он не из этих. Это — Абель Дрэггер.

Обращаясь к священнику.

Ступайте, сэр, утешьте бедняка.
Скажите, что обряд свершен; что слишком
Он долго мыл лицо, что о враче
В Вестчестере навесь он может справки,
О капитане ж в Ярмуте, а то
В каком другом порту, где он задержан
Безветрием.

Входит Кэстриль, силой втаскивая за собой сестру.

Когда б вам удалось
Разделаться и с этим горлопаном!

Кэстриль.

Овечка! Вы вступили, говорят,
В завидный брак? Неправда ли? Сознайтесь.
А сколько раз вам твержено, что я
Хочу вас видеть замужем за бравым
Повесою, способным сделать вас
Заправской леди. Что же вы за кукла?
Вас бить за это мало ведь! Пойти
За явное бессилие!

Лавуит.

Вы лжете,
Приятель; я здоров как вы. Сейчас
Я это докажу вам. Защищайтесь!

Кэстриль.

Пожалуйста! Вот так сюрприз!

ЛАВУИТ.

Ну что ж,
Деремся, что ль? Я проучу вас, шельма!
Отстегивайте шпагу.

КЭСТРИЛЬ.

Что за чорт!
Да это ж молодец, каких не много!

ЛАВУИТ.

Ага! Теперь вы изменили тон? —
Начнемте ж. Вот стоит моя голубка. —
Дотроньтесь, если смеете!

КЭСТРИЛЬ.

Тьфу чорт!
Он от души мне мил. Обезоружен!
Хоть вешайте за это. Нет, сестра,
Я одобряю выбор твой.

ЛАВУИТ.

Ах вот как!
Вы одобряете?

КЭСТРИЛЬ.

Да как еще!
А если ты к тому еще умеешь
Курить табак, и выпить не дурак,
Так я, ей-богу, старый молодчага,
Накину лишних тысяч пять на все,
Что числится за ней.

ЛАВУИТ.

Набей-ка трубку,
Иеремия.

Фэйс.

Трубка в кладовой.
Достаньте сами!

Лавуит.

Слушаюсь. Отныне
Учи меня, Иеремия.

Кэстриль.

Ты

На редкость, ведь, мужчина! Просто прелесть!
Не скаредный. — Ну что за весельчак!
Пойдем-ка в дом, да запыхтим, дружище.

Лавуит.

Сейчас приду. А ты ступай с сестрой
И поостынь-ка, шурин.

Уходят Кэстриль и г-жа Плайант.

Тот хозяин,

Которому слуга его принес
Такое счастье с эдакой вдовою,
С таким богатством, был бы образцом
Неблагодарности, — не прояви он
Немного снисхождения к уму
Такого молодца, не без попанья
Достоинства, приличного ему.

Выступает к авансцене.

А посему, почтенное собрание
И зрители, — когда из вас кому
Покажутся забытыми границы,
В которых наш преклонный возраст чтится,
То вспомните из жизни, что подчас

Способны сделать юная супруга
И смётливый слуга с любимым из нас!
Как наша старость в их руках упруга!
Вас тянут как струну, и часто — рвут. —
А впрочем сам к ним обращайся, плут.

Фэйс.

Рад от души.

Выступая на авансцену.

Почтенное собрание.

В последней сцене я немного спал
С блестящей роли, взятой мною ране,
И с голоса, что Фэйсу подобал.
Но это только видимость, декорум.
Хоть сбыты с рук Саттль, Серли, Долль, Маммон,
Апаний, Дэппер, Дрэггер, — всяк, с которым
Я знался — (но теперь не до имен), —
Все ж я не одинок: я в вашей сфере.
Не поминайте ж лихом. Чем богат,
Тем вам всегда душевно буду рад,
И знайте: вам всегда открыты двери.

Уходит.

ВАРФОЛОМЕЕВА
ЯРМАРКА
КОМЕДИЯ

THE BARTHOLOMEW FAIR

ПЕРЕВОД П. Н. СОКОЛОВОЙ

ПЕРСОНАЖИ ПРОЛОГА

Сторож.
Суфлер.
Нотариус.

ПЕРСОНАЖИ КОМЕДИИ

Оверду — судья.
Лительвит — частный поверенный.
Варфоломей Кук — молодой дворянин из Хорро.
Винвайф } молодые дворяне
Кварелус } модные щеголи.
Рабби Бизи — ревность страны, пуританин.
Хёмфри — по прозвищу Вэсп или Оса — управляющий имениями Кука.
Летерхед — игрушечный мастер, он же и марионетщик по прозвищу «Фонарь».
Соловей — певец баллад.
Эдгвард — вор, карманщик.
Капитан Джордан Нокэм — барышник, торгующий лошадьми.
Капитан Вит — сводник под видом капитана.
Хагис }
Бристольс } полицейские
Суконщик — с севера.
Валькатинг — профессиональный драчун.
Боред Пуппи.
Мункалф — половой в кабачке «Кабанья голова».
Соломон — слуга Лительвита.
Шарквель }
Фильшер } слуги при кукольном театре.
Разносчик груш.
Трубельоль — сумасшедший.

Дама Оверду — жена судьи.

Дама Пюрекрафт — благочестивая вдова, поклонница пуритан.

Дама Виндифей — ее дочь, жена Лительвита.

Гресс Вэльборн — сирота, опекаемая судьей Оверду.

Урса — трактирщица, хозяйка «Кабаньей головы».

Джуан Траш — торговка.

Алис — старуха, сторожиха игорной будки.

Прохожие, гости ярмарки, дети, солдаты, сторожа.

ВВЕДЕНИЕ

Сцена (подмости). Входит театральный сторож.

Сторож. Терпение, господа! Они сейчас выйдут. У того, кто должен начать пьесу, у г. Лидельвита, поверенного, спустилась петля в черном шелковом чулке. Вы не успеете досчитать до 20, как дырку заштопают. Он играет одного из столбов аркады, той, что над больницей — вы сами понимаете, что я хочу этим сказать... и у него очень хорошая роль. Но, что касается всей пьесы — поверите ли (дайте только взгляну на занавес, не подслушивает ли меня сам автор, или его прихвостень господин Бром); это, кажется, самая настоящая дрянь на самом что ни на есть грубом английском языке. Как только дело там дойдет до ярмарки, вы с таким же успехом могли бы отправиться в Виргинию, потому что в ней от Смисфильда ничего не осталось. Автор не только не угождает вкусам публики, он и не знает их. Он и не разговаривал с Варфоломеевыми птицами, как говорится; у него на ярмарке нет ни меченосца, ни щитеносца, ни маленького Дэви, которому собирать пошлину со сводней,

как в мое время, водилось, ни зубодера-благотелья на тот случай, если у кого зуб заболит, ни фокусника-жонглера, с лихо обученной мартышкой, которая по канату ходит во славу короля Английского и принца Уэльского, а на задку смиренно сидит, чуть дело зайдет о папе Римском и Испанском короле. Никаких таких распрекраснейших зрелищ. Ничего. А вот я знаю одного писателя, так тот в подобном же случае сумел бы заварить такую кутерьму, что так бы вы и решили: ни дать ни взять землетрясение на ярмарке. Ну, да вот этикие мастера-поэты держатся особых своих нелепых направлений. Они и знать-то ни о чем не хотят. Он, многоуважаемые, поколотил меня три-четыре раза в уборной (крайне ему благодарен) только за то, что я предлагал ему в помощь свой опыт. Он и слышать об этом не хочет. Я, видите ли, осел. Я, сторож театра со времени Тарлетона — слава тебе господи. О! И такой человек дожил до того, чтобы играть в Варфоломеевой ярмарке. Вам бы только видеть, как он выходил, да как его дурачили. И Адам, этот плут, прыгал и скакал вокруг него, валя на него всякую дрянь, как будто она ему ничего не стоила, а потом почтенная стража подкрадывалась к ним, хватала и тащила их, болтая всякий, неподходящий к случаю вздор, как это обыкновенно полагается в театральных представлениях.

Входит суфлер с нотариусом.

Суфлер. Ну, что вы тут болтаете? Друзей что ли нашли или знакомых, что так распространяетесь.

Сторож. Ничего особенного. Но вот стоячая публика из партера спрашивала мое мнение.

Суфлер. Ваше мнение, негодяй, о чем? Как

мести сцену да подбирать гнилые яблоки для зверинца. Проваливай, плут! Вот до чего дожил театр, чтобы такой молокосос претендовал на суждение (Сторож уходит). А в сущности, почему бы и ему не иметь своего мнения, раз ему это угодно, автор ведь писал как раз для него и ему подобных: для здешней публики — его товарищей по сообразительности. Господа (подходит к рампе), не за отсутствием пролога, а в виде исключительной новинки я послан сюда с нотариусом и с кое-какими условиями, наскоро набросанными, касательно нашего автора и вас самих, каковые прошу выслушать и, в случае если данные условия окажутся правильными, то их и одобрить. Пьеса последует немедленно. Читайте, нотариус, дайте мне копию.

Нотариус. Пункты соглашения, принятого зрителями или слушателями театра «Надежда», что на мелком берегу в графстве Сюррей с одной стороны и автором «Варфоломеевой ярмарки» с другой 31 октября 1614 г. в 12-й год царствования государя нашего Якова, милостью божьею короля Англии, Франции и Ирландии, защитника веры, царствования его в Шотландии на 47-м году.

Принято и уговорено взаимно вышеуказанными сторонами, что упомянутым слушателям или зрителям, в равной же мере, как любопытным, так и завистникам, благожелателям и хулителям, стоящим и лежащим обязательно полагается терпеливо оставаться на местах, куда они попали с помощью ли денег или добрых друзей в течение $2\frac{1}{2}$ часов с небольшим. В течение этого времени автор обещает представить им новую достойную вещь, веселую и шумную пьесу, созданную ко всеобщему удовольствию и никому

не в обиду, если полагать, что всякий достаточно остроумен или честен настолько, чтобы быть о себе хорошего мнения.

Далее принято, что каждому лицу представляется здесь личная или общая свободная воля для критики, пьеса может ему нравиться или не нравиться по собственному его усмотрению, так как автор сейчас теряет все свои права и каждый имеет законное право судить на все свои шесть пенсов, двенадцать пенсов, а равно и на восемнадцать пенсов, два шиллинга, полкроны, по цене места, с тем однако, чтобы цена места не превышала разум сидящего на нем. Бude же кто заплатил за 12 мест-кресел, — то он и отвечает за суждение их всех, то есть позаботится, чтобы там молчали. С критикой здесь нужно обращаться как с выигрышами в лотерее. Если посетитель заплатит у входа только шесть пенсов, а станет критиковать на полкроны, то это будет считаться бессовестным и незаконным.

Уговорено также, что каждый человек выражает свое личное суждение, а не судит из полражания, или по доверию, с чужого ли голоса, или по чужому лицу, сидящего рядом с ним, как бы ни опытен он был в остроумии; а также чтобы он был тверд и определен в своем убеждении, а именно: раз он одобряет или порицает сегодня, он должен высказываться также и завтра, а если завтра, то и после завтра, и на будущей неделе, буде понадобится, а не дал бы себя провести некоторым, которые хотя и сидят рядом с ним, специалисты хвалить и осуждать пьесы ежедневно. Изъятия не делается и для того, кто клянется, что Иеронимо и Андроник остаются лучшими пьесами — как человека, показывающего

постоянство своего суждения, но не сдвинувшегося с места за все 25—30 истекших лет. Хотя это и невежество, но это добродетельное почтенное невежество и после истины лучше всего подобное отъявленное заблуждение, так как от такого человека автор знает, чего ожидать.

Далее уговорено, установлено, условлено, что как бы ни были велики ожидания, никто не должен ожидать более того, что он может найти или вернее купить на ярмарке, и не должен оглядываться на век щитоносцев и меченосцев, а довольствоваться настоящим веком. Вместо маленького Деви, который собирает подати со сводень, автор подрядился поставить хвастливого барышника с косым пьяницей при двух-трех провожатых в отменнейших костюмах и затем вместо кротчайшего зубодера — выслать вам навстречу хорошую жирную трактирщицу и пару буянов заместо музыки, премудрого мирового судью в размышлении вместо фокусника с обезьянкой, любезного карманщика в проникновении, умильного певца новых завлекающих баллад в надувании, а величайшего из всех лицемера в поползновении. Автор говорит, что если нет наемного чудовища на ярмарке и собрания всяких уродов, то это не его вина. Он избегает пугать природу, не в пример иным авторам, которые выдумывают сказки, бури и тому подобную чепуху, становясь на голову перед публикой; страсть к джиге и танцам может царить среди вас сколько угодно, а если уж кому нравятся марионетки — и тех милости просим.

В соображении с чем окончательно признано вышеупомянутыми слушателями и зрителями, что они ни сами не станут укрывать, ни потерпят, чтобы среди них укрывался казенный тол-

кователь, вроде политической отмычки всей пьесы, торжественно надутый до такой степени, что готов расковыривать, кто подразумевается под торговкой имбирными пряниками, кто под торговцом игрушек или яблочницей, а то еще и кто олицетворяется их товаром. Или такой, что возомнит уверять на основании своего вдохновенного невежества, какое зеркало правосудья изображено в судье, какая знатная дама в торговке свининой, какой государственный деятель в крысолове и т. п. Такой человек или такие люди, буде найдутся, должны быть разоблачены и выданы головой автору, в качестве вероломных преступников против театра и вашего смеха, равно же и всякий, кто безнадежно и самохвально будет валять дурака, обвиняя автора в непристойности потому де, что язык порой отдаст ярмаркой, кабаком и свиным супом, или же в кощунстве, того только ради, что сумасшедший кричит: господи упокой, господи благослови. В свидетельство чего, раз вы уселись на места, а места ваши вам денег стоят, вам предоставляется второй способ выражения мнения — ваши руки.

Пьеса сейчас начнется. И хотя ярмарка не выдержана в том объеме, в каком может быть некоторым и хотелось бы ее видеть, все же примите во внимание, что автор позаботился о возможном соответствии: здесь на сцене так же грязно, как и в Смиффилде и так же воняет. Как бы то ни было, он просит вас поверить, что товар его настоящий, иначе вы позволите ему справедливо подозревать, что тот, кто брезгает смотреть здесь на кукол и деревянных лошадок, — спекулирует ими в другом месте.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Комната в доме Лительвита.

Лительвит (входит с документом в руках). Славная выдумка, стоило изобретать! Мне удалось сплести эту тонкую паутину и, как шелко-вичному червю, вытянуть нить из себя. Вот брачный контракт: Господин Варфоломей Кук из Харро, что на холме в графстве Мидлессекс, дворянин, имеет вступить в брак с госпожей Грэс Вельборн из того же селения и области. А когда этому быть? Сегодня двадцать четвертого августа в день Варфоломея. Варфоломей на Варфоломея! Вот так штука! Кому не завидовать такой дурацкой удаче? Почти, как выкинуть по очку на всех четырех костях сразу. Продолжай в том же роде, Джон Лительвит! Частный поверенный Джон Лительвит! Один из хитрейших умов при соборе Павла, Лондонский Лительвит, как тебя называют, да еще с некоторым добавлением. Если ты прозеваешь какую-нибудь кляузу или каверзу, не уловишь ее, не зацепишь, не потянешь ее на суд разума (вот тут я играю словами), да извергнут тебя со двора первосвященника прямо на кухню и сотворят там тебя Джеком из Джона.

Вот я каков! (Г-жа Лительвит входит.) Вин. Здравствуй, Вин! Ах, милая Вин, как ты превосходно

выглядишь. Я покорен этой шляпкой. Ты в ней еще не щеголяла, Вин, у тебя не водилось бархатной шляпы, а была простая деревенская касторовая с красненькой ленточкой, как у скорнячки с Бюржрод. Прелесть моя, дай поцелую! А сапожки высокие, точно у испанской дамы. Милая Вин, пройдишь немножко, я бы посмотрел, как ты ходишь, хорошенькая Вин. В этой шляпке я не могу перестать целовать тебя.

Вин. Ты все такой же сумасшедший, как был.

Лительвит. Нет — ровно пол-сумасшедшего. Вин, ты — другая половина. Муж да жена — один сумасшедший, Вин! Хорошо! А? Есть ли еще во всем округе проктор или доктор, которому бы выпало вынуть такую Вин. Вот я опять испытываю прилив такого необыкновенного самодовольства, что и в словах не опишешь. К чорту всех этих претендентов на остроумие. Завсегда-таев Трех журавлей, Митры и Русалки, ни крошки в них соли, ни зернышка горчицы, пусть стоят за нами в очереди да платят за мадеру на два пенса с четверти больше всех прочих. Покажите мне еще человека, который бы умел высосать из пива в шесть шиллингов мудрость правосудия и законодательствовать всем писакам в городе и всем этим актерским кумовьям, — между прочим и другие имеют жен, не хуже жен актерских, и таких же нарядных. Поди сюда, Вин. (Целует ее.)

Винвайф (входит). Ну, мистер Лительвит, измеряете ли губки или снимаете слепок с поцелуя. Что именно?

Лительвит. Я действительно немного увлекся туалетом моей Вин. Разве не хорошо, мистер

Винвайф. Представьте себе, сэр, она не хотела носить этого платья. Я вызываю всю Шипсейд, пусть выставят что-нибудь вроде. Всю Морфильд, всю Пимлюсопас, или всю Биржу в летний вечер, — и с такими кружевами до башмака, как у нее. Милая Вин, позволь мистеру Винвайфу поделовать тебя. Он поклонник твоей матери, Вин, и может случиться будет твоим отцом, Вин. Он тебе не опасен.

Винвайф. Никоим образом, мистер Лительвит. (Целует Вин.)

Лительвит. Я не завидую ни одному мужу, обладая такими деликатесами, сэр.

Винвайф. Клянусь Аллахом, вы один имеете сад, где зреют такие плоды. Что за жена! Губки вишневые, земляничное дыхание, щечки абрикосовые и мягкая, бархатная головка, что персик.

Лительвит. Ловко, ей-богу, провалюсь я на этом месте, что мне раньше в голову не приходило так ее расписывать... Бархатная головка...

Винвайф. Но вкус мой влечет меня, сэр, к плодам более зрелым: к благородной матроне, матери вашей супруги.

Лительвит. О, знаем, вы ищете ее руки, сэр; Вин и я желаем вам полного успеха. Такой документ заведись он у вас. связал бы ваши имена, как вот тут у меня одну парочку. Вин не прочь получить отличного молодого вотчина с дворянским плюмажем, которого мать ее могла бы окопачить и водить на целочке вместе с мистрис Оверду. Но вы на ложном пути, мистер Винвайф.

Винвайф. Но почему же, мистер Лительвит.

Лительвит. Вы не достаточно спягили.

Винвайф. Как, разве сумасшествие — должный путь?

Лительвит. Я ничего не говорю, я только намекаю, Вин. У вас есть друг — господин Ква-релус. — Он бывает иногда здесь.

Винвайф. Что? Он ухаживает за ней?

Лительвит. Ничего особенного, насколько я видел, уверяю вас, но...

Винвайф. Что?

Лительвит. Из вас двух он самый поло-умный. Вы меня не понимаете?

Вин (к Лительвиту). У вас язык чешется, не терпится.

Лительвит. Позволь мне высказаться, доро-гая Вин.

Вин. Я сама скажу.

Лительвит. Говори, очень тебе благодарен, это очень хорошо с твоей стороны, у тебя доб-рое сердечко, Вин.

Вин. На днях мать моя ходила в Ковлин за святой водой, там хитрецы предсказали ей буду-щее и убедили ее в том, что она не будет счаст-лива ни одного часа, если не выйдет замуж в течение этой недели и обязательно за сумасшед-шего.

Лительвит. Но этот сумасшедший обяза-тельно должен быть дворянином.

Вин. Да, так сказал тот человек из Мор-фильда.

Винвайф. И она ему поверила.

Лительвит. Как же — по два раза на день ходит в Бедлам справляться — нет ли там сума-сшедшего дворянина или не ожидается ли тако-вой.

Винвайф. Да, ведь это заговор, чистая попытка прямого надувательства со стороны этих мошенников.

Лительвит. Я ей так и сказал, или же еще говорил ей, что, очевидно, подразумеваются какие-нибудь легкомысленные молодые дворяне, потому что чорт способен не хуже купца надуть. Вот и посоветовал бы вам быть немного посу-масшедшее, чем господин Кварелус.

Винвайф. Где она?

Лительвит. Где? Да она сейчас беседует со старостой из Бенбюри. Ухаживатель! вваливается сюда во время обеда, восхваляет страждущую братию и молится о возвеличении сладкопевцев, выпаливает молитву единым духом, пока не подавится. Иногда вдохновение в нем так велико, что он из себя выходит, и мать моя и Вин стараются вернуть его в себя обратно посредством мальвазии или aqua celestis.

Вин. Да, правда, у нас там много хлопот с его диэтой, да и одеждой тоже, у него постоянно отрываются пуговицы и все трещит на нем при каждом слове, которое он выкрикивает со стена-нием.

Лительвит. Он говорит, что ненавидит мою профессию.

Вин. Он сказал моей матери, что поверенный это коготь зверя, и что она совершила ни больше ни меньше, как смертный грех, выдав меня замуж так, как она это сделала.

Лительвит. Он говорит, что каждая строка, писанная нотариусом и читаемая в суде, — длинный черный волос, вырванный из хвоста антихриста.

Винвайф. Когда пришел сюда этот проповедник?

Лительвит. Около трех дней тому назад.

Кварелус (входит). Так вот вы где прячетесь! Хорошо, что вас можно все-таки нагнать, пробежав за вами три часа. Немилосердный вы человек: выходит из дому в такое неподобающее время. Никто — разве только бездомное отродье гудочника да тряпичника, старьевщик с навозной кучи, или в лучшем случае какой-нибудь костяк безмозглый способен вставать, когда ты вышел. При всем моем уважении к тебе я спрашиваю: что у тебя болит? Отчего не спится? Заноза у тебя в глазу, репейник в постели?

Винвайф. Не знаю, мне кажется, что скорее он у вас в сапоге, раз вы так мечетесь, разыскивая меня.

Кварелус. Нет, я уж хотел послать вам в догонку собак-ищеек со всего города, чтоб они вас разнохали. Мастер Джон Лительвит. Храни вас бог, сэр, жаркая это была ночь кому-то из нас, Джон. Хватить ли нам по тому же волку, поверенный Джон, а?

Лительвит. Помните ли вы, мистер Кварелус, о чем мы рассуждали прошлую ночью?

Кварелус. Нет, Джон, ничего не помню, ни как я рассуждал, ни что я делал... в такие минуты я все предаю забвению.

Лительвит. Не может быть! Не то, что касается Вин. Смотрите, вот она так и одета, как я вам говорил. Слушайте, сэр (шопотом). Вы не забыли?

Кварелус. Клянусь собственной головой, что

вперед остерегусь, выпивая с вами, Джон, будьте уверены: у вас такая опасная память.

Л и т е л ь в и т. Почему же, сэр?

К в а р е л у с. Как почему? Мы все немного разгорелись прошлой ночью, возбудились стаканом — другим. И я сговорился с поверенным Джоном прийти сюда сегодня и что-то сделать с Вин... не помню что. И вот он мне это сейчас припомнил. Он говорит, что собирался идти за мной. Честное слово, если у вас такая опаснейшая способность, Джон, помнить в трезвом виде то, что вы обещали с пьяна, Джон, я стану остерегаться вас, Джон. На этот раз я ограничусь тем, что опередил вас... где ваша жена? Подите сюда, Вин. (Целует ее.)

В и н. О, Джон! Ты видишь это, Джон! Что же ты глядишь, помоги же мне, Джон.

Л и т е л ь в и т. О, постыдись, Вин! Что ты воображаешь, Вин? Будь женщиной, Вин, вспомни свою мать, Вин! Мистер Кварелус честный человек и преданнейший наш друг, Вин. Он также друг мистера Винвайфа, а мистер Винвайф поклонник твоей матери, Вин, и как я тебе уже говорил, может стать твоим отцом. Они тебя не обидят. Оба они наши преданнейшие добрейшие друзья. Вам следует знать мистера Кварелуса, Вин. Вы не должны ссориться с мистером Кварелусом, Вин.

К в а р е л у с. Нет. Мы поделуемся еще и поладим. (Целует Вин.)

Л и т е л ь в и т.⁵ Да, целуй его, милая Вин.

В и н в а й ф. Честное слово, ты дурак, Джон!

Л и т е л ь в и т. Дурак — Джон! Вот как она меня называет, слышали вы это господа? Хоро-

шенькая моя, бархатная моя Лительвит... Дурак — Джон.

КВАРЕЛУС (в сторону). Уж назовет она тебя сводник-Джон, если это будет так продолжаться. (Целует опять.)

ВИНВАЙФ. Прошу тебя воздержаться из уважения хотя бы ко мне.

КВАРЕЛУС. Честное слово, каким вы вдруг стали почтительным! Я боюсь что это семейство обратит и вас в пуританство. Прошу вас, придите в себя. Из-за того только, что она может быть станет когда-нибудь вашей падчерицей, ей надо просить вашего благословения на поцелуй от поклонника. Ладно, я воздержусь, сэр, но клянусь вы должны раз навсегда прекратить свое развлечение — ловлю вдовы, эту косолапую погоню за старой почтенной юбкой... В городе не может быть ни одной старушечьей требухи, которую бы вы сейчас же не обнюхали. И этому прекрасному занятию ты посвящаешь себя, пока не поддепишь какую-нибудь... Скоблишь буйволу кожу, как приговоренный на вечное сидение в вонючем ряду торговок потрохами. Или еще хуже, носишься со старым скелетом, подрядившись оживить его. Клянусь, некоторые из тех, которых ты имел или за которыми ты волочился, так стары, что ни девственные ни брачные удовольствия им уж не к лицу. Тесное орудие производительности уж сорок лет как им не принадлежит. Ты должен ходить к ним как на могилы, со свечей, или ярко горящем трехсвечником в руке. Может статься, они тебя тогда и оценят, и ты унаследуешь в меру содеянного.

Хорошенькое дело для мужчины тратить пыл

жизни, чтобы выскрести себе состояние из старушечьего пепла. Поглядим на тебя через месяц после брака с одной из них. Вид будет как у больного малярией и черная желтуха на лице, ноги точно взятые у паука на прокат, голосом, как у сверчка. Я лучше пятнадцать проповедей в неделю выдержу, громогласных и грубых, какие бы они там ни были. Я желал бы даже сидеть в барабане и принимать пищу сквозь сломанный чубук или соломинку. Не воображаешь ли ты когда-нибудь приучить свои уши и желудок к сухой благодати, долгой, как скатерть — засиживаясь за столом с этаким вот твоим сыном (указывает на поверенного), который тебе в отцы годится, до тех пор, пока все кушанья не забудут, что когда-то они были в кухне, или вытерпеть шум спора, по вопросу о предопределении, среди собрания добродетельных тружеников и злосчастных едоков, поставленному матроной, вашей супругой, которая станет укрощать страсти все новыми стаканами вина пополам с изречениями Нокса, выслушивать непрерывное харканье шестичасовых проповедей о воздержании, лучшая часть которых «хм., гм... гм...»? Или слушать ворчание ее молитвы, над твоим железным сундуком, как будто это заклятье, чтобы вскрыть его? И все это перестрадать в надежде на пару апостольских ложек, да чашку для бульона в подкрепление сил. Ибо таково будет твое наследство. Свое имение она припрячет с должной осторожностью от тебя и вдовица будет права.

Винвайф. Увы, я и так уже совсем выбит из этого следа.

Кварелус. Как так?

Винвайф. Я отведен братом из Бенбюри, тем, что сюда явился и, как мне сказали, всем уже управляет здесь.

Кварелус. Как его зовут? Я знавал многих Бенбюрийцев, когда был в Оксфорде.

Винвайф. Мистер Лительвит может нам сообщить.

Лительвит. Милая Вин, поди, и, если управляющий мистера Варфоломея Кука придет за свидетельством, маленький такой старикашка, пришли его ко мне. (Она уходит.) Что вы говорите, господа?

Винвайф. Как зовут досточтимого старца, о котором вы мне говорили. Старца из Бенбюри.

Лительвит. Рабби Бизи? Он больше чем старец, сэр, он пророк, сэр.

Кварелус. О, я знаю его... он булочник, не правда ли?

Лительвит. Он был булочником, сэр, но теперь у него видения, он прозорлив, сэр, почему и бросил торговлю.

Кварелус. Я и это помню. Малый золотник его прямой совести не выдержал того, что его пирожные подавались на свадьбах, гуляньях, в балаганах, при мавританских играх и тому подобных суетных празднествах и сборищах. Его христианское имя Зильофдиленд.—Ревность страны.

Лительвит. Зиль-оф-ди-ленд Бизи.

Винвайф. Что это за имя?

Лительвит. О, у них у всех такие имена, сэр.—Он был свидетелем Вин (они не желают называться крестными отцами) и назвал ее Виндифейт. Вы думали, что ее зовут Винфрид, конечно?

Винвайф. Да, действительно.

Лительвит. Он считал бы себя отверженным, будь это было так.

Кварелус. Да ведь здесь же, в то время была крахмальщица, того же имени. Знаю его: замечательно лицемерная гнида. У него это всегда на роже значилось куда яснее его благочестия. Вечно в возмущении духа и осуждая тщеславие, в безумных порывах, он притворно разыгрывал неподобную странность во всем, что ни делал. Он надул бакалейщика из Ньюгетмаркета, что обанкротился, доверив ему коринку, отъявленному ревнителю нравственности (это между нами). По собственному исповеданию он навеки пребудет в состоянии блаженности и детства. Он осмеивает все прежнее и отрицает всякое познание, помимо вдохновения. И то благоразумие, которое могло им быть приобретено с годами, поглощается его исконным невежеством. Не водитесь с ним, он носитель неодолимой скуки и нахальнейший субъект, поверьте. Это кто?

Вэсп и Вин входят.

Вэсп. Привет вам, господа, от всего сердца доброго утра. Мастер Лительвит, я к вам. Готово ли свидетельство?

Лительвит. Да, вот оно для вас у меня в руке мастер Хемфри.

Вэсп. Прекрасно. Нет, не разворачивайте, не читайте мне его,—напрасный труд. Я не писарь, знаете. Презираю спасение через книгу. Честное слово. Дайте мне его. Что вам за это следует, мастер?

Лительвит. Об этом после, мастер Хемфри.

Вэсп. Теперь или никогда, добрейший господин поверенный! Я против всяких «потом», уверяю вас.

Лительвит. Дорогая Вин, попроси Соломона прислать мне маленькую черную коробку из моего кабинета.

Вэсп. Ай, поскорее, сударыня, молю вас: у меня и яичница на вертеле и утюг в печи. (Вин уходит.) Скажите, что вам следует, добрейший мастер Лительвит?

Лительвит. Вы знаете цену, мастер Нумбс.

Вэсп. Я знаю. Ничего я не знаю. Что вы мне говорите, я знаю.— Я теперь спешу, сер: не знаю, знать не хочу, терпеть не могу знать, и тем не менее думается, что знаю не хуже других! Вам следует марку за эту вещь и восемь пенсов за коробку. Я бы выгадал два пенса на ней, если бы сам купил ее. Но вот вам четырнадцать шиллингов. Боже милосердный, как долго пропадает ваша маленькая жена! Молитесь богу, чтоб Соломон, ваш писарь, смотрел бы в ту коробку, в какую должно, господин поверенный!

Лительвит. Клянусь, нет, ручаюсь вам, что Соломон добродетельнее, чем вы думаете.

Вэсп. Ах, фу, фу, мастер Лительвит! Какая гадость, идиотство, мерзость! Я не выношу этого

Отходит в сторону.

Винвайф. Вы слышали, а? Джон Лительвит кто он, что поднял такой содом?

Кварелус. Не торгует ли он имбирными пряниками, кошельками на ярмарке?

Лительвих. Мастер Кварелус, смотрите не ошибитесь—он обе руки своего хозяина, уверяю вас.

Кварелус. Что? Чтоб обувать его утром в сапоги и чулки, не так ли?

Лительвит. Сэр, если вы намерены смеяться над ним, то смейтесь осторожно, глядя в другую сторону, так как, если он заметит, что вы издеваетесь над ним, сейчас же в вас вцепится! прехидный старикашка и зовут его к тому же Осой.

Кварелус. Прелестное насекомое и очень мне нравится.

Вэсп. Чума на эту коробку, оспу ей в добавок, да и тем, кто ее делал и той, кто за ней пошла и всем, кому ее искать, послать, принести! Видите, сэр...

Лительвит. Нет, добрейший мастер Вэсп.

Вэсп. Добрейший мастер рогач! Тьфу! держите язык за зубами. Разве я вас не знаю! Ваш отец был аптекарь, и продавал клистиры чаще, чем их ставил. Чорт побери вашу маленькую жену! А вот и она идет, плевать мне на нее, как хороша бы она ни была, со всей своей бархатной драченой на голове!

Лительвит. О, будьте вежливы, мастер Нумце!

Вэсп. С какой стати? У меня вот настроение быть невежей. Ну? Кто может меня принудить? Вы?

Лительвит. Вот вам коробка.

Вэсп. А ну ее к чорту еще раз, вашу коробку, пусть ваша маленькая жена в нее надевает! Да, да, да! Сэр, я желаю, чтоб вы меня поняли, вы и эти господа тоже, если это им нравится.

Винвайф. От всего сердца, сэр.

Вэсп. У меня питомец, джентельмены...

Лителъвит. Они понимают это, сэр.

Вэсп. Простите, сэр, но ни им, ни Вам меня еще не понять. Вы просто осел!.. У меня барчук, сейчас он намерен остепениться и жениться.

Вся ответственность за его поведение — сейчас на мне.

Его дураки учителя ничего путного с ним не сделали, только бегали с ним по окрестностям, выклянчивая пироги да пудинги у его арендаторов и почти в конце его избаловали. Он ничему не научился, разве что петь куплетики и повторять всякую чепуху. Я не смею пускать гулять его одного из страха, что он научится поганым песням, которые станет распевать за столом и во время обедни. Если он встретит извозчика на улице и я не сумею отвлечь его разговором, он станет свистать с ним песни и потом ночью во сне будет их повторять. У него не голова, а улей! Я изнываю от того, что на малое время этой отлучки я оставил его на попечении одной благородной дамы. Правда, это — мировой судья, т. е. ее муж, и настоящая дама, и его сводная сестра. Но чего только не случается под управлением женщины! Вот в чем вопрос. Господа, вы не знаете его, он совсем не то, что вы воображаете. Девятнадцать лет, а уже выше вас всех головой. Боже его сохрани!

Кварелус. По моему это отличный малый.

Винвайф. Я думаю, что он прикрасил своего барина.

Кварелус. Чорт побери, довольно об этом. Орел или решка, на новый грош?

Вэсп. Скажу вам, господа...

Л и т е л ь в и т. Не хотите ли чего выпить, мастер Вэсп?

Вэсп. Почему? Я не так уж долго болтал, сэръ, чтобы у меня пересохла глотка. Паутина да пыль что ли у меня изо рта сынется? Вы меня выпроваживаете, что ли?

Л и т е л ь в и т. Нет, но вы так торопитесь, даже и теперь, мастер Вэсп.

Вэсп. Какой я был, — такой и есть — и пока что желаю здесь еще остаться. Путайтесь со своей половиной, с вашей Вин! У нее столь же мало мозгу как и у ее мужа, кажется. Я хочу говорить с другими.

Л и т е л ь в и т. Она действительно моя половина и такая же Лительвит, как и я сам, и это хорошо.

Вэсп. Мы полтора дня провели в городе, господ, честное слово! Вчера после обеда обошли Лондон; показали город благороднейшей даме, на которой он женится, — госпоже Грэс, но прежде чем мне выносить еще подобных пол дня с ним, пусть меня лучше утопят, как старую кошку, как его дядюшка Ходж утопился там, дома, в большом пруду! Чтож, мы не могли угоняться за этим извергом весь день; напрасно мы его удерживали, он бежал, читая все вывески в голос. Где ни высмотрел попугая или мартышку, там и пропал в толпе юбок и камзолов, — не оторвешь! Я думал, что он помешается от негритенка из Бэклесбюри, разносчика всякой дряни и скверного табаку.

Л и т е л ь в и т. Ваша правда, мастер Нупс, такой действительно имеется.

Вэсп. Не в этом дело: имеется, или нет. Это вас не касается!

Кварелус. Он не допускает, чтоб Джон выражал свое мнение.

(Кук, мистрис Оверду и Грэс входят.)

Кук. О, Нумпс, вы здесь, Нумпс? Вот и я. Нумпс и мисс Грэс тоже. Да не смотрите так зло, Нумпс, и моя сестра здесь и все, я не могу без нее.

Вэсп. На кой чорт пришли вы с ней или она с вами?

Кук. Мы все разыскивали вас, Нумпс.

Вэсп. Разыскивать меня? Почему, вы думали, что я потерялся, или сбежал с вашими четырнадцатью шиллингами, не заплатя за здешний дрянной товар? истратил их на ярмарке, на игрушечную лошадку? Очень умно: разыскивать меня?!

М-с Оверду. Ну, добрейший мастер Нумпс, покажите ваше благоразумие хотя бы только для сохранения мира, — пусть даже он «невсροятеп», как мастер Оверду говорит.

Вэсп. Убирайтесь к чорту, добрейшая г-жа судья, г-жа французенка, плевать мне на тебя в твою французскую рожу, со всем моим уважением к вам. Суньте мне еще раз вашего Адама, вы думаете, что вы еще мадам Регентша, мистрис Оверду — ничего подобного, в моем присутствии вашему царству конец, раз я здесь, дамочка моя.

М-с Оверду. Я рада, что уже в отставке и под вашим управлением; он так-же, если хорошо себя ведет, но будем надеяться, что и вы будете как следует управлять, управлять своими страстями.

Вэсп. А, так, в самом деле, боже мой, подумаешь, до чего вы умны, не даром вчера в сумасшедший дом ходили беседовать с поэтом Ветстоном.

М-с Оверду. Если вы не знаете, что прилично вашему достоинству, то я знаю, что прилично моему.

Вэсп. Ну и прекрасно.

Кук. Это разрешение, Нумпс? ради бога покажите мне его! В жизни никогда не видал брачного разрешения.

Вэсп. Не видали? Ну, так и не увидите.

Кук. И вы меня еще любите, Нумпс!

Вэсп. Сэр, я люблю вас, и все же я не люблю вас, когда вы дурачитесь. Успокойтесь, здесь нет ничего интересного, одни сухие слова, и зачем вам это видеть?

Кук. Я хочу видеть только длину и ширину, но хочу видеть сейчас, — хочу!

Вэсп. Вы не увидите его здесь.

Кук. Тогда я увижу его дома, а здесь я посмотрю только на коробочку.

Вэсп. На-те, — смотрите. Надо ему дать поблажку в таких мелочах, джентельмены, это заблуждения и увлечения молодости, от которых он исправится, дойдя до настоящей оценки и познания вещей. Так я и прошу вас понять это и я благодарю вас, и прошу его простить и еще раз благодарю вас.

Кварелус. Эта сухая кормилица все же деликатный человек.

Винвайф. А я смотрю на воспитанника. Видали ли вы когда-нибудь лицо, которое так явно выдает болвана?

Кварелус. Выдает? Провозглашает! Оно провозглашает без принуждения. Какая жалость, такая молоденькая девченка выходит за этого Кука.

Винвайф. Правда.

Кварелус. Она выглядит стройной и такой же невинной, как и хорошенькой.

Винвайф. А вы заметили, с каким сдержанным негодованием она относится ко всем его речам и выходкам?

Кук. Знаешь, Нумпс, я теперь за новое предприятие. Ярмарка, Нумпс, и...

Вэсп. Господи, спаси и освободи меня, помоги, держи меня — ярмарка!!

Кук. Нет, не вертись и не бегай по комнате, Нумпс, не сердись. Я непоколебимый Варфоломей, в этом отношении я тебя не слушаюсь. Я твердо намерен закончить теперешнее путешествие, показав мистрис Грэс мою ярмарку. Я называю ее моей, потому что она Варфоломеева. Мое имя Варфоломей и ярмарка Варфоломеева.

Лительвит. Это я сегодня утром так сострил, джентельмены, я так сказал, честное слово, насчет его брачного контракта. Поверьте, он повторил мои слова.

Кварелус. Бросьте, Джон! Эта самолюбивая гордость своим остроумием в конце концов повредит вам.

Лительвит. Нет, почему же, сэр?

Кварелус. Вы с ним начинаете дерзить и пересаливать, Джон. И если не остережетесь и не сдержитесь, ваше остроумие заведет вас в некое весьма укромное место да там вас и погинет.

Винвайф. Не доверяйте ему слишком, Джон, будьте скупы и пользуйтесь им только изредка. Острота в наше время вещь опасная, не злоупотребляйте ею.

Лительвит. Вы так полагаете, джентельмены? Я приму это к сведению для будущего.

Вин. Да сделай так, Джон.

Кук. Хорошенькая, маленькая душка эта мистрис Лительвит, я бы хотел на ней жениться!

Грэс (в сторону). И я тоже, и на ком угодно, только бы мне от вас избавиться!

Кук. Нумпс, я хочу ее видеть, Нумпс, сказано ибо: «Не унывайте братие.»

Вэсп. Ну и смотрите ее, сэр, смотрите, идите смотреть, кто вас держит! Почему вы не идете смотреть? Скорее отправляйтесь туда смотреть.

Кук. Ярмарку, Нумпс, ярмарку!

Вэсп. Мне какое дело? Пусть эта ярмарка со всеми трубами и барабанами загремит у вас в животе! Загляни вам в голову, так и увидишь все, что на ярмарке, всякий сор, птичье перо, хлопья коровьей шерсти!

Кварелус. Посмотрите на него, честное слово, он как нарочно сделан ловить мух своими паучьими ногами.

Винвайф. А его Нумпс—чтобы отогнать их.

Вэмп. Бог с вами, сэр. Вот вам ваша мушка в коробочке и делайте, что вам угодно. (Отдает коробку).

Кук. Почему? Я вам друг и Варфоломей, а вы такой несговорчивый.

Кварелус (отведя его в сторону). Что вы думаете, Нумпс?

Вэсп. Я не хочу принимать на себя ответственности, джентельмены.

Оверду (к Кук). Вы не позволите ему уйти, брат. Вы его потеряете.

Кук. Кто способен его удержать? Я лучше потеряю его, а не ярмарку.

Вэсп. Вы не знаете всех бед, на которые вы

меня толкаете, джентельмены, и какие у меня с ним неприятности из-за его поведения. Если он пойдет на ярмарку, он купит все там до ребенка включительно и все приданое к нему; не прирасти к нему руки и ноги, он бы оставил и их там в толпе. Благодарите небо, если я приведу его домой всего с одним синяком. И потом он до того жаден на фрукты! Вы не поверите, чего мне стоило уладить, как-то на днях, дело между ним и торговкой грушами, — все из-за его прожорливости. Это невыносимо, джентельмены.

Винвайф. Но сейчас вы не имеете права предоставить его этим случайностям, Нумпс.

Вэсп. Нет, он слишком хорошо знает, что я его не оставлю, — вот он и обнаглел. Чтож, сэр, идете вы, сэр? Если у вас ноги чешутся нести вас на ярмарку, чтож вы стоите? Я вам не препятствую. Идите, сэр, почему вы не идете?

Кук. О, Нумпс, значит я вас уломал? Пойдемте, Грэс и сестра, — я решительный Варфоломей, честное слово.

Грэс. Правда, у меня нет желания итти на ярмарку и никакого интереса смотреть, и там наверное, совсем нет приличной и достойной публики.

Кук. Прости, господи! мистрис Грэс. Нас совершенно достаточно, чтоб составить приличную публику, а что касается достойных, — оставьте их Нумпсу, он найдет их.

Кварелус. Ну и хам, что не может иначе понять ее слов.

Винвайф. А еще думает жениться на ней! Прерву-ка я на сегодня охоту за моей вдовой да прямо на ярмарку. В такое жаркое время мухи

ничего не вселяют в нас кроме веселого желания приволокнуться.

Кварелус. У кого есть хоть ложка мозгу, гот согласится с этим. До свидания, Джон.

Кварелус и Винвайф уходят.

Лительвит. Вин, ты видишь, теперь мода ходить на ярмарку. Вин, пам нужно тоже на ярмарку; ты и я, Вин! У меня тоже дельце, Вин, пьеска для марионеток моего собственного сочинения, только никому не говори, Вин! что я пишу для марионеток. Ты должна это видеть, Вин.

Вин. Я бы хотела; мне очень хочется, Джон, но моя мать никогда не разрешит такого поганого развлечения, как она это называет.

Лительвит. Здесь нужна хитрость и очень ловкая. Ну же, ум, помоги крошечку, умишка, поди сюда. Так и есть. Готово, Вин! Я нашел и очень даже тонкую хитрость. Вин томится желанием поесть свинины — милочка Вин и непременно на ярмарке, а не где-нибудь в свином углу. Ваша мать все сделает, чтоб удовлетворить ваше желание, сами знаете. Попросите ее сначала, а потом прикиньтесь больной, милая Вин. Я пойду и все объясню, а в это время распустите шнуровку и давайте притворяться, милая Вин.

Вин. Нет, я не стану переодеваться для этого; я достаточно могу притворяться и так. Я никогда так хорошо не была зашнурована, как сегодня, право!

Лительвит. Ты правду говоришь: притворяться у вас прирожденное семейное свойство, вы на нем воспитаны. Твоя мать отъявленная ханжа и держит нас в этом вот уже семь лет.

Вин. Ах, оставь ее, Джон, подаром она умная и добродетельная вдова, благословенная сестра сладкопевцев, и меня тоже оставь, во мне есть кое-что от матери, сам увидишь — зови ее, зови. О, ах! (Притворяется, что в обмороке.)

Возвращается Лительвит и мистрис Пюрекрафт.

ПЮРЕКРАФТ. Благословение реформатской церкви да изгонит нечисть из нашего дома! Ну, как, Виндифей, дитя мое, лучше тебе, скажи.

ВИНДИФЕЙ. Да, конечно.

ПЮРЕКРАФТ. Открой глаза, милая Виндифей, и не допусти врага войти в тебя этим путем, вспомни; что ты воспитана в обществе пуритан. Какой развратник первым сказал тебе, дитя, про свинью — нечистый скот.

ВИНДИФЕЙ. О, у, ах!

ЛИТЕЛЬВИТ. Я должен признаться, матушка, она терзалась около трех часов, раньше, чем сказала мне об этом. Кто говорил тебе, Вин?

ВИН. Нечестивый, черненький с бородкой.

ПЮРЕКРАФТ. О, не поддавайся ему, Виндифей: это искусситель, коварный искусситель, ты можешь узнать его по плотскому влечению к свинине. Будь сильна, противься ему и его безумному соблазну мясом и кровью на вертеле, подобному соблазну преисподней. Отгони молитвой плотское его искушение, доброе дитя мое, дитя мое милое.

ЛИТЕЛЬВИТ. Добрейшая мать, умоляю вас, пусть она поест свинины и наполнит ею желудок свой. Не отвергайте вашу родную дочь, а, может быть, и моего ребенка словами об искуссителе. Как ты себя чувствуешь, Вин, тебя не тошнит?

ВИНВАЙФ. Да, Джон, очень. У, ах, о!

ПЮРЕКРАФТ. Что нам делать? Позовите нашего ревностного брата на подкрепление борьбы со врагом. Дитя, дорогое мое, утешься, ты покушаешь свинины, мое ненаглядное дитя.

ВИНВАЙФ. Но только на ярмарке, мама.

ПЮРЕКРАФТ. Так я и говорю, если это возможно. (Входит **Лительвит.**) Где наш брат. Он не хочет идти? Открой глаза, дитя.

Лительвит. Сию минуту, матушка, он придет, как только утрет бороду. Я нашел его в буфетной по уши в холодной индейке, с огромным белым хлебом в руке и со стаканом мальвазии в другой.

ПЮРЕКРАФТ. Не осуждай брата своего, печестивый.

Входит **Рабби Бизи.**

Лительвит. Вот и он, мать честная.

ПЮРЕКРАФТ. О, брат мой **Бизи**, пужна ваша помощь, дабы поддержать нас и вывести из заблуждения. Дочь моя **Виндифей** сейчас подверглась недугу, естественному каждой женщине, страдания сии объясняются желанием вкусить свинины.

Лительвит. Да, сэр, **Варфоломеевой** свинины и на ярмарке.

ПЮРЕКРАФТ. Я хочу услышать от вашей просвещенной мудрости, может ли вдова праведного вероисповедывания, или дочь ее, совершить это, не оскорбляя сестер по учению?

Бизи. По истине, что касается недуга-желания, то это недуг — недуг плотский, недуг аппетита, обычный у женщины, и так как он плотский и обычен, то он естествен, крайне естествен! Что

же до свинины — это мясо. Мясо питательно, следовательно съедобно и должно быть съедено, но не на ярмарке и не в виде Варфоломеевой свиньи, ибо самое название Варфоломеевой свиньи и едение ее есть род жертвоприношения и вы обращаете этим ярмарку в подобие капища. Вот разумею в чем вопрос — капище.

Л и т е л ь в и т. Да, но при нужде и капище для нужды, мистер Бизи (в сторону). Это я сострил.

П ю р е к р а ф т. Добрый брат, подумайте, как поступить возможно законнее.

Л и т е л ь в и т. И возможно скорее, так как это надо сделать. Вы видите опасность, в которой находится моя жена, сэр.

П ю р е к р а ф т. По истине я нежно люблю мое дитя, и я не потерплю несправедливости к ней, или опасности первому плоду ее, если возможно иное.

Б и з и. Конечно, можно. Но действие это требует обсуждения, вид его оскорбляет малых сих, ужасный его вид, греховный вид. Да покроется он покрывалом и пребудет в тени! Свинина может быть съедена на ярмарке, допускаю, в кабаке, в вертепе грешников: место не имеет значения, не имеет особенного значения. Мы можем быть благочестивы среди язычников. И свинину будут есть обращенные уста с благочестием и смирением, не пожирая с жадностью и обжорством. В этом суть. Если б мы пошли туда тешились происходящим, находя наслаждение в не пристойных одеяниях, удовлетворяя вожделение глаз своих, или похоть неба, то было бы скверно, было бы непристойно, было бы омерзительно, было бы недобродетельно.

Лительвит. Я так и знал и повторял ей, мужайся, Вин, мы будем достаточно скромны, мы отыщем самый семейный кабак на ярмарке, будь покойна, и сжуем там все до последней косточки.

Пюрекрафт. Ах, и я пойду с вами и брат наш Зильофдиленд пойдет тоже с нами, спасения нашего ради.

Вин. У, ах!

Лительвит. И Соломон тоже, Вин. Чем больше компания, тем веселее. (В сторону Вин.) Рабби Бизи мы бросим где-нибудь в кабаке. Соломон, мой плащ.

Соломон (входя). Здесь, сэр.

Бизи. Во имя утешения слабых я пойду и наемся. Я буду есть до пресыщения и пророчествовать. Из этого можно извлечь пользу, если подумать об этом. Публичное едение свиного мяса свидетельствует о нашей ненависти, о нашем презрении к юдаизму, на чем наши братни стоят, и посему я буду есть до пресыщения.

Лительвит. Я тоже наемся как следует, потому что я не еврей. Я терпеть не могу их род жестоковыйный. Честное слово, я надеюсь, что мой малыш пойдет в меня, так как уже радостно воззвал о свинине во чреве матери.

Бизи. О, да, очень в вас, до чрезмерности в вас!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Открытые лавки и кабачки, лотки и палатки. Ланторн-Летерхед и Джуан Траш за лотками. Прохожие. Через несколько минут входит судья Оверду, переодетый, в маске, чтоб не узнали.

Оверду. Итак, именем правосудия, именем короля и в пользу государства, Адам Оверду, презря весь свет и всемирную историю своим костюмом... и нарядился же ты, честное слово! Недурно было бы встретить теперь такого Лицкея-орлиное-око, проницательного эпидаврийского змия (как назвал его мой Квинт Гораций), который сумел бы узнать мирового судью под этою маской. Многим видать доводилось шутов в одеянии судей, но никто никогда до сих пор не видал судью в одежде шута. Так надлежит поступать нам, стоящим на страже общего блага, и мудрые судьи так поступали во все времена. Если только найти правильный путь, то можно из зла сотворить добро. Не найти мне похвал тому уважаемому лицу, может быть, даже влиятельному члену городского управления, если его высокая мудрость проявится в том, что он порой примет внешность носильщика, извозчика или гиделя в августе месяце, зимою же обличие продавца спичек. И что ему делать в таком виде? Ясно, войти в любую пивную, в любой погребок, измерить емкость пудингов и драчен, горшков

и ковшей палкой, окружность же их веревкою. Взвешивать хлеб на третьем пальце руки своей. А затем послать за ними, отдать пудинг бедному, хлеб голодному, драчену младенцам. Горшки же и ковши — перебить самолично, не доверяя своим продажным чиновникам. О, если бы все власть имеющие следовали бы столь достойному подражания примеру, ибо увы, став общественным деятелем, что мы знаем? Нет — что можем мы знать? Мы слышим чужими ушами, мы видим чужими глазами. Дурак-городовой или сонный сторож — вот единственный источник наших сведений. Они оболгут джентельмена в силу своих полномочий, как они говорят, и мы должны им верить в силу бессилия своих. Например, в прошлый раз один из них заставил меня, увы, меня, принять честного, ревностного пуританина за папского семинариста. И достойного молодого учителя музыки за сводника. Вот что грозит нам на наших высоких постах! Все наши способности ни к чему не применимы и большинство наших подчиненных мошенники. И в сущности, если позволите сказать, мы сами, веря им, ничуть не умнее их, если не совсем дураки. Я, Адам Оверду, решился поэтому сберечь деньги, отпущенные на сыщиков и соглядатаев и самому припяться за свой страх за расследование крайне многочисленных безобразий и злоупотреблений на этой ярмарке. Доводилось мне иногда по три дня заседать судьей на ее народных судах. Но сегодня как раз удобный день для розыска вышеупомянутых преступлений. Вот моя черная книжка на этот случай. Вот облако (показывает на одежду), которое прячет меня, и под его покрытием я

вижу все, оставаясь незримым. Вперед Junius Brutus и как я начал, так я и кончу: именем правосудия короля и в пользу государства! (Подходит к кабачку и останавливается у него.)

ЛЕТЕРХЕД. Ярмарочная сутолока замерла, люди что-то не выходят сегодня. Почему — неизвестно! Слышь ты, сестра Траш, корзинная дворянка, отсядь-ка подалее со своими пряничными произведениями — не закрывай вида на мою лавку. А то я объявлю на ярмарке, из чего твои пряники состряпаны.

ТРАШ. Как из чего, брат Летерхед? Ничего в них нет кроме самого полезного, уверяю вас.

ЛЕТЕРХЕД. Да, гнилая мука, тухлые яйца, заплесневелый имбирь, да негодный мед — сама знаешь.

ОВЕРДУ (в сторону). Ага, как скоро! Уже и встретился с беззаконием.

ЛЕТЕРХЕД. Доберусь я до твоей торговли, старуха.

ТРАШ. До моей торговли? Ах, ты наглец базарный! Вреди мне, сколько хочешь. Плевать на тебя с твоей конюшней деревянных коньков. Не хуже тебя плачу за свое место, только тронь меня, хотя ты разносчик, поэт и механик, а уж найду приятеля, который за меня отомстит и сочинит-таки песенку на тебя и на всю твою скотину! Ишь, как надулся, товаром важничаешь, — охрочу, что ли?

ЛЕТЕРХЕД. Мели, мели, старая. Вот я еще поговорю с тобой да сведу к судье Оверду. Он такой человек, что ты у него притихнешь. Упеку я тебя в народный суд.

ТРАШ. Это чтоб я, да притихла? Да я сама

поташу тебя к его высокочтимости, если ты только посмеешь. И хотя я чуть кривобока, — увидят, что я пряма в своих поступках как любая другая женщина Смисфильда. Я тебе притихну!

О верду. Я рад, что имя мое все-таки все-ляет в них страх. Вот что значит действие правосудия.

Прохожие проходят толпой по сцене.

Летерхед. Что угодно? что купите? Что вам угодно? Трещетки, барабан, аллебарда, лошадки, самая прелестная куколка, а вот лучшие скрипки.

Входит продавец фруктов Кастормонгер, за ним Нейтигаль-Соловей.

Кастормонгер. Купите груши, груши хорошие, самые спелые груши!

Траш. Купите пряники, золоченые пряники!
Нейтигаль. Эй! (Поет.)

Средь рыночного крика
Хор птиц гуляню в дань
На крышах входит лихо
С Варфоломеем в брань.
Торгуются зеваки,
С девченками гуляки,
Недолго и до драки

Купите песенку! новую песенку.

Выходит Урсула из своего кабачка.

Урсула. Будь она проклята! Кому здесь губить свою молодость и свежесть, жаря свиней, имейся еще более прохлаждающее занятие? Ад — вроде

холодного погребца и даже очень хорошего погребца, честное слово, по сравнению с этим адом. Эй, Мункалф!

М у н к а л ф (изнутри). Здесь хозяйка!

У р с у л а. Стул сюда. Лживое кувшинное рыло! С утра промочить горло дай, живей бутылку пива, освежиться, мерзавец! Вся я огонь да сало, Соловей, боюсь, что растаю до самой прародительницы Евы и обращусь в адамово ребро. Так и теку на песок, когда иду, как большая садовая лейка, меня можно по моим лужам выследить.

Н е й т и г а л ь. Увы, добрейшая Урсула! Были здесь Зекиэль утром?

У р с у л а. Зекиэль, какой Зекиэль?

Н е й т и г а л ь. Зекиэль Эдвард, вежливый карманщик, вы его отлично знаете: он вечно с вами похабничает. Я зову его своим секретарем.

У р с у л а. Помнится, он обещался быть сегодня поутру.

Н е й т и г а л ь. Когда придет, скажите ему, чтоб подождал, я скоро вернусь.

У р с у л а. Лучше влейте себе утренней росы в живот, Соловей. (Входит Мункалф со стулом.) Сюда, сэр. Поставьте его сюда. Не приказывала я тебе ставить для меня стул с сиденьем, пошире, чтоб могла и моя ляжка расправиться? Сам ты никогда ни до чего не додумаешься, нужно, чтоб твоя хозяйка кожу с зада ссадила. Так-то ублюдох ты этакий, тебе поди все равно, раз здесь помещаются твои комариные бедра, о другом и печали нет. Ну, а теперь, чего стал, будто в кабацком углу блох ловил у себя в штанах со свечкой да всю ярмарку поджег? Наливай, черпаха, лей!

О ВЕРДУ. Я узнаю эту трактирщицу и отмечу ее, как второе беззаконие. Она проходила передо мной, насколько я помню, все эти 22 года подряд на каждом ярмарочном суде, за проституцию, сводничество и содержание притонов.

Урсула. Лей еще, жалкая тварь!

Мункалф. Пожалуйста, хозяйка, не сердитесь, я стул потом расставляю!

Урсула. Нет, нет, ярмарке не кончиться, как я до его размера засохну! Вы думаете, что меня рассердили, бедная я, оскорбленное создание... так и чувствую, как вытекаю капля за каплей. Две меры пота в день — моя порция. Душу при теле вот только этим могу удержать (указывает на пиво). Вот вам, Соловей (наливает ему), и струей табачного дыма. Где моя трубка, чорт побери? Ах, леший, идиот...

Нейтигаль. Легче, Урсула, ты своей бранью язык обдерешь.

Урсула. Могу ли я хоть надеяться, что он когда-нибудь очистит место поверенного шинкаря и моего помощника? Вот — человек, который ничего не понимает, что я говорю. (Нейтигаль уходит.) Смотри, чорт тебя драл! Надо мне трехпенсовую трубку, набитую полуфунтом моего табака, с четвертью фунта белокопытника для крепости. Я так много вожусь с огнем, что могу не воздерживаться насчет курева и пива. Двадцать шесть шиллингов даю себе вперед за бочку и пятьдесят на сотню эля. Я говорила уже тебе, как это окушается. Наливай стакан сверху, чтоб пенился хорошенько, дурак, да хлопни бутылку по дну. Пей со всеми компаниями, тогда паверное охмелеешь и станешь присчитывать тем

лучше, да меньше этого стыдиться. Настоящее твое искусство, подлец, быть всегда за делом, спешно убирать бутылки и стаканы, которых не успели допить еще и до половины, и никогда не слышать окрика, если эту ошибку случайно заметят. Тащи всегда свеженького с клятвой, что никогда не ошибаешься. Дай мне глоток эля.

О ВЕРДУ (в сторону). Это истинное лоно и чрево всякого беззакония, чудовищного как она сама. Это должно быть записано до мельчайшей подробности.

Стук внутри.

У РСУЛА. Посмотри, кто там, чорт. Пять шиллингов за свинью — крайняя цена. Если это молочная свинья, — шесть пенсов дороже. Толсто-брюхая свинка еще шесть пенсов за это самое.

О ВЕРДУ. О tempora, o mores! Я не променял бы раскрытие этих злоупотреблений за место судьи и почет в палате. Кто тот несчастный, кого здесь так надувают? Отлично, я сблизюсь с ней и ее Мункалфом и сокращу чудеса безобразий. (Выступает вперед.) Добрейшая женщина, приветствую вас всем ярмарочным салом, масляным как лампа королевского констебля и лоснящимся, как его сапожный рожок. Имеет ли твое пиво достоинство и силу, достаточные для услаждения языка и неба человеческого? Пусть твой красавчик-племянник сбегает, поищет и найдет.

У РСУЛА. Это что за новый гуляка?

Мункалф. Господи, разве вы его не узнаете, хозяйка? Это сумасшедший Артур Бродлей, тот что сочиняет прошения и речи. Как поживает добрейший мистер, старый Артур, сэр Бродлей?

Милости просим на ярмарку. Когда мы опять послушаем, как вы ораторствуете, прислонившись спиной к стенке кабака, ага? Я был одним из наших учеников в свое время.

Оверду. Дай-ка, мальчуган, выпить мне с моей возлюбленной и твоей тегкой, для красноречия. Только дай мне самого лучшего, а то будет горько во рту и слова мои будут обидны ярмарке.

Урсула. Почему не предлагаешь ему пить и присесть?

Мункалф. Что прикажете, мастер Артур, имбирного эля или пива?

Оверду. Наилучшего, мой красавчик, того, что пьет твоя голубка и что ты пьешь в праздник.

Урсула. Принеси ему шестипенсовую бутылку эля. Говорят, у дурака рука легкая.

Оверду. Принеси и то и другое, дитя мое. (Садится за стол в кабачке.) Эль для Артура, пиво для Бродлея. Эля еще твоей тетушке, мальчик. (Мункалф уходит.) Мое переодевание превышает своим успехом все мои желания и ожидания. Благодаря ему я раскрыл многое. А теперь осторожней с репутацией того, кого я играю. Это нечто среднее между идиотом и сумасшедшим.

Но кем (входит). Что моя маленькая худенькая Урсулочка, пивная бочка моя? Все еще жива со своим свиным выводком? Еще похрюкаешь и на следующей Варфоломеевой ярмарке. Н-да?

Урсула. Да, чтоб только дотаскать мне ноги до конца ярмарки и слышать, как вы там стонете в тележке, въезжая в гору.

Но кем. На холм Хольборна, Урсула. Ты на это намекаешь? За что, за что, моя хорошенькая медведка?

Урсула. За то, что таскаете грошевые кошельки да крадете грошевых собачек с лотков.

Нокем. Здорово сказано, здорово сказано, Урсула!

Оверду (в сторону). Еще новое особенное безобразие: вор при шпаге и плюмаже! Вот его приметы.

Мункалф возвращается с элем.

Урсула. Вы один из тех конских барышников, которые распространяли слух, будто я померла на Тернбульской улице, от пьянства, объевшись требухой.

Нокем. Нет от лучшего блюда, Урсула, от коровьего вымени, от коровьего вымени.

Урсула. Ладно. Уж сосчитаюсь я как-нибудь с твоей слюнявой мордой.

Нокем. Что? Ты хочешь отравить меня, пустить ящерицу в бутылку пива, не правда ли? Или паука в табачную трубку? Урса? Брось. Нет коварства в таких жирных людях. Не боюсь я тебя и всегда сумею спастись от твоего тощего Мункалфа. Давай-ка выпьем, милая Урса. (Пьет, Урсула выходит.)

Оверду. Ты слышишь, мальчик? Вот тебе за эль, а остаток тебе. Скажи теперь по совести — этот добродушнейший человек здесь перед нами, кавалер ножа?

Мункалф. Что вы под этим подразумеваете, мастер Артур?

Оверду. Я подразумеваю: дитя рогового пальца, дитя добычи, мошенник, карманщик.

Мункалф. О, господи, сэр, ничего подобного. Это мастер Нокем Джордан — лесничий из Тернбуля, он барышник, лошажник, сэр.

О верду. Твоя прелестная дама, однако, называла его карманщиком.

Мункалф. О, это очень может быть, сэр, она сорок подобных вещей скажет за один час, если вы ее слушаете для своего удовольствия, когда подобная шутка взбредет ей под засаженный головной платок, она от этого жиреет, видите ли вы, она этим откармливается.

О верду. Вот здесь я мог бы быть введен в заблуждение и расписался бы в глупости, если бы не сыграл во время на осмотрительность.

Урсула возвращается; потя.

Нокем. Увы, бедная Урса, тяжелый сезон для тебя.

Урсула. Чтоб тебе пусто было, извозчик!

Нокем. Что, что, Урса, ветры, да? Движение вызывает ветры.

Урсула. Зубаст! Не крути свою бороду, Джордан, знаю, тебе все ни по чем. Хотя ты и глава всех гуляк, ты не испугаешь меня своим львиным видом, ни клыками, сэр. Вы недовольны, вы голодны? Пойдем, кабанья голова заткнет вам пасть и набьет пузо во всякое время.

Нокем. Ты все попрежнему сумасшедше весела, Урса. Правда, я признаюсь, что обидел тебя в эти собачьи дни, в эту жару, от которой тело твое растопится — один из столпов нашей ярмарки. Прошу тебя возьми стул и сядь. Давай, примемся-ка за новую бутылку пива и трубку табаку, и прочь ветры! (Входит Эдгвард.) Посмотри, вот и Зекиэль Эдгвард, красивый малый, лучше всех на ярмарке. У него еще не перевелись деньги в кошельке и

заплатит за всех от кроткого сердца и под добрыми парами.

Эдгвард. Что я действительно охотно и сделаю, мастер Нокем. Давайте пиво и табак.

Мункалф выходит. Через сцену проходят посетители ярмарки.

Летерхед. Что вам угодно, джентельмены. Нянька, смотри хорошенько, какова лошадка для твоего барчука, фуража ей на неделю за грош. Входит Нейтигаль, крысолов и поденщик жнец

Поденщик-жнец. Эй кому косить, кому жать, у кого трава, у кого рожь!

Крысолов. Купите мышеловку, мышсловку, мухоловку!

Траш. Купите пряничка!

Нейтигаль.

Баллады, песенки, хороши новые песенки!
Послушайте для чувств и деньгами купите
Балладу «О хорьке и кролике», хотите?
Чтоб охраниться вам от грешницы порока,
Сам чорт с крахмальщицей послужит
для урока.

Считаю дюжиной советы и причины
И песни ярмарки я мерю на аршины.
Какую покупаете?

Как ведьмы с мельничным крылом заводят
торг

И как дракона грудь пронзил святой
Георг!

(Возвращается Мункалф с пивом и табаком.)

Эдгвард. Мастер Нейтигаль, подойди сюда, брось на минутку свою торговлю.

Нейтгаль. О, мой секретарь. Что скажете, секретарь? (Входит вместе внутрь кабака.)

Оверду. Порождение бутылки, кто он? кто он? (Указывает на Эдварда.)

Мункалф. Любезный молодой человек, мастер Артур. Он водится с гуляками и платит за всех. У него всегда деньги. Он платит за них. Он платит за них, а они за него скандалят. Так они и оказывают друг другу взаимные услуги. Его прозвали секретарем, но он никому не служит. Это большой друг песенника — они неразлучны.

Оверду. Какая жалость, такой приличный молодой человек должен вращаться в такой развратной компании! Вот где обнаруживается яд, отравляющий нашу молодежь. Подлинный человек пера. Узнаю по манерам, у него вид хорошего клерка. И я ручаюсь, что у него ловкая рука.

Мункалф. Очень ловкая, сэр. (Уходит.)

Эдвард, Нейтгаль и Урсула входят, шепчутся.

Эдвард. Все кошельки с их содержимым я сегодня по уговору передам вам. (К Урсуле Нейтгалью.) Вы будете доставлять сюда — Урсуле. Ночью мы сойдемся в ее берлоге и поделимся. Смотрите, выбирайте хорошие места на ярмарке, для своего пеня, Соловей.

Урсула. Да, у самых людных проходов и почаще меняйте.

Эдвард. Распевая, не забудьте воспользоваться проворством своих ястребиных глаз, чтобы отметить, указать мне, у кого с какой стороны кошель висит — клювом сигнал подавайте, а то болтайте головой в такт песне, вот этак.

Урсула. Хватит. Не с сегодняшнего дня поди дружите, выпейте-ка по стаканчику за ваш союз и за уговор — да марш. Ярмарка наполняется. Компании начали собираться. А у меня еще ни одна свинья не зажарена.

Нокем. Правильно сказано. Налей стакан и зажигай трубки. Поддадим жару работе и разведем благородные пары.

Эдгвард. А будет ли нам курево, Урсула, да добрая потеха? а?

Урсула. Забавничал уже! Будет вам самое лучшее, что может сыскаться на ярмарке, Зекиэль, если сводня Вит сдержит свое слово... (Мункалф входит.) Что подельывают свиньи, Мункалф?

Мункалф. Так и пышут, хозяйка, у одной даже глаз лопнул... Мастер Артур Бродмей грустит. Здесь с ним никто не разговаривает. Не угодно ли табачку, мастер Артур?

Оверду. Нет, мальчуган, предоставьте мне размышлять в одиночестве.

Мункалф. Он тут сочиняет какую-нибудь речь.

Оверду. Если б успеть ценой целого дня и всей моей хитрости спасти этого юношу из рук этого погибшего человека и этой потерянной женщины, — я готов просидеть здесь до поздней ночи и сказать с моим другом Овидием: *Jamque opus exegi, quod nec Jovis ira, nec ignis* и т. д.

Нокем. Сюда, Зекиэль, за здоровье Урсулы и попутные вам ветры! У тебя еще не перевелись деньги в кошельке? Сколько? Как это ты ухитряешься? Прошу тебя, подпарь своих друзей наилучшим паром.

Эдгвард. Половина всего, что я имею, неизменно в вашем распоряжении. (Вынимает кошель.)

Оверду (в сторону). О, печная душа! Какой ястреб стал бы терзать такого ягненка?

Нокем. Посмотрим, что тут, Зекиэль, давай посчитаем. (К Мункалфу.) Налей ему еще, чтобы он ответил мне на тост. (Винвайф и Кварелус входят.)

Винвайф. Мы здесь раньше их, кажется...

Кварелус. Тем лучше, мы увидим, как они войдут.

Литерхед. Что вам угодно, джентельмены, что вам угодно? Хорошенькая лошадка, лев, бык, медведь или кошку прекрасную, превосходную варфоломсеvu птичку! Может быть, какой-нибудь инструмент? Что вы желаете?

Кварелус. Пошел... Вот Орфей среди зверей и со скрипкой.

Тарш. Не купите ли пряников, господа?

Кварелус. И Церера, продающая портрет своей дочери, вылепленный из имбирного теста.

Винвайф. И эти столь невежественные люди полагают, что мы им товарищи. Разве мы похожи на покупателей пряников и деревянных коньков?

Кварелус. Чтож, они не знают товара лучше своего собственного, и лучших покупателей, чем те, которые сюда ходят. И наше присутствие здесь делает нас предметом приставаний, как и всякого другого. Пришел бы скорее Кук. Вот это был бы настоящий их покупатель.

Нокем (Эдгварду). Сколько? Тридцать шиллингов? Кто эти люди? Нед Винвайф и Том Кварелус? Так кажется. (К Эдгварду.) Давай мне

их все. Давай сюда. Мастер Винвайф. Мастер Кварелус. Выкурите трубочку с нами. Не выставьте меня бедняком перед ними.

Зекиэль оставляет ему свой кошелек.

ВИНВАЙФ (к Кварелусу). Не замечайте — это гуляка, барышник. Избегайте, пожалуйста, его. Повернем в другую сторону.

КВАРЕЛУС. Вздор. Я их замечу и стану здесь шуметь вместе с ним, а он бушует как Нептун; идемте за мной, пожалуйста.

ВИНВАЙФ. Этак вы можете вовлечь меня в неприятности.

КВАРЕЛУС. Идем, нам же нечего делать, как только наблюдать. (Входит в кабак.)

НОКЕМ. Привет вам, мастер Кварелус и мастер Винвайф. Хотите выпить холоденького да покурить с нами?

КВАРЕЛУС. Да, сэр, но вы извините нас: мы не знали, что мы с вами на короткой ноге.

НОКЕМ. То есть это как, сэр?

КВАРЕЛУС. С такой скоростью получить приглашение курить и прохладиться!

НОКЕМ. А ну, добрым паром вас нанесло, садитесь, господа. Это дом старой Урсулы; как вам нравится ее беседка? Здесь вы можете заказать себе и женщицу и свицию, сэр, и то и другое с пылу, с жару.

КВАРЕЛУС. Я предпочитаю женщицу в холодном виде, сэр.

ОВЕРДУ (про себя). Это мне пригодится. (Записывает.) Женшина и свишня.

УРСУЛА (изнутри). Что же, Мункалф? Эй, сволочь!

М у н к а л ф. Бутылка почти вся, хозяйка. Ну, мастер Артур. (Подливает ему.)

У р с у л а (изнутри). Разогнать вас с твоим маскированным собеседником надо, и живо разогнать надо!

Н о к е м. Мастер Винвайф, что это вы такой гордый? Не пьете, не разговариваете? Загордились?

В и н в а й ф. Не от компании, в которой нахожусь, и не от места, в котором сижу, смсю вас уверить.

Н о к е м. Вы не возражаете против компании, правда? Вы не под парами, а?

М у н к а л ф. Нет уж, добрейший мастер Даниэль Нокем, проявите уважение к хозяйкиной беседе, как вы это называете, и, из внимания к нашему заведению, пусть они здесь не пускают паров.

Входит У р с у л а, несет головню.

У р с у л а. Ах, ты, облезлый хорек лядащий! Да какое у тебя право мешать им, раз им этого хочется? Твоего ли здесь ума дело, гнида, если им заблагорассудится часок-другой в этом поупражняться? Ты здесь будешь наслаждаться благорастворением воздушных, пока я там в огне мучусь, вонючка!

М у н к а л ф. Добрая хозяйка, это я говорю в виду чести нашего кабачка.

У р с у л а. Дом что ли от этого обрушится, или пожаром его хватит? Пошел хам, потроши свиной, поправь огонь, чтоб они в него не свалились, а то я тебя самого так отжарю, что и у тебя глаза лопнут, как у свиньи на огне! Бутылки тут оставь. И будь ты проклят, стервец!

М у н к а л ф уходит.

Кварелус. Вот так ярмарочная туша! Она что же — мать всем сводням?

Нокем. Нет, всем свиньям мать.

Винвайф. Мать фурий, по-моему, и пылающая головня при ней.

Кварелус. Нет, слишком жирна для фурии — просто откормленная свинья.

Винвайф. Одушевленная кухонная посуда.

Кварелус. Хорошую можно из нее сделать мазь для каретников Смисфильда — колеса и оси смазывать.

Урсула тем временем пьет.

Урсула. Так, так, джентельмены, смейтесь над простой толстой девкой из предместья — смейтесь над тем, что она жирна и здорова. Вам нужен хрупкий затянутый товар, такой, чтоб собачьим ошейником опоясать (без того никак нельзя). Длинный кружевной морской угорь, поставленный на дыбы с зеленым пером на затылке, как укроп на головизне.

Нокем. Славно сказано, Урса. Моя добренькая Урса. Отлично ска ано.

Кварелус. Она ваше болото. Она ваша тряси́на, Даниэль Нокем.

Нейтигаль. Сейчас поругаются.

Нокем. Что, болото? Что, тряси́на? Чорт по-бери! Пары меня разорви!

Кварелус. Да. Кто на это отважится, тот несомненно провалится и утонет в ней, да не меньше недели пройдет, пока друзья разыщут, куда он пропал.

Винвайф. И он еще две недели будет выбираться оттуда.

Кварелус. Это будет падение в бочку с салом. Понадобится отряд голландцев, чтобы вытащить его оттуда.

Нокем. Ответь им, Урса, ответь! где варфоломеево остроумие? где твое варфоломеево остроумие!

Урсула. К чорту вас самих, сволочных подлецов, вот уже погляжу я, как вас хватит чума а сифилисом вы уже запаслись наверно от поджарой курятины из театра! зад у нее костлявый, как пиковый туз, или острие аллебарды, что ни ребро у ней, так зуб от пилы, и так она вас плечми да коленами подарапает, что лучше бы с бороной спать!

Кварелус. Вы посмотрите, как из нее пот поплыл; заболеешь испариной, на нее глядя.

Урсула. Ну и смотрите, сделайте одолжение, у самого заплата на роже да с дюжину заплат на штанах, велика важность, что они красные! Я, сэр, видела, как почище вас франты свои вшивые камзолишки старьевщику по два раза в неделю таскали.

Кварелус. Вы не думаете, что на ярмарке найдется хорошая корзина и ее стоит купить? Я говорю про достаточно большую, а?—Я тут знаю один пруд, в который она бы могла уместиться.

Урсула. Мать твоя в него уместится, прохвост! Выметайся ты, хам! Заборная птица, шут, ублюдок корзинщика!

Кварелус. Ха, ха, ха.

Урсула. Ты еще смеяться, кобель головастый, кривой ты хвост? Мать твоя тебя, как жадного щенка, на стерню с телеги под сноп родила, так ты сразу сбесился? К чорту отсюда обнюхивать

братнину суку госпожу Нужниду — ее на тебе и ливрея! Даром, что уже локти протерлись. Пора тебе к ней спровадиться, ради остальных здесь присутствующих.

Но кем. Тише. Тише, Урса! Убьют они бедного кита и погонят из него ворвань. Уйди, сделай милость.

Урсула. Погляжу раньше, как их болячка заест, как их на кол посадят, как их еще раз потом на кол посадят!

Винвайф. Уйдем отсюда, ее речь становится сальнее ее свиней.

Урсула. Ах, ты, сопляк! Господи, боже мой! Утри ты носик, пискун! Тебя видно нищенка зачала на гумне от плешивого батрака, чуть теленького. Ну и папаша!

Винвайф. Прошу тебя, уйдем.

Кварелус. Нет, честное слово, я останусь, пока не кончит. Этого надолго не хватит, я знаю по ей подобным, что она скоро выдохнется.

Урсула. Да? Правда? Я вас заставлю уйти, дайте-ка мне только мой свиной противень, вот я вас ошпарю, когда не уйдете!

Но кем. Джентельмены, это очень буйные пары и совершенно напрасные пары, уверяю вас.

Кварелус. А вы самый убежденный осел, уверяю вас.

Но кем. Хм. Осел! Настоящий? Всякому, кто говорит мне осел, мастер Кварелус...

Кварелус. Что тогда, Джордан Но кем!

Но кем. Я говорю — это ложь!

Кварелус. Клянусь, всякий, кто говорит мне, что я лгу, получает от меня — вот. (Ударяет Но кем а.)

Нокем. О, так, — зуб за зуб. (Драка; входит Урсула со своим противнем.)

Нейтигаль. Берегись противня! Противень! Противень! Она идет с противнем, господа! (Урсула падает.) Господи благослови!
Урсула. О! О!

Кварелуси и Винвайф уходят.

Траш (вбегает). Что случилось?

Оверду. Добрейшая!

Мункалф. Хозяйка!

Урсула. Будь я проклята, что на этих чертей смотрела. О, о, обварила ногу. Нога! Нога! Нога! Я лишилась конечности на службе. Да беги же скорей за сливками и салатным маслом! Что глаза палишь, павиан? (к Мункалфу). Оборви мне штаны, — будь мужчиной, мужчиной, мужчиной!

Мункалф (к Траш). Бегите за сливками, матушка Траш, я присмотрю за вашей корзинкой.

Траш выходит.

Летерхед. Лучше сядь на стул, Урсула.

Нокем. Успокойся, Урса. Ты помешала мне расправиться с двумя жеребцами, которые оскорбляли честь достойнейшего наездника Сμισфильда. Им только впору было убраться.

Нейтигаль (тихо к Эдгварду). Клянусь, вы уже удирали от них, когда противень появился — это и был настоящий момент для охоты?

Эдгвард. Ничего подобного. Эти господа были слишком приличны, чтобы иметь при себе деньги.

Нокем. Соловей, помогите мне освободить ее ногу, снимите с нее башмак. Лопни мои глаза,

у нее засечка и стрелка заросла на другой поге!

Урсула. Зараза! Что вы мне ногу заговариваете, это чтоб ее дергало да кололо? Хотите меня до времени сплавить в больницу?

Но кем. Терпение, Урса, мужайся, это только пузырь. Я сведу его яичным белком, с медом и бараньим салом. Замотай хорошенько свои копытца и завтра ты снова забегаешь. Я буду стеречь кабачок и присмотрю за твоими делами, а ты сиди пока на стуле, распорядься и сияй как большая медведица.

Но кем и Мункалф уносят Урсулу на стуле.

Оверду. Вот плоды пивных бутылок и табака. Угар одних и дым другого. Остановись, молодой человек, и не отвращайся мудрости этих немногих уцелевших волос, поседевших в заботах о тебе!

Эдгвард. Соловей, подожди-ка, я хочу его малость послушать.

Входит Кук с коробкой в руке, Вэсп, мистрис
Оверду и Грэс.

Кук. Сюда, Нумпс, где вы? Добро пожаловать на ярмарку, мистрис Грэс.

Эдгвард. Внимание, он соберет публику, увидите, что мы на нем заработаем.

Оверду. Не жаждай освежительного сладкого зля, ибо — кто знает, вытаскивая пробку, что окажется в бутылке! Не находили ли там скорпиона и даже ящерицу? Не жаждай этого, юноша, не жаждай этого.

Кук. Вот славный парень, Нумпс, давай его слушать.

Вэсп. Чорт возьми! Славный ли он? Вы лучше переменитесь с ним костюмом. Сдерите все с себя

и меняйтесь сейчас же. Это вам как-раз подойдет. Вы почему его слушать хотите? Потому-что он осел и может быть в родстве с Куками?

Кук. О, милый Нумпс!

Оверду. Не жаждай вожделенно плевел табачных...

Кук. Хорошо сказано.

Оверду. Цвет его подобен цвету индейца, который его развел.

Кук. Разве это не хорошо сказано, сестрица?

Оверду. И кто может поручиться, что, прежде чем его собрали и обработали, Алигарта не опоганил его?

Вэсп. Слушайте, пусть речи его великолепны, так хороши, как только возможно, лучшие в мире речи. Что же из этого? Уйдете ли вы отсюда? Хватит с него. Мистрис Грэс, пойдемте отсюда! прошу вас, не будьте соучастницей. Если вы потеряете ваш контракт или еще что-нибудь, сэр, слушая его басни, скажите, что Нумпс колдун, при всем уважении к вам. Скажите это!

Кук. Не рвите на себе одежду, Нумпс.

Оверду. Ползучий яд этого коварного змея, как утверждают некоторые позднейшие писатели, не может обезвредиться и уничтожиться ни срыванием этого опасного растения, ни сушкой его, ни проветриванием, ни сжиганием его.

Кук. Прекрасно, отлично, не правда ли сестра?

Оверду. Потому-то легкие курильщика гнилы, печень пятниста, мозг закопчен, как задняя стена этой самой трактирной кухни, и все тело внутри черно, как противень, который вы только что видели.

Кук. Великолепные сравнения, господа! (К Эдгварду) Вы видели противень?

Эдгвард. Да, сер?

Оверду. Нет, дырка вместо носа, как у некоторых курильщиков табака, или третья ноздря, как трюфовый туз или *fleurs de lis*, если можно так выразиться, дающая возможность пропускать через себя табачный дым, образуется от курения и только от курения, тогда как бедный, невинный в этом сифилис совершенно не причастен и бессовестно и подло оклеветан.

Кук. Кто хотел бы это упустить, сестра?

М-с Оверду. Никто, один разве Нумпс.

Кук. Он не понимает!

Эдгвард (вытаскивает в это время кошелек у Кука). А вы не почувствовали?

Кук. Что подслаешь, сестра, с таким типом, который не знает ничего, разве только еще старый английский герб? Лучшая музыка на ярмарке не тронет этого чурбана.

Эдгвард (отдает кошелек Нейтигалю). Ступай к Урсуре, Соловей, передай ей в утешение. Сказано — сделано. Этот малый был послан нам судьбой для почина.

Соловей уходит.

Оверду. Но что говорю я о телесных недугах, дети ярмарки!

Кук. Это о нас, сестра, великолепно, честное слово.

Оверду. Внемлите, о сыны и дочери Смисфильда, и узнайте, какие болезни это причиняет духу. Это вызывает брань, это вызывает чванство, это вызывает злобу, сварливость, порою же даже и драки.

М-с Оверду. У него что-то есть общее с мистером Оверду, братец!

Кук. Я тоже так думаю, сестра, очень много общего с моим братом Оверду, именно в разговоре.

Оверду. Взгляните на каждый уголок города, где проповедуется это, раздор вносящее, учение. Посмотрите, как проводится время за бутылками, за табаком. Проповедник по одну сторону, ученик по другую. Ассистенты только бутылки да табак, из-за которых собственно лектор читает, а ученик платит тридцать фунтов в неделю за пиво, сорок за табак и еще десять за эль. И затем еще столько-то за прибор, в чем пьют, пока его не заслуживают, а затем и за второй прибор столько-то, и за третий и за четвертый. И слюнявятся стаканы и табак смердит...

Вэсп. Сумасшедшая башка... Что вы здесь корни пустили? Никогда не уйдете что ли? Что можно найти вообще интересного в этом орущем проходимце? Укоренились? Он вырос на целый локоть с тех пор, как его слушают! Не хотите ли здесь обосноваться и открыть трактир, сэр?

Оверду. Закончу кратко...

Вэсп. Заткни пасть, негодный буян, а то я своей башкой сверну тебе челюсть! Вы лучше постройте себе сами кабаки и угощайте его там. Напишите завещание и объявите его своим наследником. Создатель мой! Я не видал еще никого, кто бы так мог увлечься таким дятлом. Клянись небом, я унесу вас на спине, если вы не уйдете сами. (Толкает Кука в спину.)

Кук. Тихе, Нумпс. Отстань от меня, — я потерял кошелек. Один из моих кошельков пропал.

М-с Оверду. Наверное, братец?

Кук. Да, так же верно, как я честный человек, пусть иначе буду чистокровным прохвостом. Разрази их чума всех этих проклятых воров и мошенников (выворачивает свои карманы.)

Вэсп. Благословляю их всем сердцем, да, всем сердцем, так и знайте! Теперь так же верно, как то, что я не неверный, я сознательно радуюсь этому, да радуюсь, вот мои свидетели,—видите, сэр? Я вам не басни рассказывал, нет. Да, я скучная старая лошадь, я ничего не знаю. Не справедливо ли с вами поступили, признайтесь, скажите по совести? Полезно вам, при всем моем уважении к вам, и очень хорошо для того, кто украл.

Эдгвард (в сторону). Это малый прещедрый. Хотел бы я, чтоб и у него был кошелек, но на одном деле полной воли себе давать не следует.

Кук. Нет, Нумпс, это не лучший мой кошелек.

Вэсп. Не лучший! Чорт побери! Почему эгот должен быть вашим худшим? Почему он должен быть кошельком вообще? Ответьте мне на это, объясните мне, почему это вообще кошелек?

Кук. И нет в нем моего золота, Нумпс, вот оно где у меня, смотрите сюда, сестра. (Показывает другой кошелек.)

Вэсп. Вот как это его огорчило.

М-с Оверду. Умоляю вас, братец, берегите его лучше первого.

Кук. Само собой, даю вам слово. Бери его теперь, кто взять может. Посмотрел бы я, как стянут этот. Гляди-ка!

Вэсп. Так, так, так, так! Очень хорошо!

Кук. Пусть придет он еще раз, я ему его предложу, сестрица, хотите видеть хорошенькую

штучку. Я положу его в тот же карман и, если вам посчастливится, вы увидите хорошую ловушку. Пусть попробует клюнуть.

Эдвард (в сторону). Он и попробует раньше, чем вы с ярмарки уйдете.

Кук. Пойдемте, мистрис Грэс, не печальтесь о моей неудаче,— грустью не поможешь, милочка моя.

Грэс. Я об этом и не думаю, сэр.

Кук. Это была дрянная мелочь, чорт бы ее побрал,— но она доведет-таки когда-нибудь этого мошенника до виселицы. У меня осталось довольно золота, чтобы закупить вам ярмарочных подарков, это так же верно, как свет стоит. Ничто меня так не злит, что никто здесь не похож на карманщика, один разве Нумпс.

Вэсп. Как! Я!? Я похож на карманщика? Проклятие! Ваша сестра воровка и ваша мать и отец, и вся ваша семья мошенники. А! здесь есть негодий, глава всем карманщикам, которого побью для начала. (Бьет Оверду.)

Оверду. Сдержи руки свои, сын гнева, наследник озлобления, не совершай избиения невинных в порыве ярости своей и в честь праздника французского Варфоломея — покровителя всех избиений.

Кук. Нумпс, Нумпс!

М-с Оверду. Добрейший господин Хемфри.

Вэсп. Вы шут, вы шутовской патриарх всех мошенников. Вы с них получаете проценты, сэр, поделитесь с ними и этим. На вас еще, пожалуй, ваша проповедническая горячка накатит. Я вас, охлажу! (Бьет Оверду.)

Оверду. Убийство! Убийство! Убийство!

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Входят Вит, Хагис и Бристольс навеселе.

Вит. Ну, вот все и кончилось. Не во время вы пришли, господа, блюстители порядка. Чтоб вам быть в пору на месте, вероятно нужен человек, который доносил бы вам о всяком скандале, а вы сидите себе на другой планете, самонадеянные буяны и кутилы! Какой-нибудь негодяй мог бы две недели издеваться здесь над нами. Вы же так заняты бродягами, что вам и времени нет притти джентельменам на помощь.

Хагис. Что я тебе говорил, Дэви Бристольс?

Бристольс. Ладно, ладно, говорил ты мне чепуху, Тобби Хагис, подлинную бессмыслицу, я так и знал, что ничего из этого не выйдет. Ты сказал: пойдём к Урсуле — это правда, но потом нам повстречался человек с уродами, и я не мог тебя от него оттащить. Старый дурак, не может не глазеть.

Хагис. Кто же мог подумать, что можно драться в такую рань и так скоро задействует ярмарочное пиво.

Вит. А ты думаешь, который теперь час?

Хагис. Не знаю.

Вит. А ещё умный стражник.

Хагис. Почему часовой должен стоять на часах, а часы могут ходить не по часовому, скажите, пожалуйста?

Б р и с т о л ь с. Они должны действовать согласно, когда хорошо работают.

В и т. Ты прав, кто знает или слышал о таком порядочном часовом, который предупреждал бы часы о своих личных делах?

Б р и с т о л ь с. Совершенно верно, порядочный часовой сам знает, который час.

В и т. На яву и во сне не хуже самих часов или Джека, который бьет час.

Б р и с т о л ь с. Давай-ка спросим мистера Летерхеда и Джуан Траш. Эй, мистер Летерхед, мистер Летерхед!

В и т. Летерхед! Что за кожаная голова! Уж если он кожаная голова, значит, и впрямь толстокож, когда столько шуму его не беспокоит.

Л и т е р х е д. У меня здесь дельце, добрые друзья, не мешайте мне сейчас.

В и т. Это от того, что надел шляпу и бархатную куртку, дружище, что ж я видал тебя и раньше да в кожаной куртке, тебя, хозяина деревянных лошадок, как ты ни кажись занятым да знатным сейчас.

Т р а ш. Что вы, капитан Вит, у него большой выбор в одежде и в шляпах тоже, вы бы посмотрели, есть ко всякому случаю и на болезнь, и на работу.

Л и т е р х е д. Вот спасибо, Джуан, за меня отвечаешь.

В и т. Прочь с дороги, чтобы меня в вашей компании не заметили избранные люди общества и джентельмены.

Входят Кварелус и Винвайф.

К в а р е л у с. Нам удивительно не везет: так пропустить пролог с кошельком; но лучшее свое

он нам разыграет в пяти действиях; еще до вечера достаточно мы на него насмотримся, ручаюсь.

В и т. Вот тебе на! Герцог Кварелус, как поживаешь? Ты меня, боюсь, не узнаешь, я самый мудрый человек на всей Варфоломеевой ярмарке за исключением судьи Оверлу. Дай мне двенадцать пенсов, я помогу тебе найти бабу с достоинствами на все сорок марок, — сам увидишь.

Кварелус. Проваливай, поганая сводня!

В и т. И в своем наряде, она покажется тебе прелестной! такую, какую ты только можешь пожелать, клянусь тебе. Хочешь, обожаемый Винвайф? Я помогу тебе залучить ее, в этот свиной штаб, дай мне только двенадцать пенсов.

В и п в а й ф. Вот тебе двенадцать пенсов, прощай тебя, отстань, пожалуйста!

В и т. Ты достойный и высоко мной чтимый человек.

Кварелус. Пошел, мерзавец!

В и т. Я и собираюсь уходить, дружище, — о принц Кварелус! Если я тебе понадобится, ты меня найдешь у Урсулы, я справлюсь насчет шва и женщин. Для тебя — в свинарне. Да благословенно будет твое сиятельство.

Кварелус. Смотри, кто сюда идет! — Джон Лительвит!

Винвайф. И его жена, и моя вдова — ее мать, и вся семейка.

Кварелус. Ну-с, теперь вы обязаны поднести им всем подарков с ярмарки.

Винвайф. Не я, — я их не встречу.

Кварелус. Они точно на пир идут! Что это с ними за школьный учитель?

Винвайф. Это мой соперник, должно быть булочник.

Входят Рабби Бизи, Пюрекрафт, Джон Лительвит и мистрис Лительвит.

Бизи. Итак, шествуйте правой стезей, прямо, ни вправо, ни влево не претываясь. Да не отвлекутся очи ваши сией суетою и уши шумом сим.

Кварелус. О, я узнаю его, по такому началу!

Литерхед. Что вам угодно? Что покупаете, дамочки мои, хорошенькую лошадку, чтобы ваш сынок был добрым наездником, барабан, чтобы стал солдатом, скрипку, чтобы вырос танцором? Что вам угодно: маленькую собачку для вашей дочери, есть и куколки мужского и женского образца.

Бизи. Не смотрите на них, не слушайте его, это место — поле кузнецов, место сбыта игрушечных коньков и дрянных безделок, товар дьявольский и вся ярмарка — сатанинская лавка. На каждом углу, всюду крючки с приманкой, чтобы вас уловить и держать за что ни попало, тянуть за жабры, как рыбак рыбу; потому и не должно вам озираться по сторонам. Как человек языческого мира мог забить себе уши воском против голоса морской стервы, так же перстами своими творите против взывающего гласа звериного.

Винвайф. Что за громы и молнии?

Кварелус. О, это совершенно естественно, он так же удивительно пылок, как когда сам был булочником и возился с выпечкой, а теперь он ведет свое стадо на ярмарку.

Винвайф. И посадит в лужу, потому что не позволяет им смотреть перед собой.

Входит Нокем с Витом из кабака Урсулы.

Но кем. Сударыни, погода жаркая, куда вы идете? поберегите ваши хорошенькие бархатные шапочки, ярмарка пыльная, выберите эту прелестную уютную беседку при дороге, устройтесь с вашими друзьями в тени. Лучшая свинина и пиво во всей ярмарке, господа! Старая Урсула — повар. Здесь вы можете прочесть (указывает на вывеску, на которой изображена кабанья голова с большой надписью). Кабанья голова, вам это подтверждает. Бедняжка Урсула, у нее был шпат и мокрец, но она сейчас уже славно поправилась.

Ви т. Нежнейшая ветчина, миленькая сударынька, со сладким соусом и сухариками, как ягодные листочки с огня. Вот для вас чистый угол скатерти и стакан, вымытый водой из ключа Анис Клар.

Л и т е л ь в и т (смотрит вывеску). Это воистину прекрасно. «Здесь лучшие свиньи и она жарит их также хорошо, как всегда», вот что говорит свиная голова.

Но кем. Отлично, отлично, хозяйка разводит огонь на можжевельнике и ветвях розмарина, вот вам секрет кабаньей головы, сэр!

Д ю р к р а ф т. Сын мой, не предостерегала ли я вас от суетного соблазна очей? Забыли ли вы уже делительную проповедь?

Л и т е л ь в и т. Добрейшая мать, ну как же мы найдем свинину, если не будем ее искать глазами, не прибежит же она сама нам в рот, как в сказках и не закричит: вот и я!

Б и з и. Нет, но набожно мудрая ваша мать полагает, что она могла бы наших чувств ради пожертвовать собой другим путем. Не путем смрада,

какой в этом месте распространяется — хм, хм, (втягивает в себя воздух) да, действительно распространяется! Да, конечно, было бы грехом высокомерия и упрямства, крайне высокомерного упрямства, отвернуться и устоять против добродетельной щекотки чувства голода, что есть обоняние. И потому мужайся, хм, хм, хм, следуй за запахом, войди в палатку нечистого и раз навсегда удовлетвори желание недугующей твоей жены! Да будет немощная удовлетворена и ваша ревностная мать и я многострадальный, тоже удовлетворим вожеления наши.

Л и т е л ь в и т. Войдем, Вин, лучше остаться здесь, чем итти дальше, ни на что не глядя.

Б и з и. Войдя немедленно, мы избежим стольких иных соблазнов и искушений.

Д ю р к р а ф т. Это основательное соображение.

В и н. Вот злосчастие! на ярмарку пришли, а смотреть ни на что нельзя.

Л и т е л ь в и т. Вин, потерпи, Вин, я тебе потом кое-что скажу.

Все входят в кабак.

Н о к е м. Мункалф, угощай гостей внутри. Подай лучшую свинью, свинью вроде кабана. Чистокровные пуритане пришли на свинину охотиться!

В и т. Приглядывай за своим делом!

Уходит.

Б и з и. Подайте свинину немедленно; приготовь нам свинью!

Входят Мункалф и Урсула.

М у н к а л ф. Кто это такие?

У р с у л а. Так вот мне услуга, от вас Джордан!

Но кем. Что, Урса? Что ты? У тебя пары развелись? А нога? Войди в дом, пожалуйста, а то чего доброго чесотка прикинется!

Урсула. Идите вы к чорту с вашими парами! Это и есть гости, которые по-твоему набьют мне карманы сегодня?

Но кем. Ну да, ты чего беспокоишься, Урса?

Урсула. Что с них возьмешь? Как прихлебатели какие-то, все вместе взятые не выпьют и двух бутылок грошевого эля!

Мункалф. Слепой прочтет это на их неписанных рожах.

Но кем. Ты дура, Урса, и твой Мункалф тоже. Не вежи вы. Это хорошие гости, говорю, настоящие гости, лицемерные обжоры. Ступайте, выложите парочку свиной на блюдо да полдюжины самых больших бутылок на стол и позовите Вита. (Мункалф уходит.) Не люблю слушать, когда клеветают на невинных: какие замечательные лицемеры! Чурбан-пуританин чисто гневной масти, благоприятно настроенный обжора, по-двое на свинью, ну проваливай!

Урсула. Вы в этом уверены?

Но кем. Настоящие господа, сама убедишься по их зубам, Урса. Где же Вит?

Вит (входит распевая).

Стойте, люди, посмотрите,
И со мною не шутите:
Важный воин я какой,
Я поклялся бородой,
Полк не справится со мной!

Но кем. Хорошо сказано, храбрый Вит, войди и вылей пиво из бутылок в желудки братьев и

сестер. Пей за свое дело и за доброе пищеварение.

Уходят Нокем, Урса и Вит.

Кварелус (входит). Думается мне, что мой гуляка обратился в шинкаря. Вот был бы для тебя хороший случай, Винвайф, взять свою вдовушку на абордаж. Никогда тебе не найти более подходящего времени и места. Та, которая посмела отправиться на ярмарку в такой кабак, допустит всякое нападение, будь уверен в этом.

Винвайф. Я не люблю предприятий такой стремительности.

Кварелус. Тогда предупреждаю тебя не брать жены из строя вдовиц. Если бы у меня было малейшее право на нее, полчаса воздыхания на ее животе и я бы увел ее прежде чем она выйдет отсюда, или же сама потащит меня за собой, что было бы довольно забавным зрелищем, признаюсь. Но вы скромный деятель, зависящий от степени и обстоятельств. Полно, это у вас признак нездоровья, а не рассудительности. Предлагаю вам все возможности. (Входит Оверду.) Смотрите, здесь опять бедный дурак, только что побитый Вэспом.

Оверду. Не стоит больше произносить речей, раз они приводят к таким трагическим результатам. И я начинаю думать, что это вид своеобразного проявления справедливости. Адам Оверду заслужил эти побои, потому что я, вышеупомянутый Адам, был одной из причин (побочной причиной, конечно) потери кошелька и кошелька брата моей жены, к тому же этого они еще не знают. Я преподнесу им хорошенькую штучку за ужином (который будет в заключении), она вы-

ведет совершенно из себя моего маленького друга г. Хемфри Вэспа. Сидя по обыкновению во главе своего стола, и выпивая за здоровье моего брата Кука и госпожи Оверду, супруги моей, и за их добрые чувства к старому Бродлею, я откроюсь им, что я, а не он, был избит палкой и покажу им следы. Подумать только, какие злые происшествия могут цепляться на хвост самых добрых намерений! Попечение о молодом, любезном юноше, который сегодня так мне понравился (и которого я не оставлю) толкнуло меня на речь, которая действительно привлекла слушателей, что, в свою очередь, привлекло карманщика, который утащил деньги, что привело к убытку для брата моего Кука, и вызвало гнев Вэспа, что привело меня к побоям. Какая интересная последовательность! И все они получают это себе в тарелки сегодня вечером, вместо фруктов, клянусь в том! Люблю я повеселиться дома за столом. Я уж подумывал было при получении одного особенного удара, открыться им, но потом, слава тебе выдержка, вспомнил, что мудрец и тот, кто сам по себе является воплощением столь значительной части государства, не смеет из-за личных бедствий бросать защиту общественных интересов. Крестьянин не должен из-за одного неплодородного года покидать свой плуг, пастух из-за одной паршивой овцы — бросать свой посох и суму, рулевой не должен из-за одной течи в корме бросать руль и член городского управления не должен из-за лишней драчены к обеду подавать в отставку, констебль не должен распускать свой штаб и своих стражников из-за одной ночной потасовки, приходский органист *ut parvis compro-*

пере magna solebam не должен бросать своих трубок из-за одного дождливого воскресения. Это несомненно потрясающие выводы, на основании их я решил: будь что будет, — побои ли, заключение ли, изгнание ли — даже и пытка — привет всему! Я не открою, кто я, до определенного времени и пусть случится даже все, что я сказал, именем правосудия, короля и государства!

Винвайф. Что он там бормочет про себя и чем так серьезно занят бедный сумасшедший?

Кварелус. Не все ли равно? Здесь есть вещи поновее.

Входят Кук, мистрисс Оверду, Грэс, за ними
Нумпс, нагруженный игрушками

Кук. Сюда, госпожа Грэс, сюда сестрица, здесь, надеюсь, отыщется больше интересных зрелищ... чорт возьми, где Нумпс?

Летерхед. Что угодно, джентельмен? Что купите? Отличные трещотки, хорошенький барабан, куколки, маленькие собачки или птички вашим дамам? Чего желаете?

Кук. Добрейший, милейший Нумпс, осторожнее, я так боюсь, что ты что-нибудь потеряешь. Сердце у меня не на месте, когда я тебя не вижу.

Вэсп. Лучше всего купите хлыст — меня погонять.

Кук. Ты ошибаешься, Нумпс, ты так способен ошибаться! Я только хочу следить за своим добром. Видишь, ты почти потерял эту скрипку.

Вэсп.⁴⁷ Осторожней, сделайте милость, самого себя не ⁷⁸потеряйте, лучше всего было бы вам сесть на меня верхом. Купите на грош больших булавок, чтобы приколотся мне к плечу.

Л е т е р х е д. Чего изволите, джентельмены? Хорошие кошельки, табачные кisetы, коробочки для булавок или трубки. Что вам угодно? Парочку хлопущек, чтобы будить вас по утрам, или хорошенькую птичку-свистунью!

К у к. Нумпс, здесь вещи лучше, чем мы накупили, честное слово, и лошадки изящнее; гораздо лучше, добрый Нумпс. Стой, поди сюда.

В э с п. Вы хотите, может быть, с ним обменяться? чтож, вы на ярмарке! Обзаведитесь хорошей легкоходной лошадкой под ваше седло к Михайлову дню. Спросите у него, не найдется ли у него тележки, чтобы вам кататься по деревне на четверке пегих деревянных лошадок. На кой чорт будете вы стоять здесь со всей вашей свитой, торгуясь из-за птиц и кукол, дети что ли у вас есть, чтобы их одаривать?

К у к. Нет, но будут, Нумпс, вот и все!

В э с п. Да, да, да, да сколько их у вас будет, как вы полагаете? Будь я на вашем месте, я бы закупил и для своих арендаторов. Они своего рода дикари, которые готовы отдать детей своих за барабаны, трещотки и перочинные ножички. Вы бы лучше купили им два-три топора и пошли бы с ними меняться.

К у к. Добрейший Нумпс, придержи свой язычок и дай ему отдохнуть. Я решительный Варфоломей, ты знаешь это!

В э с п. Вы решительный дурак — знаю, и самоуверенный петух, при всем моем уважении к вам! На-те, скушали, сэр, злитесь теперь? Тьфу вам в рожу и дважды тьфу! Жалею, жалею, что раньше не сказал вам, это бы вам пригодилося.

В и п в а й ф. Видали ли вы когда-нибудь такую самоуверенность и дерзость?!

К в а р е л у с. Бедный парень трещит по швам от хлопот, подойдем к ним и утешим его.

В э с п. Зарыли б меня лучше в землю по самую голову, да обваривали мне череп и вышибали бы мозг, чем казнить на этой опеке!

К в а р е л у с. Как поживаете, Нумпс? Уже устали от своих опекунских обязанностей. Перегружены? Перегружены?

В э с п. Что ж — не могу сказать, сэр, может быть и так. А вам какая печаль?

К в а р е л у с. Ей-богу, никакой, Нумпс, если вам это угодно!

В э с п. Нумпс? провалиться вам, до чего вы любезны и фамильярны. Давно ли мы с вами знакомы, прошу покорно!

К в а р е л у с. Я думаю, это стоит запомнить, Нумпс, это произошло сегодня утром.

В э с п. Что ж, я и сам это знаю достаточно хорошо, сэр! Я не пуждаюсь, чтобы мне об этом напоминали.

К в а р е л у с. Нет, — так что же?

В э с п. Дело не в этом тоже. Вы теперь воочию видите то, о чем я вам говорил сегодня утром. Теперь в другой раз поверите?

К в а р е л у с. Не перевозите ли вы ярмарку, Нумпс?

В э с п. Милый вопрос и какой учтивый! Да, чорт побери, я несу поклажу и еще понесу. По моему грузу можно узнать, чья я скотина. Если б этот негодяй-торгаш зарабатывал на баранине, уж ободрал бы он меня живьем и кормил бы мной собак во благовремение.

Винвайф. Как печально смотрит к нам мистрис Грэс. Пойдем туда ради нее.

Кук. Эту шестерню, друг мой, я покупаю.

Вэсп. Как!

Кук. И эти три ерихонских трубы и полдюжины вот этих птиц и этот барабан (у меня уже есть один барабан) и ваших кузнецов, — мне очень нравятся их вид, очень хорошо! И четыре аллебарды и... дайте посмотреть эту большую размалеванную даму и трех ее прислужниц, я хочу взять.

Вэсп. Нет, всю лавку, скупайте всю лавку, это самое простое, весь лоток, весь лоток.

Летерхед. Если соблаговолит его светлость.

Вэсп. Да, и стереги это во всю ярмарку.

Кук. Тише, Нумпс! Друг мой, не ссорься с ним и ты будешь мудрым и превзойдешь его! Он будет стараться пробить твою броню своим ночным колпаком, поверь мне... Сэр, эти скрипки я тоже покупаю. У меня в деревне хорошенькие и новелькие инструментики, каждый из них на мерочку меньше другого, как раз как ваши скрипки... Вот, что я придумал: мне бы страшно хотелось иметь на моей свадьбе интересную забавную маску, но мне нужно такую массу вещей, а Нумпс уже не хочет мне помогать и я не смею с ним заговаривать.

Траш. Не желает ли ваша светлость купить имбирных пряников, очень хороших пряников, отличных пряников!

Кук. Пряники? Да, да, посмотреть (бежит к ней).

Вэсп. Вот и другая западня!

Летерхед. Хорошо ли это, добрейшая Джуан, в самый разгар торговлю срывать и отбивать

покупателей! Что вы ответите на ярмарочном суде?

Траш. Что ж, если его светлости благоугодно купить, — надеюсь, мой товар лежит так же открыто, как у всякого другого, свой лоток я могу показывать, как и вы ваш.

Кук. Заткните глотку, я удовлетворю вас обоих. Я куплю весь его лоток и всю твою корзину.

Вэсп. Неужели вы это сделаете? Чорт возьми!

Летерхед. Зачем вам его удерживать, друг?

Вэсп. Пощадите! Вы лучше бы самих себя продали. Сколько стоите вы и ваша дрянь вот так, как вы здесь есть? Есть ли за вами хоть какие-нибудь достоинства!

Траш. Еще бы! добрый человек, сердитый какой. Сразу оцените его по достоинству, только поторгуйтесь с ним!

Вэсп. Вы что ли его продаете? За деньги?

Траш. Никак нет, сэръ.

Вэсп. А за что же, за продукты?

Траш. Он презирает продукты, сэръ, у него хлеб с маслом дома, слава тебе господи. А лучше всего он работает за хороший обед: игрушки ему действуют на пищеварение. Остерегайтесь сажать его на нижний конец стола, уйдет не поевши, хоть и будет голоден, а сажайте во главе стола, как ему подобает, и он отколет вам сорок отличных штук за один присест. Не даром за ним посылали и его сажали на городские ужины, чтобы он переплюнул Корайта и Кокколи. И смеялись же над его работой! Он вам переиграет всех марионеток в городе и актеров всех трупп и свою собственную труппу и не пощадит никого.

Кук. Ишь ты!

Траш. Он первый, сэр, изобразил мужика в медвежьей шкуре и поверите ли, ваша светлость, ни одна собака не подошла к нему с тех пор. А что касается представлений...

Кук. Разве он тоже может представлять? Может ли он играть в маске, как ты думаешь?

Траш. О, господи помилуй! Да ему это все ни по чем. Он представляет всех. Он показывает все марионетки на ярмарке.

Кук. Ты это делаешь? Действительно! Ах, ты, старая бархатная куртка, дай пожать мне твою руку!

Траш. Да, сэр, вы на него еще посмотрите сегодня, ночью, в бархатной куртке с шарфом на шее, когда он будет разыгрывать комедию мистера Лительвита.

Кук. Ни слова больше! Закрывай сейчас же свою лавку, друг. Я покупаю твою лавку и тебя тоже, чтоб ты шел со мной, и ее корзину в придачу. Ты поставишь мне маску, а она угощение. Но меньшей мере я должен все оплатить. Одним словом, что стоит весь товар, ящик, лоток и все, что здесь стоит?

Летерхед. Сэр, это стоит мне 26 шиллингов и семь пенсов с полушкой, кроме еще три шиллинга за место торговли.

Кук. Ладно, значит, 30 шиллингов хватит вам за все. А что стоит вам?

Траш. Четыре шиллинга и одиннадцать пенсов за место и за все кругом, если угодно вашей милости.

Кук. Да? это очень угодно моей милости, бедная женщина, это значит еще пять шиллин-

гов. Какая у меня будет маска за 40 шиллингов — 20 шотландских фунтов и еще на целый банкет имбирных пряников; вот это — афера, Нумпс! Сестра, мои свадебные перчатки здесь тоже! Как я об этом раньше не подумал! Перчатки мои — эти прянички. О, что за прелесть есть эти пальцы из пряников... и еще все сладости для свадебных гостей и для всех! Ко всему этому еще поэзия для лучшей из граций мисс Грэс, мои стихи в честь нашей свадьбы!

Грэс. Сэр, я очень признательна вам и вашему Варфоломееву остроумию.

Вэсп. Вы не сделаете этого, нет, ведь это не первое ваше приобретение!

Кук. Нет, клянусь, я и не думаю об этом, но я знаю, что это самый мудрый поступок моей жизни.

Вэсп. Кончено! Ничего больше не скажу.

Входит Соловей, прохожие, Оверду следует издали.

Оверду. Не могу выполнить плана, задуманного мной со всей моей хитрейшей сообразительностью. Мой план, как разлучить этого чистого юношу с его развратной компанией. Я следовал за ним по всей ярмарке и все время он неразлучен с этим певцом. Я начинаю к сожалению подозревать их в дружбе, а юношу в страшной склонности к поэзии!.. И если он заражен уже злостным ее ядом, то для государственной карьеры он безнадежен. Actum est с ним, как с государственным человеком, едва начнет рифмачить.

Эдгвард (к Соловью). Вот он покупает пряники, посади его скорее, прежде чем он уйдет, опорожнив кошелек.

Соловей (поет). Друзья, обратитесь с вниманием ко мне!

Кук (бежит к нему). Баллады! Стой, стой, умоляю тебя, дружище, ой, стой, погоди немножко! Добрейший Нумпс, постереги покупки... Какие у вас баллады? Покажите-ка, дайте самому взглянуть!

Вэсп. Ну вот, он уже кинулся на другую приманку и будет летать от одной к другой, пока не потеряет все свои перья. Есть ли на свете что-нибудь обиднее, джентельмены! Будете вы мне верить после этого? Будете верить!

Кварелус. Да, клянусь вам, Нумпс, и вы сго стоите. Я никогда не видал мальчишки разгульное, а дядьки подходящее.

Винвайф. И сестра к ним тоже очень подходит.

Грэс. Нет, но посмотреть бы вам на судью, ее мужа и моего опекуна, вы остались бы довольны этим блюдом. Он такой мудрец в своем роде...

Винвайф. Странно, что его здесь не видно.

Грэс. О, он слишком серьезен, чтоб притти сюда, и все же он забавнее всех троих вместе взятых, уверяю вас, джентельмены, где бы он ни был, даже на заседании.

Кук. Как она называется? «Предостережение от карманщиков». Клянусь, я бы страх хотел видеть этого чорта, карманщика, о котором вы говорите, бесстрашного дьявола; говорят, они тут везде шляют. Я бы хотел посмотреть, как это он тут будет шнырять. Смотри, сестра, сюда, сюда (показывает кошелек из кармана). Пусть он сюда явится, сестрица, милости просим. Ну, певец балладчик, скажите, пожалуйста, правда — кар-

маншики здесь так и шныряют? Прошу вас вызвать для меня парочку! Начните, и укажите мне их.

Соловей. Сэр, эта песня заклинание против них, только что сочиненная мною лично и пою ее для своей собственной защиты от них. Она обойдется вам всего пенни, если купите!

Кук. Цена безразлична, вы меня не знаете, вижу, я старый Варфоломей.

М-с Оверду. А она с картинкой, братец?

Кук. О, сестра, помнишь ли ты балладу с картинкой, что вписала у нас дома в детской над каминном и мои рисунки с нее? Это были настоящие картинки и не такие, как эти, дружище!

Вэсп. Они пригодятся, вытащить картинки из вашего кармана, увидите, сэр!

Кук. Слыхали мы!—не обижайтесь на него, пожалуйста, товарищ, он ворчит по всякому поводу.

Соловей. Условимся, сэр, что если чей-нибудь кошелек случайно украдут сейчас, в моем присутствии, меня в этом винить не будут. Последующее достаточно ярко будет говорить за себя.

Кук. Мы все это выясним своевременно, начинайте, пожалуйста.

Соловей. На голос Пагинтонского фунта, сэр?

Кук (напевает). Тра-ла-ла-ла-ла—это мое собственное сочинение, нет,—я только хочу вас настроить, вот и все. Прошу начать!

Соловей. Это знаете ли, сэр, хорошее предостережение для карманщиков и кармановладельцев.

Кук. Ни слова больше,—песню, если вы меня любите. (Поет.)

Тра-ла-ла-ла-ла—ну валяй!

Соловей (поет).

Друзья, обратитесь с вниманьем ко мне.
У всех кошельки есть наверно с собой!

Кук. Ха-ха-ха, недурной совет для начала!

Соловей. И если в них мелочь осталась на дне.

Кук. Хорошо!

Соловей.

Трудней заработать ее в день простой,
Чем в праздничный час
Истратить зараз —
У юркого жулика пристальный глаз.

Кук. А без этого какой же он жулик?

Соловей (прищевая).

Ах, лучше бы в люльке тебя удавить как
щенька,
Чем в петле болтаться из-за кошелька.

Кук. Здорово! Скажи, Нумпс, есть ли здесь что-нибудь дурное?

Соловей.

Друзья, нас поэтов, нельзя называть
Причиною столь разорительных бед:
Вы, слушая песни, начнете зевать,
А вор кошелек заберет на обед.

Кук. Только с колпаком это может случиться.

Соловей.

Что место и время?
Карманщиков племя
В Вестминстерских залах посеяло семя,
И добрый судья от истца сам не мог
Спасти, как и я, от воров кошелек.

К у к. Покорно благодарю, за что ему больше
вашего везти будет?

С о л о в е й (поет припев).

Пусть в люльке и т. д.

К у к. Повторите это еще раз, добрейший сочи-
питель. (Повторяют, К у к поет с ним вместе.) Изу-
мительно! Я бы с удовольствием стал вам апло-
дировать, да боюсь вытащить руку из кар-
мана. О, умоляю вас, автор этой поэмы должен
сочинить стихи и для моей маски.

С о л о в е й (поет).

В Ворчестре, в тюрьме я однажды слышал,
Как важный вельможа жестоко попался:
Он узников словом добра утешал,
Пришел с кошельками, без оных убрался.

К у к. Да неужели?

С о л о в е й.

И слышал раз я
Кошель свой судья
При всех потерял, с кресел в зал не сойдя.

К у к. Чорт знает что такое!

С о л о в е й.

О, господи, можно ли миловать шваль,
Которой для кражи и шеи не жаль?
Ах, лучше бы в люльке тебя удавить
как щенка,

Чем в петле повиснуть из-за кошелька.

К у к (спев припев вместе с Соловьем). Умоляю,
подождите минутку, дружище. Нумпс, по совести
скажи теперь, ну что в этом дурного?

Вэсп. По правде говоря, для вас это слишком хорошо. Не утруждайте своей головы, стараясь следить за словами песни.

Оверду. Это обличает такие чудовищные безобразия! Я запишу факты. Я не думал в стихах найти что-нибудь подобное.

Соловей.

В парламенте, в церкви, в театрах везде
Карманщик орудует, ловок и сыт.
И даже пред тем, как висеть на гвозде,
Он ищет глазами, что плохо лежит.

Кук (подпевает). Эй, молодежь! Где она? Ее призывают ради ее же пользы, а она и не думает приходить. (Показывает кошель из кармана.) Эй, смотрите, это для вора. Цап, царап, какую руку желаете? Продолжайте, давайте дальше, я слушаю. Но я не вижу его, молодого карманщика.

Соловей.

Ах, нет им преград
И в месте наград
У трона карманщики строятся в ряд.

Кук. Каково? я бы посмотрел!

Соловей.

О, пебо, я должен проклятью предать
Того, в ком карманщика можно признать.
Ах, лучше бы в люльке тебя удавить,
как щенка,
Чем в петле болтаться из-за кошелька!

Кук. Но где же этот проходимец, когда же он орудует, не на цепи же они все сидят? (Припев.) Крысоловы просто идиоты и ослы со своими

приманками, после этого. Зарази их холера, чего же они не идут сюда, эти карманщики! Слыханное ли дело, чтоб человек имел такое желание их видеть, как я.

Кварелус. Бог свидетель, пол ярмарки за карманщика, чтоб удовлетворить его желание.

Кук. Смотри, сестра (показывает кошель), здесь он. А где? В каком кармане? Для дурака!

Вэпс. Прошу вас, оставьте всех этих дураков и пусть он окончит свое дело.

Кук. А вы знаете, в чем тут дело, Нумпс?

Оверду. Действительно, он слишком часто прерывает певца. Нумпс говорит дело.

Кук. Сестра! Я осел. Я не могу спрятать своего кошелька — не могу! (Вытаскивает его и играет им). Эх, дружище, прошу дальше!

Соловей.

Ах, лучше бы в люльке тебя удавить
как щенка,
Чем в петле болтаться из-за кошелька.

Пока Соловей поет, Эдгвард щекочет за ухом у Кука длинной соломинкой. Кук чешет за ухом, в этот же момент Эдгвард лезет к нему в карман и вытаскивает кошелек.

Винвайф (к Кварелусу). Желаете ли видеть славный фокус? Смотрите, как тот малый к нему подбирается, видите?

Кварелус. Здорово! Клянусь небом! Ах, он кажется, не в тот карман попал.

Винвайф. Ловко, готово! Честное слово! Ловкий парень, жаль его арестовать.

Соловей.

Презренная свора, карманщики вы,
Покайтесь и плачьте над вашей судьбой.

Ворам не спосить на плечах головы,
 Устроят им смерть высоко над землей.
 Веселый, весь в шелке,
 Наряжен с иголки,
 Не в рай они смотрят, холеные волки!
 Взываю, чтоб каждый опомниться мог
 И в петлю не лез за дрянной кошелек:
 Ах, лучше бы в люльке тебя удавить как
 щенка,
 Чем в петле болтаться из-за кошелька!

При последних словах баллады Эдгвард незаметно
 передает Соловью кошелек.

Все. Отличная баллада! Великолепная баллада!

Эдгвард. Друг, дай мне первый экземпляр,
 первый мне, прошу тебя.

Кук. Простите, сэр. Кто первый пришел, пер-
 вый и получает. Я первый и я покупаю у него
 весь его пакет.

Винвайф. Это было лучше всего. Вы заме-
 тили, как этот передал певцу кошелек?

Кварелус. Не может быть!

Эдгвард. Сэр, я уступаю вам. Я, конечно, не
 хочу лишать заработка этого бедного человека.
 Прошу вас, понять меня должным образом.

Кук. Я думаю, вы благородный джентельмен,
 надеюсь, я не ошибся. Я, кажется, уже встречал
 вас сегодня... О... что такое? Господи, мой
 кошелек! Пропал мой кошелек, да, кошелек мой,
 кошелек!

Вэсп. Перестаньте, не скандальте, не пзобра-
 жайте осла на потеху всей ярмарки.

Кук. Что? ведь он у тебя, Нумпс? Милый
 Нумпс! Я — прорва. Ну, как ты до него добрался?

В э с п. Умоляю вас, найдите себе другого остряка, чтобы с ним вместе дурака валять. У вас как раз достаточно времени на потерю кошелька с этими вашими ярмарочными выходками.

К у к. Клянусь, рукой и перчатками и всем на свете, я его уже потерял, если ты не стащил его. Понщи его на себе, и посовой платок мистрис Грэс пропал из другого кармана.

В э с п. Очень хорошо, исключительно великолепно и отлично.

Э д г в а р д. Уверены ли вы в том, что потеряли его, сэр?

К у к. О, господи, да! Как честный человек уверяю, что имел его вот сейчас, при словах: «путь в люльке».

С о л о в е й. Надеюсь, вы не подозреваете меня, сэр?

Э д г в а р д. Тебя? Вот это была бы шутка, действительно. Ты думаешь, что этот джентельмен совсем сумасшедший. Вспомни, где были твои руки. (Тихо.) Убирайся, осел, убирайся!

С о л о в е й уходит.

О в е р д у. Меня опять побьют, если меня заподозрят. (Отходит в сторону.)

Э д г в а р д. Сэр, я подозреваю того странного человека, который сейчас старается улизнуть.

М-с О в е р д у. Брат, это тот самый проповедник, он был при краже вашего первого кошелька, помните? Нет, стойте, сэр, и смотрите на дело ваших рук, вы будете вознаграждены виселицей, там и проповедуйте. Сами себя благодарите за то, что наделали.

Кук. Сэр, вы не возгордитесь вашим быстрым повышением. Вас скоро заставят молчать. (Хватает Оверду.)

Оверду. Что вы хотите сказать мне, любезнейший кавалер?

Кук. Извлечь из вас мои деньги, «кавалер»! Вам нужно не меньше двух кошельков в день? Я думал, вы простой человек, когда мой слуга Нумпс бил вас сегодня утром, и мне было жаль вас.

М-с Оверду. Мне тоже, братец, было жаль, клянусь вам, но теперь я вижу, — он злодей и губительное чудовище, как говорит мистер Оверду.

Оверду. Мои же собственные слова обратились против меня как меч!

Кук. Не может кошелек находиться спокойно в кармане своего хозяина, чтоб вы его не похитили и не растрясали!

Оверду выводят.

Вэ-сп. Придержите ваше распутство, ваше Варфоломеево грубиянство. Ступайте, куда хотите, но пока отдайте мне это (указывает на коробку), я буду хранить ее.

Кук. Почему же, Нумпс?

Вэ-сп. Почему — потому что вы осел, сэр. Причина та, что в ближайшее время она вам понадобится и так как вы научились терять решительно все и можете потерять свои штаны, она тоже будет потеряна, знаю я вас, сэр. Идите сюда, отдайте (берет коробку из рук Кука). Вы, конечно, сейчас пойдете избивать негодяя, которого вы сами же породили — отлично. Хотите знать правду? Есть такие беспокойные мухи, которые в каждом углу привлекают мошенников. Ваше

неистовое мотовство создает мошенников. И если б не было таких осторожных, как я, то все дороги были бы им открыты. Честное слово, сэр, я вложу вам мозг обратно в башку, сэр, и имениннине ваше вам в руки. Уверяю вас.

Винвайф. Увы, бедный Нумпс!

Вэсп. Нет, джентельмены, не жалейте меня, я не достоин сожаления. Бог послал меня однажды в Харро на холм, там мой дом, и если я хоть еще раз соберусь путешествовать, назовите меня шутом. Мое вам почтение.

Уходит, за ним Кук и мистрис Оверду, потом
Эдгвард.

Кварелус (останавливает его). Постойте, сэр, я должен перемолвиться с вами одним, двумя словами частным образом — слышите?

Эдгвард. Со мной, сэр? К вашим услугам, добрейший сэр.

Кварелус. Не отрицайте. Вы мошенник-карманник, сэр. Вот этот джентельмен и я видели вас, но мы не намерены вас задерживать, хоть мы достаточно знаем о той опасности, которой мы подвергаемся, покрывая вас, однако, вы должны оказать нам услугу.

Эдгвард. Любезные джентельмены, не губите меня. Я честный молодой человек, право, только начинающий.

Кварелус. Сэр, ваше начинание и ваше окончание нам безразличны. Мы не сыщики и не полицейские. То, что вам надлежит предпринять, состоит в следующем: вы видели здесь старикашку с черной коробочкой?

Эдгвард. Маленького старенького дядьку, сэр?

КВАРЕЛУС. Его самого. Я вижу, вы его уже довели до точки. Я хотел бы, чтобы вы отобрали у него коробку и принесли нам.

ЭДГВАРД. Угодно иметь всю коробку, сэр, или только то, что в ней находится? Я бы доставил вам это, а коробочку оставил бы ему для развлечения. Это будет, конечно, самое трудное из двух. Но мне хочется заслужить хорошее мнение вашей светлости.

ВИНВАЙФ. Он прав, это потребует большего искусства и произведет большой эффект, когда обнаружится.

ЭДГВАРД. Ах, это обнаружится гораздо позднее и этим затянется игра.

КВАРЕЛУС. Но смотри, сделай это теперь же, ей-богу, и сдержи свое слово, не то...

ЭДГВАРД. Сэр, если я когда-нибудь нарушу слово, данное мною джентельмену, пусть я лишусь церковного напутствия на эшафоте. Где мне найти вас?

КВАРЕЛУС. Где-нибудь на ярмарке в этой стороне. Обделай дело скорее. (Эдгвард выходит.) Я бы хотел видеть этого дурака-хвастуна околпаченным. Из всех скотов я люблю больше всего глубокомысленных ослов, тех, которые из кожи лезут, чтобы стать ослами, и валяют дурака, с невозможнейшим старанием.

ГРЭС. Ну, сэр, тогда вы несомненно полюбили бы моего опекуна — судью Оверду, который полностью отвечает вашему описанию.

КВАРЕЛУС. Да, насколько я слышал. Но как же вы, мисс Грэс Вельборн, оказываетесь его опекаемой и вообще к нему имеете отношение?

ГРЭС. Самое обыкновенное несчастье: он ку-

пил право быть моим опекуном, сэр, а теперь хочет выдать меня за брата жены, за того мудрого джентельмена, которого вы видели, в противном случае, я должна заплатить ему ценность моих поместий.

Кварелус. Разве нет возможности расторгнуть этот брак, в силу его неравенства? Поговорите с каким-нибудь веским знатоком, судебным крючкомвором; поучись я лишний год в колледже, я бы взялся за ваше дело.

Винвайф (в сторону). Ага! Господин Кварелус, что это вы затеяли?

Грэс. Вы могли бы мне помочь, сэр?

Винвайф (в сторону). Клянусь, мне нужно присматривать за вами, г-н игрок. (К Грэс.) Вы попадаете к несчастью в нелепейшее семейство, милэди. Я удивляюсь, как вы можете их выносить.

Грэс. Сэр, те, которые не могут расторгнуть своих оков, должны нести их.

Винвайф. Вы видите, как они заботятся о вас, оставляют вас одну здесь.

Грэс. Они также и о себе заботятся. Мне не на что было бы жаловаться, провинись они только в этом.

Винвайф. Правда; но не желаете ли вы немного пройтись с нами? Пусть они подумают, что вас потеряли. Я надеюсь, что наши манеры и наши речи не дали вам повода сомневаться в порядочности нашего общества.

Грэс. Сэр, я сама не дам вам никакого повода, я настолько уверена в своем собственном поведении, что не сомневаюсь и в вашем.

Кварелус. Посмотрите, сюда идет Джон Лителвит.

Винвайф. Уйдем, я не хочу, чтобы он нас видел.

Кварелус. Еще бы, разумеется, неудобно, он скажет своей матери вдове.

Винвайф. Клянусь честью! На что вы намекаете?

Кварелус. Довольно. Ветер задул в другую сторону. Вдову здесь поминать не приходится.

Уходят.

Входят Лительвит и Вин из кабачка Урсулы.

Лительвит. Вин, Вин, слышишь?

Вин. Что, Джон?

Лительвит. Пока они платят счет, Вин, я кое-что скажу. Мы не увидим ничего на ярмарке, если вы не притворитесь жаждущей видеть, Вин, миленькая Вин, вкусненькая Вин! Жаждай поглядеть на коньков, на барабаны, трубы, на собак, на веселые представления, Вин. На быка с пятью ногами и на кабана-великана. Вы начали свиной, вы можете пожелать и другого, и так до моего представления включительно.

Вин. Но мы не можем есть быка и кабана, как же я могу жаждать их?

Лительвит. О, да, Вин, вы можете жаждать, глядеть на них так же, как и их попробовать, Вин. Так поступила жена аптекаря, Вин, та, что томилась посмотреть на анатомированное тело. Или та лэди, которой неудержимо захотелось плюнуть в открытый рот адвокату во время красноречивой защиты. Я уверяю вас, Вин, они томилась желанием, Вин. Добрая Вин, поди туда и притворись непреодолимо желающей.

Уходят оба.

Траш. Я думаю, мы избавились от нашего покупателя и мы наверное о нем уже не услышим **Летерхед.** Тем лучше, давай соберем все и уйдем, прежде чем он вас разыщет.

Траш. Постой, немного, вон идет сюда компания, может быть еще денег заработаем.

Входят **Нокем** и **Рабби Бизи.**

Нокем. Сер, я принимаю ваши советы. Обрею себе голову, прочь пары и табак, и пиво, и свинина. И **Вит** и даже сама **Урсула**, — все прах!

Бизи. Я не включил только свинины в свое увещание, все прочее было включено, ибо длинные волосы свидетельствуют о гордыне — знамя гордыни. А мир полон подобными знаменами, переполнен ими. **Бутылочный эль** — питье сатаны. — Диетное питье сатаны, созданное, чтобы раздуть нам чрево, и чтоб вспухли вы в дни последние, суетные времена. Дым табака, чтоб держать нас в тумане и заблуждений. **Жирная женщина**, которую вы называете **Урсулой**, более всего должна быть избегаема, имея на себе печати трех грехов человека. **Мира**, как он существует на ярмарке, **чорта**, как он является в огне, и **плоти**, какой она есть сама по себе!

Пюрекрафт входит.

Пюрекрафт. Брат **Зильофдиленд!** Что нам делать, дочь моя **Виндифей**, впала опять в свое болезненное состояние желаний.

Бизи. Еще есть свинины? Свинины больше нет, ведь пет же?

Пюрекрафт. Видеть ярмарочное зрелище.

Бизи. Сестра, пусть она скорее бежит из не-

чистого места сего, не то она станет участницей здешнего ада. Ты, седалище зверя! О! Смильфилд! и я покидаю тебя! Поганое язычество так и смотрит из каждого угла твоего. (Выступает вперед.)

Но к е м. Великолепно, истинный хапжа! Теперь, раз живот его набит, он лягается, старая шельма. Отличное дело. Я вернусь к Урсе и расскажу ей, как действует ее свинина. Две с половиной свиньи он съел, пришлось на его долю, и выпил целую бочку. Он жрет глазами так же, как и зубами.

Л е т е р х е д. Чего изволите, джентельмены? Что вы покупаете? Трубы, барабаны, куклы.

Б и з и. Прочь от нас со своим безбожным товаром, поганый мытарь! Прочь с бубенцами, драконами, сатанинскими псами. Твой деревянный конек — идол! Сущий идол, свирепый, грубый * идол, а ты — Навуходносор! прегордый Навуходносор ярмарки, которая создает идолов, чтобы сыны человеческие поклонялись им.

Л е т е р х е д. Остановитесь, сэр! Не купите ли вы скрипку заглушать свой крик?

Л и т е л ь в и т (возвращаясь). Смотри, Вин, смотри ради господ бога и утоли свое желание. Здесь предстоит великолепное зрелище.

П ю р е к р а ф т. Да, дитя, хоть вы и ненавидите их, не хуже брата нашего Зиль, вы можете посмотреть.

Л е т е р х е д. А что вы скажете насчет барабана, сэр?

Б и з и. Это продавленный живот зверя, а твои раздувающиеся меха — это его легкие, а трубка эта — его горло, эти перья — из его хвоста, а твои трещотки — скрежет его зубов.

Траш. А мои пряники, сделайте милость!

Бизп. Корм во укрепление ему. Прочь отсюда с языческой корзиной своей, с гнездом нечестивых идолов и развратными сказками из имбиря!

Летерхед. Сэр, если вы немедленно не уйдёте, я заткну вам глотку за нарушение спокойствия на ярмарке.

Бизп. Порочность ярмарки возмущает меня я не могу молчать!

Пюрекрафт. Достойный брат Зиль!

Летерхед. Сэр, я заставлю вас замолчать, верьте мне.

Лительвит. Клянусь вам, я дам вам шиллинг, если это вам удастся.

Летерхед. Сэр, дайте мне шиллинг. Я отдам вам всю лавку, если я этого не сделаю, а пока оставляю ее вам в залог.

Лительвит. Согласен, только делайте поскорее.

Летерхед убегает.

Бизи (к Пюрекрафт). Не мешай мне, женщина. Я был побужден духом явиться сегодня сюда на эту ярмарку, греховную нечистую ярмарку, и ее можно вернее назвать местом нечистым, чем ярмаркой, чтоб протестовать против непотребства ее, нечистых ее непотребств, в виду скорби святых братьев, которые смущены, очень смущены, несказанно смущены открытием этого вавилонского столпотворения и несомненным присутствием язычества. Вот хотя бы на этом лотке, здесь на этом месте. Не узнаете ли вы золоткудой в той вот красной блуднице, в ее желтой

одежде с зелеными рукавами? Сии грешные трещотки, сии кимвалы бряцающие! О, эта лавка папских реликвий! (Пробует схватить игрушки).

Л и т е л ь в и т. Перестаньте, пожалуйста, мне доверена охрана этих игрушек.

Б и з и. А это языческое идолохранилище, эту корзину с идолами я низвергну! (Опрокидывает корзину с пряниками.)

Т р а ш. Мои пряники, мой товар! Господи, помилуй!

Б и з и. Во рвении моем и во славу содеянного!

Л е т е р х е д приходит с **Б р и с т о л ь с о м** и **Х а г и с о м** и другими стражниками.

Л е т е р х е д. Вот он, пожалуйста, положите предел его рвению, мы не можем продать и свистка, все ему не нравится. Прекратите эту брань прежде всего.

Б и з и. Не смеешь! Это священный вопль! Стану шуметь еще громче и еще сильнее, доколе не повергну нечестивого врага, высшей причины ради!

Л е т е р х е д. Сэр, здесь нет ни единого человека, который бы боялся вас и вашей высшей причины. Можете проповедывать ее в колодках, сэр.

Б и з и. Я сам брошусь в колодки. На копья всей страны!

Стража хватает его.

Л е т е р х е д. Уберите его отсюда.

П ю р е к р а ф т. Что вы хотите сделать, грешники, нечестивцы!

Б и з и. Оставьте их — я не боюсь.

Уходят, стража уводит **Б и з и**, за ними следует **П ю р е к р а ф т**.

Л и т е л ь в и т. Не правда ли, Вин, мы удачно рискнули этим шиллингом за нашу свободу? Теперь мы можем пойти развлекаться и осмотреть всю ярмарку. Наша мать пошла за ним и пусть она уйдет даже совсем и нас потеряет.

В и н. Да, Джон, но я не знаю, что делать?

Л и т е л ь в и т. В чем дело, Вин?

В и н. Так, есть одна причина, мне даже стыдно вам сказать, а домой слишком далеко идти.

Л и т е л ь в и т. Пожалуйста, Вин, не стыдись, честное слово ты не должна стыдиться — это что-нибудь относительно того торговца игрушками? Что бы ни было, говори откровенно.

В и н. Пропали он, бродяга, я злюсь на него. Нет, у меня очень сильное, как мне назвать это, Джон? (Шепчет на ухо.)

Л и т е л ь в и т. Только это, Вин? Мы сейчас вернемся к капитану Джордану, или к колбаснице, он нам поможет или она, сковородкой, или старым котлом, или еще чем-нибудь в этом роде. Эта бедная жирная душа добра к нам, Вин. А потом мы осмотрим с вами всю ярмарку, Вин, и мою пьесу для марионеток, Вин. Вы знаете, это великолепная вещь, Вин.

Уходят вместе.

Л е т е р х е д. Уйдем. Я советую вам поскорее убраться, Джуан.

Т р а ш. Чума на это пуританское благочестие! Он перепортил добрую половину моего товара. Но лучше всего то, что мы ничего не потеряем, если спрячемся от нашего первого покупателя.

Л е т е р х е д. Ему будет трудно найти или узнать нас, если мы перекочуем на другое место, Джуан.

Уходят.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

СЦЕНА I

Ярмарка. Лавки, лотки, пара колодок на авансцене. Входят Кук, Бристольс, Хагис, Покер, ведущие Оверду, за ними Трубельоль.

Трубельоль. Господа, если я не ошибаюсь, вы блюстители порядка?

Бристольс. И что же, сэр?

Трубельоль. И любящие и покорные королевские подданные?

Бристольс. Покорные! Друг мой, будь осторожен в словах. Что мы любящие подданные — за это я ручаюсь, но покорные, в наше время с вашего позволения! Мы сами отлично понимаем свое дело, мы здесь для того, чтоб приказывать сэр, также, как вы, чтоб повиноваться. Вот здесь один из покорных королевских подданных сейчас сядет в колодки и с вами будет то же, если вы будете болтать.

Трубельоль. Вы по заслугам на своих должностях, господа, я это знаю.

Бристольс. Раз это вам известно, зачем спрашивать?

Трубельоль. Я ничего не спрашиваю, прошу прощения, я только выражаю надежду, что у вас есть мандат на то, что вы делаете. Итак, успокойтесь и размножайтесь с миром. (Уходит.)

ХАГИС. Это кто такой? Подведи его сюда к колодкам, что ж ты его не ведешь?

Оверду подходит к колодкам. Трубельоль возвращается.

Трубельоль. Если у вас мандат от судьи Оверду, то это хорошо, тогда вы правы. Его мандат превыше всех мандатов, за другой мандат я и пуговицы не дам.

Бристольс. Очень может быть, сэр, но позвольте предложить вам, не обращаться так с вашими пуговицами. Они вам понадобятся, пользуясь ими, сбережете булавки... Я смотрю за вами, чорт поберет!

Трубельоль выходит.

Оверду. Кто этот человек, столь уважающий и верящий в приказ, мною подписанный? Он кажется таким скромным и деликатным. Эта поддержка для чистой совести, быть сопутствующим доброй славой в час испытания. Мир возрадуется, увидя, как я могу переносить превратность. И этим я заслужу впоследствии уважение даже от врагов своих, которые узнают, как благородно сношу я тяжесть бедствий и что оно может сломать, но не сковать меня.

ХАГИС. Подите сюда, сэр, вот вам место для проповеди, не желаете ли вставить сюда свою ножку?

Оверду. Да, желаю и с радостью (садится в колодки).

Бристольс. Боже мой, это католический священник, он поцеловал колодку!

Кук. Ну, господа, я оставляю теперь его вам. Я вижу его наказанным. Я иду посмотреть, где мои покупки и Пумпс.

ХАГИС. Ступайте, сэр, вы скоро отыщите и то, и другое. Поручаю вам забрать и другого крикуна и притащить его сюда.

ОВЕРДУ. Посреди бури я буду создателем своего собственного мира, не замечая их озлобления, сидя в колодках, спокойствием своим осилю их торжество.

Входит Трубельоль

ТРУБЕЛЬОЛЬ. Даете ли вы мне честное слово, смогу ли я поручиться за вас, если меня спросят, что вы имеете такой мандат?

ХАГИС. Что с ним такое? Прости господи!

ТРУБЕЛЬОЛЬ. Покажите мне подпись Оверду и больше мне ничего не нужно.

БРИСТОЛЬС. Малый немного помешан, так говорят, звать его Трубельоль, он был приставом при ярмарочном суде в прошлом году и прогнан судьей Оверду.

ОВЕРДУ. Ах!

БРИСТОЛЬС. Об этом он составил себе нелепое мнение, на нем и помешался, так что с тех пор ничего не хочет делать без мандата Адама Оверду, не съест и крошки, не выпьет глотка и не оденется. Жена его, уважаемый, не заставит его сходить за нуждой, рубашку он не задерет без такого мандата.

ОВЕРДУ. Если это правда, то это худшее мне наказание. Насколько обязан я помочь этому несчастному человеку, который ко мне относится так хорошо, утратив свой рассудок, — здесь не может быть лицемерия!

ТРУБЕЛЬОЛЬ. Если вы не можете показать мне подпись Адама Оверду, я не верю вам.

Боюсь, что вы не можете ответить мне на это.

ХАГИС. Честное слово, сосед, я думаю теперь, что судья Оверду очень сильная личность.

БРИСТОЛЬС. О, вы только это думаете? Он еще и очень строгий судья, с вашего позволения.

ОВЕРДУ. Станут ли меня порицать за мою строгость?

БРИСТОЛЬС. Он сидит в суде, направо на скамье, и вы сразу его заметите, точно свеча в подсвечнике освещает все судебные дела.

ХАГИС. Но он вспыхивает синим светом и раздувается волдырем, когда рассердится, прости меня бог.

БРИСТОЛЬС. И злится же он за делами! И еще вот, когда он зол, прав он или нет, а закон всегда на его стороне. Это я тоже заметил.

ОВЕРДУ. Я стану мигче отныне. Я думал, что сострадание не к лицу судье и относится скорее к разряду пороков, чем к добродетелям.

ХАГИС. Выпусти его. Пойдем на верный заработок и пусть туз червей по возможности будет на нашей стороне. (Выпускает Оверду.)

Входит Покер, ведет Бизи со стражей, за ними следует Пюрекрафт.

ПОКЕР. Ведите сюда молодца! Мастер Бизи, мы свяжем вам ноги, но к сожалению не можем связать вам язык.

БИЗИ. Нет, слуга тьмы, нет! С моим языком вам не справиться! Мой язык мне принадлежит и им буду я бичевать и сокрушать вашу Варфоломееву мерзость до того, пока не станете вы притчей во языцех по всем окружающим приходам.

ХАГИС. Оставим его: у нас почище этого дела есть.

ПЮРЕКРАФТ. И его не посадят в колодки?

БРИСТОЛЬС. Нет, сударыня. Мы отведем обоих к судье Оверду, пусть поступит с ними по заслугам, так как я и мой дружище Хагис и наш сторож Покер еще в отпуску.

ПЮРЕКРАФТ. О, благодарю вас, честные благородные люди!

БРИСТОЛЬС. Не благодарите нас, благодарите этого сумасшедшего, вот он идет сюда. Он виушил нам это.

Трубельоль входит.

ПЮРЕКРАФТ. Он сумасшедший? О, небо, вознагради его безумие и благослови его и возблагодари его. Сэр, ваша покорная слуга благодарит вас!

ТРУБЕЛЬОЛЬ. Есть ли у вас мандат? Если есть, предъявите.

ПЮРЕКРАФТ. Да, у меня есть мандат свыше, возблагодарить за спасение от всякого зла одного из малых сих.

ТРУБЕЛЬОЛЬ. Я хочу мандата судьи О. ерду, если его у вас нет, то молчите и я тоже. Успокойтесь, идите, размножайтесь!

Нейтигаль и **Эдгвард** входят.

ЭДГВАРД. Идем отсюда, пожалуйста, **Нейтигаль**.

ТРУБЕЛЬОЛЬ. Куда идете? Ваш мандат!

ЭДГВАРД. Какой мандат?

ТРУБЕЛЬОЛЬ. Мандат — куда идете? Сами знаете по какому назначению. Если нет — ступайте и да благословит вас небо, я помолюсь за вас. Единственное, что я могу сделать. (Уходит.)

Эдгвард. Что это значит?

Нейтигаль. Сумасшедший — шатается здесь по ярмарке, ты его не знаешь разве? Удивляюсь, что за его драными пятками не следуют поклонники.

Эдгвард. Будь он проклят! Он меня испугал, я подумал, он знает о нашем уговоре. Непокорная совесть — негодная вещь. Вы предупредили торговца фруктами?

Нейтигаль. Да, я условился насчет его корзины. Разносчик сейчас за углом. А плата ему, вон там парусит по дороге, — один без своего покровителя. Развязался с ним, кажется?

Эдгвард. Да, знаю, мне следовало бы идти вслед за покровителем, у меня к нему дельце. Но этот малый просто сам напрашивается в обработку. Не могу же я это оставить. Вот он! Свисти! и назовется его дельце «Зевака пыжик».

Входит Кук.

Кук. Клянусь этим солнцем, по всей ярмарке не могу найти мою торговку пряниками и игрушечных дел мастера, чтоб получить обратно мои деньги, да и дорогу домой тоже не найду. Эй, дружище! Это вы свистите? Послушайте, что это за мотив?

Соловей. Новый мотив сэр, я его разучиваю (свистит).

Кук. Знаете ли вы, где я сейчас, скажите, пожалуйста? Нет? А как дальше мелодия? Мне не так уж к спеху. Дайте-ка, я поупражняюсь с вами.

Свистят,

Разносчик. Груши, купите груши! Хорошие груши! Груши хорошие!

Соловей подставляет ему ногу и продавец летит через сцену со своей корзиной, груши катятся в разные стороны.

Кук. Вот так! Свалка! Вали, вали, вали! (Бро-сается на землю, ползает, собирая груши.)

Разносчик. Добрый господин, мой товар, мой товар, я бедный человек! Добрейший сэр, мой товар!

Соловей. Позвольте, я подержу вашу шляпу, сэр, она вам мешает.

Кук. Да, и плащ мой, если вас не затруднит, и шпагу тоже.

Эдгвард. Милый богышой ребенок, я думаю, он соберет все груши. Не могу утверждать, но думаю, он еще ходит в начальную школу, а сегодня празднует свитого лентяя.

Соловей. Нет ли у него еще кошелек в придачу, Зекнель, а то бы мне отрезать.

Эдгвард. Кошелек? Самого его зарежь, и не почувствует, так занят своим развлечением.

Соловей. У него дух занялся от волнения.

Эдгвард. Соловей, беги той дорогой!

Соловей убегает.

Кук. Думаю, я запасся сладкими грушами на весь полдник. Дайте мне плащ.

Разносчик. Добрый господин, отдайте мне мой товар.

Кук. Где парень, которому я отдал мой плащ? Плащ и шляпу? Ах, проклятый мошенник скрылся! Воры, воры! Помогите мне! Помогите мне кричать, джентельмены! (Убегает.)

Э д г в а р д. Пошел прочь, разносчик, встретишь меня потом у Урсуды. (Разносчик уходит.) Вразумите его после этого, когда в нем и души-то настоящей нет, разве так что-то вроде соли, чтоб заживо не протух. Пусть меня повесят до времени и сейчас же, если я знаю, что это такое! Правда, это не кровь, ее в нем и на прокорм доброй блихи не хватит. Идя этим путем, у него через год не останется земли даже теленка выгнать. Найдется ли па всем свете кулик такой ощипанный как он? Жаль, что его маленький опекун не присутствовал при этом, как питомец крадет груши в обмен за свой плащ и фетровую шляпу! Я должен пойти разыскать опекуна из-за черной коробочки и документа в ней. Мне кажется, что он потеряет место и тот джентельмен его унаследует, не даром он серьезно со мной говорил.

К у к (входит). Потерять мне фуфайку и штаны, говорю я, как честный человек, и не сойти мне с этого места, если подумаю, что здесь на ярмарке есть что другое, кроме воровства и плутни. Варфоломеева ярмарка! Чорт бы ее подрал! Если найдется другой Варфоломей, которому так же повезло, как и мне, пусть меня замучат за него и здесь же в Смитфильдс. Вот так и заплатил же я за свои груши! Пропали они пропадом! Не хочу их больше! (Выбрасывает груши.) Вы были для меня убийственными грушами; лучше было бы мне играть на вас в кости с разносчиком. Честное слово, я думаю, не обошлись бы со мной таким образом на ярмарке, если бы не мое имя. Зовись так собака, я бы лучше с ней обошелся. О, Нумпс, будет теперь торжествовать! (Входит Г р у б с л ь о л ь.) Дружище, знаете

ли вы, где я нахожусь или куда я забрел? Сам я не знаю — будь я проклят! Отведите меня домой — я отблагодарю вас, у меня там достаточно денег. Я сам потерялся и потерял плащ, шляпу, прекрасную шляпу, сестру свою, Нумпса и мисс Грэс, молодую дворянку, на которой я собираюсь жениться; ее вышитый носовой платок, игрушки и пряники, что больше всего меня огорчает.

Трубельоль. По какому мандату вы все это сделали, сэр?

Кук. Как, мандат? Ты вероятно преумный малый. Как будто нужен мандат, чтобы растерять все свое имущество!

Трубельоль. Да, и за подписью судьи Оверду! Мандат необходим, чтоб все потерять, я настаиваю на этом.

Кук. Судья Оверду? Вы его знаете? О, теперь я могу передохнуть. Это муж моей сестры, он женат на моей сестре. Умоляю вас, покажите мне дорогу, вы знаете, где его дом?

Трубельоль. Сэр, предъявите мандат. Без мандата я ничего не знаю. Извините меня.

Кук. Почему? Говорю вам, пойдете, вы увидите, какие у меня там перины, батистовые простыни и душистые мешочки в кровати, прошу вас, проведите меня домой!

Трубельоль. Сэр, сначала ступайте сами туда. Сообщите уважаемому брату вашему свое желание и принесите мне сюда строчки три от него, или от его писца, но с подписью внизу «Адам Оверду». Верно, как я здесь стою, я тогда послушаюсь вас и сопровожу самолично.

Кук. Пошел прочь, осел! И нашел же я кого! Зарази меня чума за то, что болтаю здесь с та-

ким скучным идиотом. Прощайте, слышите, вы вы, колпак!

Трубельоль. Да, мне кажется, что это так и есть. И если судья Оверду подпишет, то это правда и все мы таковы. И успокоит он нас и размножит нас. (Уходит.)

СЦЕНА II

Другая часть ярмарки. Входят Грэс, Винвайф и Кварелус, оба с обнаженными шпагами.

Грэс. Джентельмены, это не дело. Вы наносите друг другу обиды и оскорбления, а мне не доставляете этим никакого удовольствия. Я не из тех, которые любят возбуждать ссоры из-за себя. И мое имя и состояние не нуждаются в защите шпагой.

Кварелус. Конечно, мы любим вас!

Грэс. Если вы любите меня, как говорите, ваш рассудок должен подсказать вам, что только один из вас может осчастливить меня и к этому ведет путь прямее, чем через позор, которым вы покроете меня, если будете драться. Правда, я призналась вам чистосердечно, что предпочла бы в мужа первого встречного и при первом удобном случае, чем быть связанной с женихом, которого мне предназначили. Я знаю — лукавство подскажет мне: мой жених дурак, у него имение, я буду управлять им и буду счастлива побочно с другим. Но это не моя цель. Я должна иметь мужа, которого я бы любила, иначе не приму его. Из меня выйдет плохой дипломат, как видите.

Винвайф. Если вы можете любить одного из нас, лэди, скажите, кто он, и другой смирится и сейчас же отступит.

Кварелус. Хорошо, охотно соглашаюсь с этим.

Грэс. Наверное, джентельмены принимают меня за женщину, крайне легкомысленную и взбалмошную, которая, встретив вас случайно в таком месте обоих в одну и ту же минуту, и пробыв с вами не более двух часов, независимо от ваших достоинств, а исключительно от себя, отбросив всякую стыдливость и не оскорбляя этим другие свои чувства, может сказать «вот он» и назвать его имя.

Кварелус. Почему же вы не могли бы, что вам мешает?

Грэс. Если вы не щадите моей скромности, то слушайтесь по крайней мере собственного ума. Допустите, что во мне настолько есть женской хитрости, чтоб не выдавать себя так откровенно. Как могу я судить о вас настолько, чтоб vybrать одного из вас, не зная вас больше? Вы оба равны и нравитесь мне оба и столь же безразличны, что каждый из вас мог бы быть моим избранныком в отсутствие другого. Каждый из вас разумное существо. Оба вы одарены пониманием и рассудительностью и если судьба пошлет мне разумного супруга, я не сомневаюсь, что собственное мое поведение заставит его быть добрым.

Кварелус. Если б только я мог в будущем стать им!

Грэс. Может быть это вы. Вы не знаете, что вам предстоит. Не согласитесь ли вы, джентельмены, на игру, которую я вам предложу?

Винвайф. Какова бы она ни была, мы заранее уверены в благоразумии всего, что исходит от вас.

Кварелус. Тоже и в справедливости.

Грэс. Я видела, один из вас купил пару записных дощечек.

Винвайф. Да, вот они и вот вам одна неисписанная.

Грэс. Вот она на что пригодилась! Каждый из вас напишет на ней слово, или имя, что угодно, в два, в три слога, не больше, и первого человека, проходящего по этой дороге (так как судьба всегда непреложна в подобных вопросах), я спрошу, какое слово она или он предпочитает и, согласно указанному слову, я закреплю неизменно свое решение и чувство.

Кварелус. Принято! Мое слово уж готово.

Винвайф. И мое не заставит себя ждать.

Грэс. Но вы должны обещать, джентельмены, что не станете любопытствовать и стараться узнать, кто из вас выбран, а дадите мне время скрывать это от вас, пока не доставите меня домой или в другое безопасное место.

Винвайф. Чтож, это только справедливо.

Кварелус. Мы не возражаем.

Грэс. Дело в том, что я хотела бы согласовать усердие каждого из вас для дружной работы к вашему обоюдному благополучию, так как я придумала нечто способное вознаградить того, кто получит отказ.

Кварелус. Это условие крайне великодушно. Итак, мое слово из романа «Аркадия»: Аргалус.

Винвайф. А мое из драмы — «Палемон».

Оба пишут.

Входит Трубельоль.

ТРУБЕЛЬОЛЬ. Есть ли у вас на это мандат, джентельмены?

КВАРЕЛУС и ВИНВАЙФ. Ах!

ВИНВАЙФ. На что?

ТРУБЕЛЬОЛЬ. На то, что есть. Все равно что, безразлично почему!

КВАРЕЛУС. Вот тебе раз! Оборванный про-рок явился как раз во время!

ТРУБЕЛЬОЛЬ. Хвала небу, успокойтесь джентельмены!

КВАРЕЛУС. Нет погодите-ка. Милая лэди, спросите его.

ГРЭС. Значит, вы согласны?

ВИНВАЙФ и КВАРЕЛУС. Да, да!

ГРЭС. Сэр, здесь написано два имени.

ТРУБЕЛЬОЛЬ. Одно из них: «судья Оверду?»

ГРЭС. Нет, сэр. Я прошу вас прочесть про себя. Эти два джентельмена побились об заклад, какое имя лучше. Подчеркните, пожалуйста, или отметьте то, которое вам больше понравится.

ТРУБЕЛЬОЛЬ. Возможно, что оба эти имени почтенны, сударыня, по Адам Оверду стоит трех им подобных, уверяю вас, стоя на этом месте и на самом прямом английском диалекте.

ГРЭС. Этот человек меня изумляет. Выберите, пожалуйста, одно из них, сэр.

ТРУБЕЛЬОЛЬ (отмечая в книжке). Мне нравится это, у него, сударыня, лучший мандат на удовлетворение ваших желаний (пусть размножается), вот. По я все же, по совести, стою за судью Оверду. Мир вам!

ВИНВАЙФ. Дело сделано, лэди?

Грэс. И еще удивительней, чем я когда-нибудь думала. Что это за человек?

Кварелус. Не все ли равно. Мы его сделали предсказателем. Чье имя, чье имя?

Грэс. Нет, разве вы не обещали не спрашивать.

Кварелус. Правда, я и забыл об этом, простите меня! Смотрите, сюда идет наш Меркурий и разрешение появится как раз в самое время, только стереть имя Кук и дело сделано.

Входит Эдгвард.

Винвайф. Ну, что достал, ты — грязная хвостина?

Эдгвард. Нет еще, сэръ, может быть, вы бы пошли со мной и сами посмотрели, тогда не стоит на это слов тратить. Дело ничего не стоит без свидетелей. Там он, ваш человечек с коробочкой попался в хорошенькую компанию и так напился! Там с ним Сукопщик с севера и Пуппи с запада, который боролся перед лордом мэром и капитан Вит, и Валь-Котик, профессиональный драчун, который помогает галдеть капитану Джордану. Им ваш Нумпс так занят, что вы можете, если хотите, стащить с него камзол — он не заметит. Я б его вам выхолостил, будь у вас для прижигания лекарь под рукой. А госпожа судья, добрейшая женщина! Она всех кругом благодетельствует своими милостями, в судейском духе, начальственных выражениях и официальном колпаке. Заклинаю вас, джентельмены, пойдемте смотреть.

Кварелус. Решено, я не могу пропустить подобного зрелища, это стоит всей ярмарки. А ты что намерен делать, Нед?

Випвайф. Остаюсь здесь, госпоже Вельбори не следует там показываться.

Кварелус. Так, и найдите попа, пока я принесу разрешение. Веди, куда идти?

Эдгвард. Сюда, сэр! Вы сейчас как раз за той лавкой, где они обретаются и можете слышать шум.

СЦЕНА III

Лавка Урсулы. Нокем, Вит, Пуппи, Катинг Норстрем, Вэсп, мистрис Оверду. Все пьяны.

Нокем. Вит, прикажи Валькагнгу развести пары на подъем, Вит, на подъем!

Норстрем. Хочу кобылу, кобылу! Эль слишком крепок!

Нокем. Что же мой жеребец зашатался? Ха! Вит, дай ему как следует по лбу. Разгуляйся, товарищ! Иголку, да нитку мне, зашить твои уши. Я его сейчас вылечу малостью масла с чесноком, стручковым перцем с семечками. Где мой рожок, я дам ему сейчас смеси и от тошноты вылечу.

Пуппи. Где же ты, чорт? Ты подлец, куда ты нас упек?

Норстрем. Хочу кобылу вот такую — я набит, как перечница, вот вам честное мое слово!

Пуппи. Разве ж мое северное сукно воняет от сырости, а?

Нокем. Чтож, хорошо сказано! Кляча ты, поводом не устанешь, сам вижу.

Возвращаются к своему делу.

Катинг. Нет, сэр, только пусть перестанет, покорно вас прошу!

Вит. Кто тебе сказал, что куста нет, а?

Катинг. Не в том дело, кто сказал, в том, что сказано.

Нокем. Нет, я ничего не знаю, сэр, прошу прощения.

Кварелус и Эдгвард входят.

Эдгвард. Все еще здесь; по ихнему — это быть под парами.

Вит. Он тебя не простит; капитан, тебя не простит! Умоляю тебя, сердечко мое, не прощай ему этого.

Катинг. А вот и прошу, да еще посмотрю, кто против этого скажет.

Кварелус. Где Нумпс? Я его потерял.

Вэсп. Ах, так! Я против!

Кварелус. А! вот и он!

Нокем. Вы против чего собственно, сэр?

Вэсп. А все равно против чего! Против чего бы то ни было, раз это мне не нравится.

Вит. Извини, крошка моя, тебе это должно чуточку понравиться.

Катинг. Нет, полагаю, ему это действительно не должно нравиться, сэр.

Вит. Да, я тоже думаю, что я ошибся. Ему это абсолютно не нравится.

Катинг. Нет, это ему должно нравиться и поправится, сэр, клянусь вам.

Нокем. Если на то есть причины, пусть и понравится, сэр.

Вит. Честное слово, капитан, по причине: ему ничего не нравится без причины.

Вэсп. У меня нет причины! И слышать не хочу о причинах, и искать их не стану, и осел, кто думает их узнать и их от меня требует.

Каттинг. Да, в некоторых случаях вы, может быть, и правы.

Вэсп. Да, в некотором случае, это мне все равно когда, уверяю вас!

Вит. Извини, только ты ему ничего не доверяй, если сам себе дорог, сердитый человек.

Вэсп. Ладно, я ни в чем не уверен и ничего не понимаю.

Каттинг. Правда, ты совершенно бессмысленный.

Вэсп. Конечно! Есть во мне смысл, я теперь, убежден в этом, и доверю все что угодно. Что взял?

Нокем. Он в своем праве, он достаточно под парами.

Каттинг. Нет, не достаточно — нет, отрицаю.

Нокем. При нежных парах.

Каттинг. И очень нежных.

Вэсп. Нет, неприятно, воияет, сэр. Я настаиваю!

Вит. Да, полагаю — обязательно воияет. Всякие пары обязаны вонять!

Вэсп. В таком случае, сэр, — не воияет и вонять не должно.

Каттинг. С вашего разрешения, воияет, сэр!

Вэсп. Ах, с моего разрешения, так пусть и воияет — это известно.

Вит. Виноват! тебе решительно ничего не известно, с твоего разрешения вонять не будет, сердитый человек.

Вэсп. Как так не будет?

Нокем. Да не спрашивай его, он в своем праве.

Вит. Да, я имею полное право и объявляю это, и маленький человек тоже.

Вэсп. Я ничего не объявляю, а что до меня касается, я не имею никаких прав и не пмел их никогда и не буду их пметь. Потому что я крайний правый, думаю.

Катинг. Думать! Здесь о вас никто не думает, сэр, здесь ни о чем, вообще не думают.

Пьют опять.

Пушиш. Друзья, не думаете ли заняться тем же?

Кварелус. Это по вашему пары, называется? Это такое испускание свары, какого я еще не слышал. Подумайте о своем деле, сэр!

Эдгвард. Увидите, сэр. (Подходит к Вэспу.)

Норстрем. Кобылу! Душа просит!

Эдгвард. Имейте в виду, мастер Вэсп, что никто на вас не обратит внимания.

Вэсп. А вам какое дело! Вас это что ли касается!

Эдгвард. Нет, но я все-таки полагаю, что вы бы не хотели остаться незамеченным.

Вэсп. Нет, как подумаю, слишком вы, новый знакомый? Вы говорите — не обращают на меня внимания?

Катинг. Сэр, каждый человек здесь обращает внимание на вас, — но как?

Вэсп. Мне все равно как. Этого с вас не спрашиваю.

Вит. Никаких вопросов! Вы ученый человек, а я смелый человек. Клянусь вот как. Ты говори за меня, а я подерусь за тебя!

Нокем. Драться за него, Вит! Пар тебя разорви! Он и сам за себя подерется.

Вэсп. Может быть и подерусь — а может быть и не желаю — что тогда?

Катинг. Ну, выбирай!

Вэсп. А я вот сам выберу — выбирать или нет.

Нокем. Я думаю, выберите, и это правильно. И олобрю это, как решительный пар.

Вэсп. Нет, я думаю, вы не думаете, и это не решительный пар.

Катинг. Нет, но в некотором роде он одобряет.

Нокем. Ни в каком роде, сэр, извиняюсь, ничего в нем я не одобряю, вы ошибаетесь!

Вэсп. Ни в каком роде не ошибаться.

Вит. Прощу тебя, дай ему ошибаться!

Вэсп. Ляд тебе в зубы! Не проси у меня ничего! Никаких ошибок.

Нокем. А, а! Бушуй пары! Бей его, Вит!

Оба нападают на Вэспа, тем временем Эдгвард вынимает документ из коробочки, убегает.

М-с Оверду. Джентельмены! Джентельмены, я запрещаю вам: в силу моего положения. Соблюдайте тишину! Именем короля, именем моего мужа, сложите ваше оружие, иначе я буду принуждена прибегнуть к иным мерам.

Кварелус. Ха-ха-ха.

Вэсп. Чего смеетесь, сэр?

Кварелус. Предоставьте мне мою христианскую свободу, надеюсь, я могу смеяться, когда мне угодно.

Катинг. В некоторых случаях можете, в некоторых нет, сэр.

Нокем. Нет, в некоторых случаях он не должен ни смеяться, ни надеяться в этой компании.

Вэсп. Нет, он может смеяться и надеяться во всех случаях, как ему только понравится.

Кварелус. Честное слово, так я и сделаю, это мне чрезвычайно нравится.

Вэсп. Ни чрезвычайно, и никак, сэр!

Нокем. Это до пару уже слишком.

Кварелус. Джентельмены, я плохо разбираюсь в ваших парах, я не очень силен в них, но...

Катинг (чертя круг). Вы слышите, сэр, я намерен говорить с вами в кругу.

Кварелус. В кругу? Ну, ну что вы от меня хотите в кругу?

Катинг. Можете вы одолжить мне, на круг, червонец?

Кварелус. Чорт побери! Ваш круг стоит дороже ваших паров, сэр! Нет, я не одолжу вам ничего!

Катинг. Борода у вас не по роже, сэр!

Кварелус. Как, сволочь! Шутить над моей бородой! Я тебя закружу...

Дерутся на шагах.

Пуши и Норстрем. Джентельмены!.. Джентельмены!..

Нокем. Разнимай, Вит, и на всех парах! (Убегает.)

Вит и другие разнимают дерущихся.

М-с Оверду. Что выдумали! Бунтовщики вы что ли, джентельмены? Бежать ли мне за вооруженной полицией, или донести о вашем мятеже? Я арестую вас, клянусь своим женским званием, клянусь своим судейским достоинством, за бунт, если вы упорствуете!

Кварелус и Катинг расходятся.

Вэсп. Своим судейским достоинством? Чорт знает что! Своим... Арестуете? Сказано, как настоящего мирового судьи жена. Юрист в юбке. Ляд вам в зубы, на!..

М-с Оверду. Стойте, Нумпс, именем мистера Оверду я велю вам!

Вэсп. Добрейшая госпожа Подверду, заткнитесь.

М-с Оверду. Ах, бедный Нумпс!

Вэсп. Ах, почему же «ах», я вас спрашиваю, и почему же «бедный Нумпс», милостивая богачка? Что я сюда, на сожаление вашего тафтяного колпака пришел? Да, сударыня, я знал вашего мужа, когда он был клерком, просто Адам-писарь, и за два пенса исписывал лист вышней побольше, на какую теперь голову дерет, а вы ваш чепец, сударыня!

Входит Бристольс и стража.

Вэсп. Вы что такое, сэр?

Бристольс. Мы люди, а не язычники. В чем тут дело, что за шум? Можете объяснить?

Вэсп. Батюшки, какое вам дело? Людям уже спокойно драться нельзя, вам уже сейчас и тащить. Что вы такое?

Бристольс. А мы стража его величества, сэр.

Вэсп. Стража! Чорт возьми! Хорошенькая стража, действительно. Мертвецу ясно, что если вы, как следует стерегли ночью, так днем хватит с вас выспаться. Ступай блох ловить, бродяги! на войлок, в кануру, сволочи, завались, не брешу.

Бристольс. И пойдем и пойдем, будьте по-

койны. А взять его именем короля, арестовать его и тащить в птичий силоч!

Стража хватает Вэспа и уводит его.

М-с Оверду. Благодарю вас, честные друзья, за помощь государству и миру и от имени мистера Оверду за борьбу с безобразиями.

Вит. Стой, Бристольс, здесь еще парочка пьяниц, хоть и очень тихоньких, особенных пьяниц, которые свободно заплатят по пяти шиллингов. (Указывает на Шуппи и Норстрем, которые смят, повалившись на столы.) Обратите на них внимание. Господа! Один из них меняет сукно на эль здесь на ярмарке, другой могучий мужчина, подчинен лорд-мэру — силач и пьяница. Он здесь так долго возился с бутылкой, что у бородача на его кружке нога стерлась.

Бристольс. Ей-богу, ярмочный пристав обкричал всю ярмарку, вызывая его на службу.

Вит. Он самый, возьми его, пожалуйста, и поступи с ним по своему усмотрению. (Стража забирает пьяниц, Бристольс уходит с ними.) Ну, прелестная женщина в шелках. Что омрачило твоё прелестное личико, что затуманилась?

М-с Оверду. Я немного расстроена всеми этими безобразиями. Могу ли я просить вас оказать мне любезность, капитан?

Вит. Сотню проси, бархатная, — исполню только скажи!

М-с Оверду. Со скромности и не выговорить, но... (шепчет ему на ухо).

Вит. Сделаю это, и еще и еще для вас... Эй, Урсула! Эй, сука, эй сводня — сюда!

Урсула. Чего тебе, сволочь, чего разорался, старый развратник!

Вит. Брось кудахтать, Урса, похлопочи, прошу тебя, миленькая Урса, помоги этой доброй, честной женщине пордаунской купелью. Можешь?..

Урсула. Позвать к ней капитана Джордана там не могли?

Вит. Нет, прошу тебя брось эти соображения и отведи благородную даму на...

Урсула. Отвести? А ну ее к чорту! Что я для всех ваших шлюх общественный иметь обязана?...

Вит. О, добрая уважаемая Урса, твоя гостья, дама, клянусь! Вот как!

Урсула. Пусть продает свою шляпу и купи себе посуду, болячка ее возьми! Моя посуда занята, сер, у меня только дно разбитой бутылки. Честный поверенный с супругой забрали ее. Если она здесь немного согласна подождать, то... (Уходит.)

Вит. Будь по-твоему, милочка Урса, из всех смелых мужчин я самый терпеливый в мире или здесь, в Смиффилде.

Входит Нокем.

Нокем. Что же, Вит, закрыл шары, играешь в темную, по углам прячешься, а?..

Вит. Ну, ей-богу, капитан, я думал — вы умный человек, а вы вон куда хватили. Я только оказываю небольшую услугу благородной даме.

М-с Оверду. Да, капитан, я жена мирового судьи, но я люблю военных людей и зову их мечей, когда они проходят на суде перед моим супругом.

Нокем. Вот как, кобылка? Попрыгай, поскачи, а то я сам тебя сейчас оседлаю.

Урсула. Идите сюда, ведите ее — ее черед.

Вит. Большое спасибо, добрая Урса. Очень тебе благодарен.

М-с О В Е Р Д У. Мистер Оверду отблагодарит се.

Входит Урса в сопровождении супругов
Л и т е л ь в и т о в.

Л и т е л ь в и т. Добрейшая Урса, Вини я крайне обязаны вам и капитану Джордану, и капитану Виту. Вин, мне придется оставить тебя в этой хорошей компании, потому что я пойду посмотреть, как идет мое дело и хороши ли марионетки, и тогда потом приду за тобой, Вин.

В и н. Ты оставляешь меня одну с двумя мужчинами, Джон?

Л и т е л ь в и т. Ах, они честные люди, Вин, капитан Джордан и капитан Вит, они обойдутся с вами самым благовоспитанным образом, Вин. С богом, Вин! (Уходит.)

Урсула. Ушел ее муж?

Н о к е м. Ускакал, Урса, фальш-голоном.

Урсула. А вы будьте настоящими варфоломеевскими птицеловами, покажите себя. Мы прогорим из-за пехватки птицы на ярмарке. Сюда к ночи должны притти Зекиэль Эдгвард и с ним три-четыре щеголя. А у меня им ни ржанки, ни перепелки. Уговорите вдвоем эту птичку войти в игру, а я обработаю бархатную даму, как вы ее называете.

Н о к е м. Понимаю тебя, Урса, действуй. (Урсула уходит.) Ты слышал, Вит! Ну, разве не жалость, моя нежная темно-гнедая, с тонкой сухой головкой, широким лбом, круглыми глазами, гладкими губами, острыми ушами, длинной шеей, тонкой холкой, крутым загривком, прямой спиной, изогну-

тыми боками, короткими флиями, крутыми бедрами, круглым животом, крепким крупом, крупной берцовой костью, стройными коленями, легким копытом, короткою бабкой — обречена влачить совершенно честное женское существование, когда могла бы жить как дама.

В и т. Да, честное слово и истинно это так, капитан. Жизнь приличной женщины, действительно, несчастная, скверная жизнь...

В и н. Как так, сэр? Почему жизнь приличной женщины — скверная жизнь?

В и т. Да, клянусь тебе, дорогая, верь ему. Жизнь несвободной женщины — несчастна. Но если ты меня послушаешь, я сделаю тебя свободной лэди, и заживешь ты, как лэди. Так говорит капитан.

Н о к е м. И оставаться порядочной женщиной в случае надобности, иметь все ее повадки и привычки, зеленые платья, бархатные кофточки...

В и т. И ездить в коляске к Виру и Румфорду смотреть на актеров, влюбляться в них, ужинать с поклонниками, напиваться... и все тебе даром.

Н о к е м. Под добрым паром.

В и т. И спать из них хоть с двадцатью, если заблагорассудится, сердечко мое.

В и н. И при всем том остаться порядочной — ловкая штука!

В и т. Очень просто, сердечко мое, все через меня делай, и твоему супругу все будет оправдано, а ты будешь столь же чиста, как кожа промеж его рогов. Вот как!..

Н о к е м. Да, наряжайся всемерно, до высшего щегольства, чтобы он с любимым чужим мужем мог пободаться. Лучший пар у жены ежедневно

мужу рога дарить, а у мужа самый модный пар — ничего не подозревать. А вот ханжество зоркого, лупоглазого мещанина — отвратительный пар.

В и н. Боже! И дура же я была!

В и т. Покайся, и впредь поступай во всем, как лэди. Никогда не отличай своего мужа от других мужчин.

Н о к е м. И всех прочих, друг с другом в темпоте наравне.

В и т. Да, и не беда каждого мужчину пспробовать.

Крик У р с у л ы за сценой: «На помощь! Сюда! Помогите!»

Н о к е м. Что такое, что там за беда?

У р с у л а (входит). Ну, отличные вы лесничие, здорово за своей тропкой следите. Там вам шляха из Турнбуля, задрыжная Алпса напала на бедную благородную даму и просадила ей шляпу до носа, а волосы сквозь дно потащила.

Входит Алиса и мистрисс Оверду, Алиса бьет Оверду.

М-с Оверду. Помогите, помогите именем короля!

Алиса. Что б вам пропасть, вот такие самые нас и разоряют, всю торговлю отбили, с такими атласными буфами на боках.

Н о к е м. Что такое, Алиса?

Алиса. Бедным публичным женщинам житья нет от постных богатых стерв. Ваши шляпки да бархатные колпаки переманивают потребителя... Все сливки снимаете...

Урсула. Молчи ты, одер норовистый!..

Алиса. Ах ты, сила печистая! Чего орешь, сальная сводня!

Нокем. Алиса, легче.

Алиса. Смисфильдская ты свинья!

Урсула. Турнбульское брюхо!

Нокем. Развели пары, прет — в гору!

Урсула. Сама знаешь, где из тебя шагреней делали ламедни, в Брейдвеле небось, и драли и высекли.

Алиса. По той же облаве и ты прокатилась на прошлой неделе, небось, да вывалилась, днище телеги продавила, урыльница!

Нокем. Эй, ты, зараза! Знаешь меня? Хочешь, чтобы я тебе кофту сдернул, рубашку сорвал, да юбку в ключья пустил... Го-го! Проваливай! Из страха моих паров, Вит, наподай ей пару на прощание! (выталкивает Алису). Поди сюда, смелая женщина, утешься, ты тоже там будешь лэди!

Вит. Да, клянусь, они обе будут лэди и называть их будут «добрейшая», я сам о том позабочусь. Так и быть, для них сделаю. «Быть» это слово с буквою «б», а буква «б» середина в слове «добро» — два «б» вместе. Вот это здорово. Я тут не при чем, само собой вышло. Вот как!

Нокем. Это правда! Урсула, возьми их к себе, открой шкаф и наряди их как следует в зеленое платье, малиновые пижамные юбочки. Зеленые женщины, ах лорд мэр, зеленые женщины, посетительницы увеселений, пара чистокровных! Я позабочусь об экипаже, чтобы вам подышать воздухом.

В и и. Вы думаете, можно достать здесь экипаж?

Но кем. О, их здесь столько, сколько тачек там, где много навоза! Жена каждого мелкогостряпчего имеет коляску. Покупают ее сперва, чтобы жениться, а женившись — чтобы стать в ней рогатым, а то если жена к любовникам будет пешком бегать, то у него кредит потеряется. (Женщины выходят.) Катай — докатаешься, скрывай — и скроешься, гласят пары мудрости.

Входит Трубельоль.

Трубельоль. По какому мандату ошп это гласят?

Но кем. А, сумасшедший, дитя ярмарочного судилища, это ты? Налей наши кружки, Урса, мы вместе выпьем.

Трубельоль. Я не могу пить без мандата, капитан.

Но кем. Ей-богу, вы и на двор скоро не сходите без мандата. Вит, дай мне перо, чернила и бумагу — я ему сейчас напишу мандат.

Трубельоль. Это должен быть мандат судьи Оверду.

Но кем. Знаю, брат! Вит, тащи пойло...

Вит. Поторопись, пожалуйста, из-за новых лэди, которые ждут тебя. (Уходит и возвращается с вином.)

Но кем. Скорей и нельзя, вот и готово. (Дает бумагу.) Адам Оверду.

Трубельоль. Ну, так за ваше здоровье, капитан.

Но кем. Допивайте. Я к тебе сейчас вернусь. (уходит.)

СЦЕНА IV

Стена лавки Урсулы. Оверду сидит в колодках. Прохожие. Входит Кварелус с разрешением и Эдгвард.

Кварелус. Итак, сэр, вы уже свободны. Вперед смотрите, чтобы не выследили вас.

Эдгвард. Сэр, не угодно ли зайти сюда, к Урсуле, принять участие в шелковом платице, бархатной юбке, иначе говоря, воспитанных женщин? Мне таковые обещаны и для джентльмена не пожалею половины.

Кварелус. Оставьте их своим товарищам по скотоводству, я не из их числа, сэр. Не успею я простить вам и большей пакости, да считай я вас достойным хорошей трепки, я научил бы вас, к кому обращаться с подобными предложениями. Ступайте своей дорогой и не разговаривайте со мной. Только палачу пристало с вами беседовать. Порка — слишком милосердное наказание вашему образу жизни. (Эдгвард уходит.) Досадно, что пришлось воспользоваться этим парнем. Он думает: *facinus quos inquinat aequat*, но ведь это шутки ради, по здравому рассуждению без содействия других обстоятельств мне ничто не даст. Подумать только, как бессмысленно я работаю, если оборванец подчеркнул не мое слово, и какое преимущество я уступил Неду Винвайфу, предоставив ему для ее обработки время, которое принадлежит мне! Он уже, небось, рассказал ей, какой я развратник, бездельник, и истребил в ней всякую добрую мысль обо мне. Я бы также постарался, будь я на его месте, о нем. Единственным упованием теперь остается ее характер, а

это уж граничит с отчаянием, раз приходится строить в какой-либо мере что-то на женском благоразумии! Честное слово, я бы отдал все, что имею, вплоть до своей одежды и оружия, чтобы еще раз встретить того оборванца-предсказателя, который стал моим судьей в этом вопросе, и узнать наверное, чье имя он проклял, а чье благословил, потому что до этого я живу, как в ожидании отсроченного приговора. Надо бы непременно его разыскать. Кто это?

Входит Бристольс с стражей, ведут Вэспа.

Вэсп. Сэр, вы валлийский рогач. Болтливый фонтан, а не констэбль.

Бристольс. Отменно выражаетесь! Ну-ка, вденьте ему ногу в средний круг и пусть понаутужится. (Сажает его в колодки.)

Вэсп. От вас несет луком, водкой и сыром... вы — хам.

Бристольс. Ну что вам стоит тихонько просидеть пока что? А повонять захочется — штаны выдержат... Сделайте одолжение. Развлекайтесь, сэр!

Кварелус. Ну как теперь Нумпс?

Вэсп. Дело не в том как! прошу глаз не пачкать.

Кварелус. Нет, я не хотел вас обидеть, Нумпс, но я думал, вы уселись сюда на показ.

Вэсп. И на продажу, так что ли? Прошу вас, обратиться к собственным делам — их у вас много.

Кварелус. Пощадите, Нумпс! Достаточно ли высоко лежит ваша нога?

Входит Хагис.

Бристольс. Ну, что, сосед Хагис? Что говорит его благородие судья Оверду насчет другого преступника?

Хагис. Ровно ничего не говорит. Что он может сказать, или где он может сказать? Его не сыщешь, дружище, его за весь сегодняшний день не видать на ярмарке, не видать с самых семи часов утра, писаря не знают что думать. И нет пока ярмарочного суда. Вот они возвращаются.

Входит стража, ведут Бизи.

Бристольс. Что нам делать вот с этим — по вашему усмотрению?

Хагис. Я думаю, что лучше всего посадить его в колодки на общее усмотрение, в них он будет цел в течение часа или около того, до возвращения их благородия.

Бристольс. Стоит говорить о пустяках, сосед Хагис. Пожалуйте, сэр, сюда. Вот вам и компания, откройте колодки.

Пока стража открывает колодки, Вэсп незаметно вытягивает ноги из сапог и вставляет туда руки.

Вэсп (в сторону). Я кажется сыграю хорошую штуку вашему валлийскому усердию.

Бристольс (к Бизи). Вставляйте-ка ноги, сэр.

Кварелус. Как, Рабби Бизи, он ли это?

Бизи. Я повинуюсь им. Лев может рычать, но кусать он не может. Я счастлив отделаться от язычников этой страны и ввергнуться в колодки за святое дело.

Вэсп. Кто вы, сэр?

Бизи. Один из во скорби ликующих и воссевший здесь, чтобы прорицать разрушение ярмарке и игрищам, и бесчинству, и пролитою

вина, воздыхая и стена по реформации сих мест окаянства.

Вэсп (к Оверду). А вы тоже воздыхаете? И стоите и ликуете во скорбях своих?

Оверду. Этого я не ощущаю, об этом я не помышляю; это вещь, вне меня находящаяся. Адам, ты превыше этого избиения и этого позора. *In te manea ruit fortuna* — как сказал твой друг Гораций. Ты из тех — *Quem neque pauperis neque mors, neque vincula terrent*, или сказал другой из друзей твоих кажется, что это был друг твой Персий: *Non te quoes veris extra*.

Кварелус. Вот тебе раз — стоик в колодах... Сумасшедший стал философом!..

Бизи. Друг, я прерву духовное общение с вами, если услышу еще эти суеверные изречения, эти латинские писания, лохмотья Рима, заплаты папизма.

Вэсп. Ну, если вы начинаете ссориться, дженгельмены, я покидаю вас. Я слишком недавно сам поплатился за склоку. Смотрите, вот изобретение. Оборотливый человек из рук сделает погп. Бог с вами... (Вынимает руки из колодок.)

Бизи. Как, ты покидаешь братьев своих по несчастью?

Вэсп. Да, на этот раз, сэр! (Убегает.)

Бизи. Ты, упорствующий в безразличии, останови его! Держи его, того, кто не хочет терпеть ярость гонения.

Бристольс. В чем дело?

Бизи. Он сбежал, сбежал!..

Бристольс. Как?.. Удрал?.. Куда бежал? За мной, сосед Хагис!

Стража бежит, входит Пюрекрафт.

ПЮРЕКРАФТ. О, горе мне, он в колодках!
Разве сатана одолел?

Бизи. Мир тебе, верующая сестра, это мое призвание, мужайся. Необычайное призвание и сотворенное мне во укрепление в вернейшее будущее укрупнение мое.

Входит Трубельоль с кружкой.

Трубельоль. По чьему мандату, по чьему это?

Кварелус. Ах, вот он, кого я ищу!

Оверду. Ха.

Пюрекрафт. О, добрейший сэр, верных ввергли сюда, просверливши просветы для святых края сего.

Трубельоль. Есть ли у них мандат на это? Показали ли они подпись Адама Оверду? Если у них нет мандата — они ответят!

Входит Хагис.

Бристольс. Вы верно не осмотрели колодки, как следует, сосед Тобби?

Хагис. Нет, посмотрите сами, лучше их не закрепишь.

Бристольс. Верно, они вполне достаточно заперты. Тут что-то кроется.

Трубельоль. Верно! Дело в мандате, в этом и есть вопрос. По какому мандату?..

Бристольс. Сумасшедший, заткни свою глотку, или я посажу тебя в то свободное помещение, которое ты видишь — в эту дыру.

Кварелус. Как, он сумасшедший?

Трубельоль. Покажите мне приказ судьи Оверду, и я послушаюсь вас.

Хагис. Сумасшедший болван, заткнись... (Уходит с Бристольсом.)

Трубельоль. Именем судьи Оверду пью за ваше здоровье, и вот его мандат (показывает кружку).

Оверду. Боже мой, бедный малый, как скорбит мое сердце о нем!

Кварелус. Если он сумасшедший, то напрасно его расстраивать. Но я все же попытаюсь. Друг, один джентельмен показал вам два имени, несколько часов тому назад — Аргалус и Палемон, прося отметить одно из них. Какое вы отметили?

Трубельоль. Я не заметил никаких имен, кроме имени Адама Оверду. Это всем именам имя. Он один подлинный судья и его имя я уважаю, покажите мне его.

Кварелус. Этот малый действительно спятил. От правды я также далек, как и раньше.

Оверду. Не вздохну свободно, пока как-нибудь не вознагражу его.

Кварелус. Ладно, я применю его иначе, мне пришло в голову... У меня в сундуке есть привязная борода, что-то вроде его бороды... (Уходит.)

Хагис и Бристольс входят.

Бристольс. Этот сумасшедший дурак запутал меня так, что я не помню, запер ли я колодки или нет. Я думаю, что запер (осматривает запер).

Трувилльоль. Помни Адама Оверду и ничего не бойся.

Бристольс. Прочь, воплощенная дурь! Заткни рот и получи (дает ему пощечину).

Трубельоль. Как, драться без мандата? На! (Возвращает удар — дерутся.)

Бристольс не запер колодки, осматривая их, они раскрываются от толчка дерущихся.

Бизп. Мы освобождены чудом. Братья по узам не станем отказываться от возможности. Безумие это было от духа. Злоба врага сама собой поспримилаась.

Убегают, Оверду за ними.

Пюрекрафт. Они называют его безумным. Мир безумен в неправоте своей, он же безумен во истине! Я сразу полюбила его. Правду сказал предсказатель, что я буду любить его все больше и больше. Как прекрасно идет мужчине безумие во истине! О, если б я могла стать подругой его и безумствовать вместе с ним. Скольких мы обратили бы в истинное безумие совместно с нами.

Уходит.

Бристольс. Что же, никак все удрали! А где женщина? Тут пахнет колдовством. Ее бархатная шляпа — ведьма, или ведьма — мой ключ, клянусь совестью одно из двух. Сумасшедший — это дьявол, а я — осел. Спаси господи, меня, мое место и мою службу.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СЦЕНА I

Как и раньше лавки и лотки.

Летерхед одетый марионетщиком, за ним Фильшер и Шарквель с флагами в руках.

Летерхед. Так! Вывози, Варфоломей! Вперед с изображениями нашего изобретения и во имя остроумия! А вы бейте пока в барабаны. Все безумие ярмарки, я разумею, — вся грязь Смисфильда обрушится сегодня на наши знамена, если пьеса не понравится публике — это одна из балаганных вещей Лительвита. О, представления, которыми я, Ланторн Летерхед, просвещал толпу со смерти маэстро Подди — марионетщика! «Иерусалим» была вещь ударная, такими же были «Ниневия» и «Город Норвич», а «Содом и Гоморра» с торжеством добродетели и расшибанием домов терпимости в страстной вторник! А «Пороховой заговор» — вот была хлебная постановка. Я представил ее восемнадцати, двадцати-пенсовой публике девять раз подряд в один вечер! Доморощенные изобретения всегда лучше других, они так привычны и понятны. Теперь слишком много суют учености, и я боюсь, что это все испортит. Лительвит, говорю я, берегись, Лительвит! Смотри за сбором, добрейший Фильшер.

Фильшер. Не беспокойтесь, сэр,

ЛЕТЕРХЕД. А если придут приличные господа, брать с них на два пенса дороже, Шарквель.

ШАРКВЕЛЬ. Не беспокойтесь, сэр, возьмем и три, если сможем.

СЦЕНА II.

Другая часть ярмарки. Входит судья Оверду, переодетый носильщиком.

ОВЕРДУ. Это последнее переодевание, заимствованное мною у носильщика, донесет меня до намеченной мною благой и великой цели. Путь к ней порой прерывался, но никогда не разрушался во мне. Еще не пробил час моего гнева, когда я обнародую себя, и туче подобно, прорвусь дождем, градом, молнией и громом на голову мирских безобразий. Две главные задачи мною преследуются — и первая из них — найти какой-нибудь способ удовлетворить этого бедного оборванца, который из-за меня помешался и которого вижу бредущим сюда. Отойду в сторону и обдумаю это.

Входит Винвайф и Грэс.

ВИНВАЙФ. Удивляюсь, где Том Кварелус, что он не возвращается, может быть он где-нибудь здесь нас разыскивает.

ГРЭС. Смотрите, вот опять сумасшедший.

КВАРЕЛУС одетый Трубилюлем, за ним Пюрекрафт.

КВАРЕЛУС. Я стал похож на него, насколько эта одежда и колпак это позволили.

ПЮРЕКРАФТ. Сэр, я люблю вас и счастлива безумствовать с вами во истине,

ВИНВАЙФ. Как, моя вдовица влюблена в сумасшедшего?

ПЮРЕКРАФТ. Действительно, я могу быть столь же безумна духом, как и вы.

КВАРЕЛУС. По какому мандату? Удержите ваши вопли. (Обращается к Грэс.) Спасайтесь, успокойтесь, размножайтесь! Где ваша книжка? В ней имелось порядочное имя, которое я в ней отметил. Покажите мне. Не бойтесь показать мне его.

Грэс. Что вам угодно с ним делать, сэр?

КВАРЕЛУС. Еще и еще отметить его к вашим услугам.

Грэс. Вот оно, вот имя, которое вы отметили.

КВАРЕЛУС. Палемон! Прощайте, прощайте.

Грэс. Да, честное слово. Он вам уже его называл и не к чему теперь дольше скрывать. Я ваша, сэр, по счастью вашей судьбы.

ВИНВАЙФ. И вашей тоже. Надеюсь, вы не будете иметь случая сожалеть об этом. Это заставит вас убедиться, что в данном выборе судьба не была слепа.

Грэс. Я хотела бы не подвергать его опасности сомнения.

Уходят.

КВАРЕЛУС. Палемон — имя и Винвайф избранник!

ПЮРЕКРАФТ. Добрейший сэр, снизойдите принять к себе в товарищи по трудам вашего святого безумия просвещенную сестру, которая жаждет устремиться с вами к истине.

КВАРЕЛУС. Прочь скопище — ханжества, гордыни, невежества — прочь, бешенная скорее, чем

безумная, более пригодная делям и диким зверям, чем человеческому жилью и людским отношениям. Вы — изнанка общества — лицемеров, отщепенцев закона и науки, привилегированных церковных разбойников христианства. Оставьте меня одного... Палемон имя... Винвайф избранник.

ПЮРЕКРАФТ. Я должна открыться ему, иначе никогда он меня не осчастливит, несмотря на все предсказания. — Дорогой сэръ, слушайте меня. Мне цена шесть тысяч фунтов. Моя любовь к вам стала пыткой и вынуждает говорить вам все и всю правду, раз вы несправедливы к лицемерие и сектантскую замкнутость братии. Все эти семь лет я была ревностной благочестивой вдовой только с целью выманывать подарки и угощения от моих, опутанных мною, поклонников. Я также по должности сестра — сотрудница дьякониса, но поглощаю милостыни вместо того, чтобы раздавать их. Я — специальная сваха и устраиваю свадьбы нашим опустившимся братьям с богатыми вдовушками за третью часть их состояния, которая после свадьбы отбирается у них под видом вспомоществования избранным беднякам. Тоже устраиваю браки молодых красивых, бедных девиц с богатыми вдовцами и пожилыми холостяками. Заставляю их обкрадывать своих мужей, когда все попадает им в руки, и я их в достаточной мере наставляю в вере. И если я не получу обещанного по договору, то скорее они бранчивую шлюху превратят в молчаливого священника, чем заставят меня перестать всенародно порицать и проклинать их. Наш староста Зильофдленд, хотел бы получить меня, но я знаю, что он величайший прохвост всей страны и, будучи

душеприказчиком братьев, но их доверию надует их наследников клятвенными заявлениями об отдаче им всего наследства ему в дар. Итак, после того как я облегчила свою совесть и излила сердце языком моей любви, пользуйтесь моим лукавством вместе со мной, умоляю вас! Я бы никогда не открыла вам этого; но я уверена — вы безумны и, надеюсь, считаете меня столь же безумной, сэр.

Кварелус. Погодите, я вам сейчас отвечу. (Отходит из авансцену.) Почему бы и не жениться мне на шести тысячах фунтов? Об этом стоит подумать и взять хороший доход вместе с нею — ха! Ту бабенку забрал Винвайф, оттуда мне нечего ждать. А здесь я делаюсь чем-то вроде спасителя, если она будет продолжать безумствовать... Мне деньги нужны: почему бы мне и не жениться на деньгах, раз они мне предлагаются. Брачный контракт у меня, стоит только стереть одно имя и вписать другое. Удачей не шутят. Я решился, я был бы действительно сумасшедший, еслиб не захотел этого. — Ладно, подите сюда, следуйте за мной и если вы обезумели, я покажу вам мандат.

Пюрекрафт. С величайшим рвением, это самое ревностное мое желание.

Оверду останавливает их.

Оверду. Сэр, позвольте мне поговорить с вами.

Кварелус. По какому мандату?

Оверду. Тому, кого вы так цените и уважаете — судьбы Оверду. Он перед вами, друг мой Трубельволь, он скрывается под этим костюмом, как должно поступать осторожным администраторам для блага ярмарочной республики, для рас-

крытия всякого безобразия. Нужно ли вам хорошее жилище, обед, вино, одежду? Говорите, что бы ни было, — вы это получите. Чего же вы хотите?

Кварелус. Ничего, — ваш мандат.

Оверду. Мой мандат, на что?

Кварелус. Чтоб мне уйти.

Оверду. Нет, прошу тебя, постой, я совершенно серьезен и не располагаю ни временем, ни словами для обмена с тобой. Подумай, что доброго я могу для тебя сделать?

Кварелус. Ваша подпись и печать могут сделать мне добро. Ничто иное из всего, что есть на ярмарке.

Оверду. Если это может служить чему-нибудь, то дам охотно.

Кварелус. Если это меня удовлетворяет, то это уже достаточно веская причина, чтоб оказать мне внимание. Если вы не хотите, отпустите меня.

Оверду. Боже мой! Ты сию минуту получишь. Я зайду сейчас к моему писарю и принесу. Не уходи отсюда. (Уходит.)

Кварелус. Вид сумасшедшего приносит мне счастье. Может ли ободренный камзол производить такое действие? Если это действительно мудрый судья Оверду и он принесет мне свою подпись, то я близок к тому, чтоб ею воспользоваться. (Оверду входит.) Вот он возвращается.

Оверду. Посмотри, вот моя подпись и печать — Адам Оверду. Если ты что-нибудь хочешь написать на бумаге над этой подписью, или когда-нибудь это захочешь впоследствии, подумай, что это я для тебя сделал. Может ли писать ваш друг?

Кварелус. Ее подпись как свидетеля и все в порядке.

Оверду. Смотрите, вот (дает обратно бумагу Кварелусу) и еще раз подтверждаю, это — моих рук дело.

Кварелус. Теперь будем продолжать безумие (уходит с Пюрекрафт).

Оверду. Хорошо. Совесть моя теперь облегчена. Я исполнил свой долг, хоть и не принес ему пользы. Во всяком случае Адам предложил удовлетворение. Жало извлечено. Бедный малый, он очень постарел и опустил от огорчения. Теперь за другую задачу — спасти того молодого человека. Я следовал так долго с любовью от края его гибели до центра его спасения. Здесь или в подобном же месте я уверен встретить его. Я подожду этого счастливого часа.

СЦЕНА III

Другая часть ярмарки у театра марионеток. Входит Фильшер и Шарквель с театральной афишей в руках, за ними Кук в фуфайке в штанах без камзола, за ним толпа мальчишек.

Кук. Что! Что здесь делается, вы не хозяин этого памятника?

Шарквель. Здесь театр марионеток с вашего позволения.

Входит Оверду.

Оверду. Вот и мой шурин, мастер Варфоломей Кук, невозможный чудака.

Кук. Представление? Это что такое? (Читает афишу). «Древняя современная история о Геро и Леандре, иначе называемая «пробный камень ис-

тинной любви», с не менее точным испытанием дружбы Дамона и Пифия, двух верных друзей с мелкого берега». Очаровательно, честное слово! В чем тут собственно дело? Это интерлюдия или что?

Фильшер. Да, сэр, подойдите сюда, вы здесь заплатите.

Кук. Отвяжитесь, ребята. Они так и ходят за мной хвостом.

Входит Лительвит.

Лительвит. С вашего позволения, друг.

Фильшер. Извольте заплатить, сэр, когда войдете.

Лительвит. Кто? Я? Я вижу, ты меня не знаешь. Позови хозяйна марионеток.

Шарквель. Как, ты не узнаешь автора, товарищ Фильшер? С него не надо брать... Он может и даром пройти. Мастер Лительвит здесь сотрудник, он — автор.

Лительвит. Тише, не говорите так громко. Я бы не хотел себя выдавать, пока мы не увидим, как сойдет пьеса.

Кук. Мастер Лительвит, что подделываешь?

Лительвит. Мастер Кук! Исключительно приятная встреча! Что это вы в одной фуфайке и штанах без фамзола и шляпы?

Кук. Я бы никогда не ходил, уверяю вас честью, клянусь этим днем! Я все растерял на ярмарке, всех моих знакомых тоже. Ты не встречал кого-нибудь из них, мистер Лительвит, моего управляющего Нумпса, мою сестру Оверду, или госпожу Грэс? Прошу тебя, мистер Лительвит, одолжи мне немного денег, чтобы мне посмотреть эти интермедии, я верну верно, как я джентель-

мен. Если не можешь, проводи меня домой, у меня там денег хватит.

Л и т е л ь в и т. Сэр, приказывайте, — кроны вам достаточно?

К у к. Я думаю, да. Сколько с нас, приятель?

Ф и л ь ш е р. Два пенса.

К у к. Вот тебе двенадцать, дружище. Я дворянин, как ни просто сейчас я одет, по вы еще увидите меня с моим человеком и всей моей артиллерией.

Л и т е л ь в и т. Ваш человек только что был в колодках, сэр.

К у к. Кто? Нумс?

Л и т е л ь в и т. Да. Честное слово.

К у к. За что, черт возьми? Я очень рад, не забудь напомнить мне об этом. Сейчас других дел довольно. Что это за пьеса, мистер Лительвит? Какие у вас актеры? Хорошие ли актеры?

Л и т е л ь в и т. Очаровательные, все молодежь, сэр, все дети; и старики и молодые, а вот и хозяин их.

Входит Л е т е р х е д.

Л е т е р х е д (к Л и т е л ь в и т у). Называйте меня не Летерхедом, а Фонарем.

Л и т е л ь в и т. Г-н Фонарь, освещающий наше дело.

К у к. В добрый час, сэр. Я бы очень хотел видеть всех. Я был бы рад выпить с молодой трупной. Где здесь вход в артистическую?

Л е т е р х е д. Правду сказать, сэр, артистическое наше фойе настолько мало, мы ведь только начинающая труппа, простите нас, вы не можете войти туда, не согнувшись.

Кук. Да неужели? Даже сейчас, без шляпы. Что бы вы сказали, если б увидели меня, каким я еще был сегодня — в перьях и во всем прочем. Разве нет здесь, как в других театрах, славных нахальных мальчишек подавать скамеечки, табак, эль и выращивать деньги? Познакомьте меня с кем-нибудь из ваших актеров.

Лительвит. Покажите их ему, покажите их ему. Этот молодой человек — достойный покровитель искусства.

Оверду. Покровительство подобного рода поглощает многих молодых людей, злоредное безобразия.

Летерхед приносит корзинку.

Кук. Разве они живут в корзине?

Летерхед. Они лежат в корзине, сэр, они из маленьких актеров.

Кук. Они должны быть ничтожными, если вы вообще называете это актерами.

Летерхед. Они актеры, сэр, и не хуже других незабракованных для игры без речей. Я их уста.

Кук. Эти все тебе в рот влезут. Я думаю, портной справился со всей труппой одной рукой, заложив за спину другую.

Лительвит. И съел бы их всех, будь они пряничные.

Кук. Вот спасибо вам, мистер Лительвит, — это очень смешно. Кто из них у вас Бербедж?

Летерхед. Что вы хотите этим сказать?

Кук. Ваш лучший актер, ваш Фильд?

Лительвит. Хорошо, честное слово, вы от меня не отстали.

ЛЕТЕРХЕД. Вот он, он играет молодого Леандра, сэр. Он необыкновенно любим женщинами, его игра так трогает зеленых проституток, которые сюда заходят. А эта красавица Геро, этот бородатый — это Дамон, а этот красавчик Пифий. Это дух короля Диониса в одежде делопроизводителя, как вы узнаете со временем.

КУК. Хорошо. Приличная компания. Мне они нравятся тем, что не гордятся, не глумятся и не подтрунивают над вами, как настоящие актеры, и не так дорого их угощать и напаять, по причине их малости. Они всегда хорошо играют и никогда не вырываются из ансамбля.

ЛЕТЕРХЕД. Нет, сэр, благодаря моему уменью и ловкости они столь же хорошо сыграны, как настоящая труппа, поверьте мне. А молодой Леандр — истинный актер, несмотря на свой рост, мотает головой, как рьяный конюх.

КУК. Вы играете по книжке, я ее читал?

ЛЕТЕРХЕД. Ни в каком случае, сэр.

КУК. А как же?

ЛЕТЕРХЕД. Есть способ лучший, сэр. К чему для нашей публики разучивать поэтическое произведение? Разве она понимает, что значит «Геллеспонт — виновник крови истинной любви» или «Абидос» «напротив же его: нагорный Сестос»?

КУК. Ты прав, я и сам не понимаю.

ЛЕТЕРХЕД. Вот я и предложил мастеру Лительвиту принять на себя труд перевести все это в образы, близкие и понятные нашей публике.

КУК. Как это? Прошу вас, дорогой мистер Лительвит.

ЛИТЕЛЬВИТ. Ему угодно придавать этому особенное значение, но здесь нет ничего реши-

тельно особенного, уверяю вас. Я просто переделал пьесу, облегчил текст и осовременил его, сэр, вот и все. Вместо Геллеспонта я изображаю Темзу, Леандра я сделал сыном красильщика из Недерафта. Геро у меня девка с мелкой стороны, которая в одно прекрасное утро переправляется на старую Рыбную улицу. Леандр наблюдает, как причаливает лодка к Тригстерсу и влюбляется в Геро. Затем я ввожу Купидона, который превращается в полового и поражает Геро любовью из кварты хереса. Есть и другие прекрасные места насчет дружбы, они восхитят вас, сэр, и понравятся вам превыше всякого суждения.

Кук. Будь я проклят, если они мне не понравятся, я уже влюблен в актеров и сейчас заключу с ними союз. Они уважают джентельменов, эти миленькие товарищи. Геро пусть будет моей игрушечкой, но какой, дайте подумать. Чорт возьми — скрипкой. А Леандр — смычок, Дамон — барабан, Пифий — моя трубка, а дух Дюониса — моя деревянная лошадка. Все готово.

Грэс и Винвайф входят.

Винвайф. Посмотрите, вот наш Кук в среде достойных сотоварищей. Я так и думал, что мы не минуем его на таком представлении.

Грэс. Оставьте его, он так занят, он нас и не заметит.

Летерхед. Эй, добрейший сэр (останавливая Кука, который играет с марионетками)!

Кук. Умоляю вас, я не испорчу их, товарищ, вы что думаете, я невежа, что ли. Я очень вас прошу, не будьте ревнивы. Я ведь почти женат.

Лительвит. Хорошо, любезный господин Фонарь, приготовьтесь начинать, я же схожу за женой. Смотрите, чтоб все было в исправности. А то испортите мою репутацию.

Летерхед. Предупреждаю вас, сэр, не возбуждайте слишком больших ожиданий у ваших друзей. Так-то подобные вещи срываются.

Лительвит. Нет, нет, нет. (Убегает.)

Кук. Я буду стоять здесь и смотреть, умоляю вас, дайте мне смотреть.

Винвайф. До чего он расторопен и бестолоков.

Грэс. Как раз на месте, мне кажется.

Оверду. Моя подопечная мисс Грэс в обществе незнакомца! Подозреваю, что мне придется открыться им до времени.

Входит Нокем, Эдгвард, Вин, за ними капитан
Вит, поддерживая мистрис Оверду, обе дамы
в масках.

Фильшер. Два пенса билет, господа. Великолепное представление.

Нокем. Будут ли фейерверки на всех парах?

Шарквель. Да, капитан, и фонтаны в придачу.

Вит. Прошу вас, поухаживайте за этой маленькой лэди, Эдгвард, а я займусь этой большой.

Летерхед. Добро пожаловать, джентльмены, добро пожаловать, джентльмены.

Вит. Прошу вас, хозяин уродов, помогите весьма больной даме усесться на стул.

Летерхед. Сейчас, сэр. (Выносит стул.)

Вит. Ей-богу, во всем виноваты Урсулин эль и водка, сядь, голубка, сядь и вздремни капельку.

Эдгвард (к Вин). Мадам, милости просим сюда.

Но кем. Да, и вы увидите здесь превосходные пары.

Оверду. Вот идет забота души моей. Рад видеть его в такой хорошей компании. Удивляюсь только, что такие приличные лэди могут сюда ходить.

Эдгвард. Там есть очень укромный доминико, сударыня,

Леттерхед. Не изволите ли, ваша светлость, тоже присесть, мадам.

Вин. Да, добрый человек. Они все обращаются ко мне, называют меня мадам. Я думаю, они принимают меня за настоящую лэди.

Эдгвард. А как же иначе, мадам.

Вин. Не снять ли мне маску перед ними?

Эдгвард. Ни в коем случае.

Вин. А как же мужу меня узнать?

Но кем. Муж! О, пар невинности! Ни он узнавать вас не должен, ни вы его — вот правильные пары.

Оверду (в сторону). Так-то! Надо это рассмотреть повнимательней (к Вит). Это лэди, друг мой?

Вит. Ах, и та тоже лэди, миленький мой! Если тебе какая... дай мне двенадцать пенсов, и получишь любую.

Оверду. Ага! Вот оно оказывается где, мое главнейшее безобразие... Надо мне его проследить.

Эдгвард. Разве так жизнь не лучше, чем сидеть взаперти, вдвоем с мужем?

Вин. Еще бы гораздо приятнее. Когда они пачнут? Как называется представление?

Эдгвард. Сейчас, мадам, они ждут, чтоб собралась публика.

Но кем. Слышите вы, кукольный хозяин, это скучнейшие пары, когда вы начнете?

Летерхед. Мы ждем мистера Лительвита, автора, который ушел за своей женой, а начнем мы сейчас.

Вин. Это же я, это я!

Эдгвард. То были вы, лэди, но теперь вы уж не то ничтожное существо.

Но кем. К чорту авторскую жену! Беглый пар! Здесь есть лэди, которые и перед Дслией не стоят, среди всех женщин.

Вит. Здесь одна лэди уснула, подожди милый, пока она не проспится.

Входит Вэсп.

Вэсп. Это что, друзья, что здесь делается?

Фильшер. Два пенса билет, сэр, лучшее представление на всей ярмарке.

Вэсп. Уверен, что врете, а если это подтвердится, я потребую деньги обратно и избью вас.

Вин. Нумпс пришел.

Вэсп. Не видали вы, чтоб сюда зашел мой господин? Длинный такой молодой дворянин из Харро, что на холме. Варфоломей Кук.

Фильшер. Я думаю, есть такой здесь.

Вэсп. А вы лучше посмотрите, хоть это с него и станется. Удивляюсь, что не пашел его нигде. Был у «Орла», у «Черного волка», у «Быка с пятью ногами», два года назад он был теленком на ярмарке у Воловьего моста. Был у собаки, которая пляшет мавританский танец, и у зайца с барабаном, и нигде его не пашел. Уж верно быть здесь отменному зрелищу, если он здесь закрепился и действительно здесь.

Кук. Начинай, начинай, готовы?

Летерхед. Сейчас, сэр!

Вэсп. Батюшки! Он работает в одних штанах. Эй, слушайте, сэр, наняли что ли вас сюда, что вы без шляпы и так хлопчете?

Кук. Уймитесь, Нумпс, в колодках сидели! Слыхал.

Вэсп. Он и это знает? Нет, значит время моего влияния миновало! Нечего и думать о власти, моему влиянию конец. Тот, который хочет исправлять других, должен сам быть безупречен.

Винвайф. Поучительно, Нумпс. Я никогда раньше столько от него не слышал.

Летерхед. Очевидно мистер Лительвит не придет, прошу на места, сэр, я сейчас начну.

Кук. Умоляю вас, начните, уши мои жаждут слышать и глаза видеть. О, Нумпс в колодках! Нумпс, где ваша шпага, Нумпс?

Вэсп. Я прошу вас перестать шутить, сэр, оставьте меня.

Кук. Ладно, мы поквитались. Поди сюда, сядь, Нумпс. Я тебе буду объяснять. Не видали ли вы мисс Грэс? Но сейчас не стоит о ней думать. Напомни мне потом.

Винвайф. Много он выражает любви и заботливости.

Грэс. Боже мой, а вы бы хотели, чтобы он выражал больше, чем у него есть? — это тиранство.

Кук. Тише пожалуйста. Ну! Ну!

Летерхед.

Почтенные, чтоб не томить ожиданием,
Главный актер Леандр пред собранием

Пышной одеждой разукрашен пестро,
 Отца красильщика он принял ремесло.
 На пристани Абидос работает примерно.
 Так берег Вестминстера зовем высокомерно,
 А мелкую сторону мы Сестос назовем.
 Вдруг лодочка плывет, в ней Геро узнаем.
 Она, увидев Леандровы красоты,
 Бросает к нему взор губительный из бота
 И к берегу сейчас же стремится пристать.
 Увидим, что Леандр от рока может ждать.
ЛЕАНДР. Капуста, капуста, старая капуста!
ЛЕТЕРХЕД.

Так лодочника звать
 (В Леандре жарки чувства).

ЛЕАНДР. Капусту я зову, капусту, да капусту.
ЛЕТЕРХЕД. Ну, да мы слышали.
ЛЕАНДР. Эй, старая капуста!
ЛЕТЕРХЕД. Красильщик стал разносчиком;
 торгуешь. Почему?
ЛЕАНДР. Невежа, ты ногу целуй и нюхай потом.
ЛЕТЕРХЕД. Вежливо это, нюхать ее никто не
 пагнется.
ЛЕАНДР. Капуста, кричу — капуста!
ЛЕТЕРХЕД. Лодочник так зовется.
ЛЕАНДР. Да, будь он в петле!
ЛЕТЕРХЕД. Слушай, ты Леандра опасайся.
 Вас вместе вздернут,— лучше с ним и не знайся.
КАПУСТА. Куда?
ЛЕАНДР.

Здесь! О, назови капуста красотку из
красоток,
 Что на берег сошла одна из твоей лодки?

КУК. Что сказал этот мальшй, прошу тебя
объясни мне, я не ясно его понял.

ЛЕТЕРХЕД.

Спросил Леандр, кто эта красотка,
Что на берег сошла сейчас из лодки.

КАПУСТА. Красотка Геро.

ЛЕАНДР. Неро?

КАПУСТА. Нет, Геро!

ЛЕТЕРХЕД. Ах, Геро.

Покинув мелкий берег свой стопою легкой,
Спешит на рыбный рынок за селедкой
И, не теряя времени и пылких слов,
За нею нарядясь бежать Леандр готов.

КУК. Разве это не восхитительно?

ЛЕТЕРХЕД. Эй, лодочник, сюда.

КАПУСТА. А что вам угодно?

ЛЕТЕРХЕД. Ты нужен Леандру, выслушай
меня: Вези вслед за девченкой.

КАПУСТА. Нахам! Я не сводня.

КУК. Он говорит: «я не сводня». Это тонкое
выражение, понимаю теперь.

ЛЕТЕРХЕД.

А вы не сводник? Да ведь вас так никто
не зовет.

Капуста, не кипи, причаль, Леандр идет.

КАПУСТА. Ступайте вон!

ЛЕТЕРХЕД. Кого вон?

КАПУСТА. Леандра вон.

ЛЕТЕРХЕД.

Леандра вон? Так сэр, вы просто пустозвон

И очень злы, а верно завелся такой
Кто уже оплатил вам перевоз красотки той.

КАПУСТА. Да, точно так, зовут его Пиктач.

ЛЕТЕРХЕД. Как, господин Пиктач!

КАПУСТА. Он господин Хохрубер из Пиктача.

Дает Л е т е р х е д у подзатыльник.

ЛЕТЕРХЕД. Ах, голова моя. (Возвращает удар.)

КАПУСТА. Получка какова, и такова и сдача.

КУК. «Какова получка, такова и сдача». Он говорит великолепно. Поправились ли вам подзатыльники лодочника, чорт возьми?

ЛЕТЕРХЕД. Да, но вот пассажиры его отзывают.

ЛЕАНДР. Ровно правь, ровно правь, правь, правь, правь, правь, правь, правь.

ЛЕТЕРХЕД. Ты хамски грузился. Смотри, не пошел бы на дно.

КАПУСТА. А как дам тебе в морду, хам!

ЛЕАНДР. Правь, правь. О! О! О!

КУК. Он говорит, что даст вам в морду, друг мой.

ЛЕТЕРХЕД. Ах, сэр, я это слышал. Но как тут объясниться с этим водоеем, за ним всегда останется последнее слово.

КУК. Чорт его возьми, я не в союзе с лодочником, пусть он будет, кем он хочет. Но смычок от моей скрипки не слишком ли часто прибегает и убегает. Прошу тебя, поговори с ним, скажи ему, что я бы желал дольше иметь его на глазах.

ЛЕТЕРХЕД. Не беспокойтесь, вы будете удовлетворены, вы на него еще посмотритесь, сэр.

Думаю, почтенные, никто здесь не дурак,
И что есть бог Купидон, знает из вас всяк.
Услыхав Леандра, вздыхавшего в истоме,
Купидон напаялся в одном питейном доме.
И чтоб весело было на свидании Гере,
Он приворот льет ей в херес в должной мере,
Будто Леандр напиток ей послал. Выпить она рада
И вот к пей влетает герой наш без доклада.

Иона. Эй кварту кислого с бочки за гостем
проверпшь.

Кук. Кислого из бочки? Вы мне говорили —
херес!

Иона. Ну, так же оно и есть: херес, херес,
херес!

Кук. О, херес, херес, херес открой веселья
двери. Надо назвать как-нибудь Купидона, дайте
подумать, помогите мне. Нумпс бы помог, но он
мечтает сейчас о колодках. Не думайте, чтобы
я забыл об этом девятом чуде света. Пусть это
вам не мешает...

Вэсп. Я бы хотел, чтоб колодки повисли
у вас на шее, с условием, чтобы мне быть в них
прикованному за пятки, до тех пор, пока это
чудо не выскочит у вас из головы. При всем
моем уважении к вам, сэр.

Кук. Хорошо сказано, стойкий Нумпс. Но
послушай, друг, где же пока дружба моего бара-
бапа Дамона с моей трубой Пифием?

Летерхед. Вы сейчас увидите это, сэр.

Кук. Ты думаешь, моя деревянная лошадка
тоже забыта? Нет, — прежде чем уйти отсюда, я
увиджу всех на сцене и я не знаю, кто из них
мне станет милее.

По кем. У этого франта беспокойные пары, надоедливые пары, Вит, гони его вон.

В и т. Нет, пусть его, капитан, он точно ребенок, клянусь, вот, как.

Л Е Т Е Р Х Е Д.

Теперь, господа, обратимся мы к друзьям, В той же питейной, где Геро, оказались оба там. Дамон, имея пред нею многие заслуги, Пришел на свидание к златокудрой подруге. Пифий, разнюхав похабство приключения, Прибежал. Услышите нежных друзей объяснение.

П и ф и й. Ах, ты, лахудрин пес, расподлец, хам.

К у к. Лахудрин пес, расподлец, хам — очень дружественно, совсем по семейному.

Д а м о н.

Лахудрин пес, расподлец, хам ты сам,
Ты с ней уже спал, в том клятву дам.

К у к. Дамон говорит, что Пифий уже спал сам с Геро и хочет тут же предъявить доказательства.

Л е т е р х е д. Оба вы лахудрые псы, расподлецы, очень просто.

П и ф и й. Ты врешь, как сволочь.

Л е т е р х е д. Я вру как сволочь?

П и ф и й. Как сводня, как рвань.

Л е т е р х е д. Как сводня, как рвань?

А вам на двоих шлюха одна и —
дрань.

Д а м о н. Опять ты лжешь.

Л е т е р х е д. Я лгу?

Д а м о н. И лжешь как плут.

Л е т е р х е д. Лгу как плут?

Пифий. И еще раз ты сводня.

Кук. И он говорит опять, что ты сводня.

Дамон. И паршивый.

Кук. И «паршивый» опять он говорит.

Летерхед. А я вам скажу: вы расподлецы
оба — опять.

И что у вас на двоих одна стерва
— опять.

Дамон и Пифий бросаются на него.

Оба. Ах, вот как, вот как, вот как!

Летерхед. Как, оба сразу?

Пифий. Покончи с ним, Дамон.

Дамон. Коли его в брюхо, Пифий.

Летерхед. Чтож меня в моем доме убивать
хотите!

Кук. Ах, хорошо сыграно, моя труба, хо-
рошо, мой барабан. Все так отлично сыграно.

Вэсп. Хорошо — от души говорю.

Летерхед. Протяните ваши руки.

Кук. Да, дайте мне пожать руки обоим, по-
тому что вы оба поступили отлично.

Дамон. Покорно благодарю, Пифий.

Пифий. Покорно благодарю, Дамон.

Кук. Покорно благодарю вас обоих, моя тру-
ба и барабан.

Пифий и Дамон. Идем теперь, позавтра-
каем с Геро.

Летерхед.

Позавтракать с Геро оба убегают.

А мне какой завтрак был, про это все знают.

Кук. Что, мой друг, они ушибли вас?

ЛЕТЕРХЕД. О, нет, это между нами, сэр. Мы же ведь представляем.

Почтенные, судите по знакам паружным,
Как у Дамона с Ппфием нежна была дружба.
Бранятся, дерутся без устали и срока,
Да, дерутся по-братски — око за око. '
А чужой берегись, не мешайся им в драку —
Тебя изобьют друзья, как собаку.

КУК. Да, мы это видели, а вы это почувствовали, все это вы нам показали. Но что же дальше, что дальше?

ЛЕТЕРХЕД.

Тем временем Леандр и Геро красотка
Пьют вместе пиво, херес и водку.
У Геро от хмеля рассудок помрачен,
Наряженный слугою Ионой — Купидон,
Под фартуком своим храня зелье разврата,
Пролил его в вино, — а вот и расплата.

ГЕРО.

Леандр, милый гусь, Леандр, милый мой,
Позволь быть гусыней, а тебе женой.

КУК. Исключительно прекрасно сказано. Она станет навсегда его гусыней, а он будет ее гусем. Разве не так?

ЛЕТЕРХЕД. Да, сэр, но слушайте теперь его ответ.

ЛЕАНДР.

Гусыня из гусынь, Темзу готов переплыть,
Как только день мпнет, тебя стану крыть.

КУК. Вот отлично, он готов плыть через Темзу и крыть сегодня же свою гусыню, он так говорит.

ЛЕТЕРХЕД. Тише, сэр, они рассердятся, если услышат, как вы вмешиваетесь в их разговор — они сейчас намерены скрепить свой союз.

ЛЕАНДР.

И когда Темзу ночь покроет темнотою,
Жги огарок в окошке — мне светить домой.

ГЕРО.

Не бойся, гусь милый, и плыви — смелей.
Не жаль целой свечки для милости твоей.

ЛЕАНДР. Подари мне взгляд и целуй до пят...

ЛЕТЕРХЕД.

Тут приходят друзья Пифий с Дамоном,
Несут колбасу с собой под капюшоном.

ПИФИЙ. Эй, слуга, дай вина сюда поскорей.

ЛЕТЕРХЕД. Все здесь занято, сэр, идите правей.

ДАМОН. Это — Геро.

ЛЕТЕРХЕД.

Прочь, не до вас ей, саврасы.

С селедки и хереса гадки все колбасы.

ПИФИЙ. Ложь, колбаса Вестфабская.

ЛЕТЕРХЕД. Вестфальская — надо.

ДАМОН. Цыц, а то прохвостом обзову в награду.

Леандр и Геро целуются.

Что слышу? что здесь? Здесь слышу лобзанья.

ЛЕТЕРХЕД.

Чтож дурного в том, сэр?

Здесь просто — свиданье.

То — мистрис Геро.

ДАМОН. Мистрис Геро стерва.

ЛЕТЕРХЕД. Стерва мистрис Геро? Попрошу за дверь вас.

ДАМОН. Как, меня за дверь?

ГЕРО. Да, выбросят вон!

ДАМОН. Стерву вон!

ГЕРО. Хама вон!

ДАМОН. Стерву вон!

ПИФНЙ. Я тоже это говорю!

ГЕРО. А пу-ка, выкуси!

ЛЕТЕРХЕД.

Вам без занятия видно не остаться,
Лучше выкуси, чем без цели шататься.

Дамон и Пифней бросаются на Геро и бьют ее.

ГЕРО. О, мои бедра, мои бедра, держи!

ЛЕТЕРХЕД.

Леандр, что торчишь ты, точно пень глухой.
Им рожки раскрой, горшок схватив нустой!
Иона — Купидон готов тебе помочь.

ИОНА. Леандр, посмелей. Дурак, гони их прочь.

Л Е А Н Д Р. Козлобородый хам! (Бросается в атаку.)

ДАМОН. Такой же и сам!

Л Е А Н Д Р. Потаскун ты!

ИОНА. Все вы потаскунов свора.

ЛЕТЕРХЕД. Купидон орет громче всего их раздора.

НОКЕМ. Вот это я понимаю!

КУК. Клянусь этим днем, они здорово дерутся, не правда ли, Нумпс?

ВЭСИ. Да, вы бы желали быть у них секундантом.

ЛЕТЕРХЕД.

Трагический конфликт сей нас не склонит
 ниц.

На драку встал призрак их друг Дионис.
 Не царем является, с виду педагог,
 На меху халатик, а колпак на бок,
 Наверно для удобства ему и теплоты.
 О, Дамон! он воскликнул, о, Пифий, где ты?
 Что Дионис сделал в своем гробе вам,
 Что вы здесь подняли столь похабный гам,
 Леандра обижать напрасно я не дам.

Д а м о н. Не могу, не хочу, повторяю я, извольте
 терпеть.

Б и з и (вбегает.) Долой Дагона! Долой! Это я, я
 дольше не стану терпеть вашего кощунства.

ЛЕТЕРХЕД. Что вы хотите этим сказать
 сэр?

Б и з и. Хочу сокрушить Дагона, разумею идола,
 сего языческого идола, который торчит здесь, как
 бревно в глазу. Как подлинный столб, не столб
 солнца или луны, или столб весов, или дома, и
 не столбик ткацкого станка, а древесный столб —
 бревно в глазу братьев твоих и огромное бревно и
 чрезвычайно огромное бревно. Подобно актерам,
 поэтам, плясунам, идущим рука-об-руку в оскор-
 блениях братьям и делу их, и оно порождено
 орудиями неменьшего бесчестия.

ЛЕТЕРХЕД. Сэр, я ничего не представляю та-
 кого, что не было бы разрешено властями.

Б и з и. Подпись заведующего висельниками —
 подпись сатаны имеешь. Заткни глотку — ты раз-
 вратитель! Заткнись! Ремесло твое проклято, и ты
 защищася, Ваала, защищая его. Я давно уже

открыл рот, я открыл его разинув. Я разинул его, как устрица во время прилива, в посрамление твое, но ни тяжба, ни пря не вместят оногo — распри ишу в ближайшем и битвы — потом.

Но кем. Отменно! Бембюрльские пары.

Кук. Друг, плохо ваше дело, если вы действительно станете ссориться здесь. Хотя сам он и не кулачный боец, но у него есть друзья, которые охотно за него поколотят. Нумпс, не станешь ли и ты на нашу сторону?

Эдгвард. Сэр, этого не понадобится: я понимаю, что он предпочитает решить дело диспутом. Тебе самому разве нечего сказать в защиту своего достоинства.

Летерхед. Честное слово, сэр, я не слишком разбираюсь в словопрениях между нами и лицемерами. Но вот здесь одна из моих марионеток, куколка Дионис — примет на себя возражение, а я рискну поручить это дело.

Кук. Как, моя деревянная лошадка станет с ним спорить?

Летерхед. Да, сэр, и сделает из него деревянного осла — я надеюсь.

Кук. Это превосходно. По виду он самый умный. Подите сюда, сэр. Вы должны оправдать эти слова.

Бизи. Не боюсь обнаружить свой разум и дарования. Помогите мне рвение мое. Преисполни меня. Преисполни меня, то есть сделай меня преисполненным.

Винвайф. Вот отъявленно поганая тварь! Видано ли большее невежество и наглость? Призывать ревность свою на помощь ему против куклы!

Кварелус. Для спора с лицемером лучшего противника не найти, как марионетку.

Бизи. Во-первых, скажу тебе: идол, имени тебе нет!

Дионис. Лжете, меня зовут Дионисом.

Летерхед. Он сказал: вы лжете, его зовут Дионисом, в его деле и на это имя он откликается.

Бизи. Тебе говорю не о кличке, идол, о настоящем законном имени.

Дионис. А имя ваше законное?

Летерхед. Марионетка спрашивает, законно ли ваше имя?

Бизи. Да, мое имя от духа.

Дионис. Итак, «Идол» законное имя.

Летерхед. Он говорит, что идол законное имя, потому что вы его дали ему, это ваше имя, а ваше имя от духа.

Кук. Славно сказано, деревянная моя лошадка.

Бизи. Не становись на сторону скверны, молодой франт! Он только ржет и лягается, но все это — лягание софизмов. Я прозываю его еще раз илом и вот говорю, что прозвание и призвание его — поганы, оно погано, идол!

Дионис. Не погано!

Летерхед. Не погано, говорит.

Бизи. Погано!

Дионис. Не погано!

Бизи. Погано!

Дионис. Не погано!

Летерхед. Ловко, так и вали его этим «не». Вам его не задушить вашим басом, сэр.

Бизи. И ему меня, своим визгливым скрипом. Он скрипит, как не смазанное колесо сатанинской телеги. Ревную по вере!

Летерхед. Как собака по кости.

Бизи. И говорю, — погано, будучи пажом гордыши и горничной суеты.

Дионис. А что вы скажете насчет своих прислужниц?

Летерхед. Так его.

Дионис. И ваших братьев в петушинных перьях, не они ли со своими париками, буфами, онахалами, со своей надменностью — поклонники гордыни и прислужники суеты? Что скажете вы на это, что скажете, что скажете?

Бизи. На это не отвечаю.

Дионис. Потому что не можете, потому что не можете! Бисерный мастер, достойное ли призвание, или кондитер подобный здешнему, или французский портной? Все у вас грехом кормятся. Разве не так? Разве не так?

Бизи. Нет, Дагон!

Дионис. Что же, Дагончик! Кукла грешнее их?

Бизи. Да, и главный мой довод против вас то, что мужчины среди вас надевают на себя наряд женщины, а женщины одежды мужчин.

Дионис. Вы лжете, лжете, лжете ужасно!

Кук. Господа, да он трижды вызвал его на дуэль.

Дионис. Это твой старый зачерствелый довод против нас актеров, но он не устоит против марионетки, потому что нет среди нас ни мужчин, ни женщин. И можешь в том, если угодно, удостовериться, — лживая, близорукая ревность. (Снимает с себя костюм.)

Эдгвард. Клянусь честью, друг, он ответил тебе неопровержимо наглядно.

Дионис. Стойте: я докажу ему, что я такой!

же учитель, как и он, и мое призвание столь же почтенно, как и его,—я ведь тоже говорю по вдохновению, совсем как он и больше его имею дело с наукой, и не меньше его — пренебрегаю ее помощью.

Бизи. Я посрамлен — дело проиграно.

Дионис. Ну так обратись, обратись!

Летерхед. Обратитесь, пожалуйста, и дайте представлению продолжаться.

Бизи. Пусть продолжается, я обратился и буду зрителем с вами.

Кук. Вот это хорошо, честное слово. Ты вывез дело, деревянный мой конь, ну вперед, играйте дальше.

Оверду (снимает маску). Стой, теперь запрещаю я! Я—Адам Оверду. Оставайтесь на местах, я велю.

Кук. Как, мой свояк?

Грэс. Мой премудрый опекун?

Эдгвард. Судья Оверду?

Оверду. Пришло время схватить безобразия за рога и заклеить его, потому что корни его открыты мною.

Входит Кварелус, одетый Трубельюлем, вместе с Пюрекрафт.

Кварелус. Нет, идите сюда, госпожа, невеста моя. Вы теперь обязаны делать все, что я делаю. Вы должны безумствовать со мною по правде. За это судья Оверду стоит.

Оверду. Тише, добрый мой Трубельюль, поди сюда и успокойся, я беру тебя под свое покровительство и вашего друга тоже. Вы, молодой человек, будете на моем попечении. (К Эдгварду.) Станьте сюда.

Эдгвард. Ну, значит пропал.

Нокем. Хоть бы нам быть подальше, Вит! Здесь зловредные испарения. Улетим-ка с нашими шташками, из опасения клеток.

Оверду (к ним). Они пробуют бежать! Стой! Разве имя мое, не ужас для вас?

Вит. Да, уважаемый г-н судья, потому мы и хотим уйти.

Вбегает Лительвит.

Лительвит. О, джентельмены, не видели ли вы моей жены! Я потерял свою маленькую жену, верите или нет? Мою маленькую и хорошенькую Вин. Я оставил ее в полной безопасности, в дому толстой женщины, там вместе со свинарницей, капитаном Джорданом и капитаном Витом — отличным человеком, и слух о ней пропал. Бедная моя дурочка, я боюсь, что она где-нибудь заблудилась. Матушка, не видали ли вы Вин?

Оверду. Если эта важная матрона ваша мать, сэр, станьте рядом с ней *et digito compresce labellum*. Я может быть и найду вам жену. Брат мой Варфоломей, я крайне, опечален видеть вас столь легко одетым и такое обилие чудовищных безобразий по отношению к вашему мудрому управляющему Хемфри. Стойте вы оба здесь, посередине, я еще вернусь к вашему делу. Госпожа Грэс, позвольте мне взять вас из рук этого незнакомца.

Винвайф. Извините, сэр, я искатель ее руки.

Оверду. Правда ли это? Имя ваше, сэр?.

Винвайф. Винвайф, сэр.

Оверду. Мистер Винвайф, победитель женщин. Я надеюсь, вы не завоевали ее уже себе в жены? если да, то я выясню возможность этого

на досуге. Обратимся теперь к безобразиям. Взгляни на меня, о, Лондон, и узри меня, о, Смиффилд. Пример правосудия, зеркало судейства, истинную главу формалистики и бич безобразий. Слушайте о деяниях моих и наблюдайте за моими открытиями. Сравните Геркулеса со мной, если посмеете, или Колумба, Магеллана или нашего земляка Драке, ближайшего к нам по времени. Выходите вперед вы, древа безобразия, и куститесь во всей красе. Во-первых, Рабби Бизи сверхбезумный лицемер (Летерхеда), за ним другая крайность, ты нечестивый профессор марионетчины, немногим лучшей поэтики. (К Виту.) И ты, отъявленный развратник и развратитель юношества, чему доказательство этот богатый честный юноша. (Указывает на Эдварда к Нокему.) А теперь ты объездчик дам, мадам и двух грошевых лэди! А теперь зеленая шапочка именно этой стоимости, дайте снять маску с вашей личности (открывает лицо Вин).

Лительвит. О моя жена, моя жена, моя жена!

Оверду. Она ваша жена, *redde te Нардосратем*.

Входит Трубельоль с противнем в руках, за ним Соловей и Урсула.

Трубельоль. С вашего позволения пожалуйте, господа — шапки долой.

Урсула. Да держите его, держи его, помоги мне кричать, Соловей, противень, противень!

Оверду. В чем дело?

Соловей. Он украл противень тетюшки Урсулы.

Трубельоль. Да, и я не боюсь никого, кроме судьбы Оверду.

О В Е Р Д У. Урсула, где она? О, семя всяческого безобразия. Добро пожаловать, стань здесь, и повец то же, сюда.

У Р С У Л А. С позволения вашей высокочтпмости, я не виновата. Какой-то джентельмен привел его в мою лавку, надел у него его платье и шляпу, а этот удрал с моим пмуществом свое разыскивать.

О В Е Р Д У (Кварелусу). Значит, это и есть настоящий сумасшедший, а вы безобразие.

К В А Р Е Л У С. Вы правы, я сумасшедший только по платью.

О В Е Р Д У. Станьте там.

К В А Р Е Л У С. Где вам угодно, сэр.

М-с О В Е Р Д У (просыпаясь). О, дайте мне таз, тошнит, тошнит! Где мастер Оверду? Бригита, позвать мне моего Адама!

О В Е Р Д У. Что? (Застывает пристыженный.)

В и т. Твоя законная супруга, честное слово, многоуважаемый Адам.

М-с О В Е Р Д У. Так мой Адам ко мне и не придет! Так я его никогда и не увижу!

К В А Р Е Л У С. Сэр, почему вы не продолжаете суда над безобразиями? Вы огорчены этим? Давайте я помогу вам. Скажу вам на ушко: невинный молодой человек, о котором вы так прозаботились весь сегодняшний день, — карманщик, который забрал все вещи вашего брата Кука, помог избить вас и посадить в колодки. Если теперь вам вздумается его повесить и показать ему ваш судейский разум, — можете. Я же думаю, лучше было бы вернуть вещи и сохранить в нем его уважение к вам. Благодарю вас, сэр, за передачу мне опеки над мистрис Грэс, — можете

убедиться, на том ваша подпись и печать. Мистер Випвайф радуйтесь, вы Палемон и следовательно обладатель благородной дамы, но она должна заплатить мне выкуп и вот вам на это приказ... А ты, честный сумасшедший, вот тебе обратно твое платье и шляпу. Спасибо тебе за жену. Не печальтесь, дорогая, я могу быть сумасшедшим, если мне этого захочется. И заботливый Нумпс, где же он? Припошу ему благодарность за брачное свидетельство.

Вэсп. Как так?

Кварелус. Это правда, Нумпс.

Вэсп. Пусть меня повесят!

Кварелус. Загляните в свою коробочку, Нумпс! Что же, сэр? (К Оверду.) Не стойте вкопанным как шест для стрельбы в цель в Финсбери или столб для порки на ярмарке, и тащите вашу жену на воздух, а то ей еще хуже будет, и не забывайте, что вы только Адам из плоти и крови и у вас имеется слабость. Оставьте свое другое имя судьи Оверду и зовите нас к себе ужинать. Там мы с вами сравним наши открытия и потопим воспоминания о всех безобразиях в самом большом чане для грога, какой найдется в доме.

Кук. Как же это ты потерял, Нумпс? Ручаюсь, что это произошло, когда ты сидел в колодках. Что молчишь?

Вэсп. Никогда больше ничего не буду говорить и, насколько мне известно, всю мою жизнь.

Оверду. Нет, Хемфрц, я терпел и ты потерпел. Этот любезный самоуверенный молодой человек превзошел и победил меня в моем осуждении. Прошу вас, позаботьтесь о вашем боль-

ном друге — мистрисс Оверду и обо всех наших гостях.

Кварелус. А не безобразиях.

Оверду. Я приглашаю вас итти ко мне ужинать: не боясь такого исхода, потому что мои действия были: *ad correctionem, non ad destructionem; ad oedificandum, non ad diruendum.* Итак, идем.

Ку к. И позовите тоже актеров, мы досмотрим представленье дома.

ПРИМЕЧАНИЯ

С Е Я Н

«Цитаты». Собственно говоря, это не столько цитаты, сколько, в подавляющем большинстве своем — ссылки. Ввиду того, что лица, умеющие читать по-латыни у нас обычно бывают способны читать и по-английски, а настоящее издание рассчитано на лиц, иностранными языками не владеющих, можно обойтись без приведения этой части текста автора, тем более, что он сам признается в принуждении делать ссылки, принципиально ему неприятные.

«Добровольный труд моих друзей» — это восемь стихотворений, посвященных защите трагедии, проваленной на первом представлении. В пору писания настоящего обращения она уже шла с большим успехом.

ДЕЙСТВИЕ I

Сцена 1. *«К прославленному имени отца их»*. Германик, получивший свое прозвание за военные победы в Германии, был усыновленным Тиверием племянником Августа. Его кандидатуру в императоры поддерживали римская знать и верхи командного состава, образованные из той же знати. Во время начального правления Тиверия значительная часть легионов, бывших под командой Германика, отказалась признавать императором (т.е. главнокомандующим) Тиверия. Германик не проявил особого стремления к подавлению мятежа, но открыто его не возглавил. Участь этого движения решила позиция отдельного оперативного корпуса Кая Силия, не примкнувшего к мятежу, вскоре по прекращении которого Германик умер, как предполагают, отравленный Тиверием.

«Тиверий и хитрая супруга» — жена Тиверия, к моменту событий, являющихся предметом этой трагедии, уже умершая.

«Их трое». Сыновья Германика были: Нерон (не смешивать с известным Клавдием Нероном — императором), Друз Младший и Кай Калигула или Сапожок, прозванный так солдатами Германика, потому что был рожден в военном лагере и с малолетства носил солдатскую обувь «калига». Калигула был императором после Тиверия.

Сцены и (продолжение предыдущей). Собственно говоря, все деление на сцены — дело рук современных издателей. Джонсон не делил текста «Сейна» на сцены и не отмечал приходов-уходов действующих лиц.

«Великая Августа» — мать Тиверия.

«Связки, знаки, топоры». Принадлежности императорской власти. Знаки — военные значки, полагавшиеся по должности главнокомандующего. Связки прутьев, окружавшие древко топора, — знаки судейского достоинства. При судоговорении, связки развязывались — прутья применялись в качестве розог, а топорами рубили головы. Несшие связки являлись и исполнителями приговора. Именовались они — ликторами.

«Кто объявил себя слугой Сената». Юридическая фикция, сохраненная Юлием Цезарем, первым императором Рима, по-прежнему это государство — республикой, управляемой знатными старейшинами Сенатом, назначавшим всех чиновников государства, в том числе и императора. В действительности дело обстоит как раз наоборот. Такие императоры, как Тиверий, опирались не столько на Сенат, как на лично назначенных ими чиновников, обычно людей худородных, и вели борьбу со знатью. В ряду таких императоров Тиверий был первый, а потому и наиболее ненавидимый историками, происходившими из знатной среды (других не было). Его поведение и образ жизни (удаление от столицы, истребление аристократии, выдвижение служилых) повторяет тактику таких правителей, как Людовик XI, французский, или наш Иван Грозный. До XIX века эти правители вообще рассматривались под углом зрения современных мемуаристов и считались чудовищами, потом эта точка зрения была оставлена. Джонсон естественно принимал на веру показания римских авторов, кроме того, его собственные счеты с государственной властью настраивали его тираноборчески

и характер Тиверия дается в рамках разработанной фигуры сосредоточенного в себе, лицемерного и бессовестного тирана.

«*Мы будем бить, травить дворцовых крыс*». Типичная для писателя эпохи абсолютизма атака на придворную клику, на камарилью. Характеризуя Тиверия, Джонсон не ограничивается этой подробностью; тиранство Тиверия порождено общим разложением сенатских нравов. Джонсон, однако, не находит оснований, объясняющих причины этого разложения: потери Италией экономического первенства в империи, отошедшего к крупным экономическим центрам эллинистического востока.

«*Статую поставлю — да только на кресте*». Иначе говоря — «распну». Казнь эта применялась исключительно по отношению к рабам (она могла и не быть смертной — раба выставляли на позор, пробив гвоздями «руки, из которых он не умел делать порядочного употребления»). Она считалась поэтому особенно позорной.

«*Высоки слишком*». Следующий монолог Сеяна дает краткое изложение всей трагедии. Только тактика, которую Сеян с таким увлечением излагает Тиверию и которую он будет уполномочен проводить по отношению Агриппины с семьей, будет одновременно применена Тиверием против самого Сеяна.

«*Гемой фанатоос Гэя михфитоон пири*». После меня пусть земля с огнем смешивается — одна из любимых поговорок Тиверия. Смысл ее — «на наш век хватит».

«*Чтоб для себя, для Цезаря, для об —*». Редкий у Джонсона единственный, стихотворный ход: перелом стиха на слоге. Смысл его тот, что даже сам Сеян запнулся на наглости отождествления своих затей с интересами «общественного спокойствия».

«*Как привилегированно острят*», острят с полным, сознанием своей безнаказанности, как бы получив особую дарованную властями привилегию на вольность речей.

ДЕЙСТВИЕ III

«*Преконы*». Глашатаи данных деремоний. В Сенате они исполняли обязанность читать объявления и послания. При жертвоприношениях имелись свои преконы — им полагалось произносить молитвы и возгласы по обряду.

«*Что так низко?*». Сиденья в храме образовывались рядом ступеней мраморного амфитеатра. В знак скорби сенаторы усаживались на самых нижних.

«*Смех, смех, отцы!*». В одном из своих последних разговоров с Тиверием Август предупреждал его против Аррунция и Азиния Галла, как отъявленных республиканцев. Джонсон вполне согласно с данными историей поручает им роль скептического комментатора излияний Тиверия. В другой раз, когда Тиверий объявил Сенату о своем намерении передать Сенату часть своих полномочий, Аррунций в упор спросил императора, какую именно часть он намерен оставить себе, чем немедленно прекратил всякие дальнейшие разговоры на эту тему. Ответа от Тиверия он, конечно, не получил.

«*Против которого он зачарован*». Тиверий не расставался с лавровым венком, а лавр в представлении римлян имел свойство отвращать молнию.

«*Я послушанье должен счастьем счесть*». Семпер переплекса это обскура орат (всегда говорил путано и темно). См. Тацит, *Анналы*, кн. I, стр. 5 (примечание Джонсона).

«*Звать Кая Силлия*». Следующая за этим сцена «беззаконного судилища» одна из первых (и лучших) в драме эпохи Стюартов, где трагедия редко обходилась без такой, отражая борьбу буржуазии с коронным судом.

«*Что Сакровир является врагом*». Сакровир — вождь одного из германских племен, — сикамбров. По мнению обвинителя, Силий виновен в том, что не предупредил государство об опасности со стороны этого вождя, чем лишил возможности своевременно двинуть войска для его обезврежения. В случае такого распоряжения Силий мог бы потерять главное начальствование войсками в данной колонии, кроме того и славу победы, триумф и прочее, о чем говорит обвинение.

«*Владыкам подозрительным обидой смертельной кажутся*». В первом издании это место читается: «Владыками вменяется в обиду». Эпитет «подозрительными» смягчает смысл сентенции, отводя скверное свойство мстить за большие услуги от «владык» вообще, на владык «подозрительных». Очевидно, Джонсону было поставлено на вид недостаточно радикальное изменение первого текста, навлекшего на него после премьеры неприятности, описанные в биографии.

«*Силий учит умирать*». Характерное отступление Джонсона от Тацита (Силий совершил свое самоубийство вне стен Сената) и от Горация, который считает недопустимым убийство на сцене. Джонсон действует в согласии с обычаями своего театра, являющегося в его глазах авторитетом не меньшим, чем правила классиков.

«*Речь издал подобно подсудимому*». Дело идет о двух потерянных памятниках римской литературы: Цицероновой биографии Катона Утического (противника диктатуры Цезаря, потерпевшего поражение и кончившего самоубийством) и ответа на нее самого Цезаря — «*Анти-Катон*».

«*Моя надежда... — Гм! — Я слышал, что Август...*» Отсюда начинается перелом в развитии действия трагедии. Характерно, что Джонсон отмечает это не монологом, не диалогом, не мимическим действием, а междометием, не имеющим даже слогового характера. В сопоставлении с многословностью Сеяна, окружающей этот краткий возглас, он оттеняет подлинное могущество и силу Тиверия. С этого момента создается любимое Джонсоном драматическое положение: «вор у вора дубинку украл». Помещая этот момент в третье действие, Джонсон следует своему принципу построения пятчастной композиции, в силу которого «эпитазис» — развитие или разработка действия должно начинаться именно в третьем действии и идти с нарастающим кинетизмом до конца пятого.

«*Тупой, ленивый Цезарь!*» Момент, который греки называли «ибрис» или «надменше», был показан Джонсоном во втором акте. Этот монолог отмечает последующее за ним развитие трагедии — «атэ», то есть «помрачение». Сеян считает, что обманул Тиверия.

«*Что, Макро к нам взведен?*» Правила транскрипции римских имен, оканчивающихся на «о», в русском языке требуют первоначального перевода их в греческую транскрипцию и последующей замены греческих литер нашими. В согласии с этим надо писать «Макрон», как мы пишем «Нерон», «Варрон», «Цицерон» и т. д. Переводчик позволил себе отступить от этого правила дважды, сохранив латинское чтение для Макрона и для Триона. К этой поэтической вольности его побуждало желание

сохранить число и движения стихов подлинника, лаконизм которых крайне чувствителен к каждому лишнему слогу, появляющемуся при необходимости прибавлять падежные окончания в словах, оканчивающихся на согласную.

ДЕЙСТВИЕ IV

«*Вы знаете, где Ливия?*» Ливия перебралась к тому времени на жительство в дом Сеяна.

«*Сенат решил изгнать его на Понт*», т. е. на берега Черного моря. Нерон, впрочем, не доехал до места назначения и кончил жизнь самоубийством.

«*Друз арестован во дворце*». В нем он содержался довольно долго — зачем? — будет видно из последующего.

«*На Пандатарю заточена*». Пандатария — пустынный остров. Агриппина умерла в изгнании.

«*В желудки загнанные*». Ко времени действия трагедии большинство жителей Рима составляли лица без определенных занятий, в силу своего римского гражданства, состоявшие на содержании государства. Эта, в полном смысле этого слова, «чернь» решительно ничего не делала и интересовалась только двумя вещами: очередной раздачей казенного пайка (хлеба и растительного масла) и увеселениями (цирками), которые для нее устраивались властью имущими. Последние не прочь были использовать голоса этих паразитов на выборах, почему и старались забавлять их. Поднять эту толпу на восстание было труднее — кормили-то ее те, кто правил. Они свергались только тогда, когда забывали это делать своевременно, или оказывались не в состоянии исполнять эту свою основную обязанность.

«*Ведь фильм наш — Тиверий*». Тиверий обладал свойством хорошо видеть в темноте.

ДЕЙСТВИЕ V

По греческой схеме развития трагедии, за «помрачением» (ατῆ), должна следовать кара («кера»), вытекающая из последствий поступков, совершенных в состоянии помрачения. Так как Сеян во все четвертое действие (равно как и Тиверий) не появлялся, автор показывает его в том состоянии опьянения собственной силой, в каком оставил его.

«*В Гемоний сорвались*» — не раз упоминавшийся Гемоний — подножие Тарпейской скалы, с которой свергали государственных преступников. За Гемонием протекал Тибр, уносивший тела казненных.

«*Когорт преторианских*». Когорта — соединение нескольких центурий или сотен, тактическая единица римской армии, равнозначащая в этом смысле, нашему батальону. Центуриями командовали центурионы, а когортами — трибуны. Преторианды — личные телохранители императора. Тиверий, уезжая из Рима, оставил этот кошов в распоряжении Сеяна, чем окончательно усыпил его бдительность. В обычное время в Риме других войск не имелось.

«*Форкиса фамилия*» — дочери Форкиса, Форкиады. Божества мрака и смерти. Ввиду зловещего характера этих чудовищ имена их непосредственно не годилось произносить.

Фламины — старшие жрецы, распорядители процедуры. *Тубицины* — трубачи. *Тибцины* — играющие на струнных инструментах.

«*Измял лозу*». Ульм (мужчина), обвитый лозой (женщина), как образ счастливой любви, широко использован римской поэзией, а по наследству от нее и всей поэзией Возрождения. Здесь под лозой разумеется Ливия, жена Друза.

«*За званием и властью трибуната*». Имеется в виду звание пародного трибуна. Должность установлена в древности плебеями в борьбе с аристократией. Она была выборная. С тех пор она потеряла свое первоначальное значение и давалась Сенатом как знак высшего пожизненного достоинства римского гражданина. Так как звание консула было временным, то следующей ступенью пожизненного величия являлось звание «императора», фактически несменяемого, как и трибуна.

Гарпократ — бог молчания.

Календы — первое число месяца.

«*Тиверий цезарь — Сенату*» — письмо это написано Джонсоном на основании нескольких слов Ювенала (многословное и длинное письмо) и описания Диона Кассия. «Письмо было длинно и не содержало ничего решительного про Сеяна, но сначала говорило о другом, потом слегка не одобряло его, потом говорило оно

совсем другое, потом опять против него. А в заключение приказывало казнить двух сенаторов из его партии, а самого его арестовать». Отсчитываясь от отрывков других писем Тиверия, Джонсон воссоздал послание по этой скромной канве. Сцена написана явно на конкурс с Антониевым монологом в «Смерти Цезаря». Характерно, что объектом воздействия Джонсон избирает знать, а не «чернь».

«*Пиголица! Пиголица!*» — эта птица, по мнению римских писателей, кричала, желая отвести охотников от своего гнезда (кричала на ходу).

«*Черепаха!*» Санквиний изображается толстым и неповоротливым. Моряки современные Джонсону считали, что кувыркание черепах предвещает бурю.

«*Флегра, равнина где сыны Земли*». — Гиганты, восставшие на Зевса. Среди них самым огромным был Тифей.

«*Учись не надсмеваться над богами*» из Еврипидова «Перифоя». Атеистические аргументы Селна слишком сильны и остались без опровержения. Автору пришлось замазывать эту неосторожность.

А Л Х И М И К

К ч и т а т е л ю. Обращение это имеется только в первом издании. Автор в первом фолио его не воспроизвел, однако, в виду характерности его боевого тона, оно, обычно перепечатывается современными издателями.

Действующие лица. Джонсон приводит список актеров, игравших комедию.

Бербедж (вероятно Фэйс), Ловин по отзывам современника получал много аплодисментов в роли Маммона.

Кук (был на ампула женщины, вероятнее всего играл Долль), Армин (знаменитый комик, должен был играть Дреггера), Хемминг, Кондель (будущие издатели собрания драм Шекспира, кого они играли, сказать невозможно, равно как и о следующих за ними по списку), Остлер, Ундервуд, Тули и Игльстон.

ДЕЙСТВИЕ I

«*По части распродажи пива бедных*». В богатых домах дворецкий ежедневно получал известное количество

хлеба и пива для раздачи от имени хозяина беднейшим жителям квартала. Фэйс это пиво относил в пивную, где и продавал.

«*И он затмит Гамалиэля Рэтси*». Так звали знаменитого разбойника, орудовавшего на больших дорогах в маске, которую старался сделать возможно страховидней, т. е. безобразней.

«*Своей республики*». Республика, — общественное достояние, или «публичная вещь». Доэль повторяет давнюю остроту Сафо о Родоппе, египетской куртизанке, возлюбленной своего брата.

«*Меня на одноколке*». Проституток с позором вывозили из города на тележке. Мошенникам резали уши и выставляли к позорному столбу, где запирали их шеи в закрепленной на нем деревянной колодке.

«*Часы свои я одолжил*». Иметь часы считалось признаком хорошего тона. Дешпер, не имея часов, оправдывается в их отсутствии.

«*Что я — чиаус?*» Чиаус слово турецкое и означает «посланец», «эmissар». Турция не имела тогда постоянного посланника в Англии и, в случае надобности дипломатических сношений по отдельным вопросам, посылала в Лондон «чиаусов». Один такой молодец в 1609 году выехал в Англию по делам Турции и Персии, да не доехал: по дороге он обобрал турецких и персидских купцов на 400 фунтов, после чего счел свою миссию законченной и скрылся. Отсюда применение термина «чиаус» в смысле мошенника стало обычным в Лондоне.

«*Энджель*», что значит — ангел, монета с изображением такового. Игра слов, на этом основанная, была неиссякаемым источником острот людей того времени.

«*Кларибелей и Клим-Клеф*». Кларибель — имя героинь баллад и романов. Клим-Клеф — знаменитый лучник, побежденный в состязании Робин Гудом. Наш в одной из своих сатир избрал это имя для изображения вечно ревущего пьяницы.

«*Флеш*» — пики. В английских карточных играх пики считались самой дешевой мастью, поэтому желавшие играть на нее должны были назначать большую игру, т. е. рисковать.

«*Покойного Голланда*». Джон Исаак Голланд и Исаак — крупнейшие алхимики того времени. Сочинения пер-

вого были в 1617 году под титулом: «Труды Джона Исаака Голланда о минералах и растениях, а также о философском камне, коего каждый отныне может готовить». От Исаака осталось ряд сочинений в том же роде. Надо иметь в виду, что во времена Джонсона алхимия считалась официальной наукой (химия в нашем смысле не знали) и алхимики зачастую принимались на государственную службу, с поручением изготовлять золото для монетного двора. Условия работы были довольно стеснительны, об этом позже скажет Сатль.

«Примерный и притом не ювелир». Ювелиры во времена Якова облагались высокими налогами, почему обычно маскировали свою настоящую торговлю какой-нибудь другой. А так как торговля золотыми вещами и драгоценностями совмещалась обычно с приемом на комиссию или с широким кредитом, то она почти всегда переходила в ростовщичество, опять-таки маскированное, что делало таких лиц опасными знаковыми, так как обнаружение их истинного лица агентами фиска вело к обыскам у их ближайших знакомых.

«Союза бакалейщиков... до багреца». Плащ союза — знак достоинства цехового или гильдейского старшины (ольдермена), «багрец» — красное платье шерифа — выборного судьи городского округа. Должности эти были почетные и требовали расходов, а жалованья по ним не было — малоимущие поэтому предпочитали откупаться от них.

«Портегью» — португальская монета. Золото обесценилось значительно ко времени написания Алхимика. Это с одной стороны порождало жадность иметь его как можно больше, с другой же иметь редкие монеты — старые или чужестранные, так как они казались ценнее. Явление обычное — вспомним, что «царские», «романовские» деньги, будучи такими же бумажками, как «скеренки», собирались и прятались, как некая реальная ценность, неспособная упасть в результате бумажной инфляции.

ДЕЙСТВИЕ

«Ик ново орбе» — в новом мире.

«Мадам Августа». Не надо думать об этой почтенной женщине хуже того, чем ей приписано автором. Пови-

димому это только хозяйка столовой, не без игорной комнаты позади обеденного зала.

«*Сынов Меча и Случая*». Меч — солдатский символ, Случай — неизбежный спутник военных операций. Как же солдату не быть игроком. Вот что хочет сказать сэр Соломон сопоставлением этих двух существительных.

«*Пролитая на тысячу частей*», собственно проектированная или излученная; термин выражает действие философского камня или эликсира, о котором трудно сказать, проливается он или излучается, так как его вообще никогда не существовало. Металлы назывались именами планет, что отчасти сохранилось и в современной химической номенклатуре, где свинец называется Сатурном, а ртуть — Меркурием. Не удержались названия: Солнце — золото, Луна — серебро, Венера — медь, Марс — железо.

«*Природы прирождающей*» — Натура натуранс, схоластический термин, означающий бога, в противопоставлении миру — природе порожденной, натура натурата.

«*Без поэтов*», т. е. сами актеры станут поэтами от радости, что театры не будут закрываться по случаю чумы и они не окажутся на подножном корму, как это с ними бывало в таких случаях. Надо прибавить, что городской совет старшин охотно прибегал к ссылке на чуму для закрытия театров, даже если чума существовала в единичных заболеваниях. Тем важнее было истребить и самую память о ней.

«*Точь-в-точь как наш строитель водопровода*». Имеется в виду водопровод 1695 года, построенный Бивисом Бельмером. Он обслуживал центр и западную часть города. Вода бралась из Темзы — целительностью она, как можно себе представить, не отличалась.

«*Я покажу вам книгу Моисея*». Книги, перечисляемые ниже, действительно имелись в продаже и особой редкости не представляли. Джонсон с обычной добросовестностью изучил, что мог, из области алхимической литературы, в чем ему, вероятно, помогал Фрэнсис Бэкон. Дальнейшее изложение посвящено высмеиванию средневекового отношения к науке, основанного на мистическом авторитете.

«*Умел писать и по-верхненемецки*». Теория мистического филолога того времени Иоганна Геропия Бикана.

Филолог новой школы, Джонсон, не мог упустить случая высмеять националистическую подкладку теории о «праязыке». Заблуждение живуче — через лет триста после Бена создалась теория «индогерманского» праязыка, только в данное время добываемая академиком Марром.

«Изыдный клоч Язона Руна». Дальнейший эпизод изображает научнообразную надстройку на мистическом фундаменте, который компрометирует ее мнимую логичность.

«Свой кармазин». С этого места начинается длительное жонглирование техническими терминами и перечисление окрасок, которые сменяет препарат. В ходе действия это должно возбудить ожидание Маммона, который, как видно из предыдущего, отлично изучил алхимию. Почему же он сам не добывает камня? Ответ на это будет дан своевременно им самим.

«Подтверди, Зефир». Зефир — один из четырех ветров (западный). Фэйс занимается раздуванием мехов у Саттля, поэту и прозвания, которые дает ему сэр Маммон, связаны с основной его алхимической функцией.

«Кровь агнца». Одно из определений цвета реакции. Оно было редким. Легче было добиться «зеленого льва», труднее «лебединого пуха», «кровь агнца» удавалось увидеть не всякому оператору, поэтому и считалось, что за этим состоянием препарата остается ожидать появления самого философского камня. Сэру Соломону было от чего в восторг притти.

«Ты будешь управлять моим сералем». Неожиданное заявление Маммона, стоящее в контрасте со всем, что он только-что филантропически излагал Серли и демонстративной молитве Серли, открывает центральное место обличения — ненасытную похотливость всякого вида как основание мистики.

«Жалую тебе дворянство». Джонсон, как известно, с трудом увернулся от такого пожалования королем Яковом, раздававшим личное дворянство (рыцарское звание) направо и налево.

«Голо Фруги», т. е. воздержанный человек. Как можно видеть из следующих слов Маммона, Саттль потому и нанят им, что Маммон считает этого человека, насколько мы могли узнать из предыдущего, ошибочно, — добродетельным подвижником. Знаний у самого Маммона не

меньше и он занимает для своего обогащения «добродетель». Ум Джонсона был так же поражен отовариванием всего окружающего, как в XIX веке сознание Эдгара По и Вилье де Лиль Адана — всеобщей механизацией. Здесь он дает курьезное положение добродетели, как рыночного товара.

«*Небо поразит проклятьем*». Саттль намечает этими словами развязку истории с Маммоном. Маммон думает, что надувает Саттля своим ханжеством, но сам одновременно верит в ханжество Саттля. Так строится Джонсоном мистическая иерархия, оказывающаяся на поверку иерархией мошенников.

«*Грифоново яйцо*». Колба с телом овальной формы. «*Баня*» — сосуд с сводой, в которое опускается сосуд с подогреваемым веществом. Кипятится вода и передает жар опущенному в нее сосуду с его содержимым. «*Колесо философов*» — алхимический снаряд, смысл и устройство которого в данное время утрачены. Оно служило для начала работы, «вороньей головы» и «зеленого льва» в нем еще не получалось. *Апалор* — печь со сложными дымоходами, позволявшая сохранять тепло на достигнутом уровне без непрерывной подкладки топлива, как в горне или камине, обычном типе английского обогрева. «*Лак вириппис*» — девье молоко: белый цвет. «*Пелликан*» — колба с загнутой шейкой — реторта. «*Гермесова печать*» до сих пор известна нам в слегка измененном виде герметической укупорки.

«*В печах Египта яйцо*». Египтяне умели искусственно выводить цыплят.

«*Брадаманта*». Героиня поэмы Ариоста — «Неистовый Роланд» известная по драматической переделке Грина публике Джонсона.

«*Она сошла с ума за Броутоном*». М-р. Гюн Броутон, автор многих сочинений каббалистически-богословского характера. Английский священник, пристрастившийся к древне-еврейской литературе и писавший в стиле средневековых каббалистов типа Елеазара Вормского, Абулафии и т. п. Провел жизнь в бесконечных controversies с современными ему раввинами, которых обличал в незнании собственного языка и архиепископом Кентерберийским, который, наконец, догадался, что имеет дело с сумасшедшим.

«Примеро» — карточный термин: кто первый покажет подбор последовательных карт одной масти. «Брелан» три одинаковых фигуры разных мастей.

«*Луллианист, последователь Рипли, Филиус артис?*» Луллий (Раймонд) легендарный алхимик средневековья. Джордж Рипли, каноник XV века, жил в Йоркшире, написал алхимическую поэму. «Филиус артис» — сын науки, т. е. учащийся алхимии.

«*Вы Ниппердоллинги*» — английское произношение имени Кинппердоллинга, одного из наиболее радикальных и непримиримых голландских анабаптистов, входивших в состав диктатуры Иоанна Лейденского в Мюнстере.

«*Бона роба*» по-итальянски означает — «хорошее платье». Термин этот применялся для обозначения женщин легкого поведения.

«*Что не по-еврейски, то по-язычески*». Пуритане не признавали святыми книги, включенные в Библию, но написанные по-гречески, напр: «Книгу Товия», «Премудрости Иисуса сына Сирахова» и т. п.

Д Е Й С Т В И Е Ш

«*Движенья наши чисты и побужденья нравственны*». Как легко видеть из предыдущего, Апания не совсем понимает, что говорит. Трибюлейшен (что значит: Гонение) и его диакон, вторая пара, вполне симметричная Маммону — Серли. Младший в них играет роль осторожного скептика. В ней оккультной науке первой пары противопоставляется религия мистического откровения — пуританство, но если принять во внимание, что все религии имеют претензии на божественное откровение, придется расширить сатирические намерения автора. В последующих сценах вскрываются материальные корни организованной религии вообще. Основы религиозности не менее своекорыстны, чем «наука» сэра Маммона.

«*Из Индии повез на родину*», речь идет, разумеется, не о Голландцах, а об английских пуританах, сбежавших в Америку (колония Виргиния) от религиозных стеснений метрополии. Цензурная увертка, легко понимаемая тогдашней публикой.

Пуритане оправдывали свою ненависть к крахмаль-

ному белью отсутствием упоминания о крахмале в моисеевом законодательстве. В действительности здесь сказывалась экономность мелкого буржуа: крахмалить белье стоило дороже, пачкалось оно скорее и скорее изнашивалось.

«Предания его идут...». Пуритане отвергали, вместе с протестантами, обязательность принимать на веру «предание церковное», т. е. преемственный комментарий и дополнения повествовательного характера к Библии.

«Законен? Мы не признаем закона». Пуритане отказывались признавать законность королевской юрисдикции, и отчаявшись получить суд присяжных, выдвигали, требовали судоговорения по Библии. — Здесь Ананий отказывается от скептицизма: он побежден реальной возможностью получить готовые деньги, чем обнаруживает, что его недоброжелательство к алхимику выросло не из выставляемых им богословских соображений, а из опасения быть обжуленным. Саттль сумел поймать и этого корыстолюбца.

«Займись теперь настройкой вирджинала». Вирджинал — клавишный инструмент того времени, зачаток современного фортепиано. В честь королевы Елизаветы его называли «девственным». Сочетание этого понятия с каким-либо действием прекрасной Долль вызывает ассоциации двусмысленного характера.

ДЕЙСТВИЕ IV

«Есть сходство с кем-то из австрийских принцев». Припухшая нижняя губа, модная в те дни, считалась наследственным признаком рода Габсбургов.

«Валуа имеют». Валуа — династия французских королей, только что смененная во Франции династией Бурбанов, по старому именовавшимся еще Валуа.

«Сладостней, чем феникс, умереть». Феникс, по легенде, прожив тысячу лет, сносил в клюве куски различных драгоценных древесных пород в костер, поджигал его, бросался в его огонь и возрождался из его праха к новой жизни на новую тысячу лет.

«Которым император дорожит поболее, чем Келли». Эдуард Келли, именовавший себя Тальботом, родился в Ворчестере в середине XVI века. Занялся алхимией и

объявил себя владельцем тайны философского камня. В сообществе с неким Ди морочил людей в Голландии, потом перебрался в Германию, где к ним присоединился молодой поляк, игравший роль ангела в их мистификациях. Так образовалась тройка, подобная группе Саттль — Фэйс — Долль. Роль Маммона сыграл император Рудольф, пригласивший к себе честную компанию. Наглости наняться на официальную должность хватило только у Келли и он накрыл империю на изрядную сумму денег. Уличенный в мошенничестве (не в первый раз — в Англии ему уже успели предварительно отрезать уши за то же самое), он пытался бежать из тюрьмы по веревке, упал, разбился и умер, не дождавшись повешения.

«Да ведь я с тысяча пятьсот... Год истребления Армады англичанами. Вдова ненавидит испанцев за то, что их флот был потоплен англичанами за три года до ее рождения. Джонсон наделяет своих мошенников и дураков той бессмысленной ненавистью к испанцам, которая господствовала в партерной публике его театра.

Перевод испанских фраз:

Господа, целую руки вашей милости.

Ей-богу, господа, очаровательный дом!

С вашего позволения, возможно ли видеть даму?

Я слышал, что дама эта столь прекрасна, что возможность видеть ее считаю счастливейшим обстоянием жизни моей.

Боюсь, господа, что вы замыслили какой-то подвох.

Что же не является дама? Меня убивает это промедление.

А хороша дама, дон! Хороша!

Клянусь всеми богами! самая замечательная красавица, какую в жизнь свою видел!

Солнце утратило свой свет от блеска, исходящего от этой дамы! Хвала богу!

Ради бога, почему она медлит?

Госпожа моя, особа моя слишком недостойна сопровождать такую красавицу!

Госпожа, вам будут повиноваться! Идемте.

«Мы видим, что по смерти Александра...» Все изрекаемое Долль является точным изложением текста

нескольких страниц Броутона и заимствовано из его книги «Согласование священного писания». Новая атака на мистическое богословие.

«Бедлам». Монастырь Вифлеемский. По изгнании монахов из Англии, превращен в сумасшедший дом. Фэйс не без издевательства советует Маммону жертвовать на содержание ему подобных.

«Я взвешу, сударь». Вдова отнюдь не благодарна Серли за его благородство. Джонсон любил положения, в которых хитрец терпит неудачу из-за того, что слишком хитрил. В данном случае, Серли благородничает только из расчета: дама ему безразлична — он хочет ее приданого. Вдова это смутно понимает и со всем прочим намерена поквитаться с человеком, ею пренебрегшим.

...«добольно Иеронимова плаща». Иеронимо, герой пьесы Кида «Испанская трагедия».

ДЕЙСТВИЕ V

«Точно в Пимли». Джонсон вспоминает свою молодость. В Хогстоне, где начиналась его театральная карьера, итальянец Пильмико держал кабачок, славный пивом и пирожками. Видимо, он был пионером и все сбегались в его заведение.

«Уэльская тарчевня, Делер» — столовые низшего разбора, «Ад», «Небо», а также и неупомянутое здесь «Чистилище», были кабачками средней руки.

«Миссис Амо», «известная Цезарина». Профессия этих дам не нуждается в комментариях, но Амо, кажется выдуманна, тогда как о Цезарине мы встречаем упоминание в одной из эпитаграмм Бена.

«Гарри Никлас» — уроженец Лейдена. Основатель буйной секты «Семейство любви». Пытался писать назидательные и аллегорические драмы. Перевел на английский язык значительное количество анабаптистских мистических книг.

ВАРФОЛОМЕЕВА ЯРМАРКА

Действующие лица.

«Джон Литльвит». Это имя позволяет с большой точностью установить время и срок написания комедии.

2 июня того же года зарегистрировано издание брошюры: Джон Вит «Баллада о Геро и Леандре». Зная, с каким презрением Джонсон относился к выродившейся народной былине и варварским балладным переделкам дорогих ему античных сказаний, можно представить себе его шумное негодование на Джона Вита (фамилия значит — Умный). Бен прибавил слог к его фамилии — «Литль» (малоумный) и сделал его героем комедии, приписав ему же авторство кукольной комедии «Древне-современная история о Геро и Леандре». Таким образом комедия, открываемая мастером Джоном Лительвитом, началась писаться не раньше 2 июня, а 31 сентября уже была ее премьера. Полагая на постановку мейсда полтора, два, увидим, что окончена она была к началу августа или, иначе говоря, писалась недель пять-шесть.

ПРОЛОГ

Бром. Полу-слуга, полу-приятель Бен Джонсона, выведенный им в люди и ставший писать недурные комедии, которые в пору последних лет Джонсона имели больший успех, чем поздние произведения большого поэта.

«*Со времени маэстро Тарлетона*». Тарлетон — знаменитый клоун-акробат. Деятельность его относится ко временам детства Джонсона.

«*Иеронимо*» и «*Андроник*». Первое — обиходное название Кидовой «Испанской трагедии», второе — «Тит Андроник», трагедия, шедшая тогда без имени автора, но включенная впоследствии из коммерческих расчетов в собрание сочинений Шекспира.

ДЕЙСТВИЕ I

«*Винвайф... (целует Вин)*». Приветствовать даму поцелуем было принято в тогдашней Англии.

«*Со старцем из Бенбери*» — с пуритапином.

«*Варфоломеевой свинины*». День святого Варфоломея, по преданию изжаренного, праздновался изготовленным жареной свиньи. Это блюдо и являлось особенностью ярмарочного торга в этот день.

«Я буду есть до пресыщения и пророчествовать». В своей борьбе с пуританами Яков запретил публичную проповедь вне церковных стен. Пуритане обходили этот запрет заявлением, что они не проповедают, а пророчествуют.

«*На холм Хольборна?*» Место казни воров. Вот о какой тележке говорит Урсул.

«*Движение вызывает ветры*». Под словом «ветры» Нокем подразумевает «настроение», он желает выражаться возможно изысканней, но его слушатели не понимают всей тонкости его словаря.

«*Засечка и стрелка заросла*». Нокем не знает других болезней кроме конских.

«*Ползущий яд этого коварного змея*», т. е. аллигатора который, как известно, не змей, а крокодил: Оверду не особенно разбирается в словах, которые произносит.

Д Е Й С Т В И Е III

«*Остерегайтесь сажать его на нижний конец стола*». Дрюммонд записал со слов Джонсона следующее: «Сиди на конце стола лорда Сайсбери, вместе с Иниго Джонсом, он (т. е. Бен), будучи спрошен хозяином, почему у него вид не весел, отвечал: — «Милорд, вы сказали мне, что буду обедать с вами, а мне это не удалось», так как он считал, что обедает с хозяином только тогда, когда ест из одного с ним блюда». Здесь Бен Джонсон приписывает собственное самолюбие Иниго Джонсу, если его надо угадывать в Лэтерхеде-Лапторне.

«*На голос Пакинтонского фунта*». В теперешнем произношении — Пакинтонского. Очень популярный напев, сохраненный в музыкальном тексте «Оперы пищих».

«*Он купил право быть моим опекуном*». Наследники владений, пожалованных королем, на время своего несовершеннолетия, находились под опекой короля, который имел право продать эту опеку любому из своих подданных. Такой опекун должен был охранять пррнятую за опекаемым личность (движимую и недвижимую), а доход, за вычетом содержания опекаемого, мог брать себе за труды. Кроме того он имел право распоряжаться браком опекаемого (ой), который тогда практиковался «по ожиданью», т. е. даже между малолетними детьми, реализуясь по достиженьи зрелости.

ДЕЙСТВИЕ IV

«*Пара колодок*». Колодки состояли из двух толстых дубовых досок, положенных ребрами одна на другую и стоящие на ребре же. По стыку этих двух досок просверливались отверстия с таким расчетом, чтобы диаметр их был достаточен для помещения голени, но не позволяя бы пройти ступне. Для того чтобы запереть ногу в колодку, надо было приподнять верхнюю доску, поэтому она скреплялась с нижней шарниром с одного конца системы, а с другой имелся засов с кольцами, на который навешивался замок.

«*И найдите попа*». Поп вовсе не был обязателен для законности тогдашнего брака, хотя духовенство и всячески добивалось этого. Брак признавался законным по составлению надлежащего акта, подтвержденного подписью двух свидетелей.

ДЕЙСТВИЕ V

«*Шарквель*» — живофлот. Название, которое Бен Джонсон считал, видимо, наиболее подходящим для театрального администратора.

«*Кто из них у вас Бербедж*». Бербедж — знаменитый трагик времен шекспировых дебютов. То, что этот вопрос: «кто у вас премьер?» остается непонятым, показывает, что Бербедж-сын уже не считается таким знаменитым, как был его отец Ричард. Зато при имени Фильда все понимают, о чем спрашивает Кук. Тонкий комплимент Джонсона Фильду, своему ученику.

«*Вот он играет молодого Леандра*». Античная повесть о Геро и Леандре говорит следующее: «По берегам Геллеспонта (Дарданелл) стояли друг против друга два города Сестос и Абидос. Геро жила в Сестосе, Леандр, ее возлюбленный, в Абидосе. Каждую ночь переплывал Леандр Геллеспонт, чтобы видиться с милой. Она зажигала факел на башне, чтобы он не сбился с пути. Но однажды буря задула факел и Леандр, потеряв направление, утонул, и только труп его поутру был прибит волнами к башне Геро. Несчастливая бросилась в морскую пучину».

Лителвйт «осовременивает» сюжет, вводя и дополнительную кююнаду, «созвучную с современностью».

«*Делия*» — одна из красавиц, воспетых Овидием.

«*Пифий*» — по гречески: вонючка.

«*Ажете, меня зовут Дионисом*». Дионис — бог вина, веселья и лицедейства. Ему не в первый раз приходится брать на себя комическую роль. Аристофан уже давал ему такую в «*Дягушках*». Наш поэт, противопоставляя его пуританину, берет под защиту народное лицедейство, которое, как бы оно безобразно ни было, все же лучше пуританского лицемерия.

«*Мужчины среди вас надевают наряд женщин, женщины — одежды мужчин*», что запрещено моисеевым законодательством. Таков был основной богословский довод против театра, где женские роли исполнялись мужчинами. Изредка встречаются чисто женские труппы — к ним относится вторая часть обвинения. Джонсон имел длительную переписку с современными ему ебраистами, по выяснению источников данного пункта Второзакония. Убедясь в невозможности подорвать его путем исторической критики, поэт находит другой путь к опровержению — актеры на сцене являются не людьми, а зрительными образами, почему пола не имеют и, стало быть, к ним запрет не относится.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>Ив. Анисимов.</i> Предисловие	7
<i>И. А. Аксенов.</i> Бен Джонсон. Жизнь и творчество	21

БЕН ДЖОНСОН

Сеян. Трагедия в пяти действиях	111
Алхимик. Комедия в пяти действиях	301
Варфоломеевская ярмарка. Комедия в пяти действиях	565
Примечания	731